

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies
(Elista)

T. 16

№ 2

2024

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2024. Т. 16. № 2

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2024

© Коллектив авторов, 2024

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2024

© Collective of authors, 2024

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэжзов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Гомбоев Б. Ц., Батунаев Э. В.* История баргутского противостояния на северо-востоке Китая (нач. XX в.): этнополитические и религиозные аспекты (по архивным материалам) 182

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Ширапов А. А., Плеханова А. М.* С берегов Орхона на берега Невы: история добычи и транзита монгольского золота в Российскую империю в начале XX в. 198
- Аверьянов А. В.* Калмыки Сальского округа в контексте национальной политики и этносоциальных процессов в 1920-е гг. 214
- Шиханов Н. А.* Общее состояние сельского хозяйства Калмыкии к началу коллективизации 231
- Белоусов С. С.* Миграции в г. Элисте годы восстановления Калмыцкой АССР и возвращения калмыков из мест депортации. 1957–1963 гг. 242
- Оконов Б. А.* Механизаторский всеобуч и комсомол (на примере тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии») 257
- Бадугинова М. В.* Прообраз национальных проектов — программа «Здоровье» Калмыцкой АССР 1980-х гг. 279

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Нанзатов Б. З., Тишин В. И.* Борогон: этноним и этническая история 295
- Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц.* Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность 312

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Гунаев Е. А.* «Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков» Ивана Черкасова: проблема авторства, отражение основных этапов калмыцкой истории и особенностей государственного управления 327
- Тушинов Б. Л., Батомункуева С. Р., Хартаев В. В.* Стихотворная биография Г.-Ж. Тугулдунова (1817–1872) – V-го настоятеля Агинского дацана 343
- Аюшеева М. В.* Сочинение Галсан-Жимбы Дылгырова «Tobčilan jokiyaŋsan šasin-u jiguqai orusiba» («Кратко составленная хронология доктрины») 363

ЛИНГВИСТИКА

- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б.* Выражение событийных стимулов в бурятских конструкциях каузации эмоций 374

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Исаков А. В.* Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти 385
- Хабунова Е. Э., Дамтилова Л. С., Эльбикова Б. В.* Здоровье как главная ценность жизни в благопожеланиях монгольских народов 400

CONTENTS

GENERAL HISTORY

- Gomboev B. Ts., Batunaev E. V.* The History of the Bargut Confrontation in North-Eastern China (early 20th century): Ethno-Political and Religious Aspect 182

NATIONAL HISTORY

- Shirapov A. A., Plekhanova A. M.* From the Banks of the Orkhon to the Banks of the Neva: the History of Mining and Transit of Mongolian Gold to the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century 198
- Averyanov A. V.* Kalmyks of the Salsky District in the Context of National Politics and Ethno-Social Processes in the 1920s 214
- Shikhanov N. A.* The General Condition of Agriculture in Kalmykia at the Beginning of Collectivization 231
- Belousov S. S.* Migration in Elista during the Restoration of the Kalmyk ASSR and the Return of Kalmyks from Places of Deportation. 1957–1963 . . . 242
- Okonov B. A.* Mechanizatorsky Universal Education and Komsomol (on the example of the tractor column “Komsomolets Kalmykia”) 257
- Baduginova M. V.* The Prototype of National Projects is the “Health” Program of the Kalmyk ASSR in the 1980s 279

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

- Nanzatov B. Z., Tishin V. V.* Borogon: Ethnonym and Ethnic History 295
- Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Ts.* Ordos Mausoleum of Genghis Khan: History and modernity 312

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Gunaev E. A.* A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks by Ivan Cherkasov: Problem of Authorship, Reflection of the Main Stages of Kalmyk History and Features of Public Administration 327
- Tushinov B. L., Batomunkueva S. R., Hartaev V. V.* Poetic Biography of G.-Zh. Tuguldurov (1817–1872), the Vth Abbot of Aginsky Datsan Dechen Lhundupling 343
- Ayusheeva M. V.* The Essay “Tobčilan jokiyaŷsan šasin-u jiruqai orusiba” («A Brief Chronology of the Doctrine») of G.-Zh. Dylgyrov 363

LINGUISTICS

- Skribnik E. K., Darzhaeva N. B.* Expression of Stimuli in Buryat Emotion Causation Constructions 374

FOLKLORE STUDIES

- Isakov A. V.* Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory 385
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V.* Health as the Main Value of Life in the Well-Wishes of the Mongolian peoples 400

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 182–197, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-182-197

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 327, 397

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-182-197

История баргутского противостояния на северо-востоке Китая (начало XX в.): этнополитические и религиозные аспекты (по архивным материалам)

Баир Цыремпилович Гомбоев¹, Эдуард Владимирович Батунаев²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-3484-5311. E-mail: bargute[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-6641-4124. E-mail: batunaevduard[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Гомбоев Б. Ц., Батунаев Э. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению истории противостояния баргутов в Маньчжурии в контексте исторических событий в Китае. На территории Барги, что на северо-востоке Китая, социально-политическая ситуация в начале XX в. была сложной, что было вызвано внутривнутриполитическими процессами разделения власти (включавшими противостояние этнических групп, борьбу за сохранение традиционных видов природопользования) и внешними влияниями (Россия, Китай и Япония). В этих условиях правительства России, Японии и власти Китая с учетом возникавших политических и международных ситуаций методично отстаивали свои интересы в регионе. Народы Барги, в частности баргуты, больше всех ратовавшие за суверенитет, оказались в сложной ситуации. *Цель* статьи — рассмотреть исторические события 1900–1921 гг. в Барге через призму становления баргутского народа («старых» и «новых» баргутов), через сложные политические ситуации в условиях иноэтнического окружения и в контексте влияния интересов иностранных государств (Китай, России, Японии, Монголии). *Материалы и методы.* В работе применялись сравнительно-исторический метод, позволивший проанализировать основные этапы истории противостояния баргутов в Маньчжурии в контексте исторических событий в Китае с учетом этнополитических и религиозных аспектов. Использованы также методы интервьюирования и экспертного опроса. На основе архивных материалов из Архива внешней политики Российской империи, полевых исследований, достижений современной отечественной и зарубежной историографии рассматриваются

проблемные вопросы развития этнической группы баргутов северо-востока Китая в определенный исторический период (1900–1921 гг.). *Результаты.* Изучение новых архивных данных и полевых материалов позволили провести анализ специфики национально-освободительной борьбы в регионе в контексте противостояния баргутов за суверенитет.

Ключевые слова: северо-восток Китая, народы Барги, Маньчжурия, старые и новые баргуты, этнополитическая ситуация, экономические интересы, религиозные аспекты

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания: проекты «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации:121031000259-6), «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации:121031000241-1).

Для цитирования: Гомбоев Б. Ц., Батунаев Э. В. История баргутского противостояния на северо-востоке Китая (начало XX в.): этнополитическая ситуация и религиозные аспекты // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 182–197. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-182-197

The History of the Bargut Confrontation in Northeastern China (early 20th century): Ethno-Political and Religious Aspects (based on archival materials)

Bair Ts. Gomboev¹, Eduard V. Batunaev²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0003-3484-5311. E-mail: bargute[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
 0000-0001-6641-4124. E-mail: batunaeveduard[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gomboev B. Ts., Batunaev E. V., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the history of the confrontation of the Barguts in Manchuria in the context of historical events in China. On the territory of Barga, in northeastern China, the socio-political situation at the beginning of the 20th century was difficult, caused not only by internal political processes of sharing power (confrontation of ethnic groups, preservation of traditional types of nature management), the struggle for resources, but also by external influences for domination and dominance in northeast East Asia (Russia, China and Japan). Under these conditions, the governments of Russia, Japan and the Chinese authorities, taking into account emerging political and international situations, methodically defended their interests in the region. The most affected were the peoples of Barga, in particular, the Barguts, who most advocated sovereignty. The *purpose of the article* is a comprehensive study of the political situation and ethno cultural aspects to identify the features of the formation of the Bargut ethnic group in the period from 1900 to 1921. *Materials and methods.* The research methodology is based on comparative historical, historical-genetic, historical-dynamic, retrospective methods, and interviewing methods, which made it possible to most fully analyze the main stages and patterns of the history of the Bargut confrontation in Manchuria in the context of historical events in China, taking into account ethno political and

religious aspects. Based on archival materials from the AVPRI, field research, and the achievements of modern domestic and foreign historiography, problematic and key issues regarding a specific ethnic group of the Barguts of northeast China in a certain historical period (1900–1921) are considered. *Results.* The identification of the ethnic history of the Barguts of northeastern China and the introduction of new archival materials made it possible to identify the features of the national liberation struggle for the sovereignty of the Bargut ethnic group and the search for ways to achieve goals.

Keywords: North-East of China, peoples of Bargi, Manchuria, old and new barguts, ethno-political situation, economic interests, religious aspects

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the state task (projects “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”, No. 121031000259-6, “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1).

For citation: Gomboev B.Ts., Batunaev E. V. The History of the Bargut Confrontation in Northeastern China (early 20th century): Ethno-Political and Religious Aspects. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 182–197. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-182-197

1. Введение

Революционные события, имевшие место на Востоке в начале XX в., стали катализаторами масштабных тектонических сдвигов во всем внутриазиатском пространстве. Процесс «пробуждения Азии» привел к небывалому подъему национально-освободительного движения, росту национального самосознания малых народов в борьбе за независимость, поиску путей самостоятельного развития. Синьхайская революция 1911 г. в Китае всколыхнула окраинные территории, дала мощный импульс и стала поворотным моментом в национальном самоопределении монголоязычных народов. В 1911 г. Внешняя Монголия провозгласила независимость и создание государства в форме теократической монархии во главе с духовным лидером Богдо-гэгэном, который обратился ко всем монголоязычным народам с призывом о вхождении вновь созданное Монгольское государство. На этот призыв буддийского иерарха и главы Монгольского государства откликнулись многие монголоязычные народы Внутренней Монголии (монголы, баргуты, дауры и т. д.), ранее входившие в состав Цинской империи. Важно отметить, что исторически территории проживания этих народов находились в приграничной полосе и представляли собой «буферную зону» между Россией и Цинской империей. Регион Хулун-Буира (Барги) входил в орбиту экономического, военного и культурного влияния России. При этом Россия добилась от цинского правительства постройки китайского участка транссибирской железной дороги, пролегающего по территории Маньчжурии и Внутренней Монголии, с полосой отчуждения в 200 верст, и представляющего важный форпост дальнейшего проникновения в данный регион. В начале XX в. с ослаблением Цинского государства этот регион превратился в арену острого соперничества между Россией и Японией. Столкновение интересов этих государств в богатом природными ресурсами регионе Внутренней Монголии привело к русско-японской войне 1905–1907 гг. Раздел сфер влияния между Россией и Японией был достигнут в ходе подписания серии договоров (в 1907, 1910, 1912 гг.). Народы Барги волею судьбы оказались в «большой игре» великих держав. Потеря традиционного уклада народов Барги и колониционная политика китайских властей привели к национально-освободительному движению (Баргутское восстание 1912 г., Баргинское восстание 1928 г.).

Научная литература о Барге, Маньчжурии, о северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия (далее — АРВМ) КНР довольно обширна. Сложные вопросы политического противостояния рассмотрены в ряде фундаментальных трудов [Shirokogorov 1935; Lattimore 1962; Janhunen 1996; Белов 1999; Atwood 2004; Тубшинима 2008; Хамфри 2010; Гольман 2014; Мягмарсамбуу 2018; Кузьмин 2021; Кузьмин 2022; Зориктуев 2011; Цыбенев 2022; Батбаяр 2023]. Определенный интерес также представляют работы по китайско-тибетским отношениям [Кычанов, Мельниченко 2005], по историографии монгольской революции [Батунаев, Гомбоев 2021].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть исторические события через призму становления баргутского народа («старых» и «новых» баргутов), через сложные политические ситуации в условиях иноэтнического окружения и в контексте влияния интересов иностранных государств (Китая, России, Японии, Монголии).

В начале XX в., как отмечает, вслед за В. А. Кормазовым, Б. Р. Зориктуев [Баргуты 2021: 5]¹, население Барги состояло из следующих народов и племенных структур: старо-баргуты, ново-баргуты, дагуры (дахуры), солоны, олёты, орочены, русские и китайцы.

Вся Маньчжурия оказалась в гуще важных исторических событий, причем задолго до монгольской революции 1921 г.

2. Материалы и методы исследования

В статье использованы отдельные архивные материалы из Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), хранящиеся в фондах «Миссия в Пекине» (1906–1911 гг.), «Консульство в Хайларе» (1917–1919 гг.). Архивные материалы позволили показать социально-политическую ситуацию, связанную с баргутскими этническими группами (старые и новые баргуты²), проанализировать данные, характеризующие политическую и этнорелигиозную составляющую. Привлекались сведения российских и зарубежных авторов по рассматриваемой тематике. В основу статьи также легли полевые материалы одного из авторов, собранные в Хулунбуире (АРВМ КНР), в Дорнодском аймаке (Восточная Монголия), в Утайшане (пров. Шанси, КНР)³. В работе применялись историко-сравнительный метод, а также методы интервьюирования и экспертного опроса для анализа этнорелигиозной ситуации в рассматриваемом регионе.

3. Исторический экскурс

В историографии устоялось мнение о взаимосвязи этнонима «барга / баргу» с этнонимом байырку, известным с древнетюркского времени [Баргуты 2021: 25]. Так, по мнению С. Л. Кузьмина, начиная с V–IX вв. н. э. вплоть до появления русских казаков (XVII в.) баргу / байырку находились в орбите тюркского влияния и монгольской империи [Кузьмин 2021: 16–17]. До сих пор ученые не могут

¹ Б. Р. Зориктуев ссылается на карту В. А. Кормазова «Кочевая Барга (население, религии, легенды, занятия)», опубликованную в журнале «Вестник Маньчжурии (Manchuria Monitor)» за 1928 г. в № 8 (Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор. С. 50–59).

² В литературе также встречается обозначение старобаргуты и новобаргуты.

³ В статье использованы полевые материалы Б. Ц. Гомбоева (КНР: Хайлар, 2010 г., Утайшань, 2019 г.; Монголия, Дорнодский аймак: сомон Гурбан Загал, 2019 г., сомон Хулунбуир, 2023 г.).

прийти к единому мнению. Мы придерживаемся мнения, что баргуты имеют в основе своей протомонгольский генезис, а тюркский субстрат носил характер этнокультурного влияния.

Новая и Старая Барга были разделены на «правое» и «левое» крылья. Во главе стоял ухэрида (угурда) — правитель, имевший право дзасака, который подчинялся главе Барги — амбаню (цинскому резиденту). Ко времени провозглашения независимости (1912 г.) было пять правителей, управлявших в Старой Барге одним хошуном олетов, двумя хошунами чипчинов, двумя хошунами солонов; в Новой Барге — восемью монгольско-бурятскими хошунами [Кузьмин 2021: 19]¹.

Согласно архивным данным (донесение от 18 октября 1918 г.), старобаргуты решили выделиться в особое крыло. До тех пор они входили в солонское крыло (гала / хала), из 12 рот которого пять было старобаргутских и семь — солонских, причем в солонских ротах все должности занимали дауры, и при решении дел, касавшихся крыла, дауры имели перевес, несмотря на то, что в пяти баргутских хошунах населения было в пять раз больше, чем в солонских. В упомянутом донесении отмечено, что «на днях» состоялся баргутский съезд в 60 верстах от Хайлара, без участия дауров [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 76].

На территории Барги, что на северо-востоке Китая, социально-политическая ситуация в начале XX в. была сложной, вызванной не только внутривластными процессами разделения власти. В этих условиях правительства России, Японии власти Китая с учетом возникавших политических и международных ситуаций методично отстаивали свои интересы в регионе².

В архивных документах имеются материалы о монгольском вопросе, касающиеся как маньчжурской династии, так и монгольских знаменных групп. Так, в одном из документов читаем: «мы видим, что политическая уния Монголии с прочими частями Небесной империи создавалась на принципе личного соединения этих государств, согласно актам избрания манджурского императора в ханы Монголии, и основывается исключительно на общности, правящей в этих государствах манджурской династии. Ярким подтверждением признания самим верховным правительством Небесной империи этого принципа служит то, что одновременно с существованием самостоятельной Монголии в составе Небесной империи имеются монгольские области, которые присоединены к империи совершенно на иных началах, и наряду с княжеской удельной Монголией существуют области знаменных монгол, которые, как, например, завоеванное княжество Чахарское, Барга и др., являются уже интегральной частью Небесной империи» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 308. Л. 98(30)].

¹ В 2010 г. автор посетил культовое место амбана (*амбайн овоо*), где было сооружено ровно 12 мини-овоо по 4 сторонам света (по три в каждом направлении), а в центре находилось главное объединяющее сакральное сооружение — 13-е по счету. В начале XXI в. информанты говорили, что на сакральном месте «Амбайн овоо» мини-овоо по четырем направлениям делится следующим образом: 3 — старые баргуты, 3 — новые баргуты, 3 — солонны, 3 — эвенки [ПМА: Инф. 1].

² Согласно «китайско-российскому секретному договору» (1896 г.), был урегулирован вопрос о строительстве железной дороги от Сибири через Маньчжурию до Владивостока через гг. Читу, Хайлар, Хара-мурэн и Гирин. По мнению Г. Тубшинимы, Российская империя посредством этой дороги захватила северо-восточные земли, велась разработки в угольных шахтах и на золотых приисках, проводилось строительство домов, вырубали лес, имелись случаи разорения хозяйств скотоводов. В Хулунбуир стали прибывать русские не только с целью охраны железной дороги, пришлое население принесло баргутам много проблем [Тубшинимы 2008: 158].

С. Л. Кузьмин приводит древнее название баргутов, отмечая значения этнонима *байырку* (*баргу* ‘добыча’; *барга* ‘грубый, неотесанный’), указывая на то, что в китайских документах империи Тан упоминалось название «ба-е-гу», империи Юань — баэргу чжэнь (люди Барги) [Кузьмин 2021: 16]. Вместе с тем он дает трактовку по распределению баргутов на старых и новых: «в 1734–1735 гг. 2 400 баргутов Цэцэнхановского аймака возвращаются в Хулунбуир. Часть из них (150 семей) все же остаются на востоке Монголии. Вернувшиеся были родственными баргутам хори-бурятами. Они и стали называться новыми баргутами (монг. *шинэ барга*) и образовали 8 хошунов Новой Барги к востоку от хошунов солонов и старых баргутов. Старыми баргутами (монг. *хуучин барга*) или чипчинами стали называть тех баргутов, которые в свое время приняли маньчжурское подданство и, вернувшись из района Цицикара, были поселены на запад вдоль Большого Хингана в степи Хулунбуира как часть солонских (даурских и эвенкийских) хошунов и не уходили из Барги. Их местопребывание стали называть Старая Барга. Кроме того, в Баргу переселились монголы-олёты (выходцы из Западной Монголии) и орочены для охраны границы с Россией [Кузьмин 2021: 18].

4. Этнополитическая ситуация в регионе

В начале XX в. в окраинных частях Цинской империи, в Барге и Внешней Монголии, начался мощный подъем национально-освободительного движения, который стал ответом на колониционную политику со стороны цинской администрации. По мнению Е. А. Белова, 1911–1919 гг. стали важным периодом и поворотным моментом в истории национально-освободительной борьбы монгольских народов и предвестником революционных событий в Азии [Белов 1999: 4]. Политическая элита Внешней Монголии в лице духовного лидера Богдо-гэгэна, князей и высших лам в декабре 1911 г. провозгласила независимость и объявила о создании Монгольского государства [Белов 1999: 64]. На призыв главы теократического Монгольского государства Богдо-гэгэга о присоединении к единому Монгольскому государству откликнулись монголоязычные народы Внутренней Монголии и Барги. Видные князья и ламы Барги и Внутренней Монголии: Токтохо, Манлайбаатар Дамдинсурэн, Удай, Хатан-Батаар Магсаржав — приняли участие в национально-освободительном движении монгольских народов [Белов 1999: 95]. Многие из них позже стали крупными политическими и военными деятелями в Монгольском государстве. Почти подавляющее большинство хошунов Внутренней Монголии и Барги изъявило желание присоединиться к единому Монгольскому государству [Мягмарсамбуу 2018: 58, 71].

События, происшедшие на территории Внешней Монголии, оказали огромное влияние на национально-освободительное движение монгольского народа в других районах Китая. Уже в январе 1912 г. вспыхнуло восстание в Барге. Восставшие захватили главный город Барги — Хайлар. Наместник цинского правительства был изгнан, и в Ургу была направлена делегация с посланием, в котором выражалась желание присоединиться к независимому монгольскому государству [Автономный район 1980: 18].

На съезде баргинских чиновников в апреле 1914 г. выступил командир полка Гуйфу, который призывал жителей Хулунбуирского округа признать власть китайского правительства [Кузьмин 2022: 75]. Однако присутствовавшие на

собрании баргуты единогласно заявили о нежелательности признания властей Китая [Кузьмин 2022: 75].

Тяжелая ситуация сложилась у автохтонного населения Барги. Были пострадавшие от «харачинцев»¹. Согласно архивным данным (по донесению от 30 сентября 1917 г.), новые баргуты подвергались постепенным грабёжам и вынуждены были откочевать в сторону Хингана и границ России. Старые баргуты из-за того, что все еще оставались на родных землях, отчасти испытали те же самые проблемы [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 23]. По нашему мнению, все это создавало определенные импульсы и ответные реакции коренного населения. И они искали возможные пути решения проблем, в том числе на трансграничном пространстве у соплеменников.

В последующем происходило множество столкновений, которые имели переменные успехи². Тем не менее контроль монгольских повстанцев над значительной частью Барги, включая ее столицу, не привел к независимости от Китая монгольских земель к востоку от Халхи. Невозможность адекватного снабжения в Барге повстанческих отрядов или их мирного возвращения на родину, либо перехода на китайскую службу вела к масштабным грабёжам населения, которым подвергалась не только Барга, но и часть также Внешней и Внутренней Монголии. Нехватка ресурсов и отсутствие существенной внешней поддержки привели к их изгнанию из Барги сравнительно небольшими российскими и баргинскими силами [Кузьмин 2021: 207].

Что касается иностранцев, согласно донесениям, «те земли заселены японцами, русскими, англичанами, американцами, и иностранцы живут там смешанно с китайскими подданными. При таком племенном разнообразии там еще много монгольских аймаков, среди которых новые и старые баргуты, ороконы, дахуры, наймань-халха, буряты и прочие. Все народы с грубыми нравами с дикими помыслами, не понимающие, что ко вреду, что к пользе, смотрящие на людей одного с ними подданства, как на своих врагов и опирающиеся на чужестранцев, как на защитный талисман» [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 42].

5. Геополитические интересы и борьба за природные ресурсы Барги

Территория Барги в целом славилась природными ресурсами, а для их разработки и освоения ее богатств требовались большие вложения.

В архивных источниках встречаются многочисленные описания богатого края. Так, представители русского дипломатического корпуса писали по этому поводу о нераспаханных землях, имевших хороший состав почвы, о перспективах ведения рыбного промысла, о горных богатствах (золото, серебро, медь, свинец и т. д.) и угольных копях [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 42(4)]. Данные месторождения и богатства притягивали как японских, так и русских предпринимателей, однако разработкам мешали суровые условия жизни, обусловленные окружающей природой (густой лес, хищные животные, отсутствие дорог). К наиболее богатым ресурсам относили лес, рыбу, богатые залежи золотых и серебряных приисков, крупный рогатый скот и т. д. Все это могло способствовать сбору налогов и пошлин, развитию края [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 48].

¹ Харачины — один из монгольских народов, основная территория расселения — АРВМ КНР.

² Подробнее см. в работе С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2021: 193–207].

Судя по отчету есаула Г. М. Семенова от 1 ноября 1917 г., в пределы Барги перекочевало большое количество забайкальского населения (более 3 000 чел.) в связи отсутствием благоприятных условий у себя на родине [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 50]. По сообщению вице-консула Н. А. Кудашева в Айгуне, где говорилось об обращении супруги американского консула г-жи Мозер, согласно которому в Барге имелись нуждавшиеся и с территорий России (например, из Благовещенска), которым могли помочь и представители американского Красного Креста [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227].

Для решения данной проблемы вопросы были адресованы Генеральному консульству. Ставился вопрос об обеспечении бурят всем необходимым. На первое время понадобится снабжение юртами и теплой одеждой 8 000 бурят, бежавших из Забайкалья без скота и имущества, что обойдется приблизительно в 1 млн руб. [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227].

Британский антрополог К. Хамфри в своей работе также отмечает, что буряты начали откочевывать в Монголию и Китай с первых же дней революции и гражданской войны, иногда основательно подготовившись, иногда убегая в спешном порядке [Хамфри 2010: 71].

По мнению Б. Д. Цыбенкова, в целях обретения общей независимости с Внешней Монголией выдвигались многие политические фигуры, в том числе среди дауров и баргутов (Цэндэ, Минбу, Линшэн, Мэрсэ, Фуминтай), выражавшие готовность к радикальным переменам, вплоть до обретения подлинной независимости и суверенитета Хулун-Буира [Цыбенков 2022: 137].

Учитывая сложность общей ситуации, многие представители народов Барги, в частности руководители этнических групп, прибегали к совершенно разным и рискованным действиям.

Вместе с тем особую роль продолжала играть японская дипломатия. В донесении русские послы упоминали о японской ориентации среди бурятских руководящих деятелей [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 70]. К тому же японцы рекомендовали бурятам объединиться с Внешней Монголией, чтобы образовать более сильную государственную единицу, и указывали при этом, что буряты, как «более культурная нация», могут занять первенствующее положение в этом монгольском государстве [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 72].

Что касается китайских властей, то они столкнулись с определенными трудностями на северных рубежах с Россией. Территория Северной Маньчжурии вдоль Китайско-Восточной железной дороги была заселена русскими поселенцами, которые были не заинтересованы в китайской колонизации. Более того, Россия выступала за сохранение статуса-кво в решении «баргинского вопроса». Согласно русско-японским секретным договорам (1907 г., 1912 г.), территория Северной Маньчжурии оставалась в сфере влияния России.

Б. Д. Цыбенков, специалист в области истории дауров, солидарен с позицией японского исследователя К. Танака относительно вопроса суверенитета Монголии. В данном случае ни Россия, ни Китайская республика не были заинтересованы в предоставлении полного суверенитета и создания единого Монгольского государства, включающих все исконные земли монгольских народов. Свою этнорегиональную политику в Барге проводило правительство Внешней Монголии, которое заключалось в обмене делегаций. Со стороны Хулун-Буира во главе делегации в Ургу был отправлен даур Линшэн. По сведениям С. Л. Кузьмина,

Линшэн вел переговоры с вице-консулом в Хайларе П. К. Усатым на предмет сохранения в Барге прежнего административного устройства, существовавшего при цинской администрации [Цыбенев 2022: 144].

Баргинцы искали различные варианты объединения монгольских групп, в том числе при поддержке Японии, которое создаст защиту от китайской колонизации. Усиливавшиеся китайские притязания на Баргу и нескрываемое стремление цинцкарских провинциальных властей уничтожить баргинскую автономию заставили баргинцев более внимательно отнестись к японскому проекту и ускорили процесс объединения монголов. Согласно донесениям от 3 марта 1919 г., на съезде из представителей Внешней и Внутренней Монголии, Барги, Забайкальской области будет обсуждаться вопрос о создании единого Монгольского государства, в дальнейшем которое подпишет договор с Японией [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 73–74].

В документах отражены некоторые моменты, указывающие на содействие со стороны русских. Н. А. Кудашев, например, отписывается вице-консулу П. К. Усатому о восстановлении престижа в глазах местного населения и усиления влияния в управлении Баргой [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 20, 34].

Несмотря на противодействие различных сторон в Барге, окончательное решение по вопросам принято не было. Тем не менее китайская сторона предприняла меры для защиты своих интересов. Согласно донесению П. К. Усатого, китайское правительство приняло решение отменить то особое положение, в котором находилась Барга в силу русско-китайского соглашения от 1915 г. [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 227–228].

Правительство Юань Шикая попыталось подавить с помощью империалистических держав национальное освободительное движение монгольского народа, созвав в г. Кяхте тройственную конференцию для подтверждения русско-китайской декларации 1915 г. При этом делегации имели при себе готовые проекты предложений:

- китайская сторона прибыла с твердым намерением низвести суверенитет монгольского государства до уровня провинции Китая;
- царская Россия отстаивала идею широкой автономии для Внешней Монголии с признанием суверенитета Китая и совершенно не затрагивала вопроса о судьбе Внутренней Монголии;
- монгольская делегация настойчиво добивалась признания и полной государственной независимости Монголии, как Внешней, так и Внутренней.

В итоге монгольская делегация была вынуждена принять решение о широкой автономии Внешней Монголии, к которому позже присоединился и Китай. Внутренняя Монголия не получила никаких автономных прав [Автономный район 1980: 22].

Ж. Содномсэрэн отмечает, что в начале XX в. монголы, собрав все силы, изгнали из Кобдо последнего из маньчжурских амбаней, господствовавших на протяжении 220 лет. В войне за западные территории прославились многие баргутские воины во главе с Ж. Дамдинсурэном, бесстрашно боровшиеся за независимость своего государства. Некоторые из них за волю к победе получили титулы от правительства Богдо-гэгэна. Так, Ж. Дамдинсурэн был удостоен титула Манлай-баатар, Доржпалам — Зоригт-баатар, Пунцаг — Шаламгай-баатар, Гэлэнгунжид — Хавтай-баатар, Сэргэлэн — Идтэй-баатар [Баргуты 2016: 15–16].

28 января 1920 г. был опубликован декрет президента Китая об упразднении особого статуса Барги, что стало прямым следствием упразднения автономии Внешней Монголии и было проведено по сходному сценарию. С. Л. Кузьмин считает, что сложившаяся ситуация в Барге стала результатом революционных событий и гражданской войны в России и в целом ослабления влияния последней в регионе. В этих условиях Барга в результате лавирования между различными политическими силами и группировками пыталась сохранить статус-кво, но реальное положение дел не позволило ей сохранить прежнее административное устройство [Кузьмин 2021: 273, 275].

В результате Синьхайской революции и крушения Цинской империи на огромном азиатском пространстве произошли глубинные тектонические сдвиги, направленные на определения национального самоопределения, в процесс которого были вовлечены многочисленные монгольские народы Внешней и Внутренней Монголии и Барги. На протяжении долгого времени единые народы в этническом и культурном отношении оказались разделены между различными государствами, стали объектом колонизации, источником сырья, рынком сбыта, борьбой за сферы влияния. В условиях подъема национального-освободительного и антиколониального движения народов Востока, сопряженного борьбой за сферы влияния политических игроков в рассматриваемом регионе, монгольские народы искали свой путь создания объединенного Монгольского государства. В результате лавирования и опорой на различные силы пытались реализовать свой «исторический шанс» в достижении независимости и образовании единого Монгольского государства [Батунаев, Гомбоев 2021: 284–285].

6. Этнорелигиозные аспекты в истории региона

Как известно, баргуты-шаманисты в народной традиции обожествляют небо и землю, особо поклоняются огню, духу-хозяину домашнего очага, почитают духов предков. Некоторые группы старых баргутов вплоть до 50-х гг. XX в. не отказывались от своей шаманской веры, несмотря на распространение в регионе буддизма. В летнее время в каждом урtone и племени устраивался наадом (игры, праздник) по случаю жертвоприношения духам обона (святилища, где, как считается, обитает самый сильный дух местности), на котором проводились три игрища мужей — конные скачки, состязания борцов и соревнования в стрельбе из лука.

В книге Галзут Тубшинимы мы находим сведения о шаманизме баргутов и об их постепенном переходе к буддизму. Отмечается, что буряты и новые баргуты после XVII в. под влиянием халха-монголов отказались от шаманской веры и приняли буддизм. «Особенность ламаизма у новых баргутов — проведение ламами торжественных обрядов жертвоприношений на обонах. Случались годы, когда к горе Богдо-уула собирался весь Хулунбуир, и сам амбань собственной персоной приезжал поклониться. Исконное название Богдо-уула — Дулаан-хара, затем при совершении жертвоприношений ее стали называть Баян Мункэ Ехэ-уула» [Тубшинима 2008: 171–176]. На сегодня культовое место Богдо-уула почитается всеми группами старых и новых баргутов АРВМ КНР, а также баргутским населением Восточной Монголии (сомоны Гурбан Загал, Хулунбуир).

Гораздо позже религиозная составляющая Барги получает и другие аспекты в контексте взаимоотношений и противостояния с соседними странами. Так, в

начале XX в. японцы предпринимали активные попытки сотрудничества с Тибетом. Е. И. Кычанов и Б. Н. Мельниченко упоминают в своей работе о шпионаже бывшего японского настоятеля токийского монастыря Дзёхякурукан Экай Кавагучи, который славился своими познаниями в философии буддизма и медицине, успешно сотрудничал с лхасской элитой. В этот период с Далай-ламой XIII встречались представители японского общества, в том числе монах Сонью Отани (встречался в 1908 г. в горах Утайшаня), японский посланник в Китае Гэнсукэ Хаяси, японский военный атташе генерал Ясунаси Фукусима (встреча в 1908 г. в Пекине), монах Бунко Аоки (в 1911 г. встретился с Далай-ламой и затем прожил год в Тибете), японец Ясухиро Ядзима (работал телохранителем Далай-ламы и военным инструктором) и другие. Как отмечают ученые, на встречах японцев с Далай-ламой обсуждались разные вопросы, в том числе международные проблемы, военный инструктаж, а также издание книг и осуществление переводов буддийских сутр [Кычанов, Мельниченко 2005: 137]. Эти факты являются свидетельствами усиления Японии в начале XX в. и первых контактов между Тибетом и японцами. Все это способствовало появлению определенных симпатий к Японии у Далай-ламы и части тибетской элиты. По существу, это была некая стратегия единомышленников как с той, так и другой стороны, позволяющая в некотором смысле придержать натиск китайцев на Тибет.

Монгольские народы Маньчжурии исторически имели тесные духовные связи с Тибетом, в частности с Далай-ламой XIII Тхуптэн Гьяцо (монг. *Тувдэн-жамц*). Это время отмечено борьбой России, Англии и Японии за сферы влияния в регионе Центральной и Восточной Азии. Монгольские народы осуществляли попытки признания и самостоятельного выхода на международную арену. В это же время имел силу договор о взаимном признании между Внешней Монголией и Тибетом 1913 г., который способствовал становлению суверенитета обеих стран [Батбаяр 2023: 148].

В XXI в. уже Далай-лама XIV также играет особую роль в процессе возвращения тибетского суверенитета и взаимодействия с иностранными государствами. Китай при этом активно противодействует данной политике Далай-ламы XIV и всячески пытается помешать к любым визитам в буддийские страны [Аюшеева 2017: 46–49].

Что касается этнографических и религиозных аспектов, хотелось бы отметить активное участие представителя российской миссии в Китае в национальных религиозных праздниках. Так, в письме представителя миссии господина Козлова № 314 от 29 апреля 1899 г. говорится о том, что «в конце июля и августа сего года в Урге имеет быть народный праздник „Наадан — Долоон хушуунай“, на который соберется исключительно большой в этот раз круг ханов, князей и ламства. Встречая затруднение при настоящей дороговизне здесь сделать на получаемые мною средства необходимые и приличные для Русского представителя приемы во время съезда и празднеств князьям и влиятельным ламам, обыкновенно посещающим меня, и отвечать на их подарки и прочие присылаемые по обычаю Монголии, прошу о вашем разрешении мне произвести расходы до 1 200 рублей с соотношением его на чрезвычайные издержки» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 1].

К сожалению, в рассмотренных нами архивных материалах мало сведений по этнографической, в том числе религиозной, тематике именно по Барге.

Имеются отрывистые сведения о местностях, граничащих с данным регионом. Например, отмечается, что на севере хошуна Бинту-вана монголы знакомы с хлебопашеством, но не имеют возможности заниматься последним, так как очень много песков, но несмотря на все это монголы сеют немного хлебных злаков и арбузы. Что касается остальных монголов, проживающих в северной части хошуна, то большая часть из них придерживается старинного образа жизни, по-прежнему занимаются скотоводством. В северной части имеется 7 300 голов рогатого скота, 5 300 голов лошадей и более 15 400 голов барана [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 39].

Хорошо описана религиозная жизнь в соседствующих областях и местностях, к примеру, в хошуне Бо-вана. Так, больших кумирен в этом хошуне насчитывалось 31, при чем 27 из них состояли в известной в Лифань-бу, остальные были частными. Самая большая кумирня под названием Шонхор-мяо находилась в 70 ли на север от ставки князя. В источнике говорится:

Самыми богатыми в хошуне считаются Шонхор-мяо и Гуанфусы-мяо <...> годового дохода не хватает на содержание лам, поэтому ламы тратят свои деньги. Иногда монголы приглашают к себе в дома лам для совершения богослужений по каким-либо важным случаям, и за все это дают ламам деньги и скот, а иногда жертвуют земельные участки. Монголы очень мало заботятся о своем благополучии в доме и большую часть своих денег тратят на содержание кумирен <...> Монголы хошууна Бо-вана исповедуют ламайскую религию и больше никаких религий не признают и принимать не желают, благодаря последнему в хошууне очень трудно проповедовать каким-либо иностранным миссионерам <...> Имеют годовые доходы — Мо рүй -сумэ 30 000 лан серебра, а самые богатые до 150 000–160 000 лан серебра <...> монголы три раза в день собираются в кумирню, затем лам приглашают простые монголы для совершения богослужений. Если молебен заказывает зажиточный монгол, то в кумирню собираются ламы в числе от 1 000 и 2 000 лам, и эти ламы получают от того лица, который заказывал молебен, несколько даней рису, 2 быка, более 10 баран, и все это съедают в один день. Кроме этого, получают 2 лошади и 100 кусков холста <...> в 200 ли на северо-запад от ставки князя Дархан-вана монголы живут в юртах, причем ведут кочевой образ жизни и кочуют в такие места, где есть возможность прокормить скот <...> Большая часть монгол хошуна Сэгуна не верят в медицину, а потому приглашают часто лам к себе домой для совершения богослужений, чтобы больной получил исцеление. Если монгол умрет, то они также просят лам для совершения обряда погребения и для указания места, где бы можно было похоронить труп умершего <...> Так как кумирни пользуются частью доходов, получаемых за аренду земель, то для многих монгол кажется заманчивым и приятным сделаться ламой, чтобы обеспечить себя в материальном положении. Многие отправляют сыновей в ламы; если 3 сына, то 2 из них обязательно должны быть ламами <...> Жители местности Солон считаются хорошими наездниками и стрелками, как мужчины, так и женщины. Они живут в пещерах и ведут слишком суровый образ жизни <...> особенно много монголов и лам собирается 28 числа 4 луны, приезжают мужчины, женщины, дети. Богослужение продолжается в течение трех дней. После этого, монголы устраивают праздник, т. е. борьбу, бега на лошадях, и за это дают призы. Во время этого празднества ламы делают сбор денег и разных вещей, и после окончания все это делят меж собою. Если умирает монгол, то после его погребения оставшиеся вещи также отдают в кумирню и это считается также доходом последней [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 39, 45, 47, 54, 60–62, 73, 74, 85].

В архивных материалах сохранились материалы статьи Д. М. Позднеева «Моление монголов „Белому царю“» (опубликована в журнале «Новое время» от 23 декабря 1911 г.), в них излагается заключение о том, что монголы пришли к независимости, и это может быть связано с верою в Русского правителя, как благотельного покровителя Цагаан Дара Эхэ [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 113]. В статье также указывалось и о мольбах кочевников, стремящихся уйти от китайского ига, о суверенитете страны, поддержанного Россией. С этим утверждением можно сопоставить материалы письма, в котором князь Восточной Монголии Чжеримского сейма Хорчинского аймака Удай писал о получении благословений от Далай-ламы в Утайшане¹, якобы буддийский иерарх указал придерживаться маньчжурского дома и держаться соседа России, дружественного к монголам [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 861. Л. 286].

В работе Б. Балдана имеется описание истории буддийского монастыря Гандан-Самдалин, построенного в местности Баян-Цагаан Восточного Новобаргутского хошуна, и главного почитаемого объекта статуи Махакалы². Упоминается, что баргуты поклоняются таким горам, как Баргын богд уул, Баян цагаан, Дааган дэл [Балдан 2016: 31].

Таким образом, культ поклонения обо и связанные с ними празднества имели место в общественной и даже в политической жизни, в празднествах участвовали представители высших органов власти в Барге.

7. Заключение

Учитывая многолетние баргутские противостояния на северо-востоке Китая в начале XX в. (с 1900 по 1921 гг.) и этнические процессы в Барге, отметим, что не только баргуты, но и все этнические меньшинства претерпевали постоянные потрясения, что впоследствии получило отражение в многовекторных миграционных процессах и этнокультурной ассимиляции. В этой связи появляются сложности в выявлении этнической и культурной идентичности баргутских племен не только на территории компактного проживания (Китай, Монголия³), но и далеко за границами Центральной Азии.

Исторически Барга (Хулунбуир) была местом проживания и центром притяжения многих монголоязычных народов. На протяжении долгого времени Барга, обладая богатыми природными ресурсами и занимая выгодное геополитическое положение, являлась ареной жесткого военного и политического противостояния ведущих государств России, Японии, Китая. Свою этнорелигиозную политику в отношении Барги проводила также и Внешняя Монголия во главе с ее духовным иерархом Богдо-гэгэном VIII Джебцзун-Дамбой-хутухтой. После Синьхайской революции 1911 г. и распада Цинской империи у многих народов,

¹ В изданной ранее работе мы упоминали о поездках баргутов в Утайшань для религиозного поклонения и паломничества [Гомбоев 2020: 385–404]. Святыни Утайшаня являлись и до сих пор являются вторым после Лхасы религиозным и паломническим центром буддистов [ПМА: Инф. 3].

² Согласно нашим полевым исследованиям, на сегодня статуя Махакалы находится на территории главного монастыря Монголии — Гандантэкчэлин (в одном старых буддийских сооружений (дуганов)).

³ Согласно полевым материалам, баргуты — жители поселений Гурбан загал и Хулунбуир в Восточной Монголии — в основном говорят о переселении с долины р. Оршун (Барга, северо-восток КНР) в 1916 и 1946 гг. [ПМА: Инф. 2; ПМА: Инф. 4].

в том числе баргутов, появился исторический шанс на обретение независимости и вхождение в единое Монгольское государство. Революционные события, всколыхнувшие мир, процессы «пробуждение Азии», духовная и религиозная близость монголоязычных народов, волею судьбы оказавшихся разделенными между различными политическими образованиями, способствовали консолидации усилий в борьбе за достижение независимости. Вместе с тем, не имея достаточных сил и средств, баргуты искали различные пути реализации своих целей. Баргуты на протяжении длительного времени искали поддержку и обращались за помощью к разным государствам и политическим силам (царская Россия, Внешняя Монголия, советская Россия, МНР, Коминтерн, Япония, Китай и т. д.). Но не всегда эти действия находили поддержку и приносили успех. В результате восстания 1912 г. Барга провозгласила независимость и обратилась за поддержкой Внешней Монголии. Соперничество ведущих мировых держав на Дальнем Востоке и в Азии не позволило реализовать давнюю идею представителей монголоязычных народов о создании единого Монгольского государства. Но надо сказать, что панмонгольские идеи использовались в своих целях политическими акторами в разных геополитических конструкциях и не раз становились инструментом борьбы за сферы влияния в регионе, о чем свидетельствуют архивные материалы. Как уже показала история, судьбы малых народов становились предметом различных дипломатических интриг и разменной монетой в «большой игре» ведущих государств. Использование архивных материалов из АВПРИ относительно конкретной этнической группы баргутов северо-востока Китая и в определенный исторический период (1900–1921 гг.) позволило глубже рассмотреть социально-политическую ситуацию в регионе, роль и специфику влияния иностранных держав, выявить причину миграционных процессов баргутов, при которых многие представители указанной группы оказались далеко от своей этнической территории.

Полевые материалы Б. Ц. Гомбоева (ПМА)

ПМА: Инф. 1 — Информант Тогтохийн Толто, 75 лет, бурят, г. Хайлар, Хулунбуирский аймак, КНР. Запись 2010 г.

ПМА: Инф. 2 — Информант Дугарсүрэн Доржбаатар, 52 года, баргут, сомон Гурбан Загал, Дорнодский аймак, Восточная Монголия. Запись 2019 г.

ПМА: Инф. 3 — Информант Цэрэндэлгэр, 60 лет, монгол, г. Хух-Хото, АРВМ КНР. Запись 2019 г.

ПМА: Инф. 4 — Информант Амраа, 51 год, баргут, Хулунбуир сом, Дорнодский аймак, Восточная Монголия. Запись 2023 г.

B. Gomboev's Field Data

Informant Togtohiin Tolto, 75 years old, Buryat, Khaylar, Hulunbuir aimag, China. Record of 2010.

Informant Dugarsuren Dorzhbaatar, 52 years old, bargut, somon Gurban Zagal, Dornod Aimag, Eastern Mongolia. Record of 2019.

Informant Tserendelger, 60 years old, ethnic Mongolian, Rec. in Hohhot, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC, 2019.

Informant Amraa, 51 years old, bargut, Hulunbuir som, Dornod Aimag, Eastern Mongolia. Record of 2023.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Sources

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Литература

- Автономный район 1980 — Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. М.: Наука, 1980. 158 с.
- Аюшеева 2017 — *Аюшеева И. Г.* Религиозный фактор в современных международных отношениях (на примере визита Далай-ламы XIV в Монголию) // Монгол суудлалын чуулган. 2017. № 22(57). С. 46–49.
- Балдан 2016 — *Балдан Б.* Исторический обзор происхождения баргутов // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 210 с.
- Баргуты 2016 — Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 210 с.
- Баргуты 2021 — Баргуты Китая / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2021. 280 с.
- Батбаяр 2023 — *Батбаяр Ц.* XIII Далай лам Тувдэнжамц ба монгол. Улаанбаатар: Соембо Принтинг, 2023. 235 с.
- Батунаев, Гомбоев 2021 — *Батунаев Э. В., Гомбоев Б. Ц.* Рождение монгольской революции 1921 г.: историография проблемы // Вопросы истории. 2021. № 12 (4). С. 277–287.
- Белов 1999 — *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 238 с.
- Гольман 2014 — *Гольман М. И.* Избранные доклады и статьи. Улан-Батор: Соембо Принтинг, 2014. 322 с.
- Гомбоев 2020 — *Гомбоев Б. Ц.* Святыни Утайшаня как объект изучения буддийского наследия // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 385–404.
- Зориктуев 2011 — *Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 277 с.
- Кузьмин 2021 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2021. 407 с.
- Кузьмин 2022 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2022. 260 с.
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Мягмарсамбуу 2018 — *Мягмарсамбуу Г.* Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он). (= Краткая история баргутов. Первый том). Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Соембо Принтинг ХХХ-д хэвлэв, 2018. 335 с.
- Тубшинима 2008 — *Тубшинима Г.* Bargucud-un teuken irelte. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / вввод. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Хамфри 2010 — *Хамфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки) (= Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches) / предисл. Б. Базарова, пер. с англ. А. Космарский, Н. Космарская, науч. ред. пер. Н. Космарской. М.: Наталис, 2010. 384 с.
- Цыбенков 2022 — *Цыбенков Б. Д.* Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2022. 474 с.
- Shirokogorov 1935 — *Shirokogorov S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. London. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, Ltd. 1935. 469 p.
- Janhunen 1996 — *Janhunen J.* Manhecuria an Ethnic History // Memories de la Society Finno-Ougrienne. Vol. 222. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. 335 p.
- Lattimore 1962 — *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 565 p.
- Atwood 2004 — *Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolian and the Mongol Empire. New York: FactsOnFile, 2004. 678 p.

References

- Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolian and the Mongol Empire. Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)
- Autonomous Region Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. B. Shirendyb, M. I. Sladkovskiy (eds.). Moscow: Nauka, 1980. 158 p. (In Russ.)
- Ayusheeva I. G. Religious Factor in Modern International Relations (using the example of the visit of the Dalai Lama XIV to Mongolia). *Mongolian Studies*. No. 22 (57). Erhalsen S. Hovsgol. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Baldan B. Origins of Barghuts: A historical review. In: Bazarov B. V. (ed.) The Barghuts: Past and Present. Collected scholarly papers. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 31–40. (In Russ.)
- Barguts: History and Modernity. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2016. 210 p. (In Russ.)
- Barguts of China. L. Dampilova (ed.). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2021. 280 p. (In Russ.)
- Batbayar Ts. XIII Dalai Lama Tuvdenjamts and Mongols. Ulaanbaatar: Soembo Printing XXK-d, 2023. 235 p. (In Mong.)
- Batunaev E. V., Gomboev B. Ts. Birth of the Mongol Revolution of 1921: Historiography of the Problem. *Voprosy Istorii*. No. 12 (4). 2021. Pp. 277–287. (In Russ.)
- Belov E.A. Russia and Mongolia (1911–1919). Moscow: Institute of Oriental Studies, 1999. 238 p. (In Russ.)
- Gol'man M. I. Selected Reports and Articles. Ulaanbaatar: Soembo Printing XXK-d, 2014. 322 p. (In Russ.)
- Gomboev B. C. Utaishan Shrines as a Site of Buddhist Heritage Study. *Oriental Studies*. 2020. 13(2). Pp. 385–404. (In Russ.)
- Humphrey K. Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches. Caroline Humphrey; preface. B. Bazarov (trans.). Sangl. A. Kosmarsky and N. Kosmarsky. (eds.). Moscow: Natalis, 2010. 384 p. (In Russ.)
- Janhunen J. Manchu and Ethnic History. *Memoirs de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. Vol. 222. 335 p. (In Eng.)
- Kuzmin S. L. Barginsky and Kharachinsky Issues in the History of East Asia. the First Half of the 20th century). Vol. 1. M.: Partnership of Scientific Publications KMK, 2021. 407 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Barginsky and Kharachinsky Issues in the History of East Asia (the first half of the 20th century). Vol. 2. M.: Partnership of Scientific Publications KMK, 2022. 260 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. History of Tibet from Ancient Times to the Present Day. E. Kychanov, B. Melnichenko (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Myagmarsambuu G. A. Brief history of barga (1734–1960) (A brief history of the Barguts. The first volume) Part 1. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2018. Pp. 58–59 (In Mong.)
- Owen Lattimore Studies in Frontier History; Collected Papers 1928–1958. By Owen Lattimore. London: Oxford University Press, 1962. 565 p. (In Eng.)
- Shirokogorov S. M. Psychomental Complex of the Tungus. London. Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, Ltd. 1935. 469 p. (In Engl.)
- Tubshinima Galzut History of Origin of Barguts (transliteration, translation, notes). D. Ni-maeva, L. Badmaeva. (eds.). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB of the RAS, 2008. 188 p. (In Russ.)
- Tsybenov B. D. Daurs in the Twentieth Century: A Sociopolitical History. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2022. 474 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Actual Problems of the Ethnic History of the Mongols and Buryats. M.: Vostochnaya Literatura, 2011. 277 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 198–213, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-198-213

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-198-213

С берегов Орхона на берега Невы: история добычи и транзита монгольского золота в Российскую империю в начале XX в.

Алдар Амаголонович Ширапов¹, Анна Максимовна Плеханова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5910-3501. E-mail: agmaren@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ширапов А. А., Плеханова А. М., 2024

Аннотация. Введение. Статья посвящена истории золотодобычи, организованной в начале XX в. в северных районах Монголии Акционерным обществом рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор»). **Цель** исследования заключается в реконструкции механизма доставки монгольского золота в Россию; выявлении роли Русско-Китайского банка и Кяхтинского уездного казначейства в данном процессе. **Материалы и методы.** Источниковую базу исследования составляют нормативно-правовые документы и неопубликованные делопроизводственные и статистические материалы из фондов Государственного архива Республики Бурятия и Российского государственного исторического архива. Методологическая база исследования опирается на комплекс общенаучных и специально-исторических методов, среди которых основное место занимает историко-генетический, позволивший проанализировать предпосылки и причины создания «Монголора», выявить специфику организованной им добычи золота в Монголии и его дальнейшего транзита в Россию. В основе исследования — теория модернизации, позволившая рассмотреть финансовую политику государства как один из инструментов, способствующих российской модернизации. **Результаты.** В основе подъема экономики Российской империи в 1890-е гг. лежала грамотная финансовая политика имперских властей. Проведенная под руководством С. Ю. Витте денежная реформа укрепила курс отечественной валюты и привлекла в экономику иностранные инвестиции. Задача сохранения устойчивого роста торгово-промышленного сектора империи потребовала от правительства увеличения золотого запаса державы. Одним из источников драгоценного металла стала Монголия, где силами

созданного при поддержке самодержавия Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор») была организована добыча золота. Драгоценный металл поступал в Россию с помощью ресурсов Русско-Китайского банка и Кяхтинского уездного казначейства, создавших совместными усилиями успешно действовавший механизм его доставки. *Выводы.* Созданная Русско-Китайским банком с широким привлечением иностранного капитала золотодобывающая компания «Монголор» стала успешным бизнес-проектом, в ходе реализации которого Российская империя смогла не только существенно пополнить золотой запас страны, но и укрепить свое влияние в Монголии.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, денежная реформа, золотой стандарт, Монголия, В. Ю. фон Грот, «Монголор», Русско-Китайский банк, Кяхтинское уездное казначейство, золотодобыча

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Ширапов А. А., Плеханова А. М. С берегов Орхона на берега Невы: организация транзита монгольского золота на территорию Российской империи в начале XX в. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 198–213. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-198-213

From the Banks of the Orkhon to the Banks of the Neva: the History of Mining and Transit of Mongolian Gold to the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

Aldar A. Shirapov¹, Anna M. Plekhanova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Junior Research Associate
 0000-0002-5910-3501. E-mail: agmaren[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Deputy Director
 0000-0002-6573-4262. E-mail: plekhanova.am[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Shirapov A. A., Plekhanova A. M., 2024

Abstract. Introduction. This scientific study examines the history of the organization of gold mining in a Russian company — the Joint Stock Company of Mining of the Tushetukhanovsky and Tsetsenkanovsky aimags in Mongolia (“Mongolor”). The *purpose* of the research is to study the mechanism of delivery of Mongolian gold to the Russian territory; identify and evaluate the role of the Russo-Chinese Bank and the Kyakhtinsky District Treasury in this process. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of data from regulatory documents contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and previously unpublished cases from the funds of the State Archive of the Republic of Buryatia and the Russian State Historical Archive. In his research, the author used a number of general scientific and special historical methods. The main method used is historical-genetic, the use of which helped to identify the reasons according to which the Mongolor joint-stock company was created, as well as to reconstruct the mechanism of both gold production by this company and its further transit to Russia. The author's application of the theory of modernization made it possi-

ble to consider the financial policy pursued by the authorities of the Russian Empire as the main tool in the modernization of the state. *Results.* The flourishing of the economy of the Russian Empire in the 1890s was largely possible due to the well-thought-out financial policy pursued by the country's authorities. Thanks to the successfully implemented monetary reform, the author of which was Minister of Finance S.Yu. Witte, the Russian ruble has become one of the most stable world currencies. The strengthening of the ruble exchange rate and its free conversion provided the country with an influx of foreign investment, which contributed to the constant growth of its economy. In order to maintain the growth rate of the commercial and industrial sector of the empire, the power circles of the Russian Empire were constantly looking for opportunities to increase the gold reserves of the state. At the beginning of the 20th century, one of the sources of gold for Russia were mines in the northern regions of Mongolia. A company created under the control of the Russian government, the Joint-Stock Company of Mining of the Tushetukhanovsky and Tsetsenkhankhovsky aimags in Mongolia ("Mongolor"), was able to quickly establish the extraction of the precious metal. The resulting gold was sent to Russia with the help of the Russo-Chinese Bank and the Kyakhtinsky District Treasury. Through joint efforts, employees of these financial organizations were able to establish a highly efficient mechanism for transporting Mongolian gold. *Conclusions.* The Joint-Stock Company for the Mining of the Tushetukhanovsky and Tsetsenkhankhovsky aimags in Mongolia ("Mongolor"), created with the support of the Russo-Chinese Bank and foreign capital, is an example of a successful business project that not only helped to significantly replenish the gold reserves of the Russian Empire but contributed to the strengthening of Russian influence in Mongolia

Keywords: S. Yu. Witte, monetary reform, gold standard, Mongolia, V. Yu. von Groth, "Mongolor", Russo-Chinese Bank, Kyakhta district treasury, gold mining

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 121031000243-5 "Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries".

For citation: Shirapov A. A., Plekhanova A. M. From the Banks of the Orkhon to the Banks of the Neva: the History of Mining and Transit of Mongolian Gold to the Russian Empire at the beginning of the 20th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 198–213. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-198-213

1. Введение

С утверждением императором Николаем II 7 июня 1899 г. Монетного устава [Высочайше утвержденный Устав 1902: 665–671] получила свое логическое завершение знаменитая денежная реформа, проводившаяся с 1895 г. по 1898 г. под руководством министра финансов С. Ю. Витте. В результате преобразований российский рубль приобрел стабильный курс и международный статус свободно конвертируемого платежного средства [Мельников 2008: 49–54]. Наличие сильной национальной валюты положительно отразилось на привлекательности российской экономики в глазах зарубежных инвесторов, ежегодный приток капиталов которых в среднем с 1897 г. 1913 г. составлял 191 млн руб. Для сравнения: размер зарубежных инвестиций в 1885–1897 гг. — до введения золотого обеспечения рубля — равнялся примерно 43 млн руб. в год [Грегори 2003: 41]. Приток новых капиталов и свободная конвертация национальной валюты придали новый импульс развитию отечественных торговли и промышленности. Общій прирост произведенной промышленной продукции всего за три года, с 1897 г. по 1900 г., составил в денежном выражении 393 млн руб. [Яковлев 1955: 169]. Существенно укрепился и финансовый сектор, где капиталы только частных банков увеличились вдвое. Бюджет империи вырос с 1 млрд руб. в 1892 г. до более 2 млрд руб. в 1903 г. [Муравьева 2003: 71–72].

В основу денежной реформы был положен принцип золотого стандарта, обеспечивающий курс денежных единиц страны определенным количеством драгоценного металла. Будучи заинтересованным в дальнейшем стабильном развитии экономики державы, правительство Российской империи прилагало усилия по увеличению запаса золота в стране, в том числе организуя его добычу за рубежом, в частности на территории Цинского Китая.

История становления и функционирования русских золотодобывающих компаний в Китае привлекала внимание многих ученых, как отечественных, так и зарубежных. По мнению российского историка И. В. Лукоянова, огромную роль в разработке месторождений драгоценных металлов на территории Цинской империи в конце XIX – начале XX вв. играл один из центральных проводников российского влияния в регионе — Русско-Китайский банк [Лукоянов 2008: 178]. Китайский исследователь Ма Юцзунь отмечает, что процесс развития золотодобывающей промышленности в Манчжурии был начат в начале XX в. русскими частными майнинговыми компаниями [Ма Юцзунь 2009: 113–118].

Особый интерес у исследователей вызывает история добычи золота на территории Монголии. Так, Б. А. Романов основное внимание сосредоточил на анализе организационных мероприятий, предпринятых российским правительством в процессе юридического оформления статуса компаний по добыче золота в Монголии [Романов 1928: 599–605]. В работе Е. Л. Фурман выявлена специфика функционирования монгольских приисков российской золотодобывающей организации — Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор»), приведены крайне ценные сведения о количестве добытого компанией золота и социальном составе ее сотрудников. Автор преимущественно сосредоточил свое внимание на деятельности общества в 1910-е гг. [Фурман 2017]. Между тем такие важные аспекты темы, как особенности организации добычи золота на территории Монголии на этапе становления «Монголора», специфика транспортировки драгоценного металла в пределы Российской империи, пока что остаются вне исследовательского фокуса. В данной работе предпринята попытка ответить на указанные вопросы.

2. Материалы исследования

Статья основана на материалах Государственного архива Республики Бурятия (ГА РБ) и Российского государственного исторического архива (РГИА), впервые вводимых в научный оборот. Документы, хранящиеся в фондах № 102 «Кяхтинская таможня Министерства финансов, г. Троицкосавск Прибайкальской губернии (1780–1923)» (ГА РБ), № 72 «Акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор»)» (РГИА), № 632 «Русско-Китайский банк» (РГИА), свидетельствуют о тесном и эффективном сотрудничестве Русско-Китайского банка с компанией «Монголор» в процессе организации промышленной добычи золота в Монголии в начале 1900-х гг. Исследование материалов фонда № 225 «Кяхтинское уездное казначейство, г. Троицкосавск Троицкосавского уезда Забайкальской области (1775–1918)» (ГА РБ) позволило реконструировать механизм взаимодействия Ургинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка с Кяхтинским уездным казначейством в процессе доставки в Россию монгольского золота. Анализ нормативно-правовой документации, содержащейся в Полном собрании

законов Российской империи, дал возможность понять сущность монетарной политики самодержавия, направленной на поддержку курса национальной валюты в конце XIX – начале XX вв.

Методологический инструментарий исследования представлен комплексом общенаучных и специально-исторических методов, среди которых основное место занимает историко-генетический, позволивший проанализировать предпосылки и причины создания «Монголора», выявить специфику организованной им добычи золота в Монголии и его дальнейшего транзита в Россию. Статистический метод дал возможность установить объемы добываемого в Монголии и поставляемого в Россию драгоценного металла. Использование ретроспективного метода позволило на основе анализа неопубликованных архивных документов охарактеризовать деятельность действовавшей за рубежом горнодобывающей компании, нацеленной на пополнение золотого запаса Российской империи. В основе исследования — теория модернизации, позволившая рассмотреть финансовую политику государства как один из инструментов, способствующих российской модернизации.

3. Денежная реформа С. Ю. Витте (1895–1898 гг.): проблема золотого обеспечения рубля

Известно, что в основу реформы 1890-х гг. был положен принцип золотомонетного стандарта, согласно которому денежная система страны основывалась на использовании золотых монет в расчетных операциях. Наряду с деньгами из драгоценного металла выпускались бумажные ассигнации, которые можно было свободно обменивать на золотые монеты согласно установленному гарантированному паритету, указанному на банкнотах [Моисеев 2003: 25]. В Российской империи первые золотые монеты номиналом 15 и 7,5 руб. были введены в обращение указом от 3 января 1897 г. [О чеканке и выпуске в обращение золотой 1900: 1]. С 14 ноября 1897 г. началась чеканка пятирублевых «полуимпериалов» [О чеканке и выпуске в обращение пятирублевой 1900: 630], а в декабре 1898 г. — десятирублевых «империалов» [О чеканке и выпуске в обращение десятирублевой 1901: 1064–1065]. Указом от 29 августа 1897 г. был введен порядок выпуска Государственным банком Российской империи бумажных банкнот. Согласно установленным правилам, банк имел право выпустить ассигнаций на сумму 600 тыс. руб., при этом золотом обеспечивалась половина данной суммы [Об установлении согласованного 1900: 575]. Кредитный рубль был приравнен к 66 2/3 коп. золотом [Ананьич 2010: 13]. Окончательный внешний вид, химический состав и вес золотых монет был закреплён в утвержденном в 1899 г. Монетном уставе [Высочайше утвержденный Устав 1902: 665–671].

При всех очевидных плюсах для экономики установление золотого стандарта имело ряд уязвимых мест, главным из которых являлась зависимость валюты от стабильных поставок драгоценного металла с месторождений — в случае снижения темпов добычи цены на внутреннем рынке подвергались резким колебаниям, что негативно сказывалось на состоянии торгово-промышленного сектора страны [Моисеев 2003: 28]. Кроме того, в процессе развития товарно-денежных отношений возникала потребность в увеличении валютной массы, рост которой ограничивался количеством золота, необходимого для обеспечения ее курса.

Для увеличения золотого запаса власти Российской империи использовали два способа. Первый — внешние займы. С 1889 г. по 1896 г. правительством стра-

ны были заключены восемь «золотых займов» на общую сумму свыше 625 млн руб. [Бугров 2015: 62]. Данный способ хотя и позволял быстро наращивать запас драгоценных металлов в казне государства, имел негативные последствия — обслу́живание внешних займов являлось очень накладным для экономики страны. Если в 1895 г. Российская империя выплатила своим зарубежным кредиторам 62 млн руб., то в 1899 г. эта цифра составила 98 млн руб. [Хейфец 2002: 89].

Другим источником увеличения золотого запаса стала разработка месторождений драгоценных металлов, расположенных на территории страны. Главными золотоносными районами России были Урал, Западная Сибирь (Алтай, Мариинская тайга, верховья реки Иртыш), Енисейский район, Забайкалье (бассейны рек Шилка и Аргунь), Олекма-Витимский район, Приамурье [Марфунин 1987: 143].

Прекрасно понимая постоянно растущую потребность в наращивании объемов добычи золота, власти империи пошли на введение ряда мер, направленных на улучшение положения золотопромышленников. С принятием в 1901 г. закона «О свободном обращении шлихового золота» частные золотопромышленники и физические лица получили разрешение свободно производить куплю-продажу драгоценных металлов. Отменялась государственная монополия на переработку золота: частным лицам дозволялось устройство лабораторий для сплава и очистки драгоценных металлов [О свободном обращении 1903: 127–128]. С 30 марта 1901 г. имперские власти разрешили частным банкам, имеющим отделения в Сибири и на Урале, выдавать долговременные ссуды под шлиховое золото. Ранее кредитование золотопромышленников являлось исключительной прерогативой Государственного банка [О приравнении к Государственному банку 1903: 187]. Результатом принятых мер стало стремительное развитие российской золотодобывающей отрасли. С 1891 г. по 1895 г. на территории Российской империи было получено из разных сырьевых источников 42,3 тонны золота, в период с 1899 г. по 1903 г. эта цифра составила уже 186,4 тонны [Лешков 2008: 67, 78]. Во многом благодаря активно развивавшейся золотодобывающей промышленности государственный запас драгоценного металла Российской империи к 1914 г. достиг отметки в 1 306,9 тонны. Больше золота — 1 941 тонна — было только у США [Лешков 2008: 100].

Помимо внешних займов и активизации добычи драгоценных металлов внутри страны, государственный золотой запас мог быть пополнен еще двумя способами. Первый был возможен в результате успешных военных действий, когда проигравшая сторона выплачивала победившей державе контрибуцию, поступающую в казну. Так, после победы во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Германия получила от Франции 5 млрд франков, которые были использованы ею для перехода на золотомонетный стандарт [Бугров 2015: 65]. В силу ряда причин к концу XIX в. данный способ пополнения золотого запаса был неприемлем для Российской империи. Второй вариант демонстрировали Великие державы — главным образом Англия и Франция, эксплуатируя колониальные месторождения драгоценных металлов. Российская империя, не располагавшая колониальными владениями, не могла рассчитывать на указанный источник пополнения золотого запаса страны. Однако все изменилось после смены в 1890-е гг. внешнеполитического вектора державы в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона [Лукоянов 2008: 94–103].

4. Деятельность Русско-Китайского банка (1895–1910 гг.) на территории Цинской империи: от кредитования бизнеса к золотодобыче

На волне экономического подъема 1890-х гг. власти Российской империи пришли к выводу о том, что дальнейшее развитие страны требует выхода русских товаров на внешние рынки. Ввиду практически завершившегося колониального раздела мира Великими державами наиболее подходящими для российской экспансии регионами выглядели территории Ирана и Китая [Беляев 2006: 170–173]. Наибольший интерес для России представляла находившаяся в состоянии глубокого кризиса Цинская империя.

Потеря ряда территорий и необходимость уплаты Японии огромной контрибуции в 200 млн лян [Договор о мире 1906: 1–13] в результате поражения в японо-китайской войне 1894–1895 гг. заставили китайское правительство искать возможность получения займов на зарубежных финансовых рынках, чем блестяще воспользовалась Российская империя. По инициативе министра финансов С. Ю. Витте власти державы в обмен на финансовую помощь получили от китайского правительства разрешение на допуск русских компаний на внутренний рынок страны [Протокол обмена деклараций 1906: 56–60].

В качестве стратегии проникновения на территорию Китая власти России использовали английский колониальный опыт, который в исполнении С. Ю. Витте приобрел свою специфику. В Британской империи в качестве главных агентов экспансии выступали частные акционерные общества, получавшие от правительства определенные привилегии. Такими компаниями были, например, сыгравшие заметную роль в деле закрепления за Англией территории ЮАР «Золотые поля Южной Африки», начавшие свою деятельность в 1887 г., и «Рудники Ранда», организовавшие добычу золота в 1892 г. [Марфунин 1987: 101]. Русские компании, действовавшие за границей, создавались с привлечением значительной доли казенных средств и находились в той или иной степени под контролем имперских властей [Беляев 2006: 172–173]. Именно такой организацией стал Русско-Китайский банк, выполнявший роль главного проводника российской политики на территории Цинской империи. Созданный в 1895 г. под патронатом самодержавия, банк декларировал в качестве своей основной задачи «поддержку торговых сношений с государствами Восточной Азии» [Устав 1901: 11]. Пользуясь всемерным покровительством правительства Российской империи, банк стремительно развивался. Если в 1898 г. общая прибыль учреждения составляла 1 млн 600 тыс. руб. [Отчет 1899: Отчет Русско-Китайского банка за 1898 год], то уже в 1902 г. ее размер превысил 4 млн руб. [Отчет 1903: Прибыль Русско-Китайского банка за 1902 год].

Учреждение занималось не только предоставлением финансово-кредитных услуг, но и проведением нетипичных для банка операций. Согласно положениям Устава, Русско-Китайский банк имел право заниматься куплей-продажей товаров, недвижимости и ценных бумаг, перевозкой различных грузов, выпуском собственных денежных средств и чеканкой китайской монеты [Устав 1901: 11–21]. Учреждение могло проводить как за свой счет, так и по поручению третьих лиц операции, связанные с приобретением и реализацией драгоценных металлов. Для этого банком создавались специальные компании, занимавшиеся добычей полезных ископаемых. Как и в случае с самим учреждением, данные акционерные общества лишь номинально значились частными бизнес-проектами, на самом

деле находились под контролем российских властей. Одним из наиболее успешных проектов банка стало созданное в 1900 г. акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии, занимавшееся разработкой золотых месторождений [Фурман 2017: 173]. Монгольские прииски стали практически единственным зарубежным источником драгоценного металла для Российской империи. Процесс добычи и транспортировки монгольского золота в Россию поставил перед Министерством финансов ряд сложных задач — от организации работы приисков до создания надежного механизма доставки драгоценного металла. Каким же образом их удалось решить?

5. Акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор»): особенности организации добычи золота на границе двух империй

Своим появлением «Монголор» обязан активной деятельности В. Ю. фон Грота, который смог в 1897 г. получить у китайского правительства концессию на разработку золотоносных месторождений в Северо-Восточной Монголии. Условия концессии были весьма выгодными. Срок действия соглашения составлял 25 лет, при этом фон Грот был обязан выплачивать Цинской империи не более 15 % добытого золота [Дацышен 2014: 241–242]. Столь благосклонное отношение к В. Ю. фон Гроту со стороны китайских чиновников объяснялось покровительством со стороны одного из наиболее влиятельных лиц Цинской империи Ли Хунчжана. В. Ю. фон Грот в 1890-е гг. работал его личным секретарем и смог дослужиться до звания китайского мандарина (чиновника) [Морозов 1912: 92].

Привлекательные условия концессии, полученной фон Гротом, вызвали огромный интерес со стороны ряда российских и иностранных банкиров, в том числе представителей Русско-Китайского банка. В результате 14 июня 1897 г. был создан «Синдикат для исследования рудных богатств в Китае» (*Syndicat pour l'exploration des richesses minières en Chine*). Капитал компании составлял 500 тыс. руб. и делился на 100 паев. После тщательной проработки проекта, занявшей почти три года, 29 января 1900 г. комитет синдиката постановил образовать акционерное общество для эксплуатации концессий на разработку золота в северных районах Монголии. В руководство новообразованной компании вошли представители российского и бельгийского банкирского сообщества — Э. Э. Ухтомский, А. Броун де Тьеж, В. Ю. фон Грот, А. Ю. Ротштейн и А. А. Давидов. Директором-распорядителем и уполномоченным общества в Монголии был назначен В. Ю. фон Грот [Романов 1928: 599].

Причиной, побудившей В. Ю. фон Грота добиваться получения концессии в дельте реки Орхон, стали донесения китайских чиновников о начавшейся в 1893–1894 гг. в указанном месте «золотой лихорадке». Как отмечал в 1897 г. сотрудник российского консульства в Урге В. Ф. Люба, в те годы наблюдался наплыв большого числа забайкальских казаков в приграничные районы Монголии с целью добычи золота. Только по официальным данным в 1897 г. на территорию Монголии прибыло 1 374 российских подданных, что, по мнению современников, составляло не более 10 % от реального числа [Дацышен 2014: 242].

Наряду с несомненной выгодой, которую обещали богатые россыпи золота, проект в ходе реализации должен был неминуемо столкнуться с рядом сложностей. Первой из них являлась слаборазвитая транспортная сеть Монголии, затруднявшая сообщение с районом золотых приисков. Вторым обстоятель-

ством, усложнявшим добычу драгоценного металла, были неблагоприятные климатические условия, в особенности сильные снежные бураны, которые на севере Монголии случались даже в мае [РГИА. Ф. 72. Оп. 1. Д. 16. Л. 244, 259]. Третья угроза, которая подстерегала золотодобытчиков в Монголии, заключалась в орудующих на территории региона китайских организованных преступных группировках хунхузов, активно занимавшихся бандитизмом. Данная опасность особенно явно проявилась весной 1913 г., когда в результате вооруженного налета хунхузов были убиты 12 китайских рабочих, что вынудило руководство компании обратиться за помощью к российским властям и создать собственный отряд самообороны [РГИА. Ф. 72. Оп. 1. Д. 16. Л. 43]. Впрочем, вышеуказанные сложности не смогли заставить В. Ю. фон Грота и Русско-Китайских банк отказаться от своих планов.

В отличие от вольных старателей, использовавших самые примитивные способы извлечения золота, компания приступила к организации добычи на весьма высоком техническом уровне. Наличие в распоряжении новообразованной майнинговой компании значительных финансовых ресурсов (основной капитал общества составлял 3 млн руб. [Романов 1928: 599]) позволило В. Ю. фон Гроту уже осенью 1899 г. отправиться в США для закупки золотодобывающих машин [Дацышен 2014: 242]. О масштабах организации дела красноречиво свидетельствуют данные о ввезенном в Монголию оборудовании. Летом 1900 г. в г. Санкт-Петербург прибыла первая партия заказанных в США «машин и инструментов» общим весом свыше 12 тыс. пудов [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 1]. Вторая партия закупленных фон Гротом машин была еще более масштабной — 15 тыс. пудов [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 128. Л. 2]. В числе заказанного числились ковши железные, шестерни чугунные, клапаны, стальные колеса, пеньковые и железные канаты, насосы, домкраты, лопаты, краски и машинное масло [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–7об., 8–8об.]. Были закуплены и такие не относящиеся напрямую к золотодобыче предметы, как велосипед, детали для постройки парохода (якорь, пакля, двигатель и металлическая обшивка) [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 128. Л. 7об., 59], сенокосилки, механические маслобойки и «центробежные сливкоотделители» (сепараторы) [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 6об., 8]. Впрочем, ввиду дефицита квалифицированных кадров и ряда иных обстоятельств весь технический потенциал данного оборудования не был использован.

Доставка такого количества техники и материалов в Монголию была чрезвычайно сложной и дорогостоящей проблемой, решить которую В. Ю. фон Гроту помог Русско-Китайский банк. Пользуясь покровительством Министерства финансов империи, банк способствовал ввозу на территорию Монголии заказанного оборудования без досмотра и проверки со стороны российской таможни [ГА РБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 1]. В дальнейшем тесное сотрудничество компании и Русско-Китайского банка все более укреплялось. Все финансовые операции общества проводились банком. По состоянию на начало 1902 г. на счетах «Монголора» в Ургинском филиале Русско-Китайского банка находилось свыше 452 тыс. руб. [РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 447. Л. 3]. Более того, в 1906 г. управляющий обществом В. Ю. фон Грот занял по совместительству должность директора офиса банка в Урге [Новицкий 1911: 29].

Акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии достаточно быстро смогло организовать добычу золота в весьма серьезных объемах. А перед руководством Министерства финансов возникла проблема: каким образом наладить стабильную доставку драгоценного металла из Монголии в Санкт-Петербург? При этом, согласно положениям действовавшего на тот момент Устава о частной золотопромышленности 1870 г., все извлеченное частными лицами золото обязательно сдавалось Государственному банку [[Высочайше утвержденный Устав 1876: 686](#)]. Однако на тот момент ни в приграничном Западном Забайкалье, ни тем более на территории Монголии отделений Государственного банка не существовало.

6. Через Ургу в Кяхту: механизм доставки золота из Монголии в Россию в начале XX в.

Руководство Министерства финансов достаточно быстро смогло решить поставленную задачу, в кратчайшие сроки разработав эффективный и надежный механизм доставки золота в Россию. С этой целью министерством были привлечены силы двух финансовых организаций, находившихся под его контролем — Русско-Китайского банка и государственного казначейства. Так, за монгольскую часть маршрута отвечал Русско-Китайский банк, а на территории Российской империи золотой груз принимали работники казначейства.

Особую роль в выстроенной системе играла действовавшая с 1775 г. сеть казначейских отделений, одной из главных функций которых были прием, хранение и транспортировка налоговых поступлений [[Учреждение для управлений 1830: 240–243](#)]. Оказавшись в 1811 г. под контролем Министерства финансов [[Общее Учреждение Министерств 1830: 687](#)], казначейства к 1901 г. сумели создать и отладить эффективную систему транспортировки ценных грузов в пределах России, к возможностям которой и решило прибегнуть Министерство финансов для перевозки монгольского золота. На территории Западного Забайкалья — региона, непосредственно граничившего с областью действия «Монголора», — к 1901 г. существовало два казначейских отделения — в Верхнеудинске и Кяхте. Именно на последнее циркуляром Министерства финансов за № 3353 от 1 января 1901 г. была возложена миссия по организации доставки монгольского золота в Санкт-Петербургскую контору Государственного банка [[ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 1](#)].

Согласно специальной инструкции, присланной из Санкт-Петербурга, за монгольскую часть маршрута отвечало Ургинское агентство Русско-Китайского банка, доставлявшее ценный груз в Кяхту, где его принимал сотрудник местного отделения учреждения. После получения золота сотрудник банка извещал об этом Кяхтинское казначейство [[ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 3, 70](#)]. В дальнейшем груз принимали служащие казначейства, которые производили проверку металла и готовили к дальнейшей транспортировке. Золото предписывалось отправлять почтой в виде закрытых ценных посылок не чаще трех раз в неделю. Максимальный вес одной посылки не должен был превышать двух пудов [[ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 3](#)]. Для контроля тяжести золотых слитков из Санкт-Петербурга были присланы специальные весы и гири [[ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 76](#)]. На осуществление почтовых расходов 27 января 1901 г. в Кяхтинское казначейство было ассигновано из фондов Читинского отделения Государственного банка 5 тыс. руб. [[ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 6](#)].

Инструкцией предписывалось в качестве тары для золота использовать деревянные ящики строго определенной формы, которые специально заказывались Кяхтинским казначейством у местных ремесленников [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 3]. Первую партию ящиков в количестве десяти штук «с оковкой железною» изготовил мещанин Иван Исаков, получивший за свою работу 12 руб. 50 коп. [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 101]. Упаковку и опломбировку ящиков с золотом производили сотрудники отделения. Для данных целей казначейством были закуплены в скобяной лавке кяхтинского мещанина А. Н. Барбот де Марни следующие инструменты: отвертка, подставка, тиски для «откуски» и «вытяжные», сверло ручное, медные гвозди [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 130].

После упаковки золота ящики доставлялись служащими казначейства в Усть-Кяхту, откуда на судах, принадлежавших пароходной компании Н. Я. и А. Я. Немчиновых, отправлялись в Иркутск и после перегрузки следовали железнодорожным транспортом в Санкт-Петербург [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 91].

Столь хорошо продуманная и организованная система позволила доставлять золото из Кяхты в Санкт-Петербург в достаточно короткие по тем временам сроки. Первый груз драгоценного металла прибыл на территорию России 24 апреля 1901 г., а 31 мая 1901 г. золото поступило в главную контору Государственного банка [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 15, 73]. Масштабы доставляемого из Монголии металла первоначально были весьма солидными.

Таблица 1. График поступления золота из Монголии в Кяхту с 24.04.1901 по 12.09.1902
[Table 1. Schedule of gold supply from Mongolia to Kyakhta from 04/24/1901 to 09/12/1902]

Дата	Количество золота	Стоимость золота, в руб.
24 апреля 1901 г.	12 пудов 10 фунтов	232 400
2 мая 1901 г.	19 пудов 16 фунтов	375 500
8 мая 1901 г.	2 пуда 34 фунта	54 500
18 мая 1901 г.	2 пуда 21 фунт	48 200
22 июня 1901 г.	2 пуда 5 фунтов	40 700
17 июля 1901 г.	3 пуда 35 фунтов	73 200
20 августа 1901 г.	2 пуда 29 фунтов	51 500
24 сентября 1901 г.	1 пуд 20 фунтов	28 700
27 октября 1901 г.	1 пуд 15 фунтов	26 400
15 ноября 1901 г.	10 фунтов	4 600
13 декабря 1901 г.	1 пуд 7 фунтов	22 700
19 января 1902 г.	12 фунтов	5 700
16 марта 1902 г.	14 фунтов	6 900
28 марта 1902 г.	10 фунтов	5 000
17 июня 1902 г.	23 фунта	11 000
14 августа 1902 г.	13 фунтов	6 700
12 сентября 1902 г.	17 фунтов	8 000

* В таблице 1 использованы данные из: [ГА РБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 442. Л. 15, 36, 42, 62, 70, 77, 97, 113, 122, 135, 143, 150, 157, 165, 170, 175, 185, 189].

Данные таблицы показывают, что всего за полтора года Министерство финансов Российской империи получило практически тонну монгольского золота стоимостью в один миллион рублей, что, безусловно, являлось весьма

успешным результатом. Для сравнения: в 1901 г. на 156 приисках Забайкалья — одного из наиболее богатых золотоносных регионов страны — было добыто около четырех с половиной тонн драгоценного металла, оцененных в 5 млн руб. [Обзор 1902: 11]. Всего же с 1900 по 1918 гг. «Монголор» смог извлечь из недр Монголии свыше 10 т золота, что, учитывая сложные географические, климатические и прочие условия, являлось весьма солидным показателем [Фурман 2017: 144].

При анализе таблицы возникает закономерный вопрос: почему «Монголор» даже после отмены в марте 1901 г. государственной монополии на прием и продажу золота [О свободном обращении 1903: 127–128] продолжил его отправку в Государственный банк? На наш взгляд, причина кроется в истории создания как «Монголора», так и Русско-Китайского банка. Являясь во многом проектами Министерства финансов Российской империи, как банк, так и компания всегда служили целям государства. В случае с Акционерным обществом рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии данным интересам служила добыча золота, необходимого для поддержки курса национальной валюты. Это подтверждается тем, что даже в 1906 г., имея возможность реализовывать драгоценный металл свободно, «Монголор» продавал его Ургинскому отделению Русско-Китайского банка, который затем вывозил золото в Россию [Новицкий 1911: 33–34].

7. Заключение

В конце XIX – начале XX вв. благодаря активизации внешней политики на Дальнем Востоке начался процесс экономической экспансии Российской империи в страны Внутренней Азии. Используя в качестве основных инструментов своей политики созданные на государственные средства частные компании, российские власти смогли упрочить экономическое влияние страны на внутренних рынках Китая и Монголии. Особенно важную роль в данном процессе сыграл Русско-Китайский банк, деятельность которого не ограничивалась исключительно кредитно-финансовыми услугами. Созданная банком с широким привлечением иностранного капитала золотодобывающая компания «Монголор» стала успешным бизнес-проектом, в ходе организации которого российскому правительству удалось решить ряд сложнейших задач. Именно умелое сочетание деловой инициативы частных лиц и продуманной поддержки со стороны государственных органов позволило наладить в отдаленном регионе Внутренней Азии добычу и последующую доставку в Россию золота. Благодаря успешной реализации проекта, Российская империя смогла не только существенно пополнить золотой запас страны, но и укрепить свое влияние в Монголии.

Источники

Высочайше утвержденный Устав 1876 — Высочайше утвержденный Устав о частной золотопромышленности // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. XLIX. Отд. 1. № 48399. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. С. 675–689.

Высочайше утвержденный Устав 1902 — Высочайше утвержденный Устав Монетный // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XIX. Отд. 1. № 17120. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 665–671.

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

- Договор о мире 1906 — Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки (Балкан) 17 (5) апреля 1895 года // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб.: Тип. А. М. Менделевича, 1906. С. 1–13.
- О приравнении к Государственному банку 1903 — О приравнении к Государственному банку, в отношении выдачи ссуд под шливовое золото, некоторых частных банков // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXI. Отд. 1. № 19886. СПб.: Гос. тип., 1903. С. 187.
- О свободном обращении 1903 — О свободном обращении шливового золота // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXI. Отд. 1. № 19789. СПб.: Гос. тип., 1903. С. 127–128.
- О чеканке и выпуске в обращение десятирублевой 1901 — О чеканке и выпуске в обращение десятирублевой золотой монеты // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVIII. Отд. 1. № 16199. СПб.: Гос. тип., 1901. С. 1064–1065.
- О чеканке и выпуске в обращение золотой 1900 — О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты, с означением на империялах цены 15 рублей и на полуимпериялах цены 7 рублей 50 копеек и об утверждении описания внешнего вида означенной монеты // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVII. № 13661. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 1.
- О чеканке и выпуске в обращение пятирублевой 1900 — О чеканке и выпуске в обращение пятирублевой золотой монеты достоинством в одну третью часть империяла // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVII. № 14632. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 630.
- Об установлении согласованного 1900 — Об установлении согласованного с Именным Высочайшим указом 3 января 1897 года твердого основания выпуска государственных кредитных билетов в обращение // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVII. № 14504. СПб.: Гос. тип., 1900. С. 575.
- Обзор 1902 — Обзор Забайкальской области за 1901 г. Чита: Тип. Забайкальск. Обл. Правления, 1902. 84 с.
- Отчет 1899 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1898 г. СПб.: Тип. А. Бенке, 1899. 26 с.
- Отчет 1903 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1902 г. СПб., 1903. 95 с.
- Общее Учреждение Министерств 1830 — Общее Учреждение Министерств // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXXI. № 246861. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 686–719.
- Протокол обмена деклараций 1906 — Протокол обмена деклараций о заключении 4 % Китайского Займа, подписанный в Санкт-Петербурге 24 июня (6 июля) 1906 года Представителями России и Китая // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб.: Тип. А. М. Менделевича, 1906. 762 с.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- Устав 1901 — Устав Русско-Китайского банка (Собрание узаконений и распоряжений Правительства № 194, 18 декабря 1895 г.). СПб.: Тип. А. Бенке, 1901. 55 с.
- Учреждение для управлений 1830 — Учреждения для управлений Губерний Всероссийской империи. Ч. 1 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XX. № 14392. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 229–304.

Sources

- General Establishment of Ministries. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One: From 1649 to 12 December 1825. In 45 vols. Vol. 31. № 246861. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. Pp. 686–719. (In Russ.)
- Highly Approved Charter on Private Gold Mining. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881. In 55 vols. Vol. 49. № 48399. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1876. Pp. 675–689. (In Russ.)

- Highest Approved Coin Charter In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 19. № 48399. St. Petersburg: State Printing House, 1902. Pp. 675–689. (In Russ.)
- Institutions for the Administrations of the Provinces of the All-Russian Empire. Part one. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection One: From 1649 to 12 December 1825. In 45 vols. Vol. 20. № 14392. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancery (Second Section), 1830. Pp. 229–304. (In Russ.)
- On Equalization with the State Bank, in relation to the Issuance of Loans against Bulk Gold, of Some Private Banks In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 21. № 19789. St. Petersburg: State Printing House, 1903. Pp. 127–128. (In Russ.)
- On the Free Circulation of Spot Gold In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 21. № 19886. St. Petersburg: State Printing House, 1903. P. 187. (In Russ.)
- On the Establishment of a Firm basis for the Issuance of State Bank Notes into Circulation, Agreed with the Nominal Highest Decree of January 3, 1897 In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 17. № 14504. St. Petersburg: State Printing House, 1900. P. 575. (In Russ.)
- On the Minting and Release into Circulation of a Gold Coin, with the Price of 15 rubles on Imperials and the Price of 7 Rubles 50 Kopecks on Semi-Imperials and on Approval of the Description of the Appearance of the Designated Coin. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 17. № 13661. St. Petersburg: State Printing House, 1900. P. 1. (In Russ.)
- On the Minting and Release into Circulation of the Five-Ruble Gold Coin in Denominations of One-Third of the Imperial. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 17. № 14632. St. Petersburg: State Printing House, 1900. P. 630. (In Russ.)
- On the Minting and Release into Circulation of the Ten-Ruble Gold coin. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire Collection Three: From 1 March 1881 to 1913. In 48 vols. Vol. 18. № 16199. St. Petersburg: State Printing House, 1901. Pp. 1064–1065. (In Russ.)
- Treaty of Peace Concluded by Japan and China at Shimonoseki on April 17 (5), 1895. In: Collection of treaties and diplomatic documents on the affairs of the Far East 1895–1905. St. Petersburg: Printing House of A. M. Mendelevich, 1906. P. 762 (In Russ.)
- Protocol for the Exchange of Declarations on the Conclusion of a 4 % Chinese Loan, Signed in St. Petersburg on 24 June (6 July), 1906 by Representatives of Russia and China. In: Collection of Treaties and Diplomatic Documents on the Affairs of the Far East 1895–1905. St. Petersburg: Printing House of A. M. Mendelevich, 1906. P. 762 (In Russ.)
- Report on the Operations of the Russian-Chinese Bank for 1898. St. Petersburg: A. Behnke Printing House, 1899. 26 p. (In Russ.)
- Review of the Transbaikalian Region for 1901. Chita: Printing house of the Transbaikalian Regional Board, 1902. 84 p. (In Russ.)
- Russian State Historical Archive.
- Russo-Chinese Bank: 1898 Operations Reports. St. Petersburg: A. Behnke Printing House, 1899. 53 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: 1902 Operations reports. St. Petersburg, 1903. 95 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank. In: Collection of laws and orders of the Government. No. 194, December 18, 1895. St. Petersburg: Printing House A. Benke, 1901. P. 55. (In Russ.)
- State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Ананьич 2010 — *Ананьич Б. В.* Государственный банк России в период экономических реформ С. Ю. Витте // Деньги и кредит. 2010. № 7. С. 13–14.
- Беляев 2006 — *Беляев С. Г.* Русское предпринимательство в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 1. С. 170–183.
- Бутров 2015 — *Бутров А. В.* Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897) // Деньги и кредит. 2015. № 1. С. 59–67.

- Грегори 2003 — *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Дацышен 2014 — *Дацышен В. Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 592 с.
- Лешков 2008 — *Лешков В. Г.* Российское золото — государственная и старательская добыча (1719–2007). М.: Горная книга, 2008. 206 с.
- Лукоянов 2008 — *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Ма Юцзунь 2009 — *Ма Юцзунь.* Предпринимательство русских купцов и промышленников в Маньчжурии: конец XIX – начало XX в. // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 109–118.
- Марфунин 1987 — *Марфунин А. С.* История золота. М.: Наука, 1987. 244 с.
- Мельников 2008 — *Мельников М. В.* Этапы проведения денежной реформы С. Ю. Витте // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15. С. 49–54.
- Моисеев 2003 — *Моисеев С. Р.* Классическая система золотого стандарта // Финансы и кредит. 2003. № 12. С. 24–34.
- Морозов 1912 — *Морозов И. М.* Из путевого дневника // Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского. 1912 г. С. 78–164.
- Муравьева 2003 — *Муравьева Л. А.* Золотой рубль С. Ю. Витте (о денежной реформе в России 1895–1898 гг.) // Деньги и кредит. 2003. № 3. С. 71–72.
- Новицкий 1911 — *Новицкий В. Ф.* Путешествие по Монголии, в пределах Тушетухановского и Цеценхановского аймаков Халхии, Шилингольского чигулгака и земель Чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году действительными членами Императорского Русского Географического Общества, Генерального Штаба полковником В. Ф. Новицким и Корпуса военных топографов надворным советником М. О. Круковским. СПб.: Гл. упр. Ген. штаба. Отд. ген.-квартирмейстера, 1911. 400 с.
- Романов 1928 — *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Ленингр. Вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. 631 с.
- Фурман 2017 — *Фурман Е. Л.* Страницы истории Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии в начале XX в. («Монголор») // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения: сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 13–30 декабря 2017 г.) / под. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 137–144.
- Хейфец 2002 — *Хейфец Б. А.* Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 85–107.
- Яковлев 1955 — *Яковлев А. Ф.* Экономические кризисы в России. М.: Госполитиздат, 1955. 404 с.

References

- Ananich B. V. State bank of Russia during the Period of Economic Reforms S. Yu. Witte. *Money and Credit*. 2010. No. 7. Pp. 13–14. (In Russ.)
- Belyaev S. G. Russian Entrepreneurship in China at the End of the 19th – beginning of the 20th Centuries. *Vestnik of St. Petersburg University*. 2006. No. 1. Pp. 170–183. (In Russ.)
- Bugrov A. V. The gold standard in Russia: the choice of path (1867–1897). *Money and Credit*. 2015. No. 1. Pp. 59–67. (In Russ.)
- Datsyshen V. G. History of Russian-Chinese Relations at the End of the 19th – Beginning of the 20th centuries. Moscow: Direct-Media, 2014. 592 p. (In Russ.)
- Furman E. L. Pages of the history of the joint stock company of ore mining in the Tushetukhanovsky and Tsetsenkhonovsky Aimag in Mongolia at the beginning of the 20th century. (“Mongolor”). In: S. Chernov. (ed.) In: Economics and humanitarian research: problems, trends, achievements: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, 13–30 December, 2017). Novosibirsk: LLC “Center for the Development of Scientific Cooperation”, 2017. Pp. 137–144. (In Russ.)
- Gregory P. Economic Growth of the Russian Empire (End of 19th – Beginning of 20th Century): New Estimates and Calculations. Moscow: ROSSPEN, 2003. 255 p. (In Russ.)

- Kheifets B. A. External loans and debts of tsarist Russia: history and current situation. *Russia and the modern world*. 2002. No. 1. Pp. 85–107. (In Russ.)
- Leshkov V. G. Russian Gold — State and Artisanal Mining (1719–2007). Moscow: Publishing House “Gornaya kniga”, 2008. 206 p. (In Russ.)
- Lukoyanov I. V. “To Keep Pace with World Powers ...”: Russia in the Far East, Late 19th to Early 20th Century. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 662 p. (In Russ.)
- Ma Yuzun. Entrepreneurship of Russian merchants and industrialists in Manchuria: The end of the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2009. No. 1. Pp. 109–118. (In Russ.)
- Marfunin A. S. History of Gold. Moscow: Nauka, 1987. 244 p. (In Russ.)
- Melnikov M. V. Stages of Monetary Reform S. Yu. Witte. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008. No. 15. Pp. 49–54. (In Russ.)
- Moiseev S. R. Classical System of the Gold Standard. Finance and Credit. 2003. No. 12. Pp. 24–34. (In Russ.)
- Morozov I. M. From a Travel Diary. Moscow Trade Expedition to Mongolia. M.: Printing House P. P. Ryabushinsky, 1912. Pp. 78–164. (In Russ.)
- Muravyova L. A. Golden ruble S. Yu. Witte (on Monetary Reform in Russia 1895–1898). *Money and Credit*. 2003. No. 3. Pp. 71–72. (In Russ.)
- Novitsky V. F. Travel through Mongolia, within the Tushetukhanovsky and Tsetsenkhanovsky Aimaks of Halkhia, Shilingol Chigulgak and the Lands of the Chakhars of Inner Mongolia, Made in 1906 by full Members of the Imperial Russian Geographical Society, the General Staff, Colonel V. F. Novitsky and the Corps of Military Topographers as Court Adviser M. O. Krukovsky. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff. Department of the Quartermaster General, 1911. 400 p. (In Russ.)
- Romanov B. A. Russia in Manchuria (1892–1906). Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Era of Imperialism. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after. A. S. Enukidze, 1928. 631 p. (In Russ.)
- Yakovlev A. F. Economic Crises in Russia. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 404 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 214–230, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-214-230

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47-57) 1917/1991

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-214-230

Калмыки Сальского округа в контексте национальной политики и этносоциальных процессов в 1920-е гг.

*Антон Викторович Аверьянов*¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0001-7140-5601. E-mail: [avaveryanov\[at\]sfedu.ru](mailto:avaveryanov[at]sfedu.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Аверьянов А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Важнейшей задачей национальной политики Советского государства в 1920-е гг. была интеграция этнических меньшинств в формировавшееся в тот период социально-экономическое и культурное пространство. Уникальная ситуация складывалась в Сальском округе, где донские казаки-калмыки в силу изменившихся политических условий утратили статус ведущей социальной группы, что привело к их маргинализации и потребовало от государства выработки новых подходов по вовлечению их в хозяйственное и социокультурное развитие региона. *Цель статьи* — выявление особенностей этносоциальных отношений в Сальском округе в период нэпа, выделение и анализ ключевых механизмов социально-политической и экономической интеграции калмыцкого населения. Исследование проведено на основе архивных *материалов* из Государственного архива Российской Федерации, а также других архивных документов и опубликованных источников. *Результаты.* Выявлен масштаб и характер демографических изменений в Сальском округе после окончания Гражданской войны и в период нэпа. Показаны изменения роли и места калмыков в хозяйственной структуре округа в сравнении с немецкими колонистами и русскими крестьянами. Выделены особенности и специфика развития калмыцких хозяйств в 1920-е гг., их ключевые проблемы и государственные меры поддержки. Проанализированы основные направления национальной политики в отношении калмыцкого населения Сальского округа в области экономики, культуры, образования, бытового устройства. Отмечено, что несмотря на негативные последствия Гражданской войны, неурожаев, отрицательную миграционную динамику, донские калмыки сумели сохранить свою этнокультурную идентичность. Установлено, что ключевой проблемой оставалось землеустройство калмыцкого населения в условиях нехватки земли при сохранении у значительной части калмыков традиционного скотоводства. Доказано, что в рамках ее решения проводилась целенаправленная политика популяризации земледелия, развития кооперации, агрокультурной помощи, концентрации

калмыцкого населения в национальных сельсоветах, которые к исходу 1920-х гг. должны были стать основной для образования Калмыцкого национального района. Одновременно в рамках политики коренизации велась работа по расширению сети школ, изб-читален, подготовке учителей, повышению уровня грамотности.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, Сальский округ, национальная политика, Советское государство, калмыки, коренизация, национальные сельсоветы, национальный район

Для цитирования: Аверьянов А. В. Калмыки Сальского округа в контексте национальной политики и этносоциальных процессов в 1920-е гг. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 214–230. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-214-230

Kalmyks of the Salsky district in the context of National Politics and Ethno-Social Processes in the 1920s

*Anton Viktorovich Averyanov*¹

¹ Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department

 0000-0001-7140-5601. E-mail: avaveryanov[at]sfedu.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Averyanov A. V., 2024

Abstract. Introduction. The most important task of the national policy of the Soviet state in the 1920s. There was an integration of ethnic minorities into the emerging socio-economic and cultural space. A unique situation developed in the Salsky district, where the Don Cossacks-Kalmyks, due to changed political conditions, lost their status as a leading social group, which led to their marginalization and required the development of new state policy approaches to involve them in the economic development of the region. *The purpose* of the article is to identify the features of ethno social relations in the Salsky district during the NEP period, to identify and analyze the key mechanisms of socio-political and economic integration of the Kalmyk population. The research was conducted on the basis of archival materials from the State Archive of the Russian Federation, as well as other archival documents and published sources. *Results.* The scale and nature of demographic changes in the Salsky district after the Civil War and during the NEP period were revealed. The changes in the role and place of Kalmyks in the economic structure of the district in comparison with German colonists and Russian peasants are shown. The features and specifics of the development of Kalmyk farms in the 1920s, their key problems and government support measures are highlighted. The main directions of national policy towards the Kalmyk population of the Salsky district in the field of economics, culture, education, and everyday life are analyzed. It is noted that despite the negative consequences of the Civil War, crop failures, and negative migration dynamics, the Don Kalmyks managed to preserve their ethno cultural identity. It was established that the key problem remained the land management of the Kalmyk population in conditions of land shortage, while maintaining the traditional pastoral nature of the economy for a significant part of the Kalmyks. It is proved that within the framework of its solution, a purposeful policy was pursued to popularize farming, develop cooperation, agricultural assistance, and concentrate the Kalmyk population in national village councils, which by the end of the 1920s were to become the main one for the formation of the Kalmyk National district. At the same time, within the framework of the indigenization policy, work was carried out to expand the network of schools, reading rooms, teacher training, and increase the level of literacy.

Keywords: North Caucasus region, Salsky district, national policy, Soviet state, Kalmyks, indigenization, national village councils, national district

For citation: Averyanov A.V. Kalmyks of the Salsky District in the Context of National Politics and Ethno-Social Processes in the 1920s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 214–230. (In Russ). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-214-230

1. Введение

Особенностью расселения многих этнических сообществ на Юге России в начале XX в. был их дисперсный и «чересполосный» характер. Не исключением стали донские калмыки, которые исторически компактно проживали на Дону главным образом в Сальском округе.

После установления советской власти их положение радикально изменилось. С одной стороны, донские калмыки оставались частью местного социума, имея исторический опыт социальной и хозяйственной интеграции в составе донского казачества. С другой стороны, отмена прав и привилегий казаков, а также дисперсный характер расселения калмыков среди русского и немецкого населения, препятствовавший проведению национальной политики, в том числе в рамках коренизации административного аппарата, культуры и образования, затруднял процесс инкорпорации калмыков в советские проекты. Это обуславливало необходимость поиска оптимальной модели взаимоотношений региональных и окружных властей с этническими меньшинствами Сальского округа, главным образом калмыками, а также немцами, выстраивания отношений с русским большинством.

Данный аспект межэтнических взаимоотношений, а также государственная национальная политика в Сальском округе в 1920-е гг. по-прежнему остаются недостаточно исследованными. Большинство работ посвящено главным образом становлению и развитию калмыцкой государственности — Калмыцкой АО, в том числе в контексте судьбы донских калмыков, а также некоторым аспектам развития созданного в конце 1920-х гг. Калмыцкого национального района.

Между тем особенности хозяйственного, политического и культурного развития калмыков в Сальском округе в 1920-е гг. требуют особого исследовательского внимания и позволяют реконструировать этносоциальные процессы во всей их полноте и многообразии. Привлечение неопубликованного ранее архивного материала в совокупности с достижениями современной научной литературы дают возможность выявить специфику межэтнического взаимодействия с участием калмыцкого населения через призму государственной политики на территории Сальского округа, выделить ее основные направления, черты и характер, а также результаты и восполнить этот пробел в историографии.

2. Историография и методология исследования

История калмыков, в том числе донских, нашла отражение в комплексе исследований, затрагивающих различные аспекты их исторического расселения и развития в регионе, в том числе в дореволюционный — позднеимперский период, а также в годы Гражданской войны и первые десятилетия советской власти. В работах крупнейшего специалиста по истории калмыцкого народа К. Н. Максимова рассматриваются вопросы экономического и социального положения калмыков Сальского округа на рубеже XIX–XX вв., административного устройства калмыцких станиц накануне революции 1917 г. [Максимов 2002; Максимов 2015], развития калмыцкого сообщества на Дону в условиях гражданского противостояния, в период нэпа, коллективизации с учетом создания

Калмыцкого района, Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие [Максимов 2016]. История донских калмыков в широкой исторической ретроспективе также представлена в трудах исследователей [Максимов 2016; Александровская 2019].

В работах Е. Ф. Кринко анализируются проблемы административного устройства донских калмыков в Сальском округе сразу же после окончания Гражданской войны в контексте образования Калмыцкой автономной области в 1920 г. Выделяются факторы и причины, приведшие к сохранению значительной части калмыцких станиц в составе Сальского округа Донской области и отказу донских калмыков войти в состав калмыцкой автономии [Кринко 2019а]. Особую ценность представляет публикация комплекса архивных документов из фонда Донского областного исполнительного комитета Государственного архива Ростовской области, позволяющих раскрыть перипетии дискуссии о судьбе донских калмыков. В том числе протоколы собраний калмыков ряда станиц Сальского округа, журналы пленума ЦИК Автономной области калмыцкого трудового народа, протоколы заседаний президиума Сальского окрисполкома и т. д. [Кринко 2019б].

Ряд исследований посвящен некоторым аспектам создания и развития Калмыцкого национального района, в том числе проблеме выбора его административного центра, миграции калмыцкого населения, специфики его социально-экономического и культурного развития в условиях коллективизации и проводившейся политики коренизации [Аверьянов 2015; Акопян 2023].

В данной связи мы можем выделить некоторую исследовательскую лакуну в истории донских калмыков в период 1920-х гг., который можно охарактеризовать как «промежуточный» — между этапом их территориального самоопределения в Сальском округе в условиях образования Калмыцкой АО и формирования Калмыцкого национального района. Между тем именно в это время ведутся дискуссии относительно ключевых задач и приоритетов национальной политики, складываются и получают свое развитие основные ее направления и принципы, а также достигаются важные результаты, которые учитывались при создании Калмыцкого района.

В качестве методологического инструментария исследования задействованы принципы объективности и историзма, компаративистского метода, с помощью которого удалось выявить и провести сравнительный анализ основных инструментов национальной политики в отношении калмыцкого и немецкого населения Сальского округа в 1920-е гг., выделить сходства и различия их социально-экономического развития, а также меры государственной политики в отношении этнических сообществ региона. В статье задействована также концепция «новой локальной истории», позволяющая рассмотреть дисперсные этносы как устойчивые локальные этносоциальные структуры со всеми присущими им особенностями и спецификой внутреннего развития. Теория модернизации позволяет выявить цели, задачи, логику государственной национальной политики в контексте социально-экономических трансформаций советского общества.

3. Материалы исследования

В статье использованы документы государственных архивных учреждений, в том числе Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Госу-

дарственного архива Ростовской области (ГА РО) и Государственного архива Ставропольского края (ГА СК). В частности необходимо отметить материалы ГА РФ, входящие в состав дела № 72 описи 120 фонда № 1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) РСФСР)), в том числе доклад об обследовании национальных меньшинств в Сальском округе, представленный в президиум окружного исполкома, где были указаны особенности хозяйственно-го, социального, культурно-бытового уклада калмыков и немцев, специфика их взаимодействия; протокол Сальской окружной конференции калмыков и немцев от 17 мая 1925 г., где содержатся тезисы выступления представителей этнических сообществ из различных населенных пунктов округа; примерный план образования национальных меньшинских сельсоветов в Сальском округе и др.

В деле № 76 описи 124 фонда № 1235 ГА РФ имеются материалы о подготовке и непосредственном образовании Калмыцкого национального района, в том числе переписка окружных и краевых советских и партийных органов с президиумом ВЦИК РСФСР, доклады, выписки из протоколов заседания Административной комиссии при президиуме ВЦИК и др.

В архивных делах ГА РО и ГА СК (переписка и материалы заседаний партийных и советских органов, справочная и отчетная документация) содержатся сведения о состоянии дел в хозяйственной, общественной, культурно-бытовой жизни этнических меньшинств Сальского округа и Калмыцкого национального района.

Статистическая информация об этническом составе населенных пунктов Сальского округа, где проживали калмыки и немцы, имеется в сборниках по итогам переписи населения 1897 г. [[Первая Всеобщая перепись 1905](#)] и 1926 г. [[Поселенные итоги переписи 1929](#)].

4. Этнодемографические процессы в Сальском округе в позднимперский и раннесоветский период

Территория Сальских степей к концу XVIII в. стала местом складывания калмыцкого социума на Дону параллельно с его инкорпорированием в донское казачество. Служилые казаки-калмыки считались коренными жителями области Войска Донского. Образованный в 1806 г. Калмыцкий округ стал местом консолидации и притока калмыцкого населения из соседних регионов. С упразднением в 1884 г. его территория вошла в состав созданного Сальского округа с центром в станице Великокняжеской¹, который отличался полиэтничностью. Согласно результатам переписи населения 1897 г., в его пределах проживало 76,3 тыс. человек, в том числе 28 131 тыс. калмыков и 778 немцев [[Первая Всеобщая перепись 1905: 96–98](#)]. Численность населения и количество населенных пунктов в округе непрерывно росли, в том числе за счет калмыцких станиц, например, Батлаевской, Денисовской, Чунусовской, Эркетиной, Бурульской и др.

После Гражданской войны численность калмыков на Дону значительно сократилась из-за человеческих потерь на полях сражений, эмиграции за рубеж, переселения в Калмыцкую автономную область, эпидемий и голода. Согласно данным частичной переписи 1920 г., на территории образованного четыре года спустя Сальского округа в новых границах проживало немногим больше 10 тыс. калмыков (см. табл. 1).

¹ Ныне город Пролетарск.

Таблица 1. Национальный состав Сальского округа Северо-Кавказского края (перепись 1920 г., границы 1924 г.) [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 83. Л. 96об.]

[Table 1. The National Composition of the Salsky District North Caucasus Region (1920 census, 1924 borders)]

Народы	Численность (чел.)
Русские, украинцы и белорусы	346 886
Калмыки	10 579
Немцы	5 654
Татары	684
Армяне	351
Прочие	1 824
Итого	365 981

Воссозданный в июне 1924 г. Сальский округ в новых границах в составе Северо-Кавказского края в территориальном отношении был значительно больше и составлял 36,9 тыс. км², тогда как в Области Войска Донского он составлял 21,5 тыс. км². Центром нового округа с августа 1924 г. вплоть до его ликвидации в 1930 г. вместо станицы Великокняжеской стал рабочий поселок Торговый, переименованный в Сальск и получивший городской статус в 1926 г. На момент создания округ включал в себя Атаманский, Дубовский, Западно-Коннозаводческий, Зимовниковский, Орловский районы и был расширен за счет присоединения из состава 1-го Донского округа — Романовского и Цимлянского районов, а также Белоглинского и Воронцово-Николаевского районов Ставропольской губернии [Административно-территориальное 1996: 23].

Согласно оценочным данным в 1924–1925 гг., численность калмыков в Сальском округе достигала 10,6 тыс. человек, что составляло две трети от всего калмыцкого населения в Северо-Кавказском крае. Около 4,5 тыс. калмыков проживало в Ставропольском округе, который наряду с Калмыцкой АО также был одним из направлений их миграции [ГА РО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 234. Л. 78].

В 1926 г. произошла реорганизация Сальского округа, который стал включать в себя 1 город (Сальск), 10 районов (Белоглинский, Воронцово-Николаевский, Дубовский, Заветинский, Западно-Коннозаводческий, Зимовниковский, Пролетарский, Ремонтненский, Романовский, Цимлянский), 125 сельсоветов и 1 323 населенных пункта [Поселенные итоги переписи 1929: 213]. Согласно данным переписи населения 1926 г., численность и доля калмыцкого населения еще больше сократились, прежде всего за счет миграции в Калмыцкую АО. Практически все калмыки проживали в сельской местности, т. е. вне Сальска (см. табл. 2).

Таблица 2. Национальный состав Сальского округа Северо-Кавказского края (перепись 1926 г.) [Всесоюзная перепись населения 1926 года]

[Table 2. The national composition of the Salsky district of the North Caucasus Region (1926 census)]

Народы	Численность (чел.)	Городское население (чел.)	Сельское население (чел.)
Русские	246 863	3 516	243 347
Украинцы	207 195	2 647	204 548
Калмыки	8 400	13	8 387
Немцы	3 544	51	3 493

Белорусы	1 435	156	1 279
Прочие	4 130	461	3 669
Итого	471 567	6 844	464 723

Калмыки жили дисперсно — от отдельных компактных сообществ в станицах и хуторах до небольших групп в несколько десятков человек и менее. Обращает внимание, что в переписи 1926 г., кроме этнической принадлежности респондента, указывалось также его казачье происхождение. Данное правило распространялось также на калмыков, многие из которых, помимо своей национальности, указывали на свою принадлежность к казакам. Например, в станицах Батлаевской (333 чел.), Граббевской (201 чел.), Бурульской (100 чел.), Власовской (307 чел.) и других. Калмыки также компактно концентрировались в хуторах Ново-Николаевском (586 чел.), Пандинском (292 чел.), Эркетинском (280 чел.), Зюнгарском (280 чел.), Чунусовском (256 чел.), Худжурта (191 чел.), Стояновском (162 чел.), Старо-Беляевском (122 чел.), Супрунов (111 чел.) и др. Больше всего калмыков проживало в Зимовниковском, Дубовском, Ремонтненском, Романовском районах Сальского округа, а также в Западно-Коннозаводческом, Заветинском, Пролетарском, Цимлянском районах (подсчитано по: [Поселенные итоги переписи 1929: 213–250]).

Проблему продолжавшейся миграции калмыцкого населения региональные власти пытались решить с помощью создания национальных сельсоветов и политики коренизации, которая должна была обеспечить возможность развития национальных форм жизнедеятельности. В конечном итоге такая политика привела к некоторой стабилизации численности калмыков, часть из которых была сосредоточена в созданном в 1929 г. Калмыцком национальном районе. В октябре 1931 г. здесь проживало 10 547 человек, калмыки составляли при этом 63 % [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 23 Л. 16]. По итогам переписи 1939 г. в Ростовской области было зафиксировано 9 047 калмыков, в том числе 3 805 человек в Калмыцком районе (подсчитано по: [Всесоюзная перепись населения 1939 года]). Тем самым общая численность калмыков на Дону стабилизировалась, хотя по сравнению с дореволюционным периодом сократилась почти в три раза.

5. Сальский округ как зона межэтнического взаимодействия: особенности и проблемы социальных и хозяйственных отношений

С царских времен донские калмыки-казаки, будучи частью единого войскового организма, интегрированные в его административные структуры, имели привилегию владения землей. Особенностью экономики калмыков было сохранение преимущественно кочевых форм хозяйствования, предполагавших наличие значительных земельных ресурсов, которые активно сдавались в аренду иногороднему населению, в том числе русским и малоросским (украинским) крестьянам, а также немцам-колонистам. В докладе об обследовании национальных меньшинств в Сальском округе, адресованном президиуму Сальского окружного исполкома, отмечалось, что немцы в противовес коренному населению — калмыкам — до революции жили в округе на правах арендаторов. Особенности арендных отношений заключались в передаче земли на непродолжительный срок — один год, реже два-три года, запрете немцам разводить сады, насаждать

деревья и т. д. Это приводило к тому, что, «не имея под собой твердой базы, немцы жили налегке, хороших построек не возводили и всегда были готовы двинуться в другое место» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 190].

Немецкие хозяйства были «плохими», арендаторы были заинтересованы в максимальном истощении земли, после чего калмыки запускали ее «под залеж» и сдавали землю в другом месте. После революции немцы получили землю в постоянное трудовое пользование, поддержав советскую власть. В местах их компактного проживания планировалось создание немецких сельсоветов.

Калмыки лишились монополии на землю. Их станицы опустели, хозяйства расстроились, почти лишились скота. Встал вопрос об их хозяйственном устройстве в новых условиях, причем планировалось изменение характера их деятельности. В докладе отмечалось, что немцы могли бы стать «образцом для окрестного калмыцкого населения, как хлеборобы» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 190]. Другой проблемой стал массовый приток в сальские степи русских крестьян, страдавших от малоземелья в других регионах страны, которые захватили и скупили у оставшихся калмыков значительную часть их земель. Вследствие нерегулируемой миграции стали происходить конфликты: переселенцы требовали земли на общих основаниях с коренным населением. Калмыцкие станицы заселялись русскими крестьянами. Например, бывшая калмыцкая станица Батлаевская примерно на 60 % заполнилась «пришлым элементом из Сибири и других мест» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 190].

В создавшихся условиях на фоне обострявшегося дефицита земли и частичного возвращения калмыков на прежние места проживания встал вопрос о наделении их необходимым количеством земли соответственно хозяйственному профилю. Кроме того, калмыцкие и частично немецкие хозяйства испытывали острую нужду в сельскохозяйственном инвентаре и в кредите на его приобретение. Особое внимание окружными властями уделялось состоянию развития сельскохозяйственной и потребительской кооперации. В условиях нэпа кооперация мыслилась как главный механизм приобщения крестьянского населения, в том числе калмыков и немцев, к коллективным формам хозяйства. К 1925 г. отмечалось, что кооперация среди них «незначительна», «стоит на мертвой точке». Единые потребительские общества (ЕПО) и Кредитные товарищества, стесненные недоступным кредитом и лишенные собственного оборотного капитала, не имели возможности сбыта необходимых на селе товаров. В результате цены на товары в кооперативах были непомерно высокими, и крестьяне были вынуждены обращаться к услугам «частных торгашей» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 192].

Введение хозяйственных процессов в нужное для местных органов власти русло в значительной степени зависело от административного аппарата, основу которого составляли сельские советы как низовая форма самоорганизации. Образование сельсоветов в калмыцких и немецких населенных пунктах осложнялось наличием традиционных форм управления. Однако ситуация имела принципиальное отличие: среди немецкого населения этот процесс протекал значительно трудней, чем среди калмыков. Немцы сохраняли общие собрания и институты сотских, которые пользовались непререкаемым авторитетом, в то время как сельсоветы заседали редко — иногда они не собирались целыми месяцами. Одной из причин сложившейся ситуации указывалось непонимание

самими членами сельсоветов своих прав и обязанностей. Принципиально иная ситуация фиксировалась в калмыцкой среде. Несмотря на имевшиеся трудности, отмечался большой потенциал советского строительства на местах. Заседания сельсоветов проводились не реже одного раза в месяц, а президиумы заседали от двух до пяти раз. На общегражданских собраниях активисты зачастую разъясняли распоряжения вышестоящих советских органов, а также делались доклады о работе сельсоветов [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 192].

По результатам обследования национальных меньшинств Сальского округа отмечались затруднения с развитием культурно-образовательной и бытовой сферы среди немецкого и калмыцкого населения. При этом выделялись как общие, так и специфические сложности, присущие каждому этносообществу. Первые были связаны с низким уровнем грамотности населения, нехваткой школ для детей, учебников на национальных языках, учителей, изб-читален, пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов), больниц, медпунктов и других объектов социальной инфраструктуры. Вместе с тем общая гуманитарная обстановка среди калмыков расценивалось как гораздо более благоприятная и перспективная. Отмечалось, что калмыцкая молодежь испытывала потребность в получении образования, стремилась попасть в высшие учебные заведения, однако не имела такой возможности по причине недостаточного внимания со стороны региональных властей. Давалась довольно высокая оценка уровню подготовки калмыцких учителей, «производивших хорошее впечатление своей развитостью и активностью» [ГА РФ. Ф.Р – 1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 191]. В целом культурно-просветительская работа среди калмыков была организована несравненно лучше, чем у немцев. Наблюдался также поколенческий раскол, поскольку калмыцкая молодежь была более восприимчива к советской общественной работе, нежели старшее поколение. Определенные результаты имело женское и пионерское движение, развитие комсомольских ячеек. Одним из показательных моментов было отношение населения к религии и священнослужителям: «старика в религию верят слепо», молодежь относилась к ней более «критически» [ГА РФ. Ф.Р – 1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 191]. Хотя в целом подчеркивался высокий уровень религиозности среди калмыков. Указывалось также на незначительное посещение хурулов, падение авторитета гелюнг¹ (в документе — гелюны), в частности из-за употребления ими спиртных напитков. Если старики относились к этому «индифферентно», то молодежь в целом воспринимало это негативно. Констатировалось, что гелюнги «живут пресквернейше-бедно, как нельзя» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 191]. По всей видимости, религиозная ситуация в калмыцкой среде была более сложной. Религия по-прежнему занимала видное место среди калмыков, в том числе молодежи. Другое дело, что в 1920-е гг. борьба с ней носила относительно мягкие формы. После секретного циркуляра ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» в январе 1929 г. государственная политика в части борьбы с религией приняла более жесткий характер [О мерах по усилению]. В результате исчезли легальные формы деятельности буддийских священнослужителей, в частности прекратил существование институт лам донских калмыков.

Принципиально иная ситуация наблюдалась у немцев, в том числе среди молодежи. Констатировалось практически полное отсутствие культурно-про-

¹ Буддийский священнослужитель.

светительской работы, нехватка школ, изб-читален, а также дефицит учителей и избачей. Школьным образованием был охвачен незначительный процент детей. Однако следует отметить, что констатацию местными советскими и партийными органами низкого уровня культурно-просветительской и школьной работы среди немецкого населения следует воспринимать с точки зрения продвижения советских общественных и политических норм. В немецких общинах уровень грамотности был довольно высок, прежде всего за счет функционировавших при церквях и молитвенных домах школ, где главную роль играли священнослужители. Поэтому главной причиной общественной пассивности немецких колонистов местные власти считали высокий уровень религиозности по причине влияния на их повседневную жизнь пасторов и консервативной сельской зажиточной верхушки. Отмечалось, что главная задача немецких юношей и девушек — подготовка и проведение обряда конфирмации, к которому они подготавливаются пастырем [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 191]. Поэтому внедрение советских форм общественной работы и образования, наряду с развитием кооперации, считалось приоритетной формой работы в этнической среде в 1920-е гг.

6. Национальная политика в Сальском округе: основные направления, механизмы и результаты

Одним из факторов государственной политики в отношении донских калмыков стала резолюция «По вопросу о казачестве», принятая на апрельском Пленуме ЦК РКП(б) в 1925 г. Она ознаменовывала начало политики «лицом к казачеству», направленной на интеграцию казаков в советское общество [По вопросу о казачестве 1925]. Но национальный фактор в отношении калмыков явно довлел над сословным, так как калмыки, подпадавшие под категорию «национального меньшинства», изначально были объектом прежде всего национальной политики. В условиях сокращения численности населения в малонаселенном Сальском округе после Гражданской войны необходимым представлялось удержание калмыцкого населения путем создания благоприятных условий для ведения хозяйства и социальной инфраструктуры.

Важнейшими задачами региональное и местное руководство определяло проведение землеустройства среди калмыков, развитие различных форм производственной и потребительской кооперации, а также усиление советской культурно-просветительской работы, прежде всего в молодежной среде. Ключевым и универсальным механизмом выступало создание национальных сельсоветов. Проблему дисперсности проживания калмыцкого населения среди русского большинства планировалось разрешить путем планового расселения калмыков и создания этнически однородных населенных пунктов, выделенных в калмыцкие сельсоветы. Делегаты от калмыков в ходе работы Сальской окружной конференции калмыков и немцев, которая состоялась 17 мая 1925 г., отмечали одним из «тормозов» в разрешении тех или иных общественных вопросов смешанный характер проживания с русским населением. Представитель калмыцкой делегации Ушанов¹ заявил, «что в силу культурной отсталости и в целях поднятия таковой необходимо более мелкие населенные пункты со смешанным населением объединить в более крупные национальные населенные пункты».

¹ Здесь и далее инициалы не известны.

Балков и Самтонов отмечали, что «ненормальную» связь между нацменами можно изжить посредством группирования, выбирая центрами чисто калмыцкие населенные пункты. Сухаринов обращал внимание участников конференции на тесное группирование всех калмыков Сальского округа в несколько крупных единиц — сельсоветы. В ходе обсуждения предлагались конкретные варианты решения поставленной задачи. Например, делегат Голенгинов высказывался за группирование калмыков бывшей Денисовской станицы и хутора Ново-Николаевский и образование национального сельсовета [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 198]¹.

Участники конференции постановили присоединить некоторые населенные пункты с калмыцким населением к вновь создаваемым национальным сельсоветам. Например, хутора Батлаевский, Денисовский, Атаманский, Ново-Николаевский. Иловайский сельсовет с большинством русского населения предлагалось оставить русским, одновременно выделив из его состава калмыцкие населенные пункты, объединив их в новый национальный сельсовет, назвав его «Городовиковским». Из состава Арбузовского сельсовета планировалось также выделить особый совет с калмыцким населением, назвав его Хомутниковским. Участники конференции отметили необходимость окружному исполкому заняться «вопросом укрупнения населенных пунктов с калмыцким населением за счет переселения наиболее мелких в наиболее крупные, а также вопросом переселения калмыков из Восточного района в Западный» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 198].

В отличие от калмыцкого населения немцы проживали достаточно компактно, поэтому сложностей с образованием немецких национальных сельсоветов практически не наблюдалось. Например, в хуторе Бекетный Пролетарского района проживали исключительно немецкие колонисты численностью 1,2 тыс. человек. В рамках плана образования сельсоветов национальных меньшинств в Сальском округе, одобренного конференцией и утвержденного на заседании президиума Сальского окрисполкома от 18 сентября 1925 г., планировалось создание Бекетовского и Немецко-Потаповского немецких сельсоветов, а также Денисовского (хутор Ново-Николаевский), Кутейниковского (хутор Зюнгарты), Стояновского (хутора Атаманский и Ново-Алексеевский), Граббевского (хутора Худжурта, и Пандинский), Власовского и Батлаевского калмыцких сельсоветов [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 189].

Весной 1926 г. было заявлено об образовании трех национальных (калмыцких) сельсоветов — Граббевского и Кутейниковского в Зимовниковском районе, Батлаевского — в Романовском районе [Административно-территориальное 1996: 24]. В ряде документов отмечается, что в 1928 г. в Сальском округе функционировало семь калмыцких сельсоветов [ГА СК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1749. Л. 20]. Однако их национальный статус не был закреплен в нормативно-правовом поле. Калмыцкими их называли по традиции на волне проводившейся политики коренизации, поскольку в них проживало калмыцкое население.

В рамках политики коренизации в данных сельсоветах изначально планировался перевод делопроизводства на родные языки. Однако данный аспект вызвал дискуссии и расхождения во взглядах, поскольку осуществить перевод работы

¹ Ни в одном из архивных документов, которые были найдены с этими фамилиями, не указаны имена и отчества.

административного аппарата на калмыцкий язык в короткие сроки было крайне проблематично. Докладчик по вопросам советского строительства среди национальных меньшинств Алаухов не соглашался с другим делегатом Шалхаковым, отмечая, что в силу объективных обстоятельств необходимо воздержаться от перевода делопроизводства на калмыцкий язык, и «желает продолжения (работы аппарата сельсоветов. — А. А.) на общепонятном языке (русском) как имеющем всесоюзное значение...» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 198].

С целью повышения уровня грамотности и образования среди калмыцкого населения приоритетными направлениями работы объявлялось развитие сети национальных школ с преподаванием на родном языке, ликпунктов, изб-читален. К исходу 1920-х гг. в калмыцких населенных пунктах функционировали 12 школ, 2 избы-читальни, 3 сезонных ликпункта и 2 годовых ликпункта [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 123. Л. 4]. Особое внимание уделялось закупке учебников и другой учебно-методической литературы на калмыцком и немецком языках. В частности на заседании президиума Сальского окрисполкома (5 июня 1925 г.) постановлялось выделить не менее 5 % средств, «ассигнованных в будущем бюджетном году на приобретение литературы, на покупку литературы на калмыцком языке, и не менее 3 % на немецком» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 195]. С целью обеспечения национальных школ квалифицированным педагогическим составом планировалось закрепить за калмыцкими школами работников, командированных на курсы в Астрахань. Немецких учителей из русских школ предписывалось перевести в немецкие школы. Одно место в вузах, из выделенных четырех мест на весь Сальский округ, закреплялось за калмыками [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 195].

В отчетном письме Сальского окрисполкома в Северо-Кавказский крайисполком по итогам прошедшей в мае 1925 г. окружной конференции национальных меньшинств отмечались промежуточные результаты работы в образовательной и культурно-просветительской сфере. В частности была открыта школа-интернат за счет средств госбюджета в калмыцком хуторе Кутейниковском Зимовниковского района на 70 учащихся. Сообщалось о скором начале работы пяти калмыцких изб-читален и девяти ликпунктов. С целью активизации работы в области ликвидации неграмотности прорабатывались вопросы подготовки кадров, способных работать с калмыками на родном языке. В частности в Астрахань в рамках повышения квалификации для этих нужд были командированы два специалиста. На курсы в Астрахань были также отправлены шесть учителей калмыков, в Астраханский педагогический техникум — два человека, которых после обучения планировалось закрепить за калмыцкими школами [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 195].

Работу с этническими сообществами в Сальском округе планировалось курировать на постоянной основе на окружном уровне. С этой целью участники конференции национальных меньшинств отмечали необходимость создания при окрисполкоме Комиссии по работе среди национальных меньшинств с калмыцкой и немецкой секциями. Президиум комиссии должен был состоять из представителей заинтересованных учреждений. При районных исполкомах анонсировалось выделение уполномоченных по работе среди национальных меньшинств. В комиссию выдвигались от калмыцкого населения хутора Зюнгар — Шалхаков, хутора Власовский — Ушанов, станицы Батлаевской — Го-

ленгинов. От немецкого населения хутора Немецко-Потаповский — Вейнер, хутора Бекетный — Гайгер [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 199]. 9 апреля 1925 г. был выделен Уполномоченный по делам национальных меньшинств при президиуме Сальского окрисполкома. Им стал тов. Ушанов [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 225].

Важнейшим направлением государственной политики в этнической среде в 1920-е гг. было проведение землеустройства. Неотъемлемым условием являлась поддержка национальных хозяйств и преодоления кризиса, вызванного Гражданской войной, засухой и неурожайными годами. Констатировалось, что после 1922 г. темпы восстановления калмыцких скотоводческих хозяйств (животноводство, в том числе овцеводство) имели положительную динамику. В числе приоритетных мер отмечалась необходимость их снабжения племенными производителями, обеспечения долгосрочным кредитом, сельскохозяйственным инвентарем, открытия ветеринарных пунктов в центре национальных сельсоветов, агропросветительской работы на национальном языке [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 199].

С целью решения проблемы землеустройства калмыцкого населения Отдел землеустройства Сальского округа определял максимальную норму хозяйств в 9 десятин на едока. Однако сами калмыки считали, что для ведения скотоводческого хозяйства выделение такого количества земли является недостаточным. Их требования сводились к получению не менее чем 15 десятин земли, для чего они просили забронировать запасной фонд земли для тех, кто был вынужден по различным причинам перебраться в другие места и в текущий момент возвращались обратно [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 190].

Одним из способов решения проблемы дефицита земельных ресурсов являлось развитие среди калмыков передовых форм землепашества и производственной кооперации. Приоритет отдавался массовым формам работы с целью вовлечения как можно большего количества населения в кооперативы, считавшиеся главным механизмом развития коллективных форм хозяйства. Особое внимание отводилось подбору руководителей из калмыков и агитационным мероприятиям с целью разъяснения преимуществ вступления в кооперативы.

Проблема нехватки земли, как и в 1920 г., вновь обострила вопрос о переселении части калмыков, которые вели скотоводческое хозяйство, в Калмыцкую автономную область. Окружные власти констатировали, что Сальский округ оставался дефицитным с низким уровнем развития хозяйства. Они рассчитывали решить этот вопрос путем интенсификации калмыцких хозяйств за счет создания Калмыцкого национального района, однако эта инициатива была резко негативно воспринята руководством Калмыцкой АО и Нижне-Волжского края. Вопрос о Калмыцком районе стал объектом многочисленных разногласий и согласований между Северо-Кавказским и Нижне-Волжским крайисполкомами, Сальским окружным исполкомом, Калмыцкой автономной областью, Административной комиссией и Президиумом ВЦИК [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 76. Л. 4–37].

Нижне-Волжский крайисполком предлагал осуществить «присоединение к Нижне-Волжскому краю всего куска Сальского округа между так называемым Манычским коридором и основным массивом Нижне-Волжского края (южной частью Сталинградского округа) с тем, чтобы местности, населенные калмыками, отошли к Калмоласти, а местности с русским населением к Сталинград-

скому округу» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 76. Л. 8а]. В ход шла политическая риторика. В письме представительства Нижне-Волжского краевого исполкома в Москве в секретариат ВЦИК о переселении сальских калмыков в Калмобласть указывалось: «Создается впечатление, что в составе Северокавказских организаций, начиная с первого калмыцкого райисполкома, отражаются как бы мнения кулацких слоев...» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 76. Л. 8].

Однако, несмотря на протесты со стороны руководства Нижне-Волжского края, постановление Президиума ВЦИК о создании Калмыцкого района в составе Северо-Кавказского края осталось неизменным. Свое решение Административная комиссия ВЦИК аргументировала тем, что «часть калмыков, преимущественно кочевого образа жизни, перекочевала в Калмыцкую Автономную область, другая часть объединена в настоящее время в национальный Калмыцкий район с центром в поселке Зимовники» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 76. Л. 13]. После создания Калмыцкого района его представитель У. К. Илишкин обратился к руководству Калмыцкой АО с просьбой приостановить переселение [Богшрахинский аймак и богшрахинцы 2002: 20]. Создание Калмыцкого национального района ознаменовало начало нового этапа в развитии калмыцкого населения Сальского округа.

7. Выводы

Территория Сальского округа после революции значительно увеличилась, что повлияло на его этнический баланс. Численность и доля калмыков в структуре населения существенно сократилась, а характер экономических и социальных отношений принципиально изменился: приоритетное право калмыков как представителей казачьего сословия на владение землей было упразднено. Значительная часть земли перешла в руки русских крестьян-переселенцев, а также немецких колонистов, которые ранее арендовали земли у калмыков. Вместе с тем радикальная ломка прежней социальной структуры местного калмыцкого сообщества вследствие высоких демографических потерь в годы Гражданской войны и эмиграции повлекла за собой ее значительную социальную и политическую гибкость. Оставшиеся в Сальском округе калмыки, прежде всего молодежь, в целом демонстрировали высокую заинтересованность в реализации советских проектов в области административного устройства (советского строительства), культуры, образования и т. д. Основным механизмом вовлечения калмыцкого населения в этот процесс стало административно-территориальное выделение национальных калмыцких сельсоветов и проведение политики коренизации. Дисперсное расселение калмыцкого населения и большое расстояние между населенными пунктами значительно затрудняли реализацию этих мер. Однако выделение калмыцких сельсоветов по объективным причинам носило в большей степени декларативный характер. Северо-Кавказский крайисполком отклонил предложение Сальского окрисполкома о размежевании населенных пунктов, где проживали калмыки, по национальному признаку в рамках образования калмыцких национальных сельсоветов. Во многом поэтому волна ликвидации национальных районов во второй половине 1930-х гг. обошла Калмыцкий район, который просуществовал до 1944 г.

К концу 1920-х гг. по-прежнему актуальным оставался вопрос о землеустройстве, что, как и в первые постреволуционные годы, реанимировало проблему

миграции калмыков в Калмыцкую АО. Однако донские калмыки в целом сохранили свою локальную этнокультурную идентичность, о чем свидетельствовали итоги переписи 1926 г., в ходе которой значительная часть калмыков продолжала идентифицировать себя казаками. Дальнейшее административное и земельное устройство местных калмыков обусловило создание Калмыцкого национального района в Сальском округе, что было негативно воспринято в Калмыцкой АО. Проблема имела не только политическую, но и хозяйственную подоплеку, поскольку дефицит земли в самой Калмыцкой области не давал возможности окончательно решить вопрос с переселением всех сальских калмыков и их землеустройством. Апеллируя к необходимости концентрации всего калмыцкого населения в Калмыцкой АО, руководство Нижне-Волжского края предлагало включить часть Сальского округа с компактным проживанием калмыков в свой состав, что, однако, не было поддержано на республиканском уровне. Создание Калмыцкого национального района совпало по времени с начавшейся коллективизацией, которая должна была решить проблемы землеустройства и интенсификации калмыцких хозяйств в рамках коллективных способов ведения хозяйства.

Источники

- Всесоюзная перепись населения 1926 года — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. Демоскоп [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 10.02.2024).
- Всесоюзная перепись населения 1939 года — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России Демоскоп [электронный ресурс] // URL: http://https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (дата обращения: 10.02.2024).
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- ГА РО — Государственный архив Ростовской области.
- ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.
- О мерах по усилению — О мерах по усилению антирелигиозной работы (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). Исторические материалы [электронный ресурс] // URL: <https://istmat.org/node/59437> (дата обращения: 20.03.2024).
- Первая Всеобщая перепись 1905 — Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Вып. 12. Область войска Донского / Изд. центр, стат. ком. мин-ва внутрен. дел; ред. Тройницкий Н. А. [Б. м.]: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1905. 255 с.
- По вопросу о казачестве 1925 — По вопросу о казачестве. Резолюция Пленума ЦК РКП(б). 23–30 апреля 1925 г. // Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 3: 1922–1925. М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 349–351.
- Поселенные итоги переписи 1929 — Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д.: Гостип. им. Коминтерна Севкавполиграфтреста, 1929. 468 с.

Sources

- All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Region of the RSFSR. North Caucasus Region. Demoscope. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (Accessed: 10 February 2024). (In Russ.)
- All-Union Population Census of 1939. National Composition of the Population by Regions of Russia Demoscope. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (Accessed: 10 February 2024). (In Russ.)
- On Measures to Strengthen Anti-Religious Work. Proceedings of the Resolution of the PB

- Dated 24 January, 1929, Protocol No. 61, item 4. Historical Materials. Available at: <https://istmat.org/node/59437> (Accessed: 20 March 2024). (In Russ.)
- On the Issue of the Cossacks. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the Russian Communist Party(b). 23–30 April, 1925 Communist Party of the Soviet Union. Proceedings of the Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988). Moscow: Publishing House of Political Literature, 1984. Vol. 3: 1922–1925. Pp. 349–351. (In Russ.)
- State Archive of Rostov Oblast.
- State Archive of Stavropol Krai.
- State Archive of the Russian Federation.
- The first General Census of the Russian Empire in 1897. Vol. 12. Region of the Don Army: Editing Center of the Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. N. Troinitsky (ed.) St. Petersburg: Printing House of V. P. Meshchersky, 1905. 255 p. (In Russ.)
- The Settlement Results of the 1926 Census in the North Caucasus Region. Rostov-on-Don: State Printing House named after Comintern Sevcavpolygraphrest, 1929. 468 p. (In Russ.)

Литература

- Аверьянов 2015 — *Аверьянов А. В.* Национальная политика на Дону в 1930-е годы: на примере Калмыцкого района // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: Научно-образовательный и прикладной журнал. 2015. № 4 (188). С. 50–55.
- Административно-территориальное 1996 — Административно-территориальное 1996 Д Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. II (1924–1937 гг.). Справочник. Ростов н/Д: ООП ОблЦТТУ, 1996. 446 с.
- Акопян 2023 — *Акопян В.З.* Калмыцкий национальный район и проблема выбора его административного центра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 391–399.
- Александровская 2009 — *Александровская Л. П.* Судьбою связаны одной: [история Сальского казачьего округа]. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 636 с.
- Богшрахинский аймак и богшрахинцы 2002 — Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / авт.-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Джангар, 2002. 256 с.
- Кринко 2019а — *Кринко Е. Ф.* В составе Калмыцкой автономии versus Донской области: архивные документы о выборе калмыков Сальского округа в 1920 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 88–128.
- Кринко 2019б — *Кринко Е. Ф.* Сальский инцидент или О том, как донские калмыки не вошли в состав Автономной области трудового калмыцкого народа // Oriental Studies. 2019. Т. 13. № 5. С. 787–798. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-787-798
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2015 — *Максимов К. Н.* Калмыки области Войска Донского на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 3. С. 20–28.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНИЦ РАН, 2016. 576 с.

References

- Alekseeva P. (comp.). Bogsharkha Aimak and Bogshrakha People: Brief Historical Sketches. Elista, 2002. 256 p. (In Russ.)
- Administrative-Territorial Division of the Rostov Region. Part II (1924–1937). Directory. Rostov-on-Don, 1996. 23 p. (In Russ.)
- Akopyan V. Z. Kalmyk National Region and the Problem of Choosing its Administrative Center. *News of Saratov University*. New Episode. Series: History. International Relationships. 2023. Vol. 23. No. 3. Pp. 391–399. (In Russ.)
- Alexandrovskaya L. P. Connected by one Fate: History of the Salsky Cossack District. Elista: NPP “Dzhangar”, 2009. 636 p. (In Russ.)
- Averyanov A. V. National Policy on the Don in the 1930s: the Example of the Kalmyk Re-

- gion. News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences: *Scientific, Educational and Applied Journal*. 2015. No. 4 (188). Pp. 50–55. (In Russ.)
- Krinko E. F. As Part of the Kalmyk Autonomy versus the Don Region: Archival Documents on the Choice of Kalmyks of the Salsky District in 1920. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; 13(1). Pp. 88–128. (In Russ.)
- Krinko E. F. The Salsky Incident or how the Don Kalmyks did not Become the Part of the Autonomous Region of the Working Kalmyk People. *Oriental Studies*. 2019; 13(5). Pp. 787–798. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in National Politics, the System of Power and Management of Russia (17th–20th centuries). M.: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks as Part of the Don Cossacks (17th–mid–20th century). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the RAS, 2016. 576 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks of the Don Army Region at the turn of the 19th–20th Centuries. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2015. No. 3. Pp. 20–28. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 231–241, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-231-241

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-231-241

Общее состояние сельского хозяйства Калмыкии к началу коллективизации

Намсыр Александрович Шиханов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-7273-7253. E-mail: [nshikhanov\[at\]gmail.com](mailto:nshikhanov[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шиханов Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается общее состояние сельского хозяйства в Калмыцкой автономной области к концу 1920-х гг. (до начала коллективизации) в сравнении с соответствующими показателями предыдущих периодов. *Цель* исследования — проанализировать состояние сельского хозяйства Калмыкии накануне сплошной коллективизации. *Материалы.* Источниковая база исследования основана на архивных документах Национального архива Республики Калмыкия. В исследовании проводится анализ статистических данных, документов и других источников, позволяющих оценить уровень развития сельского хозяйства в данном регионе в указанный период. *Результаты.* Проанализировано состояние сельского хозяйства Калмыцкой автономной области к концу 1920-х гг. в сравнении со статистическими данными различных исторических периодов: накануне Первой мировой войны, в годы Гражданской войны и новой экономической политики. Анализ показал, что сельское хозяйство Калмыцкой автономной области, понесшее существенный урон в период Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., сумело за годы НЭПа восстановиться почти по всем направлениям, хотя и не достигло дореволюционных показателей.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, калмыки, сельское хозяйство, земледелие, животноводство, коллективизация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Шиханов Н. А. Общее состояние сельского хозяйства Калмыкии к началу коллективизации // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 231–241. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-231-241

The General Condition of Agriculture in Kalmykia at the Beginning of Collectivization

Namsyr A. Shikhanov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Shikhanov N. A., 2024

Abstract. *Introduction.* This article examines the general state of agriculture in the Kalmyk Autonomous Region by the end of the 1920s (before the beginning of collectivization) in comparison with the corresponding indicators of previous periods. The study is based on the analysis of statistical data, documents and other sources that allow us to assess the level of agricultural development in this region during the specified period. *The purpose of the study:* to consider and analyze the state of agriculture in Kalmykia on the eve of continuous collectivization. The source base of the research is based on archival documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Results.* The article analyzes the state of agriculture in the Kalmyk Autonomous Region by the end of the 1920s in comparison with statistical data from various historical periods: on the eve of the First World War, during the Civil War and the NEP. The analysis showed that the agriculture of the Kalmyk Autonomous Region, which suffered significant damage during the Civil War and famine of 1921–1922, managed to recover in almost all directions during the years of the NEP, although it did not reach pre-revolutionary indicators. **Keywords:** Kalmyk Autonomous Region, Kalmykia, agriculture, animal husbandry, collectivization.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 «The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups».

For citation: Shikhanov N. A. The General Condition of Agriculture in Kalmykia at the Beginning of Collectivization. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. Vol. 16(2): 231–241. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-231-241

1. Введение

Сельское хозяйство Калмыкии, как и многих других регионов советской России, прошло через период значительных изменений в начале XX в., связанных с последствиями Гражданской войны, политики военного коммунизма и голода в Поволжье. В данной статье предпринимается попытка проанализировать общее состояние сельского хозяйства Калмыкии к началу периода коллективизации, сравнить его с показателями предыдущих периодов и выявить основные тенденции развития этого сектора экономики, ключевого для региона.

Калмыкия являлась исключительно аграрным регионом: традиционно калмыцкие кочевники занимались пастбищным скотоводством, а после переселения крестьян и колонистов в XIX в. в этом районе стало развиваться земледелие. Кроме того, в Калмыкии было развито рыболовство, однако в данной статье оно не рассматривается, поскольку границы рыболовных участков до революции, в период нэпа и коллективизации постоянно менялись, и сравнительный анализ этого сектора экономики произвести затруднительно.

Целью данной статьи является изучение и анализ общего состояния сельского хозяйства Калмыкии перед началом коллективизации в сопоставлении с соответствующими показателями дореволюционного времени и периода нэпа.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой данной статьи послужили архивные документы фонда Р-90 «Государственная плановая комиссия Калмыцкой АССР» Национального архива Республики Калмыкии, где отложились копии писем, постановлений, протоколов обследований и перспективные планы развития сельского хозяйства. В этих документах хорошо заметна динамика развития изучаемого вопроса, прежде всего в области скотоводства и земледелия. При проведении анализа использовались и данные из работ, освещающих развитие сельского хозяйства Калмыцкой автономной области данного периода [Бадмаев 1975; Бадмаева 2023; Бакаев 1968; Беликов 1968; Борисенко 2000; Борисов 1926; Калмыцкая область 1927; Максимов, Лиджиева 2017: 62–65; Оглаев 1987; Очиров 2006: 368–371; и др.].

В ходе работы над статьей были применены общенаучные и специальные исторические методы. Необходимость описания состояния динамики сельского хозяйства обусловила использование историко-генетического метода. Для сопоставления статистических показателей аграрного сектора дореволюционного времени и периода нэпа с данными конца 1920-х гг. был применен историко-сравнительный метод.

3. Калмыкия: общее состояние сельского хозяйства

Калмыцкая автономная область была образована 4 ноября 1920 г. совместным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР. В истории калмыцкого народа начался новый этап. В состав вновь созданного региона вошли 8 улусов с 43 аймаками и один Ремонтенский уезд, населенный в основной массе славянским населением. Новообразованной области необходимо было восстановить экономический сектор, понесший большой урон из-за Гражданской войны, а также голода 1921–1922 гг. Некоторые населенные пункты исчезли, количество скота резко уменьшилось [Очиров 2009: 287]. Поэтому восстановление экономической базы было первоочередной задачей калмыцкого правительства в начале 1920-х гг.

В 1927 г. Калмыцкая автономная область (далее — КАО) с севера граничила со Сталинградской губернией, с востока — с Астраханской губернией, с юга — с Терским и Ставропольским округами Северо-Кавказского края, с запада — с Сальским округом Северо-Кавказского края. Территориально-административные границы были проведены по национальному признаку. Площадь КАО тогда была равна 77 213 км², что составляло 7 046 777 дес.¹, с востока на запад по прямой линии территория тянется примерно на 500 верст, с севера на юг — 400 верст [Манджиев, Клюкин 1979: 15].

Основу сельского хозяйства Калмыкии составляло животноводство; исторически для калмыцкого народа оно было основным занятием. Создание калмыцкой автономии не повлияло на традиционную структуру скотоводческого хозяйства, но внесло новую форму хозяйствования: скот, изъятый без выкупа из частной собственности, был превращен в государственную собственность. При советской власти усилилось развитие земледелия.

¹ Десятина — старая русская единица земельной площади, равна 1,09 га.

По природным климатическим условиям и почвам территорию Калмыкии можно разделить на три основные зоны:

1) западная — зона зернового и животноводческого направления (Большедербетовский улус). Ее почвенный покров сравнительно однородный, преобладают темно-каштановые почвы наряду со степным черноземным типом, также есть западно-предкавказские черноземы. Этот район наиболее пригоден для развития земледелия;

2) центральная — зона тонкорунного овцеводства, мясного скотоводства с зерновым хозяйством. Делится на две подзоны: юг Ергеней и Приманычские земли; север Ергеней. Наибольшее распространение в этом районе имеют светло-каштановые почвы, но также имеются и другие типы почв (пустынно-степные и бурые);

3) восточная — зона тонкорунного овцеводства и мясного скотоводства. Стоит из двух подзон: северная — Сарпинская низменность; южная — Черные земли. Наиболее распространены почвы: бурые легкосуглинистые, слабосолонцеватые на суглинке и супеси. В приволжской полосе имеются аллювиальные почвы. В приморской полосе распространены островные массивы бугристых грядовых песков, закрепленных и полужакрепленных.

Песчаная местность отрицательно влияет на сельское хозяйство Калмыцкой области: увеличение пустынь сокращает площадь для ведения скотоводства и земледелия. Работы по укреплению песчаных участков начались еще до революции, в 1909 г. В то время в калмыцкой степи было около 407 тыс. гектаров песчаных участков. Кроме того, под прочими неудобными землями (балки, овраги, солончаки и пр.) насчитывалось около 250 тыс. га. Таким образом, к разряду неудобных земель относилось более 10 % общей площади региона [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 130. Л. 171]. К началу октября 1917 г. площадь укрепленных земель составляла 235 146 гектаров, однако в период активизации бандитизма в регионе в 1921–1924 гг. часть таких участков вышла из оборота. К началу октября 1928 г. их оставалось 164 550 гектаров. В 1928 г. было решено вернуть в эксплуатацию 68 283 гектара. Таким образом, на 1 октября 1928 г. в состав сети пескоукрепительных участков входило 232 836 гектаров.

Таким образом, географические, климатические и почвенные особенности Калмыкии предопределили структуру экономики региона. Скудность водных ресурсов и природных осадков весьма сильно затрудняли ведение земледелия.

Калмыкию по типу сельскохозяйственных производств можно подразделить на следующие районы:

1) район Ергеней, Приергенинская терраса и Приманычская долина — зона преобладания скотоводства (большей частью крупный рогатый скот калмыцкой породы и мериносовые овцы) с подсобным, особенно в северной части, земледелием, прежде всего кормовым;

2) центральная часть области (так называемая низменная степь) — район наиболее ярко выраженного экстенсивного животноводства мясного направления (крупный рогатый скот и калмыцкая овца) при отсутствии возможностей земледелия;

3) западная часть области с определенно выраженным преобладанием земледелия;

4) приморская часть — район смешанных (рыболовно-скотоводческо-земледельческих) хозяйств. Здесь полеводство было возможно только на ильменных и

бугровых участках при условии искусственного орошения: бахчевые и огородные культуры, хлопок и арахис.

3.1. Скотоводство

Из всех видов сельского хозяйства в Калмыкии доминирующее положение занимает животноводство, которое имеет длительную историю и тесно связано с кочевым образом жизни народа. Одной из особенностей этого вида деятельности в Калмыкии является то, что она осуществлялась в условиях сурового континентального климата, с недостатком воды и пастбищ. Калмыки, практиковавшие пастбищное скотоводство, разводили следующие виды скота:

1) крупный рогатый скот в структуре животноводства Калмыкии занимает ключевое положение. Калмыцкая порода относится к мясному направлению. Крупный рогатый скот является важным источником продуктов питания и сырья для местного населения, используется для производства как молока, так и мяса. Крупный рогатый скот калмыцкой породы выращивается на пастбищах, где получает необходимое питание и уход;

2) овцы также занимали важное место в структуре животноводства. Овцеводство было представлено тремя основными породами: калмыцкой, испанской и русской. Калмыцкая порода была мясо-сального направления, испанская — тонкорунного, а русская длинношерстная — мясо-шерстного. Эта отрасль производила важные для населения продукты: мясо, кожу и шерсть. В меньшей степени калмыки разводили коз;

3) коневодство. Как правило, использовалась лошадь калмыцкой породы, которая отличалась неприхотливостью и выносливостью. Количество лошадей сильно уменьшилось из-за военных действий, так как калмыцкие табуны являлись источником пополнения конского состава кавалерийских частей противоборствующих сторон на Юге России;

4) верблюдоводство в этот период находилось в состоянии упадка, хотя верблюд калмыцкой породы являлся ценным животным в племенном животноводстве. В основном он использовался как тягловая сила;

5) свиноводство, характерное для оседлого населения, являлось новой отраслью для Калмыкии. Разведением и содержанием свиней занимались крестьяне-переселенцы.

В начале 1920-х гг. в Калмыкии возникла сложная экономическая ситуация из-за последствий Гражданской войны. Количество лошадей сократилось до 8,2 %, овец и коз — до 18,7 %, верблюдов — до 24 %, а крупного рогатого скота — до 30,7 % по сравнению с 1916 г. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5]. Это вызвало резкое обеднение и разорение скотоводческих хозяйств у большей части населения Калмыкии. Следующий удар по сельскому хозяйству нанес голод 1921–1922 гг. В результате кризиса скотоводческое хозяйство к 1922 г. сократилось до 65 % по сравнению с 1920 г., достигнув самого низкого уровня. Восстановление сельского хозяйства связано с проведением нэпа, вводом продналога вместо продразверстки, облегчившего налоговое бремя для сельского населения.

В таблице 1 показана динамика развития скотоводства в Калмыкии в сравнении с дореволюционными показателями, соответствующими хозяйственной целесообразности, относительному благополучию и экономическому равновесию.

Таблица 1. Количество скота с 1837 по 1924 гг. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5]
 [Table 1. Amount of scotch with 1837 by 1924]

Годы	Лошади	Верблюды	КРС	Овцы и козы	Свиньи
1827	160 900	45 985	124 690	472 180	—
1863	114 690	16 900	143 345	815 653	—
1867	86 985	22 760	163 551	735 345	180
1909	83 735	26 228	206 363	757 571	—
1913	70 627	21 348	164 536	709 470	—
1916	87 037	16 468	252 581	551 699	3 326
1917	74 515	12 968	239 119	551 102	4 331
1920	10 443	5 191	145 704	217 717	8 788
1922	8 114	2 786	101 200	120 668	412
1923	6 442	3 424	101 796	121 494	2 319
1924	10 165	7 495	101 796	271 880	3 256
1928	23 255	6 659	302 325	866 506	6 180

При этом надо иметь в виду, что обследования советского периода в Калмыцкой области преуменьшали количество скота, например, в 1924 г. в Эркетеневском улусе было выявлено уменьшение показателей на 50 %. Кроме того, необходимо учитывать, что после 1920 г. в состав Калмыкии вошли крестьянские переселенческие села, включая Ремонтненский уезд, поэтому реальные потери скота в улусах по сравнению с предыдущими годами на самом деле еще больше.

Таким образом, из таблицы № 1 видно, что с 1917 г. происходит резкое снижение количества скота из-за Гражданской войны, в ходе которой противоборствующие стороны занимались реквизиций скота. Еще сильнее положение ухудшил голод в Поволжье 1921–1922 гг. Лишь с 1923 г. начинается небольшое увеличение по всем видам скотоводства. Влияние событий 1917–1922 гг. на животноводство в Калмыкии ощущалось еще долго, поскольку отрасли потребовалось время, чтобы оправиться от потерь, понесенных в этот беспокойный период. Если рассматривать положение по конкретным отраслям животноводства, то мы увидим следующую картину. В коневодстве, которое до 1913 г. сокращалось медленными темпами, после начала революции происходит резкое падение поголовья. К 1923 г. количество лошадей уменьшилось до $\frac{1}{14}$ от количества 1916 г. и $\frac{1}{24}$ от количества в 1827 г. Если смотреть по улусам, то видно, что спад в коневодстве прекратился уже в 1920 г. в Яндыко-Мочажном, Эркетеневском и Малодербетовском улусах, в 1922 г. — в Приволжском¹, Икицохуро-Харахусовском, Большедербетовском улусах, в 1923 г. — в Манычском улусе [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5].

Темпы восстановления поголовья крупного рогатого скота оказались заметно выше. Уже в 1924 г. его численность была выше на 33 % больше, чем в 1872 г. Если оценивать динамику поголовья крупного рогатого скота, то видно, что в 1909 г. оно составило 106 363 головы, в 1916 г. — увеличилось до 258 581 головы, а в 1917 г. начался резкий спад, продолжавшийся до 1923 г. Сокращение поголовья достигло 40,3 % от уровня 1916 г. Однако уже в 1924 г. количество крупного рогатого скота было на 64 % больше, чем в 1923 г. Анализ статистики

¹ Приволжский улус был образован в 1921 г. путем объединения Багацохуровского и Хошеутовского улусов, пос. Калмыцкий базар. В 1923 г. вышеуказанные улусы были восстановлены.

по улусам показывает, что в Яндыко-Мочажном и Эркетеневском улусах спад прекратился в 1920 г., а в остальных улусах — в 1923 г. В следующем году количество скота быстро увеличилось, особенно в Ремонтненском уезде, Манычском и Икицохуро-Харахусовском улусах [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5].

В верблюдоводстве в Калмыкии также фиксировалось сокращение поголовья, особенно в период 1917–1922 гг. С 1923 г. отмечается рост количества верблюдов, особенно в Ремонтненском уезде, Яндыко-Мочажном и Приволжских улусах [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5].

Центр овцеводства, который был перенесен из низменной степи в 1909 г. отчасти на Ергени, а в 1916 г. снова возвращается на низменные степи, в период Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. стихийно перешел обратно в низменную степь. К 1924 г. в Икицохуро-Харахусовском улусе было 10,1 головы на одно хозяйство, в Ремонтненском — 11,4, в Манычском — 11,13. При этом в других улусах количество овец составляло от 0,3 до 4,9 голов на одно хозяйство [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 5].

Таким образом, анализируя статистические данные по животноводству, мы приходим к выводу, что данная отрасль, пережившая кризис в 1917–1922 гг., начала путь к восстановлению и достигла хороших результатов.

3.2. Пашенное земледелие

Исторически калмыки не занимались земледелием, некоторые попытки предпринимали представители из калмыцкой знати, но это не получило широкого распространения у народа. Основной причиной нерентабельности ведения земледелия в большей части улусов Калмыкии были сложные природно-климатические и почвенные условия региона. В разных районах области процент развития земледелия различался в зависимости от природно-климатических условий, которые были обусловлены следующими моментами:

- по природным условиям Калмыцкой области (почве и климату) земледелие не являлось господствующим занятием населения, за исключением Большедербетовского улуса и небольшой части Донского треугольника;
- в районе Ергеней, за исключением их восточного склона, земледелие было возможно только как подсобный промысел;
- низменная часть калмыцкой степи восточнее Ергеней, за исключением северной части Малодербетовского улуса, была непригодна для земледелия;
- экономические факторы, неблагоприятные для зернового хозяйства и сбыта зерна, создали выгодные условия для культивирования зерновых хлебов для местного потребления;
- балки западного склона Ергеней, верхнее и среднее течение балок восточного склона благодаря возможности искусственного орошения являлись удобными для садоводства и огородничества. Однако по причинам, связанным с характером землепользования, садоводство и огородничество находились в упадке. В основном огородничеством занимались татары и русские;
- еще одним районом возможного развития огородничества и садоводства являлись приморские части Эркетеневского и Яндыко-Мочажного улусов, а также Приволжский улус [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 4].

Сведения о засеваемых площадях по улусам с 1916 г. по 1924 г. приведены в таблице 2. При этом следует учесть, что показатели Ремонтненского уезда в таблицу не включены, так как он вошел в состав Калмыкии в 1920 г.

Таблица 2. Количество площадей, засеянных в улусах в десятинах
[НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 3]

[Table 2. The number of areas sown in the uluses in tithes]

№	Улусы	1916	1917	1920	1923	1924
1	Приволжский, Икицохуровский	—	39	110	3 108	1 697
2	Харахусовский	—	—	10	1 942	294
3	Яндыко-Мочажный	—	57	—	92	175
4	Эркетеневский	—	—	—	—	—
5	Малодербетовский	1 962	8 332	311	2 396	1 409
6	Большедербетовский	22 649	22 879	7 771	6 668	17 925
7	Манычский	1 633	4 066	98	1 919	284
Итого		26 244	36 373	8 300	16 125	21 784

Следует заметить, что на показатели улусов с 1920 г. могли оказать влияние и русско-украинские села, присоединенные к соответствующим улусам.

Общая посевная площадь в области в 1924 г. была относительно близка к размерам 1916 г., но в разрезе по улусам мы видим сравнительно резкие колебания. В 1916 г. только три улуса занимались земледелием: Большедербетовский, Малодербетовский и Манычский. В 1917 г. к ним присоединились приволжские и приморский улусы с площадью посева в 37 десятин; в Большедербетовском, Малодербетовском и Манычском улусах площадь засева увеличилась. К 1920 г. небольшие посевы стал осуществлять Икицохуровском и Харахусовском улусах. В Большедербетовском, Малодербетовском и Манычском улусах наблюдалось значительное снижение засеянных площадей, особенно в Манычском, где от показателей 1917 г. осталась всего $\frac{1}{40}$ часть, или 2,5 %. При этом только что присоединенный Ремонтненский уезд в 1920 г. засеял 33,8 тыс. десятин (в 4 раза больше, чем по всей остальной Калмыцкой автономной области). Однако в последующие 1921–1923 гг. в этом районе были постоянные неурожаи, и площадь посевов сократилась в 36 раз. В 1923 г. происходит многократное увеличение площади посевов, особенно в Приволжском, Икицохуровском, Харахусовском, Малодербетовском и Манычском улусах. В 1924 г. мы фиксируем обратную картину: в западных улусах идет многократное увеличение засеваемых площадей (в Ремонтненском уезде вместо 926 десятин было засеяно 13 522 десятины, в Большедербетовском улусе вместо 6 668 десятин — 17 925 десятин), а в центральных и восточных улусах — происходит уменьшение. Причиной снижения посевов в некоторых улусах в 1924 г. стали считать неурожай 1923 г. и недостаток семян весной 1924 г.

Если рассматривать природно-климатические условия для развития земледелия, то можно сказать, что Большедербетовский улус в этом отношении оказался наиболее благоприятным. Здесь земледелие даже оттеснило исконное скотоводство на второй план. Менее благоприятными являются Малодербетовский, Манычский улусы и Ремонтненский уезд.

Граница возможного земледелия без применения орошения охватывает весь Большедербетовский улус, Ремонтненский уезд, части Манычского и Малодербетовского улусов, а также район так называемого Донского треугольника. Но 25 мая 1925 г. Ремонтненский уезд выделился из Калмыцкой автономной области и вошел в состав Сальского округа Северо-Кавказского края, соответственно количество посевных площадей уменьшилось в области [Беркасинова 2007: 152].

Одновременно с этим возросло и потребление зерновых продуктов в хозяйстве, что при отдаленности от рынков и железнодорожных станций создало весьма благоприятные условия внутри Калмыцкой автономной области. Так, например, доставка одного пуда грузов от ближайших железнодорожных станций в центральную часть степи (Улан-Эрге) обходилась в 45 коп., в пределах же Большедербетовского улуса — 12–15 коп. Таким образом, увеличивавшийся спрос на продукты земледелия при наличии дорогостоящего гужевого транспорта должен был стимулировать развитие земледелия.

Просматривая и анализируя цифры посевных площадей по улусам, мы видим, что земледелие еще только начинает пробивать себе дорогу, особенно в скотоводческих районах области в качестве подсобного хозяйства у калмыков. Это позволяло дать необходимые скоту грубые корма на зимний период.

3.3. Кормопроизводство, садоводство и огородничество

Основным моментом, который определял неустойчивый характер калмыцкого скотоводства, было зимнее пастбищное кормление скота без использования сенокосных угодий для заготовки фуража. Пастбищные корма преобладали не только на юге области, где находятся Черные земли, но и на севере, где пастбищное кормление возможно в большей части и зимой. Однако надежность зимней пастбы нигде не гарантирована, за исключением Черных земель. В основном падеж скота у калмыков в XIX в. был связан с отсутствием кормовых запасов (сено, камыш, солома и мякина) в зимний период кочевания. Поэтому Советская власть поставила перед калмыцким руководством задачу решить проблему наличия зимних строений для скота и заготовки кормов в районах, где есть возможность проводить запашки. В регионе можно выделить следующие районы кормопроизводства:

1) равнина, примыкающая к Ергеням с обширными заливными сенокосами высокой производительности и с высоким качеством сена с многочисленными, поросшими камышом, обширными озерами, а именно: район Сарпинских озер, север Малодербетовского улуса, юг Малодербетовского улуса с заливными сенокосами и мелкими камышовыми озерами, район озер при выходе балок Ергеней в равнину на севере Манычского улуса, Бор-Нур¹, Амтя-Нур², Дунду-Нур³, Ар-Нур⁴. Обширные и богатейшие заливные покосы западной части Икицохуровского улуса, камыши озера Яшкуль⁵ и других озер;

2) приволжские районы, использующие заливные луга Волги;

3) приморский район Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов с их зарослями камыша, покосами по берегам, глубоковыдающимися заливами, переходящим в плоские лиманы, затопляемых только при половодье и представляющих заливные богатые сенокосные угодья [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 6. Л. 8].

После кризиса 1917–1922 гг. стали успешно развиваться садоводство и огородничество. Благодаря широким ровным участкам с плодородными наносными почвами и близости грунтовых вод здесь оказались идеальные условия для

¹ Бор-Нур (Бур-Нур) — лиманное озеро в Целинном районе Калмыкии.

² Амтя-Нур — лиман в Приютненском районе Калмыкии.

³ Дунд-Дур — лиман в Целинном районе Калмыкии.

⁴ Ар-Нур — лиман в Целинном районе Калмыкии.

⁵ Яшкуль — река в Целинном и Яшкульском районах Калмыкии.

выращивания картофеля и овощей. Особенно хорошо они росли в приморской части области, на плоских берегах заливов с пресно-влажной почвой. Это направление сельского хозяйства оказалось весьма востребовано среди местного населения в годы нэпа.

4. Заключение

Сельское хозяйство Калмыкии пережило серьезные кризисы в период Гражданской войны, голода 1921–1922 гг. Благодаря проведению новой экономической политики и усилиям советского правительства ситуация в области стабилизировалась. Процесс кооперирования начался именно в восстановительный период. По данным выборочной сельскохозяйственной переписи 1927 г. в Калмыкии насчитывалось 31 188 хозяйств. По типам хозяйства распределялись следующим образом: скотоводческие — 53,5 %, земледельческо-скотоводческие — 13,3 %, земледельческие — 10,9 %, рыболовецкие — 22,3 % [Бадмаев 1979: 15]. Стало восстанавливаться поголовье скота, которое в 1929 г. почти вплотную приблизилось к дореволюционным показателям. Посевные площади в области выросли в 2,5 раза по сравнению с 1920 г. Занятие земледелием, огородничеством и садоводством помимо экономического эффекта способствовало изменению быта и уклада калмыцкого хозяйства, ускоряя темп обоседления калмыцкого народа.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бадмаев 1975 — Бадмаев С. Б. Сельское хозяйство Калмыкии в восстановительный период // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 12. Элиста: Респ. тип, 1975. С. 126–144.
- Бадмаев 1979 — Бадмаев С. Б. Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 174 с.
- Бадмаева 2023 — Бадмаева Е. Н. К вопросу о природно-климатических факторах и переходе на оседлость калмыков-кочевников (1920–1930-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2(75). С. 102–111. DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_102
- Бакаев 1968 — Бакаев П. Д. Пути интенсификации сельского хозяйства Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1968. 100 с.
- Беликов 1968 — Беликов Т. И. Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. Вып. 6. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 94–130.
- Беркасинова 2007 — Беркасинова С. Г. О территориальном вопросе «Донской треугольник» и «Маньчжурский коридор» в Калмыцкой автономной области в первой половине 20-х годов XX в // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2007. № 2(15). С. 150–153.
- Борисенко 2000 — Борисенко И. В. Очерки исторической географии Калмыкии: 1917 г. — начало 90-х г. XX в. Элиста: Джангар, 2000. 229 с.
- Борисов 1926 — Борисов Т. К. Калмыкия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Гос. изд-во. 1926. 97 с.
- Калмыцкая область 1927 — Калмыцкая область за X лет революции. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1927. 125 с.
- Максимов, Лиджиева 2017 — Максимов К. Н., Лиджиева И. В. Калмыкия в XX веке. Исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 461 с.

- Манджиев, Клюкин 1979 — *Манджиев С. В., Клюкин Н. В.* Калмыцкая АССР. Экономико-географический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 138 с.
- Оглаев 1987 — *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: Джангар, 2006. 448 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в 1919 – начале 1920 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 237–294.

References

- Badmaev S. B. Agriculture of Kalmykia in the Restoration Period. In: *Scientific Notes of the Book*. Issue 12. Elista: Republican Printing House, 1975. Pp. 126–144. (In Russ.)
- Badmaev S. B. Economic Development of Kalmykia. Elista: Kalm. Publishing House, 1979. 174 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. On the issue of natural and climatic factors and the transition to the Settlement of Kalmyks — Nomads (1920–1930s). In: *The Caspian Region: politics, economics, culture*. 2023. No. 2(75). Pp. 102–111. DOI 10.54398/1818510X_2023_2_102. (In Russ.)
- Bakaev P. D. Ways of Intensification of Agriculture in Kalmykia. Elista: Kalmizdat, 1968. 100 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyk Region in the Restoration Period (1921–1925). In: *Scientific Notes of the Book*. Iss. 6. Elista: Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS, 1968. Pp. 94–130. (In Russ.)
- Berkasinova S. G. On the Territorial Issue of the Don Triangle and the Manych Corridor in the Kalmyk Autonomous Region in the First Half of the 20s of the 20th century. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Socio-Economic and Legal Studies*. 2007. No. 2(15). Pp. 150–153. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Essays on the Historical Geography of Kalmykia: 1917 – early 90s of the 20th century. Elista: Dzhangar, 2000. 168 p. (In Russ.)
- Borisov T. K. Kalmykia: Historical, Political and Socio-Economic Essay. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 1926. 57 p. (In Russ.)
- Kalmyk Region During the 10 Years of the Revolution. Astrakhan: Type. Kalmizdata, 1927. 125 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Lidzhieva I. V. Kalmykia in the 20th Century. Historical Experience and its Significance. Moscow: Nauka, 2017. 461 p. (In Russ.)
- Mandzhiev S. V., Klyukin N. V. Kalmyk ASSR. An Economic and Geographical Essay. Elista: Kalm. Publishing House, 1979. 138 p. (In Russ.)
- Oглаев Ю. О. The Implementation of the Lenin Cooperative Plan in Kalmykia (1917–1937). Elista: Kalm. Publishing House, 1987. 160 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia During the Civil War (1917–1920). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia in 1919 – early 1920. History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in three volumes. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 237–294. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 242–256, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-242-256

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47) 084. 9

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-242-256

Миграции в г. Элисту в годы восстановления Калмыцкой АССР и возвращения калмыков из мест депортации. 1957–1963 гг.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Белоусов С. С., 2024

Аннотация. *Введение.* Период с 1957 г. по 1963 г. является важным периодом в истории города Элисты. В 1957 г. была восстановлена автономия калмыцкого народа, Элисте возвратили статус столичного города республики, а сам город в период 1957–1963 гг. получил мощный импульс для своего дальнейшего развития. Поскольку собственных ресурсов для восстановления у города не имелось, то главную роль в этом процессе сыграли финансовая и других видов материальная помощь государства и организованные им переселения населения. Большое значение, которое имели миграции населения для Элисты — самого крупного города в Калмыкии, — делает необходимым изучение данного аспекта жизни города, который к тому же специально не изучался. *Цель* статьи — осветить миграционную политику государства в годы восстановления республики и самых массовых за всю историю города переселений, показать их влияние на развитие города. *Материалами* для анализа послужили документы органов государственной власти Калмыцкой АССР, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Исследование осуществлялось с опорой на историко-сравнительный и историко-генетический методы исследования. *Результаты.* В 1957–1963 гг. в г. Элисте наблюдался резкий всплеск миграций населения, вызванный восстановлением в 1957 г. Калмыкии в качестве административно-территориального субъекта и приданием городу правового статуса ее столицы. Государство выделило большие средства для восстановления и дальнейшего развития социально-экономической структуры города, но для освоения капиталовложений не хватало кадров и в целом трудовых ресурсов. Для решения данной проблемы власти привлекали в город калмыков, возвращавшихся из мест депортации, проводили организованные наборы среди рабочих из других субъектов, приглашали демобилизованных из армии военнослужащих, направляли в город выпускников ПТУ. В результате дефицит в работниках был в значительной степени преодолен, что позволило в 1964 г. отказаться от новых массовых организованных переселений в город. *Выводы.* Массовый приток населения

в 1957–1963 гг. оказал большое воздействие на демографическую, социальную и национальную структуру населения. Резко увеличилось население Элисты, особенно молодежных возрастов, что улучшило демографические показатели горожан, изменился их социальный состав, который трансформировался в городской, город из мононационального превратился в полинациональный.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, Элиста, государственная миграционная политика, 1957–1963 гг.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Миграции в г. Элисту годы восстановления Калмыцкой АССР и возвращения калмыков из мест депортации. 1957–1963 гг. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 242–256. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-242-256

Migration in Elista during the Restoration of the Kalmyk ASSR and the Return of Kalmyks from Places of Deportation. 1957–1963

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, I. K. Ilshkin str., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Belousov S. S., 2024

Abstract: Introduction. The period from 1957 to 1963 is an important period in the history of the city of Elista. In 1957 the autonomy of the Kalmyk people was restored, the statute of the capital city of the republic was returned to Elista, and the city itself received a powerful impetus for its further development. Since the city did not have its own resources for reconstruction, financial and other types of material assistance played the main role in this process from the state and population migrations organized by it. The great importance that population migrations had for Elista, the largest city in Kalmykia, makes it necessary to study this aspect in the past life of the city, which, moreover, was not specifically studied. The study aims to highlight the migration policy of the state during the years of the restoration of the republic and the most massive migrations in the history of the city, to show their impact on the development of the city. The article was prepared on the basis of documents of the state authorities of the Kalmyk ASSR, stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia. The research was carried out based on historical-comparative and historical-genetic research methods. **Results.** In 1957–1963, there was a sharp surge in population migrations in Elista, caused by the restoration of Kalmykia as an administrative-territorial entity in 1957 and the granting of the city the legal status of its capital. The state allocated large funds for the restoration and further development of the socio-economic structure of the city, but there was a shortage of personnel and labor resources in general for the development of capital investments. To solve this problem, the authorities attracted Kalmyks returning from places of deportation to the city, conducted recruitment among workers from other subjects, invited military personnel demobilized by their army, and sent graduates of vocational schools to the city. As a result, the shortage of workers was largely overcome, which made it possible in 1964 to abandon new mass organized relocations to the city. **Conclusions.** The massive influx of population in 1957–1963 had a great impact on the demographic,

social and national structure of the population. The population of Elista has increased dramatically, especially among young people, which has improved the demographic indicators of citizens, their social composition has changed, which has transformed into an urban one, the city has turned from a mono-national into a multi-national one.

Keywords: Kalmyk ASSR, Elista, state migration policy, 1957–1963

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “South-Eastern Belt of Russia: a study of the political and cultural history of social communities and groups”.

For citation: Belousov S. S. Migration in Elista during the restoration of the Kalmyk ASSR and the return of Kalmyks from places of deportation. 1957–1963. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 242–256. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-242-256

1. Введение

В 1957–1963 гг. в Калмыкии резко возросли миграции населения, вызванные ее восстановлением в качестве административно-территориального субъекта и возвращением калмыцкого населения из мест депортации. Самый мощный поток переселенцев в Калмыкию направлялся в административный центр автономии — в г. Элисту. Миграции сильно повлияли на процесс восстановления и дальнейшего развития города. Произошли кардинальные перемены в его численности, демографической, социальной и демографической структурах населения. Большинство миграций были организованы государством и проходили в плановом порядке. Государство накопило ценный опыт использования регулируемых миграций для реализации определенных целей и задач. Познание данного опыта позволяет глубже изучить внутреннюю миграционную политику советского государства и ее особенности в отдельных регионах и местностях.

Теоретическая составляющая миграционных процессов разработана Т. И. Заславской [Заславская 1974], В. И. Переведенцевым [Переведенцев 1975], Л. Л. Рыбаковским [Рыбаковский 2017], труды которых продолжают служить основой для исследователей, занимающихся изучением миграций в целом, по регионам и в отдельные исторические периоды.

В 1970–1980-е гг. миграции изучались социологами Т. Н. Сенглеевой [Сенглеева 1973], А. Б. Насуновым и Д. Д. Шалхаковым [Насунов, Шалхаков 1985], они рассматривали их с социологической точки зрения, при этом в хронологические рамки их исследований входили миграции более позднего периода (1970-е гг.).

Среди историков определенное внимание различным аспектам жизни города в советский период уделял И. С. Немичев, опубликовавший брошюру по истории Элистинской городской партийной организации [Немичев 1975] и статью о роли города в консолидации калмыцкого народа [Немичев 1981].

Некоторые сведения о миграциях населения в Калмыкию в годы возвращения калмыков из ссылки содержатся в статьях историков постсоветского периода И. В. Лиджиевой [Лиджиева 2006] и А. С. Иванова [Иванов 2013]. Их статьи посвящены миграциям в Калмыкию только калмыцкого населения и почти не затрагивают г. Элисту.

Сведения о миграциях встречаются в монографии И. В. Борисенко по исторической географии Калмыкии в 1917 – начале 90-х гг. XX в. [Борисенко 2000], во II-м томе обобщающего коллективного труда по истории Калмыкии [История 2009].

Изучение историографии по миграциям в г. Элисту в 1957–1963 гг. показывает, что данная проблема специально не исследовалась. Между тем рассматривае-

мые в статье годы являлись важнейшими в истории города, предопределившими его развитие в последующее время, и миграции сыграли в этом процессе одну из решающих ролей.

2. Материалы и методы

Источниковедческую базу для анализа в статье составили в основном материалы органов управления и статистики Калмыцкой АССР. Из материалов республиканских органов власти, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, использовались делопроизводственные документы Верховного Совета Калмыцкой АССР (далее — КАССР; фонд Р-309), отдела переселения и организованного набора при Совете министров КАССР (фонд Р-147), Статистического управления Калмыцкой АССР (фонд Р-26), из городских — документы Элистинского городского Совета депутатов трудящихся (фонд Р-18). В указанных фондах содержится переписка республиканских и городского органов власти вопросам миграции, статистические сведения и отчеты. При проведении исследования применялись сравнительно-исторический и описательный методы познания.

3. Начало массового возвращения калмыков из мест депортации. 1957 г.

Начало возвращению калмыков на родину было положено постановлением Президиума ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» [Забвению 2018: 229–232]. По постановлению подлежали восстановлению административно-территориальные автономии перечисленных в нем народов, а последние — возвращению их на родину. Работу по переселению калмыков планировалось провести в организованном порядке в течение 1957–1958 гг. [Иванов 2013: 54]. Однако во время принятия вышеуказанного постановления Президиума ЦК КПСС в 1956 г. еще действовали положения законодательства, согласно которому снятым с учета спецпоселенцам запрещалось передвигаться на места прежнего жительства. Так, статья 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» гласила: «Установить, что снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены» [Забвению 2018: 229]. Эта статья была отменена только Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР», принятым 9 января 1957 г., в котором отменялась статья 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 г. [Забвению 2018: 229].

18 января 1957 г. советское правительство, учитывая предстоящие огромные строительные работы, требовавшие наличия больших трудовых ресурсов, а также переселение больших масс людей, образовало при организационном комитете Калмыцкого областного Совета депутатов трудящихся отдел переселения и организованного набора (далее — оргнабор) рабочей силы. Начальником данного отдела назначили С.-Г. М. Манджиева, которого впоследствии сменил М. Харцхаев [Иванов 2013: 55]. Власти автономии направили в места проживания депортированных калмыков уполномоченных, которые должны были провести учет переселенцев и организовать их возвращение на родину.

Город Элиста занимал в Калмыкии особое место, поскольку он являлся средоточием ее административной и культурной жизни. После упразднения республики Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1943 г., в соответствии с которым калмыцкое население было подвергнуто депортации в восточные районы страны, Элиста утратила статус столицы субъекта, и после завершения Великой Отечественной войны она не получала достаточных средств для восстановления социально-экономической структуры. К моменту выхода указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. последствия военных действий и немецкой оккупации в Элисте все еще не были устранены. Имевшиеся до войны предприятия были разрушены, большинство административных зданий и многие строения лежали в руинах, население города не превышало 20 тысяч человек, что было немного больше, чем в 1939 г. (17 128 чел.) [Всесоюзная 1939]. Перед властями стояла в качестве первоочередной задача не просто восстановить здания, но фактически заново построить столицу автономии. Городу предстояло принять в ближайшие годы тысячи новых жителей, в то время как его жилой фонд был небольшим. Первейшим делом для властей стало обеспечение прибывающих переселенцев жильем и восстановление основных разрушенных зданий административного назначения. Как и в 1927 г., когда Элиста была определена в качестве административного центра калмыцкой автономии, городу требовались в первую очередь строители, при этом взять их можно было только в других регионах, ибо среди местных людей носителей данной профессии было очень мало. Учитывая это обстоятельство, власти намеревались в первое время привлечь к строительству города калмыков, обучившихся в годы ссылки техническим специальностям или имевших навыки строительных работ. 22 февраля 1957 г. Совет министров РСФСР постановил в первую очередь переселить 1 000 чел. строителей-калмыков для укомплектования строительных управлений г. Элисты и п. Комсомольского [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 59а. Л. 2].

В преддверии организованного массового переселения калмыков заместитель председателя Калмыцкого областного Совета депутатов трудящихся Л. К. Килганов дал уполномоченным по возвращению калмыков указания включать в списки в первую очередь молодых людей, переселявшихся с целью строительства Элисты. Таких людей в Алтайском крае набралось 13 чел., в г. Заозерске Красноярского края — 23 чел., в г. Ханты-Мансийске Тюменской области — 26 чел. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 40. Л. 10–11].

В самой Элисте были намечены меры по приему калмыков из мест ссылки, трудоустройству и размещению на жительство. 28 марта 1957 г. Элистинский городской Совет депутатов трудящихся утвердил план строительства домов для переселенцев и их приема из мест высылки. Председателей городских колхозов и совхоза, директоров МТС и предприятий обязали сформировать постоянные строительные бригады и обеспечить их транспортными средствами, инвентарем и необходимыми инструментами, организовать подводы и заготовку местных строительных материалов. В плане пропаганды предписывалось провести «широкую разъяснительную работу в своих коллективах по успешному выполнению установленных планов» [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 4. Д. 21. Л. 163]. Всего в течение двух лет план предусматривал поселение 1 650 семей; из них в 1957 г. — 750 семей, в 1958 г. — 900 семей [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 4. Д. 21. Л. 164].

В апреле 1957 г. началось массовое возвращение калмыков на родину. Всего, по состоянию на 20 мая 1957 г., в Калмыцкую автономную область возвратилось 3 986 семей калмыцких семей; из них 601 обосновались в Элисте, устроившись работать в строительную сферу, на предприятия и в учреждения [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 60. Л. 5].

Только с 1 апреля по 10 мая 1957 г. из Тюменской области, преимущественно из южных районов, прилегающих с железной дороге, было отправлено в Элисту 69 семей, имевших в своем составе 265 чел. [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 40. Л. 13].

Закрыть потребности в рабочей силе в элистинском строительстве эти люди в силу своей немногочисленности не могли, к тому же не все из них имели строительные специальности и навыки. Кроме того, выяснилось, что некоторые строители не смогли прибыть из-за отсутствия у них материальных средств. Все это поставило под угрозу срыва план восстановления города и программы организованного переселения на 1957–1958 гг. Чтобы привлечь строителей из числа калмыков, председатель областного Совета депутатов трудящихся автономной области Д. Б. Утнасунов предложил председателю Совета министров РСФСР М. А. Яснову укомплектовывать рабочей силой промышленные отрасли Калмыкии путем организованного набора. Преимущества такого подхода заключались в том, что государство брало на себя финансовые расходы на переезд и обеспечение жильем, а также обязывалось трудоустроить рабочих. Организованный набор проводился на короткий срок, обычно на два года.

Д. Б. Утнасунов просил разрешения переселить в порядке организованного набора 1 000 калмыков, в том числе по 300 чел. из Красноярского края и Новосибирской области, 200 чел. из Алтайского края, и по 100 чел. из Омской и Тюменской областей [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 59а. Л. 1–2]. Совет министров РСФСР согласился с доводами Д. Б. Утнасунова и 18 мая 1957 г. распорядился осуществить во втором квартале оргнабор 700 рабочих-строителей и перевезти их в Элисту. Для этого были командированы в Алтайский и Красноярский края, Омскую, Новосибирскую и Тюменскую области руководящие работники области. В результате к 1 июля 1957 г. из данных регионов в город прибыли 200 чел. рабочих-калмыков, но на этом дело остановилось. Оказалось, что выполнить план организованного набора в количестве 700 чел. невозможно, «так как в районах Сибири почти не осталось калмыков, имеющих строительные специальности» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 40. Л. 24]. Тогда власти Калмыкии обратились в Совет министров РСФСР с просьбой разрешить провести организованный набор для элистинского строительства среди калмыков, имевших рабочие специальности и прибывших в районы области в обычном порядке. Предлагалось распространить на них условия организованного набора. Помимо этого, облисполком в конце июля 1957 г. пригласил в Элисту для работы на строительстве 70 чел. рабочих-калмыков из Аральского района Казахской ССР, которые вскоре прибыли и приступили к работе. У этих людей остались семьи в местах ссылки, которые не имели финансовых возможностей переехать к родственникам. Д. Б. Утнасунов предложил также заключить с «аральцами» договор об организованном наборе [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 40. Л. 25].

В связи с прибытием в Элисту переселенцев резко обострилась жилищная проблема. Уже отмечалось, что во время войны город был сильно разрушен, и его жилой фонд восстанавливался очень медленно. Домов и общежитий для

размещения большинства калмыков было недостаточно, а между тем их новые партии переселенцев продолжали прибывать.

В Элисте начали формироваться органы управления автономией, и для работы в них приезжать в одиночку или со своими семьями управленцы. Для размещения на жительство сотрудников аппарата облисполкома заместитель председателя оргкомитета Калмыцкой автономной области И. П. Михайлов считал необходимым срочно построить 20 сборных двухквартирных домиков и один многоквартирный домик. Вопрос стоял очень остро, так как других вариантов быстрого решения проблемы И. П. Михайлов не видел. Власти наметили строительство в Элисте 40–50 сборных домов, но на это требовалось как минимум полтора-два года, а сотрудникам приступить к работе надо было немедленно. В январе 1957 г. И. П. Михайлов просил председателя Совета министров РСФСР М. А. Яснова выделить материалы для сборки 21 домика и отправить их на железнодорожную станцию Дивное, откуда власти автономии могли перевезти материалы автомашинами в Элисту [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 113. Л. 70].

Еще труднее было расселить калмыков, не работавших в органах управления. Их размещали на жительство в коммунальных квартирах, общежитиях, подселяли в частные дома в порядке «уплотнения» жильцов, расселяли в зданиях административных учреждений и в принадлежавших им гаражах и сараях, в палатках [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 40. Л. 34–36, 38–41].

В течение 1957 г. для возвращавшихся калмыков в Элисте были построены одно- и двухэтажные каркасные дома, но они не отвечали необходимым стандартам из-за вынужденной спешки в ходе сборки и отсутствия в необходимом количестве строительных материалов. Не хватало облицовочного кирпича для наружных стен каркасных домов [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 726. Л. 14], поступающие в область стандартные дома были без кровли, поэтому строители вынуждены были использовать для покрытия крыш плитки, предназначенные для наружной облицовки стен, стены штукатурились по дранке. Замена кровельного материала облицовочной плиткой проблемы не решила, так как ее было недостаточно. Руководство автономной области попросило Совет министров РСФСР выделить 50 тыс. м² шифера для строительства домов в области [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 60. Л. 19].

В 1957 г. властям и переселенцам пришлось столкнуться также с тем, что прибывшим на жительство в Элисту калмыкам не полагалась выдача ссуд на индивидуальное строительство. По постановлению Совета министров РСФСР от 12 апреля 1957 г. ссуды предоставлялись только тем, кто поселялся в сельской местности, и не распространялись на пожелавших обосноваться в городах и рабочих поселках. Это могло привести к тому, что часть калмыков, и в первую очередь имевших строительные специальности, могли покинуть город и переселиться в сельские населенные пункты, что для властей было крайне нежелательно. Чтобы не допустить оттока калмыков из города, руководители Калмыцкого областного комитета КПСС и облисполкома Совета депутатов трудящихся обратились в Совет министров РСФСР с просьбой разрешить Сельхозбанку СССР выдавать ссуды на индивидуальное строительство калмыкам, поселявшимся в городе и в рабочих поселках [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 60. Л. 5]. Данная просьба была удовлетворена, и вопрос сняли с повестки дня.

По состоянию на 1 декабря 1957 г. в Элисте насчитывалось 1 275 семей калмыков, имевших в своем составе 5 802 души, в том числе 2 910 чел. трудо-

способных по возрасту и здоровью. В указанное число вошли также калмыки, прибывшие в Калмыкию несмотря на все еще сохранявшийся в том году запрет на возвращение на Родину [Забвению 2018: 229]. Почти все трудоспособные калмыки были обеспечены работой (2 890 чел.). Среди них 2 126 чел. трудились на предприятиях и в учреждениях города, 410 чел. — в колхозах города, 346 чел. — в городском совхозе, 8 чел. — в машинно-тракторной станции (далее — МТС).

Заметно улучшалась ситуация с обеспечением переселенцев-калмыков жилыми квартирами. В преддверии первого месяца зимы 1957 г. из числа 1 275 семей калмыков 771 семья проживала в ведомственных и коммунальных квартирах, 264 семьи размещались в построенных для них индивидуальных домах, 160 — на частных квартирах и 80 семей — в купленных для них государством домах [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 4. Д. 21. Л. 9].

4. Переселения в 1958–1963 гг.

В 1958 г. в Элисту планировалось принять 859 семей калмыков, имевших в своем составе 3 341 чел., из которых 2 190 чел. подпадали под категорию «трудоспособных». Из числа 859 семей 513 семей намеревались поселить в построенных для них индивидуальных домах, 296 семей — разместить в ведомственных и коммунальных домах, и 49 семей — на частных квартирах [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 4. Д. 21. Л. 9].

Намеченный властями план по переселению калмыков в республику был перевыполнен. Часть калмыков не стала ожидать разрешения властей и поспешила переехать на жительство в республику во внеплановом порядке.

В Элисте план по расселению калмыков был выполнен сверх нормы. Среди них было много молодых людей, которые в большинстве своем приобрели в местах ссылки технические специальности каменщиков, штукатуров, электромонтеров, плотников, столяров, слесарей, автокрановщиков и др. В условиях интенсивно строящегося города их профессиональные качества оказались востребованы в полной мере [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 32. Л. 92].

Всесоюзная перепись населения 15 января 1959 г. показала серьезные перемены, произошедшие в составе населения города в течение предшествовавших двух лет интенсивных миграций. Они способствовали увеличению численности его населения и превращению города из мононационального в полинациональный. Согласно переписи 1959 г., в Элисте проживали 26 424 чел.; из которых 15 871 чел. были русскими по национальному происхождению и 9 918 чел. — калмыками, представительство других национальностей было незначительным — 635 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1213. Л. 57].

В 1959 г. возвращение калмыков из мест ссылки продолжалось, хотя и в меньших размерах по сравнению с предшествующими годами. По-прежнему недоставало жилья, поэтому власти изыскивали новые возможности по увеличению темпов жилищного строительства. Так, когда в конце года выяснилось, что выделенные 1 млн руб. на строительство объектов коммунального назначения не будут освоены, то председатель Совета министров Калмыцкой АССР Э. А. Сангаев попросил Совет министров РСФСР разрешить использовать эти деньги на постройку жилых домов для прибывших людей. Свое предложение он обосновывал тем, что в городе проживали 600 семей рабочих и служащих, не имевших квартир [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 175. Л. 9–10].

Быстрый рост города усугубил проблему обеспечения жителей города хлебобулочными изделиями. Единственная в нем хлебопекарня, с обветшалым оборудованием, не справлялась с возросшими потребностями горожан в хлебных изделиях. Она производила в сутки 15 тонн хлебобулочных изделий, а требовалось не менее 30 тонн. При этом кондитерские изделия вообще не выпекались. К строительству новой хлебопекарни приступили в IV квартале 1958 г., но в титульный список объектов на 1959 г. не включили, и она осталась без финансирования. Директор Элистинской хлебопекарни обратился к руководству республики с просьбой изыскать в срочном порядке деньги на строительство объекта [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 172. Л. 27].

В 1960 г. механический прирост населения Элисты оставался положительным, составив 1 639 чел. В этот год в город прибыли 9 323 чел. разных национальностей и выбыли 7 684 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1215. Л. 16]. Миграции в город в 1960 г. шли в основном из Ростовской (793 чел.), Астраханской (628 чел.) областей, Ставропольского края (437 чел.) и из разных мест Калмыцкой АССР (1 437 чел.) [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1215. Л. 13]. Статистические данные по миграциям в географическом отношении также свидетельствуют о завершении массового возвращения калмыцкого населения из ссылки. Так, в 1960 г. наибольшее число переселенцев из областей, краев и республик, где калмыки находились депортации, дали Тюменская (140 чел.) и Томская области (44 чел.) [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1215. Л. 13].

5. Завершение массового возвращения калмыков на родину, организация переселений в 1961–1963 гг.

Возвращение калмыцкого населения на родину не решило полностью проблемы обеспечения трудовыми ресурсами Калмыцкой АССР. Государство выделяло крупные финансовые и иные средства на восстановление социально-культурной и экономической жизни республики, но людей для их освоения не хватало. Власти республики вынуждены были продолжать проводить политику приглашения работников из других регионов СССР.

Особенно остро стоял вопрос с обеспечением работниками быстро развивающейся строительной отрасли. В 1961 г. управляющий трестом «Калмыкстрой» Г. Федулов писал заместителю председателя Совета министров Калмыцкой АССР о том, что подразделения подведомственных ему предприятий нуждаются в рабочих разных специальностей. Руководству указанного треста нередко приходилось принимать на работу случайных лиц, а это отрицательно влияло на качество работ и не способствовало созданию кадров постоянных рабочих. По полученным Г. Федуловым сведениям из переселенческих отделов субъектов Сибири, в разных ее районах оставались еще 600 калмыцких семей, просивших о переезде в Калмыцкой АССР. Он просил выдать бюджетные средства на оплату расходов на переселение «хотя бы 60–70 семей», а если такой возможности нет, то разрешить использовать на эти цели средства треста «Калмыкстрой» [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 68. Л. 202].

Острый недостаток в людях рабочих специальностей побуждал власти и дальше сохранять систему организованных наборов и распределения на работу выпускников профессионально-технических училищ (далее — ПТУ). Ежегодно объявлялись организованные наборы рабочих из соседних областей и республик

в республику и направлялись лица, закончившие специальные технические училища.

В 1961 г. руководство Калмыцкой АССР возглавил Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в запасе Б. Б. Городовиков. В это время продолжался процесс активного восстановления различных сфер жизни республики и выделялись для этих целей значительные средства. В числе приоритетных направлений его деятельности стали строительство и обеспечение социально-экономической сферы Калмыцкой АССР работниками и кадрами специалистов.

Приглашение новых жителей в республику на постоянное и временное жительство, особенно в Элисте, неразрывно было связано с вопросом выделения их квартирами. В 1960–1962 гг. в городе ежегодно сдавались в эксплуатацию около 500 квартир, но их было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в жилье всех желающих. В те годы на получение новых квартир скопилось более 2,5 тыс. заявлений.

12 апреля 1962 г. председатель Совета министров Калмыцкой АССР Г. Б. Бембинов и секретарь обкома КПСС Б. Б. Городовиков писали в Совет министров РСФСР: «В городе Элисте Калмыцкой АССР проблема обеспечения жилой площадью продолжает оставаться очень тяжелой» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 438. Л. 80].

Проблема усугублялась еще тем, что часть домов довоенной постройки обветшала и становилась непригодной для эксплуатации. Руководство республики просило выделить 2 400 тыс. руб. капиталовложений в 1963 г. на строительство в Элисте 20 тыс. м² стандартных домов [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 438. Л. 80].

В начале 1960-х гг. власти пытались задействовать еще один источник пополнения рабочими народнохозяйственного комплекса республики. В 1962 г. Б. Б. Городовиков обратился с призывом к только что демобилизованным из Вооруженных сил СССР солдатам приехать в Калмыкию на восстановление народного хозяйства. Предполагалось, что владевшие рабочими специальностями бывшие солдаты смогут существенно помочь восстановлению народного хозяйства. В 1962 г. власти рассчитывали принять и трудоустроить в Калмыкии 4 000 бывших воинов и в связи с этим приступили к подготовке их размещения и трудоустройства [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 60. Л. 13]. Намеченной цифры, однако, достичь не удалось. В течение двух лет (1962 и 1963 гг.) в республику прибыло 1 783 демобилизованных солдат, из которых к середине декабря 1963 г. осталось 1 413 чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 77. Л. 6].

Первая группа демобилизованных солдат в количестве 925 чел. прибыла в Элисту в феврале 1962 г. Из них 559 чел. оставили в городе и 366 чел. направили на работу в районы [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 80. Л. 63].

Приехавших солдат торжественно встретили и собрали в кинотеатре «Родина» г. Элисты, где выступил Б. Б. Городовиков. Он рассказал о сложившейся тяжелой экономической ситуации в Калмыкии, о массовом прибытии из мест депортации калмыков и большой нехватке жилья для переселенцев. Для строительства нужны были материалы, а республика их почти не производила, поэтому Б. Б. Городовиков предложил начать со строительства в Элисте завода железобетонных изделий для производства бетона [Однажды 2023].

Всего в 1962 г. в республику приехали 1 033 чел. демобилизованных, в 1963 г. — 755 чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 77. Л. 6]. Часть из них вскоре

покинула республику, другая часть поработали в ней еще некоторое время, но третьи навсегда остались в Калмыкии.

В числе демобилизованных солдат, прибывших в республику на работу в феврале 1962 г., был Ю. Жакарис. Он навсегда связал свою судьбу с Элистой, женился, обзавелся детьми. Ю. Жакарис вместе с другими демобилизованными солдатами участвовал в строительстве города, за трудовые заслуги неоднократно отмечался ведомственными и государственными наградами, среди которых был орден Трудовой Славы III степени [Досанова 2021: 2].

Остался жить в Элисте и бывший солдат И. И. Колпаков. Он строил город, в 1962–1977 гг. руководил комплексной бригадой управления «Промстрой», затем с 1977 по 1997 гг. работал в должностях заместителя министра и первого заместителя министра жилищно-коммунального хозяйства Калмыцкой АССР, Республики Калмыкия. И. И. Колпаков был награжден за добросовестный труд орденом «Знак Почета», ему было присвоено почетное звание «Заслуженный строитель Калмыцкой АССР», он избирался депутатом Элистинского городского Совета, делегатом XVI съезда ВЛКСМ [Колпаков 2023: 161]. Продуктивно работали и другие представители «городовиковского призыва», так называли в республике демобилизованных военнослужащих, которые прибыли в то время в Калмыкию по приглашению ее секретаря обкома Б. Б. Городовикова.

Неудовлетворительно обстояли дела также по закреплению на жительство людей, приезжавших в Калмыкию по организованным наборам и по направлениям ПТУ. Об этом наглядно свидетельствует справка М. С. Харцхаева, представленная в декабре 1962 г. в Совет министров РСФСР. Согласно справке, Главное управление переселения и организованного набора при Совете министров РСФСР распорядилось направить в 1962 г. в Калмыцкую АССР по организованному набору 1 000 рабочих, однако из них приехали только 627 чел. и к тому же из их числа 378 чел. покинули республику в течение года. Остались на новом месте 244 чел. Это же управление на 1962–1963 гг. отобрало для работы в Калмыкии 1 000 выпускников ПТУ. В 1962 г. из их числа в республику приехали 282 чел., которых к 1 января 1963 г. осталось 199 чел. [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 80. Л. 2].

Многие переселенцы из числа демобилизованных солдат, рабочих организованных наборов и выпускников ПТУ не остались на постоянное жительство в Калмыкии, и к тому есть объяснения. Среди основных факторов, не способствовавших закреплению мигрантов, можно назвать тяжелые природные условия Калмыкии, удаленность города от крупных населенных пунктов, низкий уровень экономики и неразвитость социальной инфраструктуры.

Высокая текучесть рабочей силы и кадров в экономике и активное заполнение трудовых вакансий прибывшими в 1957–1962 гг. из мест ссылки калмыками, что снизило дефицит рабочих ресурсов, побудили власти пересмотреть вопрос о целесообразности организации массовых миграций в народнохозяйственный комплекс.

14 февраля 1963 г. начальник Главного управления промышленности и строительства РСФСР И. Богатырев проинформировал М. С. Харцхаева о том, что для выполнения в 1963 г. плана по промышленности и строительству в Калмыцкой АССР не требуется привлечения дополнительных рабочих по организационному набору с других областей и республик. Он считал, что недостаток рабочих

в этом году можно будет восполнить организованным набором из местного населения [НА РК. Р-147. Оп. 1. Д. 80. Л. 8]. Для ликвидации недостатка в кадрах специалистов (среднего звена) народного хозяйства Совет министров РСФСР запланировал открыть в 1962–1963 гг. в Элисте, Каспийске и в Малых Дербетах три профессионально-технических училища.

Закономерным итогом прекращения организованных массовых миграций в Калмыкию стало упразднение Главным управлением и организованного набора с 1 января 1964 г. отдела переселения и организационного набора рабочих при Совете министров Калмыцкой АССР. Для проведения отдельных работ по переселению и организованному набору была оставлена одна штатная единица «уполномоченного по переселению и организованному набору при Совете министров КАССР» [НА РК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 75. Л. 28].

6. Заключение

В 1957–1963 гг. в Калмыкии резко активизировались миграционные процессы, которые способствовали существенным изменениям в ее социальной и национальной структуре. В эти годы произошло массовое возвращение калмыков на свою историческую родину, прибыло значительное количество людей других национальностей для восстановления Калмыцкой АССР, в то же время имел место значительный отток населения, прибывших на территорию республики для хозяйственной деятельности по указанию властей в целях поддержания народного хозяйства в годы депортации калмыцкого народа. Переселение больших людских масс было инициировано государством и носило плановый характер. Активизация миграций была непосредственным образом связана с государственной политикой восстановления автономии калмыцкого народа и возвращения его на родину. Переселения в Калмыкию проводились в рамках государственных проектов по возвращению калмыков из мест депортации, организованных наборов рабочих, направлений выпускников профессионально-технических училищ.

Элиста, как столичный город, являлась объектом особого внимания со стороны властей. До 1957 г. город являлся районным центром и не получал достаточных средств для своего развития. С повышением правового статуса Элисты до уровня административного центра субъекта поток финансов и иных материальных средств значительно возрос. Однако освоить их имеющимися людскими трудовыми ресурсами не представлялось возможным, другой проблемой было то, что город во время Великой Отечественной войны, будучи более 4-х месяцев под немецкой оккупацией, был сильно разрушен, и после завершения войны полностью не восстановлен. Городского жилого фонда было недостаточно, чтобы разместить на жительство массы прибывавших людей. В сложившейся обстановке первоочередное значение приобрело строительство жилых домов, промышленных и административных объектов. Для их возведения и обслуживания были необходимы люди с техническими специальностями и навыками строительного дела, а их среди местного населения было очень незначительное число. Поэтому власти при организации переселений калмыков в Элисту отдавали предпочтение тем из них, кто имел рабочие специальности и изъявил желание трудоустроиться в строительной и промышленной сферах. Другими формами обеспечения города трудовыми ресурсами были организованные наборы рабочих, выпускников профессионально-технических училищ,

в 1962–1963 гг. — приглашение и организация переселений демобилизованных воинов Советской армии.

Прибывшие в г. Элисту люди внесли большой вклад в восстановление и развитие города, однако многие из них, преимущественно лица некалмыцкого происхождения, в силу тяжелых природных условий, неустройства быта, покинули ее. Несмотря на это, к середине 1960-х гг., задача обеспечения народнохозяйственного комплекса города трудовыми ресурсами была в основном решена.

В результате притока в Элисту большого количества людей численность ее жителей в период с 1957 по 1964 гг. возросла более чем в два раза. В 1964 г. ее численность составляла 37 тыс. чел. Значительно изменился социальный состав горожан. Среди них стали преобладать люди специальностей, связанных с управлением, обслуживанием населения, строительством, мелкой и средней промышленностью. Важные перемены произошли в национальной структуре населения: город трансформировался из мононационального в полинациональный. В городе увеличилось количество людей разных национальностей, однако наиболее многочисленными среди них были русские и калмыки.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Борисенко 2000 — *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. — начало 90-х гг. XX в. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 168 с.
- Всесоюзная 1939 — Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения по городским поселениям и внутригородским районам [электронный ресурс] // Демоскоп Weekly–Приложение. Справочник статистических показателей URL: www.demoscop.ru (дата обращения: 23 мая 2023 г.).
- Досанова 2021 — *Досанова А.* Солдат «городовиковского призыва» // Элистинская панорама. 2021. 14 января. [электронный ресурс] // URL: <http://элиста-панорама.рф/97-v-tsentre-vnimanija/3194-soldat-gorodovikovskogo-prizyva> (дата обращения: 23.05.2023).
- Забвению не подвластно... Во славу жизни. (Приютненский район Республики Калмыкия. 28 декабря 1943 – 12 января 1957 г.) / сост. Н. В. Куникина, А. О. Тапкпина. Элиста: ЗАОР «Джангар», 2018. 576 с.
- Заславская 1974 — *Заславская Т. И.* Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов. М.: Наука, СО, 1974. 328 с.
- Иванов 2013 — *Иванов А. С.* Возвращение калмыков на родину (1956–1959 гг.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2013. № 1(1). С. 54–60.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- Колпаков 2003 — *Колпаков И. И.* По «городовиковскому призыву» // Эпоха Городовикова: В воспоминаниях соратников и современников / сост.: В. Э. Боваев, М. Э. Конеев. Элиста: РИА «Калмыкия», 2003. С. 161–164.
- Лиджиева 2006 — *Лиджиева И. В.* Восстановление автономии калмыцкого народа и его возвращение на родину // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. 2006. № 3. С. 80–89.
- Насунов, Шалхаков 1985 — *Насунов А. Б., Шалхаков Д. Д.* Миграционные процессы и изменения этносоциальной структуры населения Калмыцкой АССР (опыт этносоциологического исследования городского рабочего класса специалистов) // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1985. С. 17–27.
- Немичев 1975 — *Немичев И. С.* Элистинская городская: Страницы истории партийной

- организации. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 127 с.
- Немичев 1981 — Немичев И. С. Роль города Элисты в консолидации калмыцкой социалистической нации // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 121–126.
- Однажды 2023 — «Однажды и навсегда (солдаты городовиковского призыва)». Калмыкия. Администрация Октябрьского Районного муниципального образования Республики Калмыкия. 30 июня 2023 г. [электронный ресурс] // URL: <https://ok.ru/oktrmo> (дата обращения: 23 мая 2023 г.).
- Переведенцев 1975 — Переведенцев В. И. Методы изучения миграций населения. М.: Наука, 1975. 229 с.
- Рыбаковский 2017 — Рыбаковский Л. Л. История и теория миграций населения. Кн. 2. М.: Эконом-Информ, 2017. 236 с.
- Сенглеева 1973 — Сенглеева Т. Н. Характеристика миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов КАССР // Вестник института. № 7. Сер. социологии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 74–105.

References

- All-Russian Population Census of 1939. The Number of Urban Population by Urban Settlements and Inner-City Areas. Demoscope Weekly Appl. Handbook of statistical indicators. Available at: <http://www.demoscop.ru> (Accessed: 23 May 2023). (In Russ.)
- Borisenko I. V. Essays on the Historical Geography of Kalmykia. 1917 – the beginning of the 90s of the 20th Century. Elista: APP “Dzhangar”, 2000. 168 p. (In Russ.)
- Dosanova A. Soldier of the “Gorodovikov Draft”. *Elistinskaya panorama*. 2021. Available at: <http://элиста-панорама. RF/97-v-tsentre-vnimaniya/3194-soldat-gorodovikovskogo-prizyva> (Accessed: 23 May 2023). (In Russ.)
- Ivanov A. S. The Return of the Kalmyks to their Homeland (1956–1959). *Bulletin of SurGU*. 2013. No. 1 (1). Pp. 54–60. (In Russ.)
- Is not Subject to Oblivion... for the Glory of Life. (Priyutnensky district of the Republic of Kalmykia. 28 December 1943 – 12 January 1957) N. Kunikina, A. Tapkina (comps.) Elista: Dzhangar, 2018. 576 p. (In Russ.)
- Kolpakov I. I. “By “Gorodovikov Call”. The Era of Gorodovikov: In the Memoirs of Comrades and Contemporaries. V. Bovaev, M. Koneev (comps.) Elista: RIA “Kalmykia”, 2003. Pp. 161–164. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Restoration of Autonomy of the Kalmyk People and their Return to their Homeland. Scientific Thought of the Caucasus. Special Issue. 2006. No. 3. Pp. 80–89. (In Russ.)
- Nasunov A. B., Shalkhakov D. D. Migration Processes and Changes in the Ethno Social Structure of the Population of the Kalmyk ASSR (Experience of ethno sociological research of the urban working class of specialists). Problems of Modern Ethnic Processes in Kalmykia. Elista: Publishing House of the Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature, History, 1985. Pp. 17–27. (In Russ.)
- Nemichev I. S. The Role of the city of Elista in the consolidation of the Kalmyk Socialist Nation. Research on the Historical Geography of the Kalmyk ASSR. Elista: KalmNIIFЕ, 1981. Pp. 121–126. (In Russ.)
- Nemichev I. S. Elista City: Pages on the History of the Party Organization. Elista: Kalm. Publishing House, 1975. 127 p. (In Russ.)
- “Once and for all (soldiers of the Gorodovikov draft)”. Kalmykia. Administration of the Oktyabrsky District of the Republic of Kalmykia. Available at: <https://ok.ru/oktrmo> (Accessed: 30 June 2023). (In Russ.)
- Perevedentsev V. I. Methods of Studying the Population Migration. Moscow: Nauka, 1975. 229 p. (In Russ.)
- Rybakovsky L. L. History and Theory of Population Migration. Moscow: Publishing House “Economy-Inform”, 2017. Vol. 2. 236 p. (In Russ.)
- Sengleeva T. N. Characteristics of Migration Processes in the Formation of labor Resources of Cash Registers. *Bulletin of the Institute*. Elista: BOOKS, 1973. No. 7 (series of sociology). Pp. 74–105. (In Russ.)
- The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. Elista: Publishing house “Gerel”. 2009. Vol. 12. 840 p. (In Russ.)

Zaslavskaya T. I. Methodological Problems of Sociological Research of Labor Mobility.
Moscow: Nauka, Siberian Branch, 1974. 328 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 930.253

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-257-278

Механизаторский всеобуч и комсомол (на примере общественного движения за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии»)

Баатр Андреевич Оконов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8568-4330. E-mail: [vostok80\[at\]mail.ru](mailto:vostok80[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Оконов Б. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье предпринята попытка осветить процесс массовой подготовки механизаторским специальностям сельского населения в Калмыцкой АССР, который из-за нехватки сельскохозяйственной техники вылился в общественное движение за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». *Цель исследования* — на основе опубликованных и неопубликованных источников осветить роль комсомола в проведении массового обучения механизаторским специальностям в Калмыцкой АССР. *Материалы и методы.* Источниковой базой послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия. В работе применялись хронологический метод и метод периодизации, предоставившие возможность проследить качественные изменения в процессе формирования общественного движения и провести анализ основных тенденций и вклада участников движения в создании тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». *Результаты и выводы.* В статье показано положение в сельском хозяйстве накануне проведения механизаторского всеобуча в Калмыцкой АССР. Особое внимание уделено вкладу как непосредственных участников движения, так и колхозов, совхозов и районов в фонд тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». Сделан вывод, что значительное увеличение количества сельскохозяйственной техники и внедрение новых образцов потребовало всесторонней подготовки кадров на селе. За период проведения механизаторского всеобуча в Калмыкии тысячи юношей и девушек в селах получили механизаторские специальности. В связи с нехваткой новых образцов сельскохозяйственной техники комсомольцами было предложено создать фонд тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». Результатом движения по созданию тракторной колонны стало обеспечение необходимым машинотракторным парком учебных предприятий. Вместе с тем на всем протяжении 1970-х гг. сохранялась проблема утечки механизаторских кадров.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, механизаторские кадры, комсомол, механизаторский всеобуч, сельское хозяйство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).
Для цитирования: Оконов Б. А. Механизаторский всеобуч и комсомол (на примере тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии») // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 257–278. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-257-278

Mechanistic General Education and Komsomol Using the Example of the Social Movement for the Creation of the “Komsomolets of Kalmykia” tractor column

Baatr A. Okonov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Cand. Sc. (History), Research Associate
 0000-0001-8568-4330. E-mail: vostok80[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024
 © Okonov B. A., 2024

Abstract. Introduction. The article attempts to highlight the process of mass training in machine-building specialties of the rural population in the Kalmyk ASSR, which, due to the lack of agricultural machinery, resulted in a public movement for the creation of a tractor column “Komsomolets of Kalmykia”. The *purpose* of the study, based on published and unpublished sources, is to highlight the role of the Komsomol in conducting mass training in machine-building specialties in the Kalmyk ASSR. *Materials and methods* The source base was the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia. The analysis of archival materials was carried out using such methods as periodization, which provided an opportunity to trace qualitative changes in the process of forming a social movement and an analysis of the main trends and contributions of participants in the movement for the creation of the Komsomolets Kalmykia tractor column. *Results and conclusions.* The article shows the situation in agriculture on the eve of the mechanized general education in the Kalmyk ASSR. Special attention is paid to the contribution of both direct participants in the movement and collective farms, state farms and districts to the fund of the Komsomolets Kalmykia tractor column. The author concludes that a significant increase in the number of agricultural machinery and the introduction of new models required comprehensive training in rural areas. During the period of the mechanization general education in Kalmykia, thousands of boys and girls in villages received mechanization specialties. Due to the shortage of new samples of agricultural machinery, Komsomol members proposed to create a fund for the Komsomolets Kalmykia tractor column. The result of the movement for the creation of a tractor column was the provision of the necessary machine and tractor fleet for educational enterprises. At the same time, throughout the 1970s, the problem of leakage of mechanized personnel persisted.
Keywords: Kalmyk ASSR, mechanized personnel, Komsomol, mechanized general education, agriculture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Okonov B. A. Mechanizatorsky Universal Education and Komsomol (on the example of the tractor column “Komsomolets Kalmykia”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 257–278. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-257-278

1. Введение

История калмыцкой комсомольской организации богата славными традициями. К ним относятся направление молодежи на строительство Волгоградского тракторного завода, девичий механизаторский всеобуч 1920–1930-е гг., в суровые годы Великой Отечественной войны — активное участие комсомольцев в сборе средств на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» и авиаэскадрильи «Калмыцкий комсомол». В 1960-е гг. развернувшееся движение молодых механизаторов стало продолжением этих традиций, в чем хорошо отражается преемственность поколений комсомольцев [Басангов 2018].

Во второй половине XX в. в СССР был взят курс на интенсификацию аграрного производства, рост производительности сельского хозяйства. Одним из условий роста производительности стало внедрение комплексной механизации сельскохозяйственного производства. В этой связи в стране была проведена реорганизация машинотракторных станций (МТС), колхозам и совхозам было передано значительное количество сельскохозяйственной техники: трактор, комбайны, автомобили и другие сельскохозяйственные машины. Организация эффективной эксплуатации сельскохозяйственной техники на местах требовала подготовки квалифицированных механизаторских кадров. Из-за нехватки механизаторских кадров, особенно в период проведения весеннего сева и осенней уборки урожая, привлекались специалисты из других отраслей народного хозяйства.

Вместе с тем численность сельского населения потенциально позволяла проводить сельскохозяйственные работы собственными силами. В это время зародилось движение за механизаторский всеобуч и качественную подготовку механизаторских кадров на селе. Основным направлением работы комсомольских организаций в области сельского хозяйства в 1960–1970-е гг. стало массовое обучение механизаторским специальностям сельского населения.

Среди многообразия литературы, посвященной механизаторскому всеобучу, большая часть посвящена рекомендациям по организации подготовки механизаторских кадров [Иовлев 2016], месту и роли женщин в системе подготовки механизаторов [Захаров 2011], особенностям обучения в различных регионах страны [Бикейкин 2017; Изюмова 2016; Яковлев 2022]. В помощь обучающимся выходил журнал «Сельский механизатор», в котором были освещены вопросы эксплуатации, конструкции и ремонта сельскохозяйственной техники, подготовки кадров. В девятой главе «Очерков истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма», посвященной Калмыкии в период 1959–1968 гг., отмечено, что основным направлением работы комсомольских организаций в области сельского хозяйства в этот период были шефство над овцеводством и механизаторский всеобуч. Однако данные о проделанной работе в области механизаторского всеобуча комсомолом не приводятся [Очерки 1970: 345]. Отдельные исследования по участию молодежи и комсомольцев Калмыкии в деле подготовки механизаторских кадров не предпринимались. Между тем следует осветить роль комсомола в проведении массового обучения механизаторским специальностям в Калмыцкой АССР.

2. Материалы и методы

Источниковой базой в статье послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия. Большую ценность представляют документы фонда П-22, в котором содержатся материалы об общественном движении за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии», информация об участии комсомольцев и молодежи в создании фонда тракторной колонны. Эти документы

свидетельствуют о том, что областной комитет (далее — обком) и районные комитеты (далее — райкомы) комсомола предпринимали активные меры по преодолению негативных явлений в деле подготовки квалифицированных кадров. Анализ архивных материалов осуществлен с применением хронологического метода и метода периодизации, что позволило проследить качественные изменения в процессе формирования общественного движения и провести анализ основных тенденций и вклада участников движения за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии».

3. Сельское хозяйство в Калмыцкой АССР в первые годы после восстановления автономии

В послевоенный период в результате масштабного освоения целинных и залежных земель и увеличения посевов под зерновыми культурами в стране удалось добиться роста производства зерна. Для интенсификации сельскохозяйственного производства в 1958 г. в стране была начата реорганизация МТС, вся сельскохозяйственная техника передавалась колхозам.

Процессы, происходившие по всей стране, затронули и Калмыкию, автономия которой была восстановлена в 1957 г. в форме автономной области в составе Ставропольского края; уже в 1958 г. область была преобразована в автономную республику. После реорганизации МТС в Калмыкии 25 колхозов купили 777 тракторов, 221 комбайн и много другой сельскохозяйственной техники общей стоимостью более 42 млн руб. В последующие два года только для совхозов государством были отпущены 81 млн руб., выделено 983 трактора, 680 комбайнов, 354 автомашины и другая сельскохозяйственная техника [Очерки 1970: 355]

Расширение посевных площадей под зерновые и кормовые культуры заметно укрепило кормовую базу общественного животноводства. В 1958 г. хозяйства республики заложили около 370 тыс. тонн силоса, или в 5 раз больше, чем в 1957 г. В достаточном количестве были заготовлены сено, солома и концентрированные корма. В результате этого за два года после восстановления области поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 21 %, овец — на 28 %, продажа шерсти — на 38 %, мяса — на 33 %, яиц — в два раза и зерна — в 1,7 раза. В 1958 г. государству было сдано более 11,3 млн пудов зерна, т. е. почти в 3 раза больше установленного плана [Очерки 1970: 355].

Одним из негативных последствий реорганизации МТС была потеря примерно половины квалифицированных механизаторских кадров, которые уходили на работу в город [Мотревич 2019: 4]. С появлением машинотракторного парка непосредственно в хозяйствах появились проблемы, связанные с эффективной эксплуатацией и ремонтом техники. Остро встала проблема обеспечения колхозов и совхозов высококвалифицированными механизаторами — водителями, комбайнерами, трактористами, слесарями, мелиораторами. Кроме этого, на местах требовалось создавать места хранения техники, запасных частей ГСМ.

В результате массового возвращения представителей коренной национальности в восстановленную автономию Калмыкии в конце 1950-х гг. произошел рост численности ее комсомольской организации. Молодежь и комсомольцы приняли активное участие в восстановлении и строительстве национальной республики. На всех важнейших объектах в промышленности и сельском хозяйстве создавались комсомольско-молодежные бригады. К началу 1958 г. в составе областной организации насчитывалось 288 первичных организаций и более 10 тыс. чел.

[Оконов 2022]. В колхозах и совхозах области трудилось 3 652 комсомольцев [НА РК. Ф. П-22. Оп.1. Д. 228. Л. 199]

Молодежь и комсомольцы активно участвовали в мероприятиях по развитию сельского хозяйства. В этот период были начаты первые мелиоративные работы. На местах ставили плотины для устройства прудов, копали колодцы и бурили скважины. В 1960-е гг. были выполнены работы по сооружению более 100 прудов на местном стоке, более 1 000 колодцев, около 300 скважин, на естественных урочищах освоено более 20 тыс. гектаров лиманного орошения [Оконов 2023: 673].

В рамках принятого семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. предусматривалось дальнейшее развитие местной, легкой, рыбной и пищевой промышленности. В области сельского хозяйства предусматривался рост производства мяса в 2,3 раза, молока — в 2,5 раза, шерсти — в 2 раза и яиц — в 1,6 раза. 76 млн руб. были выделены на ирригационные сооружения [Очерки 1970: 361].

В 1960 г. в 324 первичных комсомольских организациях состояло уже 14 070 человек. Сельские комсомольские организации были довольно многочисленными, в среднем на каждый совхоз приходилось по 96 человек, а на колхоз по 115 человек. Всего в колхозах и совхозах Калмыцкой АССР трудилось более 7 тыс. комсомольцев [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 228. Л. 199]. В рамках повышения образовательного уровня молодежи в 1959–1960 учебном году в республике работало 17 вечерних школ рабочей и сельской молодежи (82 класса) и 1 заочная школа, в которых прошло обучение 1 843 человека [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 228. Л. 220].

К 1960 г. комсомольцы и молодежь Калмыкии из 130 тыс. га возделываемой в республике кукурузы вырастили 95 000 га, при обязательстве вырастить 75 000 кг [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 246. Л. 15]. На постоянную работу в животноводство обком комсомола Калмыкии отправил 1 015 юношей и девушек, вырастили 323 тыс. ягнят, настригли 52 100 ц шерсти, вырастили 20 200 телят, подготовили 4 732 механизатора [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 246. Л. 15].

Мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства требовали дальнейшего увеличения посевных площадей и земель орошаемого земледелия, повышения производительности труда за счет привлечения новой сельскохозяйственной техники, внедрения нового передового опыта, создания новых механизированных чабанских бригад, проведения ирригационных работ. Эксплуатация новой сельскохозяйственной техники в колхозах и совхозах ставила задачу массового обучения механизаторским специальностям сельского населения.

4. Решения партии и правительства о механизаторском всеобщем обучении сельского населения

В мае 1957 г. на проходившем в г. Ленинграде совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик северо-запада РСФСР Н. С. Хрущев выдвинул задачу в ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения, увеличив производство мяса к 1960 г. в 3,5 раза. Выдвинутый в мае 1957 г. лозунг положил начало политики «большого скачка вперед» в области сельского хозяйства [Хрущев 1957: 11].

Одним из условий роста производительности стало внедрение комплексной механизации сельскохозяйственного производства. В рамках технического пе-

реоснащения колхозов и совхозов возникла потребность в различных механизаторских специалистах, способных использовать имеющуюся технику.

Поэтому колхозники сельхозартели «Путь к коммунизму» Ононского района Читинской области и работники совхоза «Алтайский» Алтайского края обратились к труженикам сельского хозяйства с призывом организовать во всех колхозах и совхозах страны всеобщее обучение колхозников, рабочих и служащих совхозов механизаторским специальностям. Центральный комитет партии поддержал инициативу и принял постановление «Об организации всеобщего обучения колхозников, рабочих и служащих совхозов механизаторским специальностям» [ТАСС Об организации 1962]. Бюро ЦК КПСС по РСФСР предложило местным партийным организациям взять механизаторский всеобуч под контроль, считая обучение механизаторским специальностям основной формой учебы сельских жителей [ТАСС Об организации 1962].

Центральным комитетом ВЛКСМ в сентябре 1962 г. также было принято постановление «Об организации всеобщего обучения колхозников, рабочих и служащих совхозов механизаторским специальностям» [ВЛКСМ 1962: 195]. В постановлении говорилось, что обучение каждого рабочего и служащего совхоза, колхозника механизаторской специальности — это боевая задача комсомольских организаций страны [Каждый на селе 1962].

Как и многие другие кампании советского периода, механизаторский всеобуч предполагалось провести в штурмовом порядке. За осенне-зимний период 1962 г. планировалось провести массовое обучение колхозников, рабочих и служащих совхозов механизаторским специальностям с тем, чтобы они к весне 1963 г. овладели профессиями механизатора-тракториста, комбайнера, шофера, электрика, могли управлять механизмами на полях и животноводческих фермах. В этих целях было предложено создать в каждом колхозе и совхозе школы по подготовке и повышению квалификации механизаторских кадров без отрыва от производства [Каждый на селе 1962].

Обучение предполагалось проводить на имеющейся технике в колхозах. Но в связи с тем, что механизаторский всеобуч начинался осенью, после окончания уборки, сельскохозяйственная техника требовала ремонта. Поэтому техники, находившейся в рабочем состоянии, подходящей для обучения, в ряде регионов, в том числе и в Калмыцкой АССР, не хватало. К тому же к этому моменту тракторная техника уже устарела и требовала модернизации. Но к этому времени на Минском тракторном заводе начал выпускаться новый надежный и неприхотливый трактор — МТЗ-50.

В начальный период механизаторского всеобуча в связи с тем, что подготовка школ всеобуча проходила в сжатые сроки, не был отлажен учебный процесс, не хватало сельскохозяйственной техники и квалифицированного преподавательского состава, общий уровень выпускников механизаторских курсов был крайне низким [Иовлев 2016: 69].

5. Общественное движение за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии»

В Калмыцкой АССР образцов новой сельскохозяйственной техники в школах механизаторского всеобуча не хватало. В 1966 г. в республике развернулось общественное движение за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии».

Инициаторами создания движения, направленного на увеличение тракторного парка в сельских хозяйствах республики, стали механизаторы колхоза «Дружба» Приютненского района [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 3]. Ими было предложено создать фонд, на средства которого можно было бы приобрести сельскохозяйственные машины, на которых смогут обучаться сельчане. Фонд предполагалось создать за счет экономии ГСМ, эффективной эксплуатации техники, использования рационализаторских предложений на производстве в рамках средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства. Эта инициатива была поддержана молодыми трактористами колхоза им. Ильича и совхоза «Степной» из Сарпинского района: Александром Бобневым, Андреем Майданец, Виктором Савченко, Иваном Галда и др. Они призвали молодых механизаторов республики за счет применения передовых методов труда, экономии и бережливости, правильной эксплуатации машинотракторного парка, внедрения передовых методов эксплуатации и технического обслуживания машин добиваться повышения эффективности парка и снижения трат на его содержание [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

Комсомольская областная организация ВЛКСМ изучила состояние технической оснащенности и основные экономические показатели сельскохозяйственного производства и поддержала идею создания фонда. В обкоме комсомола отмечали, что рост технической оснащенности колхозов и совхозов выдвинул на первый план задачу повышения эффективности использования машинотракторного парка, наиболее рационального его применения [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 3].

Исходя из конкретных условий развития сельского хозяйства и экономики Калмыцкой республики, обкому комсомола удалось найти формы привлечения молодежи к комплексному решению проблем механизации сельскохозяйственного производства в виде общественного движения за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». Опыт по созданию тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» позволил наметить основные направления в развитии этого движения. Райкомам комсомола было рекомендовано в рамках этой работы сосредоточить внимание на следующих направлениях работы:

- вовлечение каждого молодого механизатора в соревнование за внедрение передовой технологии труда, за экономию и бережливость;
- расширение механизаторского всеобуча за счет привлечения девушек к овладению специальностями механизатора;
- повышение роли молодых специалистов, инженеров и техников-механиков в пропаганде и внедрении прогрессивных методов эксплуатации ремонта, технического обслуживания машинотракторного парка, в применении механизированной заправки, в строгом хранении правил хранения техники;
- дальнейшее повышение общеобразовательного и профессионального уровня молодых механизаторов;
- привлечение комсомольцев и молодежи колхозов и совхозов к строительству мастерских, машинных дворов, пунктов технического обслуживания, профилированных площадок для хранения техники;
- активное участие отрядов «Комсомольского прожектора» в борьбе с бесхозяйственностью за экономию и бережливость;
- дальнейшее развитие оптимизации при эксплуатации техники [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 4]

Согласно постановлению VI Пленума Центрального Комитета ВЛКСМ, прошедшего в декабре 1968 г., были определены основные направления работы комсомольских организаций в деле привлечения молодежи к решению проблем комплексной механизации сельскохозяйственного производства. В постановлении Пленума молодые механизаторы призывались «в совершенстве овладеть техникой, развернуть движение за повышение дневной выработки на тракторе, комбайне, за улучшение эксплуатации и улучшения сельхозмашин, добиваться увеличения срока их службы, вести комплексную механизацию трудоемких процессов в земледелии и животноводстве» [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

В июле 1969 г. движение за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» было одобрено секретариатом ЦК ВЛКСМ и Коллегией Министерства сельского хозяйства РСФСР. К этому моменту в социалистическом соревновании по экономии участвовали не только трактористы, но и водители, комбайнеры, слесари, мелиораторы, токари, сварщики и кузнецы — все те, кто принимал непосредственное участие в эксплуатации и ремонте машин [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 31].

В это время механизаторский всеобуч принимает форму долгосрочного обучения. На местах, в школах механизаторского всеобуча принимаются меры по его улучшению, обеспечению сельскохозяйственной техникой, оборудованию кабинетов и приглашением квалифицированных преподавателей.

6. Работа по созданию тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии»

6.1. Организация обкомом комсомола соревнования между механизаторами

Значительный рост разнообразного машинотракторного парка в Калмыцкой АССР ежегодно требовал подготовки не менее 500 трактористов — машинистов широкого профиля. Обкомом ВЛКСМ организовались соревнования между комсомольскими организациями по механизаторскому всеобучу. На курсах при хозяйствах ежегодно готовилось не менее 700 человек.

В дни подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию автономии Советской Калмыкии движение за коммунистическую сохранность и экономию средств получило новый размах. Во всех колхозах и совхозах были проведены комсомольские собрания по участию в создании тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». В Сарпинском районе Калмыцкой АССР более 500 молодых трактористов и шоферов приняли личные обязательства по экономии ремонтных средств и ГСМ [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 10].

В рамках вовлечения молодых механизаторов в соревнование за внедрение передовой технологии труда, за экономию и бережливость, учитывая опыт работы первичных комсомольских организаций и их инициативу, обкомом комсомола были разработаны условия проведения социалистического соревнования среди молодых механизаторов комсомольских организаций за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». Соревнование ставило целью вовлечение молодых механизаторов в движение за лучшее использование тракторов и сельскохозяйственных машин, повышение роли комсомольских организаций в росте общеобразовательного уровня и квалификационной классности молодых механизаторов, улучшении и подготовке механизаторских кадров, развитии рационализации и изобретательства, экономии и бережливости [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

Социалистическое соревнование проводилось между комсомольцами, между комсомольско-молодежными бригадами внутри колхозов и совхозов, между колхозами и совхозами внутри района, между районами внутри республики.

Ход выполнения социалистических обязательств контролировался в первичных комсомольских организациях по специальным учетным листам, выпущенным обкомом ВЛКСМ для каждого молодого механизатора. Учет вклада каждого участника движения за создание фонда экономии тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» велся в индивидуальном порядке в комитетах комсомола. Учетный лист молодого механизатора заполнялся поквартально. В конце года учетный лист подписывался главным инженером хозяйства и секретарем комсомольской организации, составлялся отчет в целом по сельскохозяйственному предприятию, который передавался в отдел комсомольских организаций райкома ВЛКСМ. Итоги соревнований в комсомольских организациях совхозов и колхозов подводились на комсомольских собраниях. О комсомольцах, показавших лучшие результаты соревнований, публиковались статьи в комсомольских печатных органах, с их участием проводились собрания по обмену опытом.

В целях повышения заинтересованности комсомольских организаций и молодых механизаторов райкомы и областной комитет комсомола определили меры морального и материального поощрения победителей социалистических соревнований. Лучший райком комсомола по итогам соревнований получал автомобиль ГАЗ-69. Секретари лучших первичных комсомольских организаций награждались ценными подарками, путевками на посещение ВДНХ в г. Москве и в молодежные туристические лагеря. Для поощрения молодых механизаторов были учреждены переходящие мандаты, которые давали право участвовать в традиционном республиканском слете молодых механизаторов. Также многие механизаторы, показавшие высокие результаты в деле экономии ГСМ и запчастей, награждались значками ЦК ВЛКСМ «Ударник» и грамотами Калмыцкого обкома ВЛКСМ, в райкомах передовиков заносили на Доску почета. Пропаганда эффективного использования сельскохозяйственной техники, экономии запчастей и ГСМ принесла свои плоды. Тысячи молодых людей пошли на курсы механизаторов и приняли участие в создании тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии», среди них развернулось социалистическое соревнование за эффективную эксплуатацию техники и качество ухода за ней, продление межремонтных сроков, экономное расходование ГСМ и запасных частей (см. таблицу 1).

Во всех районах республики молодые механизаторы брали личные социалистические обязательства по экономии средств. Областной комитет комсомола организовал соревнования по экономии между сельскими районами. Итоги подводились ежеквартально и обсуждались на комсомольских собраниях. Лучшие механизаторы А. Бобнев и А. Майданец по итогам социалистического соревнования, посвященного столетию со дня рождения В. И. Ленина, были награждены новыми именными тракторами. Новая техника была принята ими с обязательствами коммунистического сохранения [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

Каждый год районы продолжали соревнование за экономию, за создание фонда тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии».

В этих условиях действительно приобрели важное значение дальнейшее повышение уровня организаторской работы, комитетов комсомола с молодыми

механизаторами, улучшение воспитания хозяйственного отношения к земле и технике, поиск путей активного привлечения их к работе по улучшению использования машин и механизмов.

Бюро Калмыцкого обкома комсомола решило, что райком ВЛКСМ, добившийся лучших результатов в создании тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» по итогам работы за 1970 г. и первое полугодие 1971 г. — к 50-летию комсомола Калмыкии, получит переходящее Красное знамя на вечное хранение. Переходящее Красное знамя получил на вечное хранение Сарпинский район Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

6.2. Привлечение к движению механизаторов девушек

Особенности эксплуатации новой техники, более легкой в управлении, позволяли привлекать к работе с ней и девушек. С 1968 г. областной комсомольской организацией был взят курс на обучение девушек механизаторским специальностям. Обком комсомола поставил задачу перед районными комитетами подготовить к столетию со дня рождения В. И. Ленина 600 девушек-механизаторов. Эта работа строилась в тесном контакте с хозяйственными советскими органами, партийными и профсоюзными организациями и успешно была выполнена. В Сарпинском районе Калмыцкой АССР на призыв откликнулось 240 девушек. К 1970 г. они получили удостоверения трактористов, многие в дальнейшем работали в сельском хозяйстве [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 15]. В 1969 г. в совхозе «Комсомолец» Городовиковского района молодая учительница В. Будова окончила курсы механизаторов и летом работала штурвальной на комбайне [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 20].

В Приозерном районе Калмыкии на соревнованиях «Лучший пахарь» среди девушек первое место заняла Лидия Ходжгорова из совхоза «Приозерный» [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 20. Л. 2]. В Целинном районе передовик-механизатор Надежда Пилинская в период проведения весенне-полевых работ выполняла смену на 150–190 %. В 1974 г. Н. Пилинская на тракторе МТЗ-50 выработала 696 га пахоты и сэкономила при этом 822 кг ГСМ в фонд создания тракторной колонны [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 2]. В Приютненском районе республики отличных показателей добилась молодой механизатор Любовь Пожидаева, сэкономившая 3 379 кг ГСМ на сумму 236 руб., которые пошли в фонд тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 28]. В Яшкульском районе водитель ГАЗ-51 Эльза Нимеева сэкономила 210 кг ГСМ [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 20. Л. 6].

В связи с увеличением количества девушек-механизаторов на селе создавались женские бригады. Одна из первых женских бригад была образована в совхозе «Балковский» Целинного района Калмыцкой АССР в апреле 1974 г. Бригада, которой руководил В. К. Корсаков, была организована из девяти девушек, для нее были выделены новые трактора. За высокие производственные показатели бригада была отмечена вымпелом Целинного райкома ВЛКСМ и награждена бесплатной туристической путевкой для поездки на ВДНХ СССР в г. Москву. Участница бригады Т. Манджиева, выполнившая годовой план к 1 сентября 1974 г., в День работника сельского хозяйства была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного совета Калмыцкой АССР. Кроме этого, Т. Манджиева в 1974 г. внесла свой личный вклад в фонд создания трак-

Таблица 1. Механизаторы — участники движения за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» и их достижения (по районам, 1973–1978 гг.)
[Table 1. Machine operators are the participants of the movement for the creation of the tractor column “The Komsomol member of Kalmykia” and their achievements (in the regions, 1973–1978)]

Городовиковский район										
Год	Всего механизаторов	Из них участники движения	Лучшая организация района	Механизаторы передовики (ФИО)	Заслуги	Всего сэкономлено ГСМ в кт/ руб.	Сэкономлено запасных частей, в руб.	Рационализаторские предложения. В руб.	Итого	Источник
1973			Колхоз «Ленинец»	Файт В.	Сэкономил 1 301 кг ГСМ				10 123	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 12]
				Луханин Т. И.	Сэкономил 700 кг ГСМ					
1974	273	140	Совхоз «Комсомолец»	Тюрбеев В.	Сэкономил 3 031 кг ГСМ	3 820 /1 528		4 900	25 364	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 20. Л. 1]
				Мульгенов П.	Сэкономил 1 484 кг ГСМ					
1975	345	293				135 304 /2 472	2 245	1 367	13 084	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 37]
1977	332	291	Колхоз «XXII партсъезд»	Овечкин А.		1 312 308/ 28 107	4 210	2 400	34 717	[НА РК . Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 1]
Ики-Бурульский район										
1973			Совхоз «Кевюдовский»	Галзанов В.	Сэкономил 1 305 кг ГСМ	16 520 / 13 216	2 415 руб.		15 631	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 22]

¹В случаях отсутствия информации в архивных делах отдельные столбцы в данной таблице не заполнены.

1975	327	298	Совхоз «Буратинский»	Навидов В.	Сэкономил 2 448 кг ГСМ	87 979 / 7 928	2 103			[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 14]
1977	247	198	Совхоз «Буратинский»			25 714 / 2 057	357		2 414	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25 Л. 5]
1978* *данные за 1 полугодие	315	285	Совхоз «Красный путилевец»			2 015 / 1 783	253		2 036	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27 Л. 4]
Каспийский район										
1973	86			Кинжеев Б.	Внес рационализаторское предложение. Сэкономил 7 970 руб.			9 319		[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18 Л. 33]
1977	58	33				1 283 / 641	131		772	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 17]
1978* *данные за 1 полугодие	67	67				1 358 / 890	131		1 021	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27. Л. 6]
Малодербетовский район										
1973		170	Совхоз им. Чапаева	Нюрупов В.	Сэкономил 1 432 кг ГСМ	53 423	2 725			[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 37]
1975		245	Совхоз им. Чапаева	Нестеров Н., Манджиев Ц.		19 628	1 330			[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 8]
1977	159	137	АТХ «МСХ»	Цыбанев И.		14 409 / 1 569	827		2 674	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 25]
1978* *данные за 1 квартал	203	143				17 725 / 1 767	452		2 192	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27. Л. 7]
Приозерный район										
1973		173	Совхоз «Садовый»	Памбилов Б., Корчагин Г., Дубровин Ю.					8 957	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 33]

1974		124	Ферма №1 племзавода «Сухотин- ский»	Памбилов Б., Ходжигоро- ва Л.					19 034	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 14].
1975		146	Совхоз «Садо- вый»	Нюдеев И., Корчагин Т.					8 844	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 17]
1977	221	196	Совхоз им. Чкалова	Менкеев В.	Сэкономил 671 кг ГСМ	134 000 / 10 720	314		11 034	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 25]
Приюгенский район										
1973		180	Совхоз «40 лет ВЛКСМ»	Пластамак И.	Сэкономил 3 868 кг ГСМ	66 070 / 4 951	685		5 636	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18 Л. 27]
1974		198	Колхоз «Друж- ба»	Баранчанов С.	Сэкономил 705 кг ГСМ	52 219 / 4 699			6 123	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 6]
1975		167	РО «Сельхоз- техника»	Бугаев Н.	Сэкономил 3 343 кг ГСМ	26 004	273		2 675	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 11]
1977	184	184	Совхоз «Воло- дарский»	Романенко А.	Сэкономил 2 2323 кг. ГСМ	18 378 / 1 588,79	893		2 675	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 29]
1978* *данные за 1 полу- годие	169	169	Совхоз «Воло- дарский»	Романенко А.	Сэкономил 2 233 кг ГСМ	17 628 / 1 527	878		2 405	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27. Л. 10]
Сарпинский район										
1973	253		Совхоз «Степ- ной»	Церенов А.	Сэкономил 2 000 кг ГСМ			500	31 250	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 13]
1974			Совхоз «Степ- ной»	Левгеев Н.	Сэкономил 400 кг ГСМ					[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 1]
1977	480	435	Колхоз «Путь Ленна»	Выродов И.	Сэкономил 847 кг ГСМ	160 206 / 26 710	2 654		34 320	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 34]

1978* *данные за 1 полу- годие	440	390	Колхоз им. Ле- нина	Бамбышев Н.	Сэкономил 301 кг ГСМ	80 000 / 5 800	1 500	500	7 800	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27. Л. 17]
Целинный район										
1973	287		Совхоз «Ле- нинский»	Ефремов Н., Кекеев Ю., Шмитель- ский Н.		237 542 кг	32 672			[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18 Л. 29]
1974		144	Совхоз «Бал- ковский»	Каплин А., Манджиева Т.		424 688 кг			12 919	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 4]
1975	235	205	Совхоз «Бал- ковский»	Хораев В.	Сэкономил 2 000 кг ГСМ	29 800	723		2 414	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 1]
				Пилинская Н.	Сэкономила 822 кг ГСМ					
1977	357	320	Совхоз «Бал- ковский»	Колоколь- цев Н.		49 270 / 3 449	839		4 284	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 1]
Черноземельский район										
1973	476			Мухараев В.	Сэкономил 970 кг ГСМ	81 456 / 5 707	3 928		9 639	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18 Л. 34]
				Горяев Н.	Сэкономил 830 кг. ГСМ					
1977	194	153	Артезианская МЖС	Чудаев В.		49 897 / 5 987	2 930			[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 49]
Юстинский район										
1973		259	РО «Сельхоз- техника»	Манджиев П.	Сэкономил ГСМ на 100 руб.				9 000	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 26]
				Настаев В.	Сэкономил ГСМ на 100 руб.					
1974		203	Совхоз «Сар- па»	Бадмаев В., Горяев Н.					10 150	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 8]

1975		226	Совхоз «Эрд-ниевский»						6 326	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 25]
Яшалтинский район										
1973		294	Колхоз «Победа»	Карпович М.	Сэкономил 2 321 кг / 1 357 руб. ГСМ	99 980 / 7 998,40	6 252		14 250	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 30]
1974		275	Колхоз им. Кирова	Бухмиллер В.		102 000 кг			4 285	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 13]
1975	278	278	Колхоз «Завезы Ильича»	Зайцев Г.		52 000 / 3 142	246		3 388	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 17]
1977	278	278	Колхоз им Ленин	Неговор Ю	Сэкономил 1 430 кг ГСМ	37 000 / 2 984	335		3 319	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 60]
1978* *данные за I полугодие	438	438	Совхоз «Юбилейный»	Лазарев О.	Сэкономил 750 кг ГСМ и заготовил на сумму 64 руб.	31 032 / 2 483	623		3 106	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 27. Л. 25]
Яшкульский район										
1973		130	РО «Сельхозтехника»	Аяпов Н.	Сэкономил 915 кг ГСМ				70 783	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 6]
				Нимеева Э.	Сэкономила 210 кг ГСМ					
1974		200	Совхоз «Чилгир»	Конеев В.	Сэкономил 6 900 кг ГСМ					[НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 20. Л. 4]
				Олешко В.	Сэкономил 6 094 кг ГСМ					
1977	262	217	Черноземельская МЖС	Воропинов В., Наумчик П.		81 960 / 6 537	1 002	1 340	8 879	[НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 65]

торной колонны «Комсомолец Калмыкии» — 84 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 35].

В Приозерном районе республики после успешного обучения в школе механизаторского всеобуча молодые девушки Л. Бадмаева, Л. Байчаева и З. Кектышева решили остаться в селе и работать механизаторами. Из них было создано комсомольско-молодежное звено, и им были выделены новые трактора ЮМЗ-6. В 1975 г. при проведении весенне-полевых работ это звено при норме 23 га фактически (при хорошем качестве сева) заседало по 38 га [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 35].

6.3. Молодые специалисты в развитии движения по созданию тракторной колонны

В развитии движения важную роль сыграли молодые специалисты, часть из которых вошла в Советы молодых специалистов в районах республики. В Сарпинском районе в совет вошло 11 передовых механизаторов и комсомольских активистов. Перед советами была поставлена задача руководства соревнованием за создание тракторной колонны, обобщение и распространение опыта передовых механизаторов, оказание помощи молодым специалистам, развитие рационализации и изобретательства.

Многие молодые специалисты-передовики являлись инициаторами внедрения прогрессивной технологии новых методов эксплуатации, технического обслуживания и ремонта техники, изыскания резервов экономии ремонтных средств и ГСМ. Оснащение колхозов и совхозов сложной сельскохозяйственной техникой предъявляло новые требования к ее техническому обслуживанию. Современный технический уход, проведение его с высоким качеством сокращали простой техники в работе, уменьшали износ деталей, удлинляли межремонтные сроки, способствовали снижению затрат на содержание машинно-тракторного парка и расхода ГСМ. При активном участии комсомольских организаций внедрялась система технического обслуживания машинно-тракторного парка. Только в Сарпинском районе при участии молодых специалистов и механизаторов в хозяйствах к 1970 г. было создано 10 пунктов технического обслуживания. Мастерами-наладчиками здесь обслуживалось 232 трактора из 376 имеющихся в районе [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2]. При активном участии молодого инженера Николая Родулгина в колхозе им. Ильича Сарпинского района были внедрены техническое обслуживание машинно-тракторного парка звеньями мастеров-наладчиков и механизированная заправка дизельным топливом тракторов, наведен порядок в учете ГСМ и запасных частей. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2] В 1975 г. в Целинном районе комитетом комсомола было сформировано 18 ремонтных бригад, что помогло хозяйствам в короткий срок провести с хорошим качеством провести ремонт техники. Вся эта проделанная работа помогла в короткий срок провести весенне-полевые работы [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 4]

Большие резервы экономии ремонтных средств, повышения эффективности использования техники заложены в современном и высококачественном ремонте техники. Поэтому комсомольскими организациями республики совместно со штабами «Комсомольского прожектора» (далее — «КП») было взято под контроль качество ремонта, они выступали инициаторами внедрения производственной

эстетики и культуры труда на ремонте, участвовали в ежегодных месячниках по ремонту техники. В ноябре 1969 г. силами комсомольцев и молодежи отделения «Сельхозтехники» в ходе ударного месячника была очищена территория отделения, его цехов, вымыты окна, произведена побелка стен, окрашены станки. Комсомольская организация взяла шефство над внедрением производственной эстетики на предприятии, что сказалось на росте производительности труда. Ежегодно по окончании полевых работ создавался комсомольский молодежный механизированный отряд по ремонту тракторов. Например, в Сарпинском районе руководителем отряда был В. Бурлуцкий. Отряд состоял из 10 человек. В 1969 г. отрядом было обслужено несколько хозяйств. Комсомольцы отряда выступали инициаторами в борьбе за сокращение сроков ремонта и повышение качества ремонта тракторов.

Примером широкого внедрения передовых методов технического обслуживания и эксплуатации сельскохозяйственной техники может служить опыт совхоза «Степной». В совхозе было 33 молодых механизатора, 4 молодых инженера и техника-механика. Бережное отношение к технике, контроль за ее использованием, хранением, пропаганда новых передовых приемов организации труда являлись постоянной заботой молодых специалистов. Во всех отделениях совхоза была внедрена централизованная заправка, талонная система за проведением технических уходов. Техническое обслуживание тракторов проводилось мастерами-наладчиками, с полным контролем расхода ГСМ. Мастерами-наладчиками работали трактористы 1-го класса. Все они прошли обучение на курсах механизаторов. Работу молодых механизаторов направлял штаб при комитете ВЛКСМ.

Все это позволило значительно сократить расходы ГСМ, затраты на содержание машинно-тракторного парка. Так, в 1969 г. только в Сарпинском районе при норме расхода 10,4 кг ГСМ на 1 кг мягкой пахоты было израсходовано 8,6 кг. Общие затраты на содержание машинно-тракторного парка составили 88 копеек на 1 кг мягкой пахоты, в том числе по тракторам 46 коп. при норме 68 коп. В целом по Сарпинскому району были достигнуты положительные результаты в экономии ГСМ. Если в 1968 г. на 1 га мягкой пахоты было израсходовано 10,7 кг при плане 10,4, то по итогам в 1969 г. достигли 8,6 при плане 10,4 кг [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 20].

Благодаря таким показателям комсомольцы и молодежь Сарпинского района внесли в копилку тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» более 67 тыс. руб. при обязательстве 60 тыс. руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

Принимаемые меры по обучению механизаторским специальностям сельского населения позволили ежегодно пополнять отряд сельских механизаторов. По сравнению с 1965 г. численность трактористов и комбайнеров только в Сарпинском районе в 1970 г. увеличилась в 1,2 раза и составила 1 334 человек, среди которых 45 % — молодежь в возрасте до 30 лет [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 2].

В связи с ростом механизации сельскохозяйственного производства эффект использования техники в первую очередь зависел от укомплектованности хозяйств механизаторскими кадрами, от их квалификации, организации двухсменной работы машин. Вопросы, связанные с подготовкой механизаторов широкого профиля, успешно решались районными комитетами комсомола.

Хороший пример по подготовке механизаторских кадров показала комсомольская организация совхоза «Степной», где решили проблему с механизаторами. Ежегодно в хозяйствах совхоза на курсах механизаторского всеобуча готовилось 10–15 человек. Из 95 комсомольцев совхоза в 1970 г. 35 были трактористами и шоферами, т. е. молодым механизатором являлся каждый третий член ВЛКСМ [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 21].

6.4. Обучение молодых механизаторов

Обучение молодых механизаторов и комплектование ими сельскохозяйственных предприятий в селах проходило на базе средних общеобразовательных школ. В постановлении Совета Министров РСФСР от 27 июля 1970 г. № 455 «О мерах по дальнейшему расширению подготовки кадров механизаторов для сельского хозяйства» говорилось, что необходимо принять меры «к улучшению трудового обучения учащихся школ в сельской местности, для чего ввести, начиная с 1970/1971 учебного года, в средних общеобразовательных школах, имеющих необходимые условия, обучение учащихся старших классов работе на тракторах, комбайнах и других сельскохозяйственных машинах, а также изучение учащимися основ агротехники и животноводства, используя для этого время, отводимое по учебному плану на трудовое обучение, факультативные занятия и летнюю производственную практику [РСФСР 1988: 335–338].

Успех движения за создание тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» зависел от роста образования и повышения квалификационной классности молодых механизаторов. Поэтому общеобразовательная учеба и повышение квалификации молодых механизаторов занимали важное место в работе комсомола.

Большинство молодых механизаторов посещали кружки экономических знаний, и ими изучались состояние технической оснащенности и основные экономические показатели хозяйств. Райкомы комсомола оказывали помощь в подготовке механизаторских кадров, организовывали курсы при сельских школах и осуществляли контроль за ходом учебы. Большая работа была проведена в Сарпинском районе республики по обучению механизаторским специальностям старшеклассников. В программу школы были введены часы машиноведения. Подшефные производственные коллективы, колхозы и совхозы выделили для школ сельхозтехнику, в зависимости от того, каким специальностям обучались старшеклассники. Так, для старших классов школы № 1 и № 2 с. Садовое были выделены автомашины для обучения профессии шофера, другим школам района были выделены трактора для обучения профессии тракториста. В 1968–1969 гг. за парты в Сарпинском районе село 85 молодых механизаторов, в 1969–1970 учебном году — 120 молодых механизаторов [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 22]. Особенно хорошо была поставлена учеба по изучению сельскохозяйственной техники в Малодербетовской средней школе. Преподаватель В. П. Порхун грамотно проводил занятия, сочетал теорию и практику. В распоряжение Малодербетовской школы из фонда тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» был выделен новый трактор «Юбилейный». Всего в средних школах Малодербетовского района в 1973 г. успешно окончили занятия по изучению тракторов и получили удостоверения 905 юношей и девушек [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 38]. В механизаторских кружках Целинного района в 1975 г. обучалось 266 человек, в том числе 49 девушек. Из них 183 человека успешно

сдали экзамены. 167 юношей и девушек сели за трактора и работали в районе [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 20. Л. 1].

Комсомольская организация сосредоточила свое внимание на вовлечение молодежи, молодых механизаторов в вечерние и республиканскую заочную школы. Комитеты комсомола систематически контролировали посещаемость и успеваемость учащихся школ, организовали консультационные пункты, шефство учителей организаций над молодыми механизаторами. В школах повсеместно работали молодые консультанты, учителя закреплены за молодежью, учащиеся-механизаторы периодически заслушивались на заседаниях комитетов комсомола.

Во многих колхозах и совхозах при участии комсомольских организаций были созданы курсы повышения квалификации механизаторов. Только в Сарпинском районе за 1969 г. 61 механизатор получил квалификацию I-го класса, 151 человек сдал на II-й класс. В 1970 г. на курсах повышения квалификации обучались 232 механизатора [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 23]. В 1977 г. в Целинном районе 39 механизаторов повысили квалификацию [НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 44].

6.5. Другие мероприятия, способствовавшие общественному движению

Активную помощь в борьбе с бесхозяйственностью, за экономию и бережливостью оказывали штаб и отряды «КП». Только в Сарпинском районе Калмыцкой АССР в 1970 г. районным штабом и отрядами было проведено 18 рейдов по контролю за сохранностью техники, правильным расходом ГСМ, списанием тракторов и сельхозмашин. Традиционными стали смотры готовности техники к уборке урожая, весенне-полевым работам. По итогам рейдов принимались меры, которые обсуждались на бюро райкомов и обкома ВЛКСМ, на комсомольских собраниях, освещались в местной печати и радио [НА РК. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 20. Л. 25]. Рейды «КП» в 1977 г. в Сарпинском районе показали, что имелись недостатки в экономии ГСМ. В совхозах им. Э. Деликова, Кануковском заправка автомобилей и тракторов производилась ведрами, вручную. Кроме этого, в плохом состоянии находились и нефтебазы, емкости стояли на земле, не были оборудованы фундаментом. В совхозах «Гигант», «Рассвет» отпуск дизельных и автомобильных масел также производился открытым способом. Об этих нарушениях «КП» ставил в известность администрацию хозяйств и района [НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 35].

Вклад в создание фонда тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии» принесло также рационализаторское движение. В Сарпинском районе молодой бригадир из колхоза 30 лет Октября Н. Луцаев предложил использовать жесткие сцепки для борон, которые были экономичны в изготовлении и давали большой экономический эффект, бороны не переворачивались и не насакивали друг на друга. Условный экономический эффект от использования жесткой сцепки составил 500 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 11]. Хорошие результаты показали рационализаторы Каспийского машиностроительного завода. Ими в течение 1972 г. было внесено 12 рационализаторских предложений, из которых было внедрено 7, что принесло условный экономический эффект на сумму 9 319 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 18. Л. 11]. В 1974 г. в Городовиковском районе развернулось движение за максимальное использование грузоподъемности машин. Все грузовые машины автомобили круглый год работали с прицепами. Коэффициент использования грузоподъемности автопарка был доведен до

1,3 при плане 1,0. Это позволило молодым водителям сэкономить ГСМ на сумму 3 580 и запасных частей на сумму 4 182 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 11. Д. 19. Л. 10]. В 1977 г. рационализаторами Городовиковского района были внесены и внедрены 3 рационализаторских предложения с условным экономическим эффектом 2 400 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 4].

Повышению профессионального мастерства молодых механизаторов способствовало и участие в конкурсах по специальности. В республиканском телевизионном конкурсе «Механизатор-77» команда молодых механизаторов Приозерного района заняла первое место, показав высокое мастерство [НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 25].

Вместе с тем, несмотря на ежегодный значительный выпуск сельскохозяйственных кадров, в республике крайне острой оставалась проблема их утечки в другие отрасли народного хозяйства. Так, например, в Сарпинском районе в 1975 г. работало 376 молодых механизаторов, а в 1977 г. их общее количество выросло до 480 человек. Уже в следующем, 1978 г., общее число механизаторов снизилось до 440 человек (см. табл. 1).

Кроме этого, часть выпускников школ механизаторского всеобуча не шла работать по полученной специальности. Так, из 255 выпускников общеобразовательных школ Целинного района в 1976 г., получивших удостоверение на управление трактором и автомобилем, по полученной профессии работало только 20 человек. Вследствие этого к 1 марта 1977 г. в районе не было укомплектовано трактористами 102 трактора [НА РК. Ф. П-22. Оп. 13. Д. 25. Л. 39].

7. Заключение

Значительное увеличение количества сельскохозяйственной техники и внедрение новых образцов потребовало всесторонней подготовки кадров на селе. За период проведения механизаторского всеобуча в Калмыкии тысячи юношей и девушек в селах получили механизаторские специальности и впоследствии работали по полученной специальности. Оформив шефство над механизаторским всеобучем, комсомол постарался создать все условия для плодотворного обучения: учебные классы, производственные помещения для прохождения практики, новые образцы техники, моральные и материальные стимулы. В связи с нехваткой новых образцов сельскохозяйственной техники комсомольцами было предложено создать фонд тракторной колонны «Комсомолец Калмыкии». За годы девятой пятилетки молодыми механизаторами, водителями автотранспорта, слесарями-ремонтниками в фонд тракторной колонны было внесено сэкономленных средств, равных по стоимости одной тысячи условных тракторов МТЗ-50. Результатом движения за создание тракторной колонны стало обеспечение необходимым машинно-тракторным парком учебных предприятий. Вместе с тем, на всем протяжении 1970-х гг. сохранялась проблема утечки механизаторских кадров.

Источники

- Каждый на селе — Каждый на селе — за руль // Молодой Ленинец. 1962. 12 октября. № 122. С. 1.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
ТАСС об организации 1962 — ТАСС «Об организации всеобщего обучения колхозников, рабочих и служащих совхозов механизаторским специальностям» // Советское Приморье. 1962 22 сентября. № 73. С. 1.

Sources

- Everyone in the village — behind the wheel. *Young Leninist*. 1962. October 12. No. 122. P. 1. (In Russ.).
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- TASS "On the organization of universal training of collective farmers, workers and employees of state farms in machine-building specialties" In: *Sovetskoye Primorye*. 22 September, 1962. No. 73. P. 1. (In Russ.)

Литература

- Басангов 2018 — *Басангов И. Н.* Нас водила молодость... Комсомол Калмыкии: летопись славных дел. Элиста: Джангар, 2018. 80 с.
- Бикейкин 2017 — *Бикейкин Е. Н.* Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. 448 с.
- ВЛКСМ 1962 — ВЛКСМ. ЦК. Сборник постановление ЦК ВЛКСМ. Январь-декабрь 1962 г. М.: Молодая гвардия, 1962. 278 с.
- Захаров 2011 — *Захаров А. В.* Женщины-механизаторы в 1960–1970-е годы (на материалах Саратовской и Волгоградской областей) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 4(38). С. 142–145.
- Изюмова 2016 — *Изюмова Л. В.* Механизаторы в колхозах Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: численность, состав, система подготовки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 25–32.
- Иовлев 2016 — *Иовлев Г. А.* Организация подготовки механизаторских кадров для работы на современной сельскохозяйственной технике: Российская практика и зарубежный опыт // Аграрный вестник Урала. 2016. № 7 (149). С. 67–73.
- Мотревич 2019 — *Мотревич В. П.* Аграрная политика Н. С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. С. 4–9.
- Оконов 2022 — *Оконов Б. А.* Деятельность Калмыцкой комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления автономии // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 4. С. 699–707. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707
- Оконов 2023 — *Оконов Б. А.* Участие молодежи и комсомольцев во Всесоюзной ударной комсомольской стройке (на примере строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы) // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 669–682. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682
- Очерки 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- РСФСР 1988 — РСФСР. Законы и постановления. Свод законов РСФСР. М.: Сов. Россия, 1988. 601 с.
- Фоменко 1966 — *Фоменко А. С.* Механизаторский и агрозоотехнический всеобуч. М.: Россельхозиздат, 1966. 48 с.
- Хрущев 1957 — *Хрущев Н. С.* В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения: Речь на Совещании работников сельского хозяйства областей и авт. республик северо-запада РСФСР в г. Ленинграде 22 мая 1957 г. М.: Госполитиздат, 1957. 31 с.
- Яковлев 2022 — *Яковлев А. Л.* Подготовка сельскохозяйственных кадров в Восточной Сибири (1960-е – 1970-е гг.) // Устойчивое развитие сельских территорий аграрного производства на современном этапе. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню Российской науки. Улан-Удэ: Бурятская гос. сельскохозяй. академия им. В. Р. Филлипова, 2022. С. 116–123.

References

- Basangov I. N. We were Led by Youth... Komsomol of Kalmykia: Chronicle of Glorious Deeds. Elista: Dzhangar, 2018. 80 p. (In Russ.)
- Bikeikin E. N. Agrarian Modernization and Development of Agriculture in the Middle Volga Region: 1953–1991 (based on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR).

- Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2017. 448 p. (In Russ.)
- Essays on the History of the Kalmyk ASSR. The Epoch of Socialism. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Fomenko A. S. Mechanistic and Agrotechnical General Education. M.: Rosselkhozizdat, 1966. 48 p. (In Russ.)
- Iovlev G. A. Organization of Training of Machine Operator Personnel to Work on Modern Agricultural Machinery: Russian Practice and Foreign Experience. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2016. No. 7(149). Pp. 67–73. (In Russ.)
- Izyumova L. V. Machine Operators in the Collective Farms of the European North of Russia in the 1930s and 1960s: Number, Composition, Training System. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*. Series: Humanities and Social Sciences. 2016. No. 5. Pp. 25–32. (In Russ.)
- Khrushchev N. S. In the Coming Years, to Catch up with the United States of America in the Production of Meat, Butter and Milk per Capita: Precedings of the Meeting of Agricultural Workers of the Regions and Autonomous Republics of the North-West of the RSFSR in Leningrad on 22 May, 1957. M.: Gospolitizdat, 1957. 31 p. (In Russ.)
- Komsomol Central Committee. Collection of the Resolution of the Central Committee of the Komsomol. January-December 1962. Vol. 7. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1962. 278 p. (In Russ.)
- Laws and Regulations. Code of Laws of the RSFSR. Presidium of the Supreme Council of the RSFSR, Council of Ministers of the RSFSR. At: Yeltsin Presidential Library (original document). Moscow: Soviet Russia, 1988. 601 p. (In Russ.)
- Motrevich V. P. Agrarian policy of N. S. Khrushchev: Main Directions and Results. *Agrarian education and science*. 2019. No. 1. Pp. 4–9. (In Russ.)
- Okonov B. A. Activity of the Kalmyk Komsomol Organization on the Eve of Deportation and during the Restoration of Autonomy. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 699–707. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707 (In Russ.)
- Okonov B. A. Participation of youth and Komsomol members in the all-union Komsomol shock construction (on the example of the construction of the Sarpinsky irrigation and irrigation system). *Mongolovedenie*. 2023. Vol. 15. No. 4. Pp. 669–682. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682 (In Russ.)
- Yakovlev A. L. Training of Agricultural Personnel in Eastern Siberia (1960s–1970s). Sustainable Development of Rural Areas of Agricultural Production at the Present Stage. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Dedicated to the Day of Russian Science. Ulan-Ude: Buryat State Agricultural Enterprise. V. R. Filippov Academy, 2022. Pp. 116–123. (In Russ.)
- Zakharov A. V. Women Machine Operators in the 1960s and 1970s (based on materials from the Saratov and Volgograd regions). *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2011. No. 4 (38). Pp. 142–145. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 2, pp. 279–294, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-279-294

МОНГОЛОВЕДИНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-279-294

Прообраз национальных проектов — программа «Здоровье» Калмыцкой АССР 1980-х гг.

Маргарита Владимировна Бадугинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2805-5818. E-mail: mbaduginova[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бадугинова М. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено разработке и реализации комплексных целевых программ «Здоровье», появившихся в регионах страны в 1980-е гг. Их возникновение связано со временем кардинальных перемен в сферах социальной политики и здравоохранения в СССР и РСФСР, а также в свете исполнения решений XXVII съезда КПСС. *Цель* статьи — рассмотреть структуру и реализацию комплексной программы «Здоровье» на территории Калмыцкой АССР в 1980-е гг. в сложившихся исторических условиях. *Материалы и методы.* Основной источниковой базой для исследования стали документы, отложившиеся в фондах Р-9 «Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР», Р-90 «Государственный плановый комитет КАССР», Р-309 «Совет министров КАССР Национального архива Республики Калмыкия». В статье использовались нормативно-правовые акты, а также периодические издания, освещавшие вопрос программных мероприятий в сфере здоровья, выходившие в 1980-е гг. Работа подготовлена с использованием как общенаучных, так и специальных методов исторического исследования: системного, сравнительного, количественного, ретроспективного, а также принципов объективности, опоры на исторические источники и историзм. *Результаты.* Выход на первый план социальной сферы в политике страны был связан с тем, что в 1980-е гг. назрела необходимость в реформировании системы здравоохранения в РСФСР и СССР. Республиканская комплексная программа «Здоровье» разрабатывалась на период 1986–1990 гг., и ее основными задачами было обеспечить население высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощью. *Выводы.* Появившиеся программы «Здоровье» должны были значительно улучшить ситуацию со здравоохранением в стране. Но накопленные за десятилетия проблемы в экономике, экологии, социальной сфере требовали более качественного и серьезного подхода, который не решался созданием формальных комплексных программ. В условиях начавшейся нестабильности политической

ситуации в Советском Союзе эта программа уже не могла обеспечить нормальное функционирование разрушавшейся системы по охране здоровья.

Ключевые слова: комплексная программа «Здоровье», история здравоохранения, национальные проекты, XXVII съезд КПСС, медицина, пятилетка, Калмыцкая АССР, врачи, медсестры

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бадугинова М. В. Прообраз национальных проектов — программа «Здоровье» Калмыцкой АССР 1980-х гг. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 279–294. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-279-294

The Prototype of National Projects is the “Health” Program of the Kalmyk ASSR in the 1980s

Margarita V. Baduginova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Senior Researcher Associate

 0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2024

© Baduginova M. V., 2024

Abstract. Introduction. The study is devoted to the development and implementation of comprehensive targeted programs “Health” that appeared in the regions of the country in the 1980s. Their emergence is associated with the time of cardinal changes in the spheres of social policy and health care in the USSR and RSFSR, as well as in the light of the implementation of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU. *The purpose* of the article is to examine the structure and implementation of the complex program “Health” in the territory of the Kalmyk ASSR in the 1980s under the existing historical conditions. *Materials and methods.* The main source base for the study were the documents deposited in the funds R-9 of the Ministry of Health of the Kalmyk ASSR, R-90 of the State Planning Committee of the KASSR, R-309 of the Council of Ministers of the KASSR of the National Archive of the Republic of Kalmykia. The article used normative-legal acts, as well as periodicals that covered the issue of program measures in the field of health, published in the 1980s. The work was prepared using both general scientific and special methods of historical research: systematic, comparative, quantitative, retrospective, as well as the principles of objectivity, reliance on historical sources and historicism. *Results.* The social sphere came to the forefront of the country's policy due to the fact that in the 1980s there was a need to reform the health care system in the RSFSR and the USSR. The republican complex program “Health” was developed for the period 1986–1990 and its main tasks were to provide the population with high quality medical, preventive and medicinal assistance. *Conclusions.* The emerging “Health” programs were supposed to significantly improve the health care situation in the country. But the problems accumulated over decades in the economy, ecology and social sphere required a more qualitative and serious approach, which was not solved by the creation of formal complex programs. As the political situation in the Soviet Union began to become unstable, this program could no longer ensure the normal functioning of the deteriorating health care system.

Keywords: comprehensive program “Health”, history of health care, national projects, XXVII Congress of the CPSU, medicine, five-year plan, Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, doctors, nurses

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project

no. 122022700134-6 “South-Eastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Baduginova M. V. The Prototype of National Projects is the “Health” Program of the Kalmyk ASSR in the 1980s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (2): 279–294. (In Russ). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-279-294

1. Введение

Повышение качества жизни населения — одно из значимых направлений в государственной социальной политике любой страны. Поэтому создание эффективных программ, реализующих решение конкретных проблем, направленных на улучшение сфер экономики, здравоохранения, демографии, образования, экологии и других показателей, характеризующих качество жизни, является важнейшей задачей современного государства. Приоритетные национальные проекты, появившиеся в середине 2000-х гг., были призваны решить множество вопросов, накопившихся за «лихие девяностые». Одним из важных направлений, наряду со сложностями в области образования, развития агропромышленного комплекса, а также обеспечения доступного жилья стало здравоохранение. Именно сфера здоровья во многом определяет формирование будущего «человеческого капитала», а значит и будущее государства.

По данным Всероссийской переписи, проведенной в 2002 г., численность населения страны сократилась по сравнению с переписью 1989 г. на 1,8 млн человек и составила 145,2 млн человек [[Перепись 2002](#)]. Ко времени начала реализации приоритетного национального проекта состояние здоровья характеризовалось низким уровнем ожидаемой продолжительности жизни жителей страны, который составил в 2005 г. у мужчин — 58,8 лет, у женщин — 72,3 года. Тогда как в 1990 г. этот показатель достигал у мужчин — 63,7 лет, у женщин — 74,3 года [[Статистика 2006: 114](#)]. Если сравнивать ожидаемую продолжительность жизни с другими странами, то в период 1999–2000 гг. она составила в России всего (у мужчин и женщин) — 65,3 лет; в Великобритании — 77,5; в Германии — 77,6; в Италии и Норвегии — 78,4; в США — 76,8; в Японии — 80,8 лет [[Статистика 2001: 629](#)]. Таким образом, с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье» были связаны большие планы по качественному улучшению здоровья граждан, снижению уровня заболеваемости, повышению доступности и качества медицинской помощи, развитию профилактической направленности здравоохранения. Позже национальный проект «Здоровье», как и «Доступное жилье», эксперты будут считать провальными [[Агафонова, Гарин 2019: 18](#); [Башкатова 2009](#)]. Как отмечали специалисты, несмотря на реализацию приоритетного национального проекта «Здоровье», в регионах в 2011 г. оставались нерешенными многие проблемы например, в Сибирском федеральном округе увеличилась смертность от онкологических заболеваний, сохранялась сложная эпидемическая ситуация по туберкулезу и ВИЧ-инфекции, был существенный дефицит врачей, особенно в сельской местности, намечалась тенденция оттока кадров из участковой службы [[Чернышев и др. 2011: 23](#)]. Между тем такой программный подход был не новым, еще в СССР в середине 1980-х гг. разрабатывались программы по укреплению здоровья, и опыт их реализации можно было бы использовать в современных проектах по улучшению здоровья населения, что способствовало бы более успешным результатам.

В отечественной историографии мало работ, анализирующих принятые комплексные программы «Здоровье» в 1980-е гг. В основном это небольшие

статьи, опубликованные в советский период, в них описывается разработка и реализация комплексных программ по улучшению здоровья населения в региональной практике, а также методика разработки этих программ [Неплохов и др. 1988; Ткачев 1990; Егер и др. 1991]. Из монографий можно выделить работу Е. Н. Шигана и С. Ф. Остапюка, в которой рассмотрено программно-целевое планирование в системе здравоохранения [Шиган, Остапюк 1988]. В региональной историографии имеется некоторое количество работ, анализирующих развитие здравоохранения и медицинскую помощь [Бадугинова 2011; Бадугинова 2021; Бадугинова 2022; Дойникова, Сусеев 1967; Команджаев и др. 2020], но они не затрагивали изучаемый хронологический отрезок или не обращались к теме целевых программ в здравоохранении. В данном исследовании будут рассмотрены структура и реализация комплексной программы «Здоровье» на территории Калмыцкой АССР в 1980-е гг. До настоящего времени эта тема не была освещена, что вызывает необходимость ее объективного изучения.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой для исследования стали документы, находящиеся в фондах Р-9 «Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР», Р-90 «Государственный плановый комитет КАССР», Р-309 «Совет министров КАССР» Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). В статье использовались нормативно-правовые акты, принятые органами власти страны и региона в сфере здравоохранения в исследуемый период, а также периодические издания, освещавшие вопрос программных мероприятий в сфере здоровья, выходившие в 1980-е гг. Работа подготовлена с использованием как общенаучных, так и специальных методов исторического исследования: системного, сравнительного, количественного, ретроспективного, — а также с учетом принципов объективности.

3. Из истории программно-целевого подхода в стране

В Советском Союзе первой целевой программой стал план Государственной комиссии по электрификации России (далее — ГОЭЛРО), разработанный в 1920 г. и направленный на развитие электроэнергетической отрасли в советской стране. Позже в феврале 1921 г. декретом СНК РСФСР была создана Государственная плановая комиссия при Совете труда и обороны РСФСР (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР), которая осуществляла контроль за реализацией народнохозяйственных планов страны вплоть до 1991 г. [Решения 1967: 199].

План ГОЭЛРО, став первым в истории СССР программным документом по развитию народного хозяйства страны, заложил основу института государственного планирования. Впоследствии на базе плана ГОЭЛРО был подготовлен первый пятилетний план [Голдаков, Петров 2011: 31–32]. За почти век работы Госплана было разработано 12 пятилетних и 1 семилетний планы. Из всех целевых комплексных программ страны наиболее известны Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, восстановление разрушенного войной народного хозяйства СССР, комплексная программа научно-технического прогресса на 20 лет, программа по освоению целины. В середине XX в. стали проявляться тенденции к формированию целевых программ отраслевого назначения, косми-

чески-оборонного и территориально-производственного [Голдаков, Петров 2011: 35–36]. Одной из них стала комплексная программа «Здоровье», призванная улучшить здоровье населения на основе достижений в науке и технике.

4. Программные мероприятия в 1980-е гг. в сфере здравоохранения

Первой попыткой внедрить программно-целевое планирование в сферу здравоохранения стало появление с 1985 г. «Комплексной программы по усилению профилактики заболеваний и укреплению здоровья населения СССР на 1985–1990 годы». Данная программа, подготовленная в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» (1982 г.), предусматривала значительное количество мероприятий, направленных на улучшение условий и охраны труда, снижение уровня временной нетрудоспособности, профессиональной заболеваемости, производственного травматизма и инвалидности; оздоровление окружающей среды; активизацию работы по гигиеническому воспитанию населения, усиление мер общественного воздействия на лиц, злоупотребляющих алкоголем, и по борьбе с другими вредными привычками, снижающими работоспособность и ухудшающими состояние здоровья; развитие активного отдыха населения, внедрение массовой физической культуры и спорта, расширение и повышение эффективности использования санаториев-профилакториев, туристских и физкультурно-спортивных баз и других оздоровительных учреждений [Приказ 1982].

Появлению специальных программ в сфере здоровья также способствовал XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, проходивший в феврале-марте 1986 г. и ознаменовавший окончание «эпохи застоя». Съезд еще раз обозначил необходимость появления таких программ, поэтому одним из важных вопросов, который был рассмотрен на нем, был вопрос, касающийся основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. с перспективой до 2000 г. Такое пристальное внимание к теме здоровья объяснялось тем, что «ускорение» социально-экономического развития страны, провозглашенное XXVII съездом, и успешное претворение в жизнь всех поставленных задач не могли быть достигнуты без «повышения роли человеческого фактора в социалистическом обществе, связанном, в частности, с дальнейшим совершенствованием системы здравоохранения» [Федяев 1987: 1].

Выход на первый план социальной сферы в политике страны был связан с тем, что в 1980-е гг. назрела необходимость в реформировании системы здравоохранения в РСФСР и СССР. Но момент был уже упущен, перестройка здравоохранения требовалась еще в 1950–1960-е гг., об этом в 1987 г. на Всесоюзном съезде врачей говорил министр здравоохранения Е. И. Чазов [Прохоров 2000: 26]. Большой проблемой для сферы охраны здоровья стало ее финансирование по остаточному принципу, которое уменьшалось с каждым десятилетием: в 1960 г. доля расходов на здравоохранение составляла 6,6 % всех расходов бюджета, в 1985 г. — 4,6 %, а к началу 1990-х гг. снизилась почти до 3,5 % [Вишняков и др. 2018: 40]. На протяжении многих лет система здравоохранения в стране развивалась экстенсивно: увеличивалась численность лечебно-профилактических учреждений, численность больничных коек, рос показатель по медицинским кадрам, но в погоне за количеством терялось качество, «от количественных показателей развития здравоохранения надо было осуществить качественный

скачок», заявлял министр здравоохранения Е. И. Чазов на том же Всесоюзном съезде врачей [Прохоров 2000: 26]. Таким образом, появившиеся в середине 1980-х гг. комплексные программы «Здоровье» должны были если не улучшить, то хотя бы помочь в этой сложной ситуации со здравоохранением в стране.

5. Программа «Здоровье» Калмыцкой АССР

Разработка комплексной программы «Здоровье» была включена в план основных направлений развития народного здравоохранения на 1986–1990 гг., который был принят на расширенном заседании совместной коллегии Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР и Аптекоуправления Совета Министров Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1960. Л. 3]. Ее подготовка заняла несколько месяцев, и осенью 1986 г республиканская программа в сфере здравоохранения была утверждена постановлением Совета Министров Калмыцкой АССР и Президиума областного совета профсоюзов № 274 от 17.09.1986. Параллельно шла разработка отраслевых и территориальных программ по здоровью, которые были приняты министерствами, ведомствами, районами и г. Элиста. Для координации деятельности советских, профсоюзных, хозяйственных органов, учреждений здравоохранения и общественных организаций в реализации программы «Здоровье» был создан республиканский межведомственный совет. Этот совет также выполнял роль надзорного органа за исполнением программы. В порядке контроля за ходом выполнения намеченных мероприятий на заседаниях совета рассматривались наиболее важные вопросы, связанные с реализацией комплексной программы: «О ходе разработки и реализации отраслевых, районных и в трудовых коллективах комплексных программ „Здоровье“», «О работе Каспийского районного совета „Здоровье“ по практическому осуществлению комплексной программы „Здоровье“», «О реализации комплексной программы „Здоровье“ в Юстинском и Малодербетовском районах по профилактике и снижению заболеваемости туберкулезом». В рамках программы «Здоровье» президиум областного совета профсоюзов рассмотрел вопросы «О работе министерства просвещения и обкома профсоюза работников просвещения, высшей научной школы и научных учреждений по укреплению здоровья и соблюдению правил норм охраны труда работающих», «О работе министерства здравоохранения и обкома профсоюза медицинских работников по совершенствованию медицинской помощи и повышению эффективности профилактической работы по снижению заболеваемости» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 81, 120].

Республиканская комплексная программа «Здоровье» была разработана на период 1986–1990 гг., в свете решения проблем социалистического строительства, которые определил XXVII съезд КПСС, и ее основными задачами было обеспечить население высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощью. Для этого предполагалось усилить профилактическую направленность здравоохранения, повысить качество медицинского обслуживания и начать переход к ежегодной диспансеризации всего населения, осуществить дальнейшее развитие сети учреждений по охране здоровья матери и ребенка, поликлиник, больниц и оснащение их современной медицинской аппаратурой и оборудованием. Программой за пятилетие планировалось построить больницы, амбулаторно-поликлинические учреждения, ставилась задача по привлечению и использованию фондов предприятий и организаций для строительства и развития медицинских учреждений в целях обслуживания рабочих и служащих этих предприятий и организаций.

Одним из главных вопросов была борьба с пьянством и алкоголизмом, поэтому программой «Здоровье» утверждалась трезвость как норма социалистического образа жизни. Одной из задач этой программы было объединение государственного механизма и общественности для решения кардинальных проблем сохранения и укрепления общественного здоровья и продления активной творческой жизни населения Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 123].

По структуре комплексная программа состояла из 6 разделов, которые в свою очередь состояли из нескольких подразделов. В первый раздел «Пропаганда и обеспечение здорового образа жизни» были включены идеологическое обеспечение здорового образа жизни, меры по обеспечению здорового образа жизни, создание условий для массового привлечения населения к занятиям физкультурой и спортом. Во второй раздел «Мероприятия по совершенствованию оказания медицинской помощи» входили такие подразделы: укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения, материально-техническое обеспечение учреждений здравоохранения, подготовка и распределение медицинских кадров, оптимизация работы органов и учреждений здравоохранения в связи с переходом на ежегодную диспансеризацию всего населения, а также мероприятия по увеличению продолжительности активного долголетия. Разделы с третий по пятый не имели подразделы и включали в себя мероприятия по охране здоровья женщин и детей, совершенствование санитарно-эпидемиологического благополучия, совершенствование лекарственного обеспечения. Раздел шестой «Социально-экономические мероприятия» включал подразделы по оздоровлению окружающей среды, улучшению условий и охраны труда в промышленности и сельско-хозяйственном производстве, совершенствованию и улучшению общественного питания, санаторно-курортному обеспечению и организации отдыха трудящихся [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 124–124об.].

Подразделы предусматривали мероприятия, которые имели ответственных исполнителей и ответственных за контроль и исполнение. Некоторые мероприятия имели целевые показатели, которые должны были быть достигнуты к концу реализации комплексной программы. Так, в результате мероприятия по активизации работы народных университетов медицинских и гигиенических знаний должны были быть исполнены показатели, указанные в таблице 1.

Таблица 1. Целевые показатели активизации работы по пропаганде медицинских и гигиенических знаний [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 129, 131]

[Table 1. The target indicators of the activation on the propaganda of the knowledge in medical and hygienic sphere]

№	Наименование показателя	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
1	Количество факультетов народных университетов медицинских и гигиенических знаний	46	48	50	52	54
2	В них слушателей	2 500	2 610	2 720	2 830	2 940
3	Открытие инспекториев	4	7	16	21	28
4	Открытие клубов молодой семьи	4	5	8	9	13
5	Открытие лекториев по нравственному воспитанию в учебных заведениях	5	7	11	13	19
6	Организация 80 клубов «трезвости» в районных центрах, населенных пунктах, предприятиях и хозяйствах	10	15	15	20	20

В разделе по созданию условий для массового привлечения населения к занятиям физкультурой и спортом предусматривалось, что число систематически занимающихся физической культурой и спортом с должно было увеличиться с 79 294 до 95 823 человек [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 132]. В этом разделе имелись и другие показатели, указанные в таблице 2.

Таблица 2. Целевые показатели работы по привлечению населения к занятиям физкультурой и спортом [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 132–133]

[Table 2. Target indicators on encouraging the population to go in for sports]

№	Наименование показателя	1986 г. (тыс. чел.)	1987 г. (тыс. чел.)	1988 г. (тыс. чел.)	1989 г. (тыс. чел.)	1990 г. (тыс. чел.)
1	Вовлечь в группы здоровья	3,5	4,0	4,8	5,0	5,1
2	В группы ритмической гимнастики	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7
3	В секции общей физподготовки	14,4	16,0	17,2	18,0	19,8
4	К систематическим занятиям физкультурой и спортом	126,7	140,0	155,0	165,0	175,0
5	– из них занимающихся на спортивных сооружениях	90,4	91,8	92,3	98,0	94,0
6	Охватить занятиями по группам и секциям	82,9	85,0	87,3	90,0	93,0
7	– в том числе производственной гимнастикой	37,0	40,0	43,0	45,0	48,0
8	Иметь общественных инструкторов по спорту	12	13	14,5	15,5	17
9	– значкистов ГТО	47,4	48,6	50,5	52,5	54,6

К концу реализации программы число значкистов ГТО должно было увеличиться на 7,2 тыс. человек, охват вовлеченных в производственную гимнастику — на 11 тыс. человек, а число систематически занимающихся физкультурой и спортом должно было увеличиться на 48,3 тыс. человек. К 1990 г. число общественных инструкторов по спорту должно было вырасти на 5 человек с 12 до 17.

Во втором разделе «Мероприятия по совершенствованию оказания медицинской помощи» показатели затрагивали материально-техническую базу учреждений здравоохранения республики, подготовку медицинских кадров, диспансеризацию населения. К 1990 г. в регионе должно было появиться 4 больницы на 750 коек, 5 поликлиник на 950 посещений в смену, ведомственный санаторий-профилакторий «Калмстрой» на 100 мест, завершено строительство санатория-профилактория «Водник» на 100 мест и санатория «Аршань» на 648 мест, в районах республики программой предполагалось открытие трех пунктов технического обслуживания медицинского оборудования [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 134–136]. В следующей таблице 3 приведены показатели по подготовке медицинских кадров.

Таблица 3. Целевые показатели программы по подготовке медицинских кадров
[НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 136–137]

[Table 3. Target indicators in the program on the preparation of medical personnel]

№	Наименование показателя	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
1	Прирост медицинских кадров на 10 тыс. населения: – врачи	38,5	40,3	41,9	43,3	45,8
2	– средние медицинские работники	109	112	114	118	123
3	Повышение квалификации – врачей	130	140	130	130	130
4	– средних мед. работников	150	150	150	150	150
5	Проведение аттестации и переаттестации – врачей	180	120	100	250	130
6	– средних медицинских работников	55	60	80	100	125

Еще один показатель этого раздела касался введенной диспансеризации жителей региона. К 1990 г. на каждую 1 000 населения 850 человек должны были пройти диспансеризацию, в 1986 г. этот показатель равнялся 450 человек. Процент охвата диспансеризации должен был вырасти с 70 % в 1986 г. до 98 % в 1990 г. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 139].

В третьем разделе, включающем мероприятия по охране здоровья женщин и детей, предполагалось разукрупнить территориальные участки женской консультации до 3 000 человек на 1 участок, довести число посетивших санаторий-профилакторий с 90 человек (из них — 45 детей) в 1986 г. до 165 человек (из них — 83 ребенка) в 1990 г. Остальные мероприятия раздела не имели показателей и носили порученческий характер без конкретных цифр: осуществить строительство школ и дошкольных учреждений в соответствии с планами на XII пятилетку, открыть во всех населенных пунктах уголки детского питания, внедрить комплексную оценку состояния здоровья детей и т. д. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 143–145].

Четвертый раздел включал поручения, касающиеся совершенствования санитарно-эпидемического обслуживания, давались указания по разработке единой программы планирования и контроля профилактических прививок, по мероприятиям по предупреждению завоза и распространения малярии, обеспечения целевых осмотров населения на бруцеллез и туберкулез, проведения медицинских осмотров работников, подвергающихся воздействию вредных и неблагоприятных условий труда. В пятом разделе, помимо общих поручений, имелся показатель по обеспеченности фармацевтическими кадрами на 10 тыс. населения, который должен был вырасти с 7,2 в 1986 г. до 8,2 в 1990 г., и показатель по общему товарообороту, для которого предусматривалось увеличение с 4 млн руб. в 1986 г. до 4,44 млн руб. в 1990 г. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 146–150].

В последнем разделе перечислялись социально-экономические задачи. Это мероприятия по подготовке кадров, по вопросам оздоровления окружающей среды, улучшению условий и охраны труда в промышленности и сельскохозяйственном производстве. Планировалось обеспечить работающих санитарно-бытовыми помещениями в соответствии с санитарно-гигиеническими нормативами: гарде-

робными, душевыми и умывальными, комнатами отдыха, обеспечить работников специальной одеждой и другими средствами индивидуальной защиты, улучшить общественное питание населения, для чего планировало создать 5 020 мест общественного питания в общеобразовательных школах, высших и средних специальных заведениях, на производственных предприятиях, организовать диетические столы и диетические отделения при столовых во всех районных центрах и крупных производственных предприятиях [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 151–156]. Отдельным подразделом предусматривались мероприятия по санаторно-курортному обеспечению и организации отдыха населения, его показатели представлены в следующей таблице.

Таблица 4. Целевые показатели работы по санаторно-курортному обеспечению и организации отдыха населения [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 157–158]

[Table 4. Target indicators in the sphere of resort services and organization of public recreation]

№	Наименование показателя	1986 г. (человек)	1987 г. (человек)	1988 г. (человек)	1989 г. (человек)	1990 г. (человек)
1	Оздоровить в санаториях, пансионатах, домах отдыха – за счет средств государственного социального страхования	4 512	4 576	4 640	4 704	4 678
2	– за счет промышленных предприятий (в том числе на долевых началах)	1 150	1 160	1 170	1 180	1 190
3	– в ведомственных санаториях и профилакториях	2 500	2 700	2 900	3 100	3 300
4	Охватить всеми видами туристического отдыха	15 300	15 400	15 600	16 000	16 300

Мероприятия программы «Здоровье», реализуемой в Калмыцкой АССР, позволили частично улучшить показатели здоровья населения республики. В 1987 г. снизились трудовые потери по временной нетрудоспособности на 5,2 %. Получили диетическое питание 3 395 человек (программой было предусмотрено достижение такого количества к 1990 г.). Было приведено в соответствие с санитарно-гигиеническими нормами 1 602 рабочих места, оборудовано 2 143 гардеробных, 534 душевых сетки, 578 умывальных кранов. С 1 ноября 1987 г. открыт ведомственный санаторий-профилакторий треста «Калмстрой» на 100 человек, в том числе 50 человек с амбулаторным лечением. В санатории-профилактории «Водник» было организовано 2 заезда для матерей с детьми — 171 человек (по программе «Здоровье» предусматривалось 165). Охвачено было всеми видами оздоровления за счет средств государственного социального страхования 65 691 человек, в том числе санаторным лечением 3 329, из них 186 подростков. Более 1 200 человек побывали в санаториях и домах отдыха за счет предприятий.

Вместе с тем реализация программы «Здоровье» в республике продвигалась медленными темпами. С большим опозданием приступили к разработке программ по здоровью министерства бытового обслуживания населения и местной промышленности, исполком Приютненского районного Совета народных депута-

татов. Как отмечало руководство региона, многие программы были неконкретны, разработаны формально, в них не учитывались пожелания трудовых коллективов, не были отражены задачи по улучшению условий труда, медицинского обслуживания, усилению других профилактических мер. Отмечалось увеличение трудопотери по временной нетрудоспособности в Городовиковском районе на 5,6 %, в Черноземельском районе на 6 %, в Целинном на 2 %, в Сарпинском на 1,7 %. Имелись серьезные недостатки в работе по охране здоровья матери и ребенка. В 1 квартале 1988 г. был зафиксирован высокий уровень детской смертности в Ики-Бурульском — 35,7 %, Яшкульском — 37,5 %, Целинном — 38,4 % районах. В ряде отраслевых министерств, ведомств, областных комитетов профсоюзов и непосредственно на многих предприятиях не сложилась система анализа трудовых потерь по временной нетрудоспособности, а также причин, вызывающих ее рост. Медицинские учреждения не обеспечивали полного комплекса профилактических и лечебных мероприятий в рамках диспансеризации населения. Число лиц, состоявших на диспансерном учете, составляло 223,4 на 1 000 населения, хотя по программе должно было быть 550. Не выполнялся план профилактических осмотров подростков и детей [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 82–83].

Неудовлетворительно решался вопрос укрепления материально-технической базы здравоохранения. Более 6 % лечебно-профилактических учреждений в районах были размещены в приспособленных помещениях, а Сарпинская районная больница за несоответствие санитарно-гигиеническим требованиям была закрыта. В 1987 г. из 6 млн 800 тыс. руб., выделенных на строительство учреждений здравоохранения, было освоено только 2 млн 164 тыс. руб., что составляло 31,8 %. Из-за задержки в строительстве хирургического комплекса республиканской больницы не выполнялся пункт программы в части открытия специализированных отделений. С отставанием велось строительство фельдшерско-акушерских пунктов. Освоение средств по линии Госагропрома составляло 79 %, главного комитета Черных земель и Кизлярских пастбищ — 74 %. Эти недостатки объяснялись низким уровнем работы на местах, хозяйственных и профсоюзных организаций [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 82–83].

Районы республики в своих отчетах по реализации комплексной программы «Здоровье» жаловались на нехватку врачей, Министерство здравоохранения республики не выполняло своих обязательств по направлению специалистов в сельскую местность. Например, в Приютненском районе не хватало двух педиатров, терапевта, гинеколога, лаборанта-биохимика, что в свою очередь сказывалось на недостаточной клинико-диагностической работе, диспансеризации беременных женщин на участках. Из-за отсутствия педиатра плохо проводилась профилактическая работа по заболеваемости. План вакцинации против кори был выполнен только на 56 %, по полиомиелиту — на 74 %, по столбняку — на 68 %. В сравнении с предыдущим годом в 1987 г. повысилась детская смертность [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2051. Л. 37–38].

Многие мероприятия программы не выполнялись из-за отсутствия средств, в Каспийском районе не был построен здравпункт «Нефтеразведки», фельдшерский пункт колхоза «Каспиец», не был произведен ремонт в Джалыковской и Улан-Хольской больницах, руководители предприятий и организаций не выде-

ляли средства на укрепление материально-технической базы здравоохранения. По линии Госагропрома задерживалась реконструкция цехов Аршаньского и Каспийского мясокомбинатов, Элистинского гормолзавода, производственных цехов предприятий объединения «Калмагропромстрой», Элистинского авторемзавода, ремонтно-технических предприятий Юстинского, Яшкульского и Городовиковского районов. Острой проблемой оставалась работа по охране здоровья рабочих, в объединении «Союзкалмводстрой» продолжали работать цеха, где имелись рабочие места с неудовлетворительными условиями труда, высоким уровнем запыленности, загазованности и шума. Медленно сокращалась численность рабочих, занятых ручным и тяжелым физическим трудом, не произошло коренного перелома в обеспечении работающих санитарно-бытовыми помещениями и устройствами, а также спецодеждой и другими средствами индивидуальной защиты. В районах республики характеризовалось как «низкое» санитарное состояние населенных пунктов, жилых, животноводческих территорий и помещений [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2051. Л. 7, 9, 11, 15, 19].

Спустя два года реализации программы «Здоровье» Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР отмечало, что ее основная задача, направленная на снижение временной нетрудоспособности, оставалась без заметной тенденции к улучшению, продолжал расти производственный травматизм. Обеспеченность врачебными кадрами на 10 тыс. населения не улучшалась, в 1985 г. она составляла 38,6 и снизилась до 36,6 в 1987 г. (в РСФСР она составляла 37,5). Самый низкий уровень обеспеченности населения был в Октябрьском, Сарпинском, Приютненском, Яшалтинском районах. Несмотря на то, что министерством здравоохранения республики было направлено в сельские районы 104 врача, 290 средних медработников и 22 аптечных работника, по-прежнему оставалась низкой обеспеченность терапевтами, педиатрами, акушер-гинекологами и специалистами узкого профиля: офтальмологами, невропатологами, психиатрами, наркологами. В результате этого не было укомплектовано 50 % врачебных амбулаторий. Причинами плохого обеспечения региона врачебными кадрами была недоработка Министерства здравоохранения РСФСР, которое исполняло заявки республики только на 50 %, а также неудовлетворительная социальная защищенность медицинских работников, трудности с жильем для врачей и средних медработников, особенно в сельской местности. В 1988 г. не имели своей жилплощади 170 врачей, 540 средних медработников, 25 провизоров, 35 фармацевтов. В республике имелись большие проблемы с материально-технической базой, 70 % лечебно-профилактических учреждений располагалось в непригодных, не отвечающих элементарным санитарно-техническим нормам зданиях. В них не имелось центрального водоснабжения, отопления, канализации. Все это ставило развитие здравоохранения в зависимость от работы строительных организаций, которые периодически срывали ввод объектов, и последние переходили в долгострой. За 1987 г. по объектам Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР выполнение плана капитальных вложений составляло 3 223,5 тыс. руб. при плане в 6 782 тыс. руб., что составляло 47,5 %, выполнение плана строительно-монтажных работ — 2 081 тыс. руб. при плане 4 479 тыс. руб., или 43,4 % [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2051. Л. 50–52].

По результатам реализации республиканской программы «Здоровье» осенью 1988 г. было решено внести в нее изменения и дополнения. В августе 1989 г., за

несколько месяцев до окончания ее действия, руководство республики подводило предварительные итоги исполнения программы. Было отмечено, что принятые республиканская, территориальные и отраслевые комплексные программы «Здоровье» практически не работают, многие решения и мероприятия по вопросам здравоохранения не выполнялись в полном объеме. Профилактическая работа по оздоровлению населения не велась, не проводилась должным образом работа по улучшению условий труда и быта, снижению заболеваемости, травматизма и инвалидности [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 74, 119]. В ноябре 1989 г. постановлением Совета Министров Калмыцкой АССР и Президиума областного совета профсоюзов было решено утвердить новую республиканскую комплексную программу «Здоровье», а программа, принятая в 1986 г., прекращала свою работу [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2051. Л. 85].

6. Заключение

Реализация появившихся в 1980-е гг. по всей стране комплексных программ «Здоровье» широко освещалась в средствах массовой информации. В стране необходимо было срочно решать надвигающиеся проблемы, связанные с ухудшением состояния здоровья советских граждан, без чего нельзя было достичь «ускорения» социально-экономического развития страны. Одной из проблем был значительный рост числа лиц, злоупотребляющих алкоголем, поэтому программа «Здоровье» вместе с проводившимися антиалкогольными кампаниями должна была привлечь как можно больше людей в ряды пропагандирующих здоровый образ жизни. Для этого в программы «Здоровье» включались мероприятия по гимнастике на производстве, активному туризму, работе народных университетов медицинских и гигиенических знаний, созданию клубов молодой семьи и «трезвости», лекториев по нравственному воспитанию в учебных заведениях. Каждый день на страницах ведущих газет страны выходили статьи об успехах трудящихся, ведущих здоровый образ жизни. Типичная заметка в газете «Советский спорт» за 1987 г. «...утверждена комплексная программа „Здоровье“, которой предусмотрено к 1990 году довести число занимающихся производственной гимнастикой до 90,4 процента от числа работающих, в группах здоровья — 4 процента, ОФП (общей физической подготовки. — М. Б.) — 7 процентов, туризма — 9,5 процента. В производственных корпусах предприятия планируется создание лечебно-оздоровительных комнат с современными средствами реабилитации. Уже сейчас оборудовано пять таких комнат, один спортивный зал, в котором можно играть в волейбол, баскетбол, настольный теннис» [Советский спорт 1987: 2]. В интервью газете «Вечерняя Москва» руководитель главного управления здравоохранения Москвы В. Н. Мудрак отмечал, что благодаря программе «Здоровье» «удалось добиться значительных результатов» по снижению временной нетрудоспособности, уменьшению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, сокращению детской смертности, оздоровлению окружающей среды [Вечерняя Москва 1988: 2].

Республиканская комплексная программа «Здоровье» положила начало государственному планированию в социальной сфере республики, определив задачи на ближайшую пятилетку. Основным направлением этой программы стало обеспечение населения высококачественной лечебно-профилактической и лекарственной помощью, что подразумевало также усиление профилактической направленности здравоохранения, повышение качества медицинского

обслуживания. Одной из важных задач был переход к ежегодной диспансеризации всего населения, которая должна была снизить нагрузку на медицинских работников и повысить здоровье населения. Планировалось также осуществить дальнейшее развитие сети учреждений по охране здоровья матери и ребенка, поликлиник, больниц и оснащение их современной медицинской аппаратурой и оборудованием. Программой предусматривалось строительство новых лечебно-профилактических учреждений, которые заметно бы расширили и укрепили систему здравоохранения республики.

Между тем реализация комплексной программы «Здоровье» столкнулась с рядом проблем, одной из главных было плохое финансирование, от которого напрямую зависело исполнение показателей программы. Районы республики жаловались на нехватку медработников, обвиняя Министерство здравоохранения республики в невыполнении своих обязательств по направлению специалистов в сельскую местность. Между тем профильное министерство напрямую зависело от Министерства здравоохранения РСФСР, которое в свою очередь не выполняло заявки Минздрава Калмыцкой АССР. Были проблемы с районными и ведомственными программами «Здоровье», отмечалось, что они были разработаны формально, неконкретны, в них не были отражены задачи по улучшению условий труда, медицинского обслуживания, усилению других профилактических мер. Сама республиканская программа «Здоровье» имела недоработки. В ней присутствовали абсурдные показатели, например, «довести посещение к врачам до 15 в городе и до 12,6 на селе» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 2. Д. 1134. Л. 141], что вынуждало медработников устраивать погоню за наращиванием только количества больных. Имелись общие показатели — закупать оборудование, усовершенствовать методы и организационные формы ежегодных профилактических осмотров населения, — которые не несли никакой конкретики в виде количества закупленного оборудования, сроков исполнения работ, выделяемого финансирования.

Появившиеся программы «Здоровье» должны были значительно улучшить ситуацию со здравоохранением в стране. Но накопленные за десятилетия проблемы в экономике, экологии, социальной сфере требовали более качественного и серьезного подхода, который не решался созданием формальных комплексных программ. На программу «Здоровье» было возложено много обязательств, но одна эта программа в условиях начавшейся нестабильности политической ситуации в Советском Союзе не могла обеспечить нормальное функционирование уже разрушающейся системы по охране здоровья.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
 Перепись 2002 — Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года [электронный ресурс] // Перепись 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=7&docid=10715289081450> (дата обращения: 15.05.2024).
 Приказ 1982 — Приказ Министерства здравоохранения СССР от 24 сентября 1982 г. п 950 «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» [электронный ресурс] // Контур норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=71208> (дата обращения: 15.05.2024).
 Решения 1967 — Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док.: в 5 тт. Т. 1: 1917–1928 гг. / сост.: Черненко К. У., Смиртюков М. С. М.: Политиздат. 1967. 783 с.
 Статистика 2001 — Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. М.: Росстат, 2001. 679 с.

Статистика 2006 — Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. 806 с.

Sources

- Decisions of the Party and the Government on Economic Issues: Collection of Documents in 5 vol Vol. 1: 1917–1928. K. Chernenko., M. Smirtiukov (comps.), M.: Politizdat, 1967. 783 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- On the results of the All-Russian Population Census 2002. Pensus 2002. Available at: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=7&docid=10715289081450> (Accessed: 15 May 2024). (In Russ.)
- Order of the Ministry of Health of the USSR from 24 September 1982. No. 950 “On Additional Measures to Improve Health Protection of the Population” Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=71208> (Accessed: 15 May 2024). (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook. M: Rosstat, 2001. 679 p. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook. M: Rosstat, 2006. 806 p. (In Russ.)

Литература

- Агафонова, Гарин 2019 — *Агафонова В., Гарин Л.* Проблемы реализации национального проекта «Здоровье» // Вести научных достижений. 2019. № 5. С. 17–23.
- Бадугинова 2011 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыцкой степи Астраханской губернии на рубеже XIX–XX веков // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1-2 (65). С. 23–25.
- Бадугинова 2021 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыкии после возвращения калмыков на родину в 1957 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980
- Бадугинова 2022 — *Бадугинова М. В.* Первая семилетка. Калмыцкое здравоохранение в 1959–1965 гг. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 37–48. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48
- Башкатова 2009 — *Башкатова А.* Забытые нацпроекты [электронный ресурс] // Независимая газета. 2009. 29 декабря. URL: https://www.ng.ru/economics/2009-12-29/1_nazprojects.html (дата обращения: 15.05.2024).
- Вечерняя Москва 1988 — Как здоровье, город? // Вечерняя Москва. 1988. 23 апреля. № 94.
- Вишняков и др. 2018 — *Вишняков Н. И., Гусев О. А., Кочорова Л. В., Пенюгина Е. Н., Пузин С. Н.* Общественное здоровье и здравоохранение. 9-е изд., испр. и доп. М.: МЕДпресс-информ, 2018. 840 с.
- Голдаков, Петров 2011 — *Голдаков Р. Н., Петров М. Н.* Целевые комплексные программы в СССР и в РФ // Экономические отношения. 2011. № 1 (1). С. 31–38.
- Дойникова, Сусеев 1967 — *Дойникова Е. А., Сусеев П. Н.* На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.
- Егер и др. 1991 — *Егер Г. Э., Баятаков А. А., Дурумбетов Е. Е., Капасакалис В. А.* Разработка и реализация областной комплексной межотраслевой программы по охране природы и улучшению здоровья населения // Гигиена и санитария. 1991. № 9. С. 85–87.
- Команджаев и др. 2020 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.* Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы 1914 г. // Oriental Studies. 2020. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545
- Неплохов и др. 1988 — *Неплохов А. И., Вережагин Н. Н., Пьянов В. П.* Из опыта работы санитарной службы по разработке и реализации комплексной программы «Здоровье» // Гигиена и санитария. 1988. № 3. С. 29–31.
- Прохоров 2000 — *Прохоров Б. Б.* Общественное здоровье в России за 100 лет (1897–1997) // Россия в окружающем мире: 2000. (Аналитический ежегодник). М.: МНЭПУ, 2000. С. 1–36.
- Советский спорт 1987 — Харьковский областной спорткомитет // Советский спорт. 1987. 7 мая. № 105.
- Ткачев 1990 — *Ткачев П. Г.* Методические подходы к разработке комплексных программ «Здоровье» и «Экология» // Гигиена и санитария. 1990. № 8. С. 8–11.

- Федяев 1987 — Федяев А. П. XXVII съезд КПСС о повышении роли здравоохранения в ускорении социально-экономического развития страны // Казанский медицинский журнал. 1987. № 1. С. 1–4.
- Чернышев и др. 2011 — Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Зайцева А. В., Корнишова Л. П. Некоторые итоги реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в Сибирском федеральном округе в 2011 году // Медицина и образование в Сибири. 2012. № 3. С. 20–25.
- Шиган, Остапук 1988 — Шиган Е. Н., Остапук С. Ф. Целевые комплексные программы в здравоохранении. М.: Медицина, 1988. 224 с.

References

- Agafonova V., Garin L. Problems of the Implementation of the National Project “Health”. *Vesti Nauchnogo Proizvodstva*. 2019. No. 5. Pp. 17–23. (In Russ.)
- Baduginova M. V. Healthcare of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Nauchnaya Mysl Caucasus*. 2011. No. 1–2 (65). Pp. 23–25. (In Russ.)
- Baduginova M. V. Healthcare in Kalmykia after the Return of the Kalmyks to their Homeland in 1957. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980 (In Russ.)
- Baduginova M. V. The first seven-year program. Kalmyk healthcare in 1959–1965. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 37–48. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48 (In Russ.)
- Bashkatova A. Forgotten National Projects. In: *Nezavisimaya gazeta*. Available at: https://www.ng.ru/economics/2009-12-29/1_nazprojects.html (Accessed: 15 May 2024). (In Russ.)
- Chernyshev V. M., Strelchenko O. V., Zaitseva A. V., Korniyasheva L. P. Some Results of the Implementation of the Priority National Project “Health” in the Siberian Federal District in 2011. *Medicine and Education in Siberia*. 2012. No. 3. Pp. 20–25. (In Russ.)
- Doinikova E. A., Suseyev, P. N. On the Guard of Health. 50 Years under the Banner of the October Revolution. Elista: Kalmizdat, 1967. Pp. 160–186. (In Russ.)
- Eger G. E., Bayatakov A. A., Durumbetov E. E., Kapasakalis V. A. Development and Implementation of the Regional Complex Intersectoral Program for Nature Protection and Improvement of Public Health. *Hygiene and Sanitation*. 1991. No. 9. Pp. 85–87. (In Russ.)
- Fedyayev A. P. XXVII Congress of the CPSU on the Increasing Role of Health Care in Accelerating the Socio-Economic Development of the Country. *Kazan Medical Journal*. 1987. No. 1. Pp. 1–4. (In Russ.)
- How is your health, city? *Vechernyaya Moskva*. 23.04.1988. No. 94. (In Russ.)
- Goldakov R. N., Petrov M. N. Target Complex Programs in the USSR and in the Russian Federation. *Economic Relations*. 2011. No. 1(1). Pp. 31–38. (In Russ.)
- Kharkov Regional Sports Committee. *Sovetsky Sport*. 7.05.1987. No. 105. (In Russ.)
- Komandjaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. From the experience of combating epidemic diseases in Kalmykia: the plague epidemic of 1914. *Oriental Studies*. 2020. No. 3. Pp. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545 (In Russ.)
- Neplokhov A. I., Vereshchagin H. N., Pyanov V. P. From the Experience of the Sanitary Service on the Development and Implementation of a Comprehensive Program “Health”. *Hygiene and Sanitation*. 1988. No. 3. Pp. 29–31. (In Russ.)
- Prokhorov B. B. Public Health in Russia for 100 Years (1897–1997). In: *Russia in the Surrounding World: 2000*. (Analytical Yearbook). Moscow: MNEPU Izd., 2000. Pp. 1–36. (In Russ.)
- Shigan E. N., Ostapyuk S. F. Target Complex Programs in Public Health. Moscow: Medicine, 1988. 224 p. (In Russ.)
- Tkachev P. G. Methodical Approaches to the Development of Integrated Programs “Health” and “Ecology”. *Hygiene and Sanitation*. 1990. No. 8. Pp. 8–11. (In Russ.)
- Vishnyakov N. I., Gusev O. A., Kochorova L. V., Penyugina E. N., Puzin S. N. Public Health and Public Healthcare. 9th ed., revised and additional. Moscow: MEDpress-Inform, 2018. 840 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 2, pp. 295–311, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC – 397+94.57+811.512.1

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

Борогон: этноним и этническая история

Памяти Василия Васильевича Ушницкого
(08.03.1964–20.06.2021)

Баир Зориктоевич Нанзатов¹, Владимир Владимирович Тишин²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Нанзатов Б. З., Тишин В. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Работа посвящена исследованию происхождения и распространения названия *Борогон* (в адаптации — *Борогон*), отраженного в именовании административно-территориальных единиц различного таксономического уровня на территории Якутии в XVII–XX вв. в составе улусов, наслегов, родов. *Цель* исследования — проанализировать этимологию именованного *Борогон*, рассмотреть ареал и пути его распространения. *Материалы и методы.* К анализу привлечены сведения русскоязычных документов XVII–XVIII в., суммированные в работах Б. О. Долгих, С. А. Токарева и других исследователей, предоставляющие, однако, только отрывочные сведения о носителях борогонской идентичности. Для обоснования предлагаемой этимологии использованы лингвистические материалы, представленные в лексических и этимологических словарях, рассмотренные с учетом данных о развитии исторической фонетики монгольских и тюркских языков. *Результаты.* В работе прослежено распространение в исторически обозримый период на территории Якутии ареала расселения носителей борогонской идентичности и, следовательно, названия *Борогон* в качестве обозначения различных уровней идентичности, отраженной в использовании этого названия в именовании административно-территориальных единиц различного таксономического уровня (улусов, наслегов, родов). Выдвинута и обоснована гипотеза об интерпретации слова в исходном значении в связи с письм.-монг. *boruqa(n)* ‘дождь’, конкретнее — от формы **boruqaṇ*, **boruqaṇ*. Обсуждаются варианты происхождения этнического названия в типологическом ракурсе, учитывая отсутствие прямых параллелей в среде монгольских и тюркских народов. *Выводы.* Конкретно-исторический при-

мер, представленный сообществом, носящим имя *Борогон*, демонстрирует тесные контакты тюркоязычного и монголоязычного населения на территории Сибири, а конкретно — в пределах Ленско-Алданского региона. Предполагается, что название *Борогон* в среде якутского населения восходит к слову из монголоязычной среды, вероятно, в исходной форме **boroγan*, **borayān* с буквальным значением ‘дождь’, что не встречает препятствий с точки зрения законов фонетики. При этом конкретно нельзя сказать, было ли это по каким-либо причинам принятым названием исторического коллектива с осознанием такого значения, либо название восходит к личному имени какого-либо значимого деятеля, отраженному в фольклорном материале как эпоним. По формальным фонетическим признакам форма, отраженная в якутском произношении, демонстрирует характеристики языков среднемонгольского периода, по косвенным историческим данным — верхняя хронологическая веха возникновения названия относится ко времени до начала XVII в. Рассмотренный в данном исследовании пример в очередной раз демонстрирует факт участия монголоязычного населения в этногенезе саха (якутов).

Ключевые слова: якуты, монголоязычное население, этноним, этногенез, этимология, этническое картирование, расселение, тюркские языки, монгольские языки
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Трансформация этнической карты монгольского и тюркского населения: Южная и Восточная Сибирь XVII–XIX вв. в составе Российского государства» (№ 24-28-00385, <https://rscf.ru/project/24-28-00385/>).

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Борогон: этноним и этническая история // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 295–311. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

Borogon: Ethnonym and Ethnic History

Bair Z. Nanzatov¹, Vladimir V. Tishin²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7344-0996. E-mail: [tihij-511\[at\]mail.ru](mailto:tihij-511[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Nanzatov B. Z., Tishin V. V., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the origin and spread of the ethnonym *Boroγon* (in Russian spelling — *Borogon*), reflected in the names of administrative territorial units of various taxonomic levels in the territory of Yakutia during the 17th–20th centuries (*ulus*, *nasleg*, *rod*). **Goals.** The study aims at examining the etymology of the term *Boroγon*, the territorial area where it was spread and the ways of its spread. **Materials and methods.** The data included in the paper based on the information from Russian-language documents of the 17th–18th centuries, summarized in the works of B.O. Dolgikh, S.A. Tokarev etc. Those sources, however, provide only fragmentary information about the bearers of Borogon identity. It is also proposed the etymology, supported by linguistic data presented in different lexical and etymological dictionaries and recent results of researches on the development of historical phonetics of the Mongolic and Turkic languages. **Results.** The phases of allocation of bearers of Borogon identity on the territory of Yakutia in the historical foreseeable period were

traced in the paper and, consequently, the spread of area of existence of the name *Borogon* in different levels of identity that reflected in its use in the naming of administrative territorial units of various taxonomic levels (*ulus, nasleg, rod*). A hypothesis about the interpretation of the name in its original meaning in connection with the Written Mongolian word *boruᠢᠶa(n)* ‘rain’, or, mostly, from the form **boroyan, *borayan* id has been argued. Conditions for the appearance of the ethnic name are discussed from a typological perspective, taking into account the lack of direct parallels among the tribal nomenclature of Mongolic and Turkic peoples. *Conclusions.* A specific historical example presented by a community bearing the name *Borogon* demonstrates close contacts between the Turkic and Mongolic populations in the territory of Siberia, and specifically within the Lena-Aldan region. It is assumed that the name *Borogon* among the Yakut population goes back to a word from the Mongolic environment, probably in the original form **boroyan, *borayan* with the literal meaning ‘rain’. Such version does not encounter obstacles from the point of view of the phonetical laws. At the same time, it is impossible to claim whether for some reason this was the accepted name of a historical group with an awareness of such meaning of the word, or whether the name goes back to the personal name of some authority person reflected in folklore as an eponym. According to formal phonetic characteristics, the form reflected in the Yakut pronunciation demonstrates the characteristics of the languages of the Middle Mongolic period. An indirect historical data indicates the time before the beginning of the 17th century as an upper chronological milestone of the appearance of the name. The example considered in the article once again demonstrates the fact of the participation of the Mongol-speaking population in the ethnogenesis of the Sakha (Yakuts).

Keywords: Yakuts, Mongolian-speaking population, Ethnonym, Ethnogenesis, Etymology, Ethnic Mapping, Allocation, Turkic languages, Mongolic languages

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 24-28-00385 “Transformation of the Ethnic Map of the Mongolian and Turkic Populations: Southern and Eastern Siberia of the 17th–19th Centuries as Part of the Russian State”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00385/>.

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Borogon: Ethnonym and Ethnic History. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 295–311. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

1. Введение

Название *Борогон* [boroᠭon], в адаптированной русскоязычной передаче *Борогон*, известное в наименованиях административно-территориальных единиц различного таксономического уровня, документально фигурирующих на территории Якутии на протяжении XVII–XX вв. (Борогонский улус, Борогонская волость, Борогонский наслег, Борогонский род), объединяет одну из наиболее многочисленных групп якутского населения и является одним из старейших в истории якутов.

В фольклорной традиции предводители борогонцев выступают как крупные соперники кангаласского тойона Тыгына. Неоднозначной репутации в народной памяти удостоилась персона *Лөгөй* или *Лөбөй* тойона, которому соответствует исторический Логуй Амыкаев или Амуканов в русскоязычных источниках [Токарев 1945: 166–167, 280, 287, 289, 388 (табл. 5-г); Борисов 1997: 26 сл., 87, 114], один из борогонских тойонов, чье имя носили в XIX в. два наслега (I и II Легойские; як. *Лөбөй нэһилиэгэ*) Борогонского улуса и род (як. *Лөгөй ууһа*) в Борогонском наслеге Колымского улуса [Пекарский 1959б: 1496; Долгих 1960: 375].

Название *Борогон* не объясняется на основе якутского языка и, как и многие подобные случаи, может послужить предметом для исторических и филологических изысканий.

В свое время якутский исследователь В. В. Ушницкий, занимавшийся изу-

чением исторического прошлого якутов и стремившийся обнаружить широкие этнические связи их предков среди других тюркских, а также монгольских народов, предложил сопоставить *Борогон* с этнонимом *баргу*, известным в монголоязычной среде и тесно связанным с историей Прибайкалья [Ушницкий 2011]. Он не прибегал к лингвистическим аргументам, ограничившись лишь реконструкцией, основанной на фольклорных сведениях. Как будет показано ниже, лингвистических оснований для такого сопоставления нет, однако, сама логика наблюдений В. В. Ушницкого заслуживает внимания.

2. Расселение носителей этнонима *Борогон*

Судя по сведениям русскоязычных источников XVII в., Борогонский улус или, согласно документам, «Борогонская волость» [Башарин 2003: 193 (табл. 22)], уже на момент знакомства с ней российских служилых людей была одной из крупнейших по численности населения.

В первых перечнях названий политических объединений якутов, именуемых «улусами» или «волостями», представленных в списках Ивана Галкина (1631, 1635 гг.) и Петра Бекетова (1632–1633 гг.), «Борогонская волость» не зарегистрирована. Она появляется только в 1638 г. в документации, составленной тем же Иваном Галкиным, затем фигурирует в списке 32 волостей Парфена Ходырева (1639–1640 гг.), после чего ее упоминания в источниках становятся стабильными [Токарев 1945: 38–39, 166; Долгих 1960: 354–355].

С. А. Токарев помещает Борогонскую волость на р. Танде [Токарев 1945: 40]. Согласно Б. О. Долгих, в XVII в. Борогонская волость «соответствовала территории Борогонского улуса в составе наслегов Легойского, Оюн-Усовского, Сыгатского, Хоринского, Берть-Усовского, Курбусатского, 1 и 2-го Ольгетских, 1 и 2-го Соттутских и Сабарайского», как они зарегистрированы на 1896 г. [Долгих 1960: 364].

С. А. Токарев указал на следующие соответствия «волостей» и их «родов» XVII в. с административными подразделениями XX в. (улусы, наслеги, роды): Борогонской волости соответствуют Борогонский наслег Верхоянского улуса, Борогонский наслег Колымского улуса, Борогонский род Оймьяконо-борогонского наслега Баягантайского улуса, Борогонский род наслега Верхоянского улуса и Борогонский род Кокуйского наслега Средне-Вилуйского улуса [Токарев 1945: 358, 389–390 (табл. 6)].

По данным, собранным Ф. Г. Сафроновым, в 20-х гг. XVIII в. к Борогонскому улусу, помимо собственно Борогонских волостей, относились такие волости, как Оспекская, Бескунская, Чериктейская, Баягантайская и Олтекская [Сафронов 1987: 13] (рис. 1).

Как сообщает Г. П. Башарин, «[п]ять крупных волостей, вокруг которых сгруппировалось 35 мелких, в 1730-х годах были названы улусами. В переписи 1732–1734 гг. значатся следующие ясачные улусы: Кангаласский, Батурусский, Намский, Борогонский и Мегинский. ... Происхождение улусов Якутского округа, таким образом, было связано с объединением многочисленных волостей вокруг нескольких крупных с Центральными пунктами сбора ясака. Что касается бассейнов Олекмы, Вилуя, Колымы, Индигирки, Яны и других рек, то там до начала XIX в. продолжали существовать остроги, зимовья и волости, удаленные друг от друга на огромные расстояния. В каждый из этих сборных пунктов по-прежнему посылались особые сборщики ясака» [Башарин 1956: 50–51 (примеч. 5)].

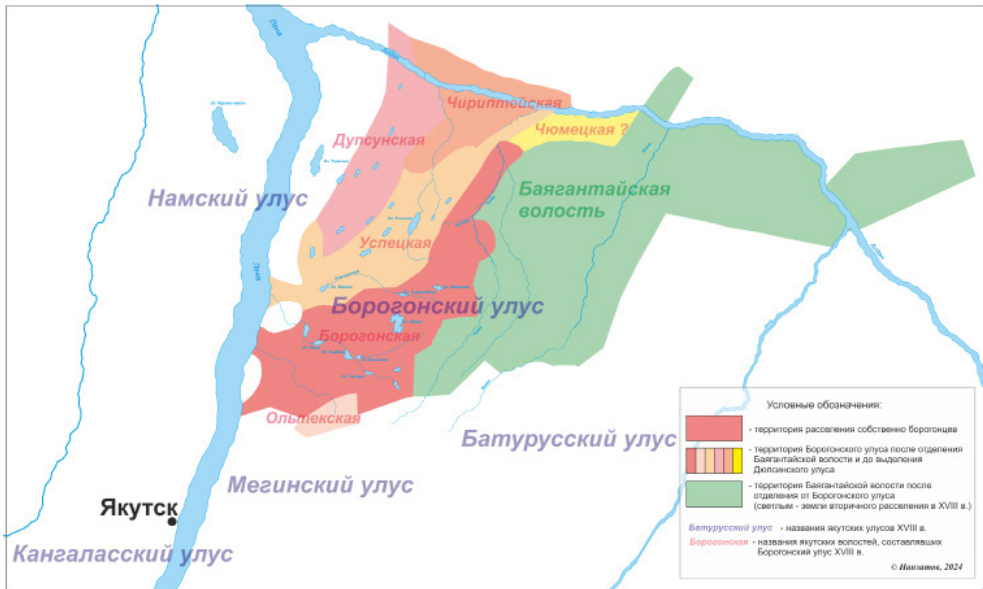

Рис. 1. Борогонский улус в XVIII в.

[Fig 1. Borogon ulus in the 18th century]

По крайней мере, в первой половине XVIII в. Борогонские волости уже отмечаются значительно шире, что как раз было обусловлено результатом массовых миграций якутов из исходного региона на Вилюй, Олекму, Оймякон, Колыму. Так, были известны Борогонская волость Верхневилуйского зимовья, Борогонская волость Усть-Вилуйского зимовья, Борогонская волость Олекминского острога, Борогонская волость Оймяконо-Баягантайского зимовья, Борогонская волость Верхонянского зимовья, Борогонская волость Колымского зимовья. Итого насчитывалось семь Борогонских волостей: одна в Якутском округе и шесть — за его пределами [Башарин 2003: 58, 61–63]. Переселение борогонских якутов на Олекму находит отражение в источниках уже во второй половине XVII в. [Башарин 2003: 104].

Согласно сведениям, собранным Я. И. Линденау в 1741–1745 гг., двое сыновей легендарного родоначальника якутов по имени *Elei* или *Eldei-bator*, которых звали *Barkutai* и *Tschericktei*, образовали один род *Borogon*, соответствующий современной исследователю волости *Borogonskoi*, в состав которой были еще приписаны на тот момент два административных рода *Tscherickten* и *Enorska* [Линденау 1983: 18]. Именование первого из них соответствует названию Чюрюктейской и Чириктейской волости русскоязычной документации XVII в. и Чериктейского наслега в Дюпсунском улусе на конец XIX в., именование второго — названию Онёрского наслега (як. *Өнөр нэһилиэгэ*) в составе Дюпсинского улуса в конце XIX в., а в настоящее время в составе Усть-Алданского улуса.

По сведениям переписи 1750 г., которые приводит И. Г. Георги, «Борогонский улус имеет 7 волостей сего имени и еще 11 инако называемых» [Георги 1799: 170]. На 1767 г. в составе Борогонского улуса Якутского округа значилось 17 наслегов (семь Борогонских, два Соттинских, два Олтекских, три Оспехских, Чериктейский, Онерский, Батагайский) и Тюгэсирский Хомусский род; также Борогонский наслег был в составе Баягантайской волости [Башарин 1956: 370, 371 (прилож. 2)].

На 1828–1830 гг. составе Борогонского улуса Якутского округа значилось 12 наслегов [Башарин 1956: 400 (прилож. 12)]. К концу XIX в. в Якутском округе

был известен Борогонский улус, включавший в себя 13 наслегов: Берт-Усинский, Корбусатский, 1-й и 2-й Легойские, 1-й и 2-й Ольтетские, Сабарайский, Сасылыканский, 1-й и 2-й Сотгутские, Сыгатский, Уголятский и Хоринский [Патканов 1912: 731–733] (рис. 2). Восьмым улусом Якутского округа в этот же период был Дюпсинский улус, отделившийся от Борогонского улуса. Как отмечал Г. П. Башарин, в XVIII в. теми, кто стоял у основания Борогонских волостей за пределами Якутского округа, помимо собственно борогонцев, также являлись и представители племен, впоследствии вошедших в состав Дюпсинского улуса: батагайцы, чериктейцы [Башарин 2003: 61–63]. Более того, в состав Борогонского улуса также входила часть Баягантайских волостей, выделившихся из Борогонского улуса ранее, нежели Дюпсинский улус, и перешедших в состав Батурусского улуса, а впоследствии выделившихся в отдельный Баягантайский улус.

Таким образом, на протяжении XVII–XIX вв. прорисовывается следующая картина. Борогонская идентичность отражалась, как минимум, на двух уровнях. Помимо собственно борогонцев, включавших в себя впоследствии такие подраз-

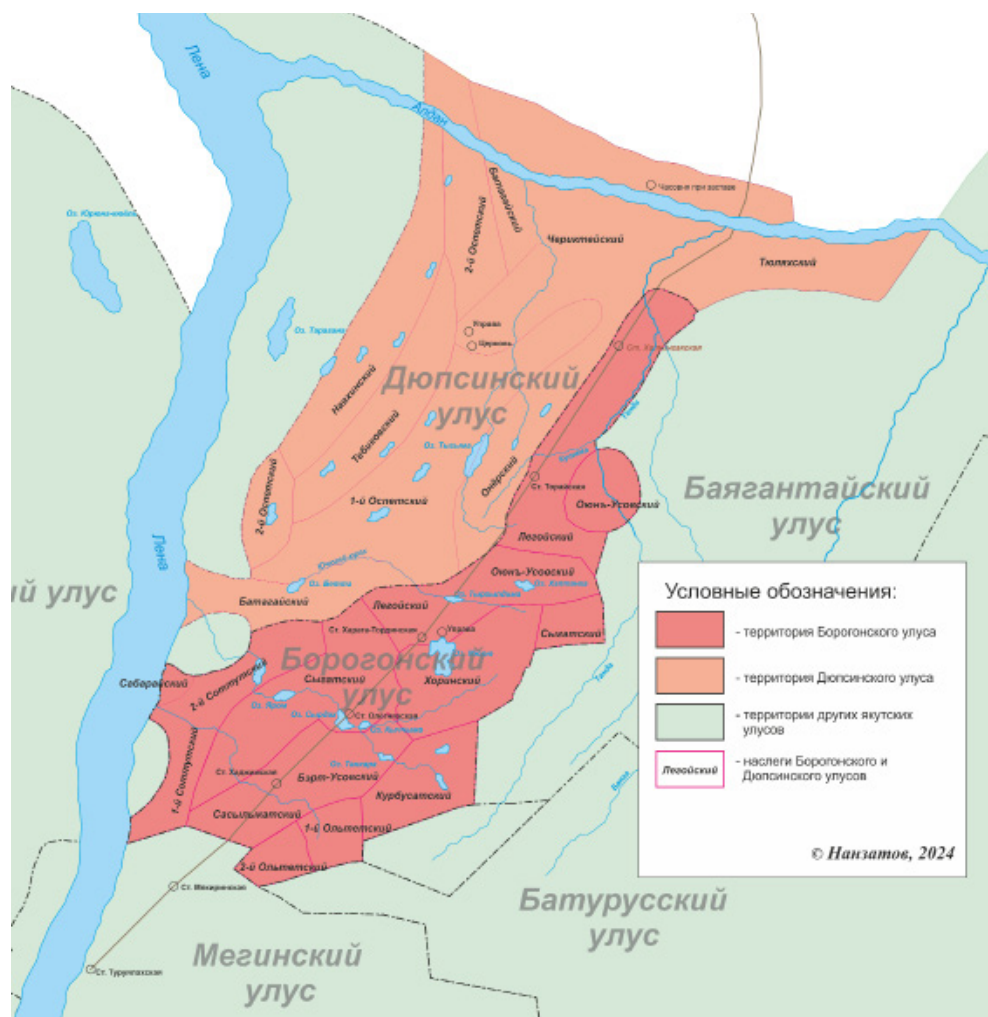

Рис. 2. Борогонский и Дюпсинский улусы в XIX в.
[Fig 2. Boroгон and Düpsün uluses in the 19th century]

деления, как *бэрт-уса* (як. *Бэрт ууһа*), *легой* (як. *Лөбөй*), *оюн-уса* (як. *Ойун ууһа*), *сасыл* (як. *Сасыл*), *сыгат* (як. *Сыңаах*), более широко борогонская идентичность распространялась на присоединившиеся к ним в разные исторические периоды подразделения, связываемые в источниках с собственной идентичностью, такие, как *хори* (як. *Хоро*), *сабарай* (як. *Сабарай*), *соттут* (як. *Суорту*, *Суотту*), *успех* (як. *Өспэх*), *чериктей* (як. *Чэриктэй*), *дюпсин* (як. *Дүпсүн*), *батагай* (як. *Батабай*), *баягантай* (як. *Байагантай*) и др.

За пределами Якутского округа, когда волости были переформированы в новые улусы и разбиты на наслеги и административные роды, наименование *Борогон* в большинстве случаев было заменено — за небольшим исключением. Так, к концу XIX в. было известны следующие случаи: Борогонский наслег Верхоянского улуса [Патканов 1912: 764], Борогонский род Борогонского наслега Верхоянского улуса [Справочник 1911: 86], Борогонский род 2-го Ногодского наслега Устьянского улуса [Справочник 1911: 85], род Боргон 2-го Байдунского наслега Верхоянского улуса [Справочник 1911: 86], Борогонский род Кокуйского наслега Средне-Вилуйского улуса [Справочник 1911: 89]. В XX в. также отмечался Борогонский наслег Булунского района (устье р. Лена), население которого было представлено курбусахцами (як. *Курбуһах*) [Парникова 1971: 21].

В настоящее время территория бывших Борогонского и Дюпсинского улусов объединена в пределах Усть-Алданского района Республики Саха (Якутия). Этот район входит в ареал так называемых «акающих» говоров, включающий бывшие Борогонский, Дюпсинский, Намский и Баягантайский улусы, условно являющиеся потомками легендарного Омогоя [Боло 1994: 22, 297 (примеч. 12); Ксенофонов 1992а: 311; Ксенофонов 1992б: 219 (примеч. 1); Якуты 2012: 60]. Предположительно этот диалектный ареал связывается с ранними волнами населения, вошедшего позднее в состав якутского народа [Иванов 1993: 42, 305], в том числе с представителями монголоязычных групп, косвенным свидетельством чему является установление в речи носителей «акающих» говоров губной гармонии по первому слогу [Убрятова 1962: 262].

3. Происхождение этнонима

Как было сказано выше, «Борогонский улус» или чаще «Борогонская волость» фигурирует в русскоязычных документах XVII в. как обозначение одного из политических объединений якутов в начальный период их контактов с российскими служилыми людьми, отражая определенный уровень идентичности объединенных этим названием людей.

По сведениям предания, записанного Я. И. Линденау, один из родоначальников рода *Borogon* носил имя *Barkutai* [Линденау 1983: 18], т. е. ср.-монг. *barqudai* [Rybatzki 2006: 263–264], ср. як. *Барбыдай* ‘название рода в Жабыльском наслеге Мегинского улуса (Якутск. окр.)’ [Пекарский 1959а: 376] (совр. — Жабыльский наслег Мегино-Кангаласского улуса), топонимы *Баргыдай* (Усть-Алданский улус, Батагайский наслег), *Баркытай* (Усть-Алданский улус, Дюпсунский наслег) [Иванов 2001: 66, 140].

О. Бётлингк в своем словаре отмечает *Борогон* только как ‘eine der Jakutischen Tribus (улус)’ [Böhtlingk 1851: 134] — т. е. как «одно из якутских племен (улус)».

В словаре Э. К. Пекарского в статье «Борогон» значатся следующие толкования:

«1) имя родоначальника Борогонского улуса (Якутского окр.) — сына *Хордои*

хојоѳос-а *Гот.*; по *Пр.*, Борогонский улус назван по имени Бороѳон Цуорту — одного из двух сыновей Дәлі Дархан-а.

2) название улуса (Борогонского) в Якутском округе = Бороѳон улұса.

3) название населенных (Борогонских) в Верхоянском и Колымском улусах» [*Пекарский 1959а: 501*] (здесь *Го.* — рукописи П. Е. Готовцева; *Пр.* — различные этнографические статьи В. Л. Преклонского, вышедшие в 80-х – 90-х гг. XIX в.).

Название *Бороѳон* иногда возводится к эпониму в некоторых других генеалогических преданиях, но таких случаев немного [см.: *Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ 1960: 304–307 (табл. 2); Башарин 2003: 85*].

Предложенное В. В. Ушницким сопоставление якутского именования *Бороѳон* с монгольским этнонимом *баргу* (письм.-монг. *barγu*), основанное на записях Я. И. Линденау, являющихся, по-видимому, примером самой ранней фиксации легендарной генеалогической традиции якутов, имеет свою логику, однако лингвистически объяснить возможность преобразования одного из этих этнонимов в другой было бы сложно. В сущности, такие построения основываются только на том, что здесь наблюдается схожая последовательность согласных — *b-r-γ-*, но при игнорировании облика гласных. Невозможно беспретственно преодолеть и проблемы с вокализмом, чтобы успешно прибегнуть, например, к аргументу в пользу будто бы возникшего вторичного огубления исходной формы в якутском: территория исходного (на момент первой фиксации в источниках) расселения борогонцев входит в ареал распространения так называемого «аканья» в якутском языке (*хатын* ~ *хотун*, *баатыр* ~ *боотур* и т. п.), т. е. здесь не так последовательно действует тенденция к огублению гласных [*Убрятова 1960: 41–42; Иванов 1993: 40–41, 305*].

Тем не менее этимология этнонима кажется довольно прозрачной, получая надежную основу как с семантической, так и с фонетической точек зрения.

В свое время Д. Немет, предложивший классификацию тюркских этнонимов на основе семантического признака, выделил среди них такую категорию, как «названия народов, связанные с природными явлениями» (“a természeti jelenségekkel összefüggő néprnev”) [*Németh 1991: 87–89*]. Несмотря на то, что ряд конкретных примеров, приведенных Д. Неметом, является дискуссионным, основания для такого предположения имеются.

Довольно просто сопоставить этноним *бороѳон* с письм.-монг. *boruγa(n)* ‘Rain’, халх. *бороо* id. [*Mongolian-English Dictionary 1960: 121*], калм. *borān* ‘unwetter, sturm mit regen od. schnee; regenwetter’ [*Ramstedt 1935: 51*], халх., бур. *бороо(н)*, калм. *боран* ‘дождь, ливень, (иногда) пурга’ [*ЭСМЯ 2015: 100*] и т. п. Заслуживает внимания в этом ряду личное имя *bawrayan* [*Boraqan*] в древнеармянских источниках (см.: [*Rybatzki 2006: 265* (приведена литература)]). Ср. в ранних записях: бур. *борооддохунг* ‘ветер’ (Д. Г. Мессершмидт), бур. *борогон* ‘буря’, монг. *кейбороо* id. (Г. Ф. Миллер), бур. 3 *борогон*, *борогодон* id. (словарь из архива Ф. П. Аделунга), бур. *борогон*, монг. *кейбараан* id. (П. С. Паллас), монг. *бороо* ‘дождь’ (Г. Ф. Миллер, словарь из архива Ф. П. Аделунга, П. С. Паллас) [*Будаев 1992: 140, 194, 195, 208*]. Эта форма отражена в тюркских языках, начиная с чаг. *borayan* *بورايان* ‘буран’, в различных фонетических вариантах (см.: [*Doerfer 1963: 219–221; Csáki 2006: 60–62* (в обеих работах приведен перечень примеров)]). Некоторыми исследователями оспаривается интерпретация тюрк. *бораган* / *borayan* как монгольского заимствования в связи с отмеченной еще

формой *боран* / *boran* (с кратким гласным второго слога) [Sinor 1977; ЭСТЯ 1978: 189–192 (в обеих работах приведена обширная литература)]. Параллели в алтайских и уральских языках рассматриваются еще в связи с рус. *пурга́* [Аникин 2000: 458–459]. Однако до XIII в. в тюркских языках слово достоверно не зафиксировано (ср.: [Clauson 1972]). В работе В. И. Рассадина о монгольских заимствованиях в тюркских языках Сибири [Рассадин 1980] такое слово не отмечено. Некоторые исследователи рассматривают на предмет собственно тюркского происхождения только примеры с кратким гласным [СИГТЯ 2001: 644].

Двусложная форма, по-видимому, достоверно зарегистрирована не ранее XVIII в.: в записях Г. Ф. Миллера (1735 г.) в «кангатском» языке, родственном историческим языкам, легшим в основу хакасских диалектов, отмечено слово *буран* ‘буря’ [Боргояков 1981: 55]. В словаре П. С. Палласа отмечено ног. *борáн*, тат. *бурáн*, як. *бурхань* id. (П. С. Паллас) [Будаев 1992: 195], для последнего ср. як. *бурбан* ‘белый налет на тальниковых прутьях’, *бурхāн* ‘пурга’, ‘метель’, ‘буря’ [Пекарский 1959а: 566, 572], ср. бур. *бурган* ‘вьюга’ < *бурга-* ‘падать, порошить (о снеге)’, бур. нижеуд. *бурга-* ‘вывалиться в чем-то’, письм.-монг. *burqa-*, халх. *бурга-* ‘идти, моросить (о мелком дожде)’, порошить (о снеге)’, письм.-монг. *burgi-*, халх. *бурги-* ‘подниматься, клубиться (о пыли); порошить (о снеге)’, калм. *бург-* ‘порошить’ (см.: [Рассадин 1999: 137]; ср.: [ЭСМЯ 2015: 117]). Рус. *бурáн* ‘пурга, степная вьюга при северном, сильном ветре’, несомненный тюркизм, не встречается в русскоязычных источниках ранее XVIII в. [Словарь 1975: 356; Аникин 2000: 143; Аникин 2011: 148]. В диалектах регистрируются еще такие формы, как рус. пск. *бурагáн* ‘ураган’, *бургáн* ‘буран’, морд. *бурагáн*, *бургáн* ‘сильный ветер, ураган’, может быть отчасти контаминирующееся с *урагáн* [Аникин 2011: 144–145].

Следует отметить, что формально сопоставимые двусложные формы встречаются в личной ономастике и этнонимике. Из известных нам самое раннее — личное имя *Bāzdār Buran (Boran?)-Quš* (ум. 1141/1142 г.), тюркского гуляма халифа Муктафй (1138–1160), затем ставшего правителем Казвина, по мнению Л. Рашони, связано с *буран* ‘snow storm’ и прочими выше перечисленными значениями [Rásonyi, Baski 2006: 161, 177]. У туркмен-гёклен племени *Begdili*, по меньшей мере, в 1863 г. отмечено подразделение *boran* [Sümer 1972: 311]. Вероятно, в этом же ряду подразделения *буранай* у узбеков-локайцев, *бурангул* у башкир племен *ай* и *табын*, и еще *бурансы* у башкир племени *катай* (см.: [Лезина, Суперанская 1994: 133 (со ссылками на литературу)]. Все три случая могут быть истолкованы как на тюркской, так и на монгольской основе. Первая форма может содержать аффикс родительного падежа +*Ai*, либо отражать тюркскую звательную форму с вокативным показателем +*Aj* (ср. *abaj*, *babaj* и т. п.). Во втором примере последний элемент может трактоваться как монгольский аффикс множественности +*Gul* или тюркское слово *qul* ‘слуга, раб’ (/q/ > /γ/ после согласного). В третьем случае, — вероятно, тюркский аффикс +*či* (> баш. +*sī*), либо монгольский +*či* (< *+*čin*). Личные имена *Бурангул* и фамилия *Буранчиев*, *Буранчин* регистрируются у башкир в XVIII в. (см.: [Rásonyi, Baski 2006: 177, 178]). С большой степенью вероятности, данные образования могут быть истолкованы как патронимы.

Трехсложные варианты, либо формы с вторичной долготой среди тюркских

языков ближайших ареалов к основной территории распространения монгольских языков отмечены, либо: алт. *порогон* ‘метель, буран, вьюга’, кырг. *бороон* ‘буран, вьюга; снежная буря, смерч’, тув. *бораан* ‘ненастье, пасмурная погода’, тув. тодж. ‘свежевыпавший снег’, тоф. *бораан* ‘свежевыпавший снег’ (к цит. выше работам см. еще: [Татаринцев 2000: 253]). Названия *Baraγan*, *Boraγan*, *Buraγan*, соотношения между орфографическими формами которых не всегда отчетливы, отмечены в топонимике Крыма [Jankowski 2006: 42, 322–326, 341]. Название *гарабораган*, букв. ‘черный буран’, отмечено у подразделения низшего таксономического уровня (*тире*) среди туркмен рода *байрач* племени *сарык* [Атаниязов 1988: 41].

В якутской среде **boroγon* < **boroγan*, **boraγan* отражает стадию сохранения комплекса -VgV- в языке-источнике. Процесс преобразования комплекса -VgV- в монгольских языках в дифтонги и далее в долгие гласные в основном завершается в течение XVII в. [Санжеев 1977: 121, 130–131; Рассадин 1982: 48–54]. Некоторые сведения позволяют считать, что в отдельных монгольских языках он продолжался и в XVIII в. [Будаев 1992: 60]. Тем не менее в источниках упоминание названия *Борогон* встречается ранее.

В эпической традиции борогонских якутов встречается сюжет об истреблении Тыгыном ууса *Бэс Бороботтор* [Борисов 1997: 86], где первое слово в этом сочетании связано, вероятно, с *бэс* ‘имя родоначальника Сыгатского наслега Борогонского улуса (Якутского округа), он же *Сыцах Амыкан*’ [Пекарский 1959а: 444, 100] отмечены в топонимике.

В данном случае, с точки зрения морфонологии, любопытна форма второго слова *Бороботтор*. Она относится к группе слов, где тюркскому аффиксу множественного числа +*lAr* предшествует монгольский аффикс множественного числа +(X)*t*, исходно добавлявшийся к основам, оканчивающимся на -*n*, который при этом редуцировался, как, например, в словах *тойоттар* ‘тойоны’, *хотуттар* ‘госпожи’ и т. п. [Kałużyński 1961: 116–118; Грамматика 1982: 126, 84]. Следовательно, можно думать, что фольклор сохранил косвенную отсылку к законсервированной форме **Боробот*. В то же время такая интерпретация не обязательно является косвенным свидетельством раннего появления в якутском языке именования *Борогон*, поскольку такое двойное употребление форм множественного числа встречается в якутском языке даже в русских заимствованиях, при том явно позднего происхождения, например *ыстакааттар* ‘стаканы’, *оройуоттар* ‘районы’, *чилиэттэр* ‘члены’ и др. [Грамматика 1982: 126].

Имена предводителей борогонцев, известные, начиная с первых упоминаний, не позволяют предложить надежных интерпретаций и сделать надежных лингвистических выводов. По крайней мере, в первом таком документе источники упоминают Окта Амуканова, Логуя Амуканова, Чигуна Амуканова, Чермока Амуканова [Материалы 1970: 40], которые, как выясняется из дальнейших документов, являются братьями, т. е. сыновьями Амукана или Амыкая. Подобное имя оказывается достаточно распространенным в русскоязычных источниках в отношении различных деятелей из якутской среды [Материалы 1970: 1120, 1196 (указатель)]. Исходя из косвенных соображений, можно лишь сказать, что если зафиксированный в русскоязычных источниках графический инициальный /ч/ адекватно передает якутский */č/, то этот звук мог развиваться в связи с монголизмами относительно позднего периода, проникшими в якутский язык уже после

того, как в нем исходные аффрикаты */č/ и */j/ слились в единый щелевой */s/, а, следовательно, последующие заимствования, содержащие эти звуки, были снова интегрированы в систему якутского консонантизма [Широбокова 2001: 80, 93, 113–115].

4. Выводы

Наименование *Борогон*, ассоциируемое с одной из групп якутского населения, впервые достоверно фиксируется в русскоязычных документах после 1638 г. Оно представляет собой слово монгольского происхождения и восходит к форме **boroγan*, **borayān* с буквальным значением ‘дождь’. Прямых параллелей использования данного названия в качестве этнонима в среде монгольских народов не зарегистрировано. Племенные названия с подобной семантикой у кочевнических народов, однако, имели место в истории. В то же время нельзя сказать точно, какова историческая природа этого этнонима. Не исключено, что оно восходит к личному имени какого-либо предводителя, т. е. эпониму — такое имя, по крайней мере, отмечается в монгольской среде. На примере тюркских народов можно найти ряд случаев, когда этноним восходит к имени реального исторического лица (например, сельджук, осман, узбек, ногай и др.), но в то же время отмечено немало случаев, когда в личных именах каких-либо деятелей встречаются слова, связанные с этнонимами (или содержатся в них в качестве одного из своих компонентов) [Németh 1991: 58–65]. И если это было так, то возникновение рассматриваемого этнонима должно восходить ко времени, по меньшей мере, на два поколения ранее от тех предводителей борогонцев, имена которых фигурируют в русскоязычных источниках, начиная с 1639 г.

Интерпретировать многочисленные предания в историческом ключе невозможно из-за отсутствия каких-либо надежных свидетельств. В то же время, даже начиная со второй половины XVII в., можно проследить распространение борогонской идентичности, происходящей в связи с укрупнением введенных российской администрацией территориальных единиц на территории Якутии, формировавшихся вокруг исторических политических образований, и в связи с последующими миграциями якутского населения.

Остается неясным очень важный вопрос — «волости», имевшие, следуя ранним русскоязычным документам, свои названия (а, значит, идентичность), своих «князцов» и субъектность в отношениях с ясачными сборщиками, но вошедшие затем в состав Борогонской, — составляли ли они к моменту прихода российских служилых людей и казаков самостоятельные в отношении нее и друг друга политические образования? Или же они находились в каких-то иерархических связях, сводясь только российскими наблюдателями, не вдававшимися во внутреннюю структуру этих формирований, к равноправным политическим субъектам? Приближаясь к тематике данной статьи, переформулировать этот вопрос можно так: происходило ли формирование расширенной борогонской идентичности только начиная с этого времени и позднее было концептуализировано в этногонических преданиях, либо уже на тот момент названия волостей, которые впоследствии будут фигурировать в названиях наслегов Борогонского улуса, отражали названия коллективов, соответствовавшие их идентичности на более низком таксономическом уровне социальной организации в составе общей борогонской идентичности?

Сокращения

алт. — алтайский язык
 баш. — башкирский язык
 бур. — бурятский язык
 бур. 3 — Вугагисе 3 в словарях из коллекции Ф. П. Аделунга
 бур. нижеуд. — бурятский язык, нижеудинский говор
 калм. — калмыцкий язык
 кырг. — кыргызский язык
 монг. — монгольский (= халхаский) язык (у авторов XVIII в.)
 морд. — мордовский язык
 ног. — ногайский язык
 письм.-монг. — письменно-монгольский язык
 рус. — русский язык
 рус. пск. — русский язык, псковские говоры
 ср.-монг. — среднемонгольский язык
 тат. — татарский язык
 тоф. — тофаларский язык
 тув. — тувинский язык
 тув. тодж. — тувинский язык, тоджинский диалект
 тюрк. — тюркский язык
 халх. — халха-монгольский язык
 чаг. — чагатайский язык
 як. — якутский язык

Литература

- Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 772 с.
- Аникин 2011 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Проект, 2011. Вып. 5 (буба I – вакштаф). 344 с.
- Атаниязов 1988 — *Атаниязов С.* Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад: Ёлым, 1988. 179 с.
- Башарин 1956 — *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М.: АН СССР, 1956. 428 с.
- Башарин 2003 — *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). Т. 1: Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. М.: Арт-Флекс, 2003. 444, [3] с.: фот.
- Боло 1994 — *Боло С.* Лиэнэбэ нуучча кэлиэн иннинэбэ саха олобо: урукку Дьокуускай уокурук сахаларын былыргыттан кэпсээннэринэн / [киири тыл авт. Г. В. Попов]. Дьокуускай: Бичик, 1994. 319, [34] с.
- Боргояков 1981 — *Боргояков М. И.* Источники и история изучения хакасского языка. Абакан: Хакасс. кн. изд-во, 1981. 144 с.
- Борисов 1997 — *Борисов А. А.* Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Бичик, 1997. 155, [1] с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. [5], 178 с.
- Грамматика 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка / ред. кол. Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова (отв. ред.), Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 662 с.
- Иванов 1993 — *Иванов С. А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 348 с.

- Иванов 2001 — *Иванов Н. М.* Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2001. 204 с.
- Ксенофонтов 1992а — *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. 1. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. 416 с.
- Ксенофонтов 1992б — *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. 2. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. 317 с.
- Лезина, Суперанская 1994 — *Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. Ч. 1–2. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. 466 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подг. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Материалы 1970 — Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора) / ред. Т. М. Швецова. Ч. 1–3. М.: Наука, 1970. ЛП, 1269, [24] с.
- Парникова 1971 — *Парникова А. С.* Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 152 с.
- Патканов 1912 — *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Тип. Ш. Буссель, 1912. С. 434–999. (Зап. Импер. Рус. Геогр. общ-ва по отделению статистики. Вып. 3).
- Пекарский 1959а — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. I. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1959. (3), XVIII, (1) с., стб. 1–1280, (2) с.
- Пекарский 1959б — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. II. Вып. 5–9. М.: АН СССР, 1959. Стб. 1281–2508, VIII с.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин 1999 — *Рассадин В. И.* Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
- Санжеев 1977 — *Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 161 с.
- Сафронов 1987 — *Сафронов Ф. Г.* Якуты. Мирское управление в XVII – нач. XX века. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1987. 128 с.
- Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ 1960 — Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ: икки чаастаах (= Исторические предания и рассказы якутов: в двух частях) / изд. подг. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова. 1 чааһаа / Ч. I. М.; Л.: АН СССР, 1960. 322, [1] с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тишишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Словарь 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б) / гл. ред.: С. Г. Бархударов; ред.: Г. А. Богатова; сост.: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая, А. Н. Шаламова. М.: Наука, 1975. 371, [1] с.
- Справочник 1911 — Справочник Якутской области на 1911 г. Изданный Якутским обл. статистическим комитетом под ред. секретаря комитета М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 118, 13, 68, 10 с.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. (А–Б). Новосибирск: Наука, 2000. 340 с.
- Токарев 1945 — *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 414 с.
- Убрятова 1960 — *Убрятова Е. И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: АН СССР, 1960. 151 с.
- Убрятова 1962 — *Убрятова Е. И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским

- языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским // Труды XXV Международного конгресса востоковедов, Москва 9–16 августа 1960 г. Т. III. Заседания секций X, XI, XIII. М.: Вост. лит., 1962. С. 258–264.
- Ушницкий 2011 — *Ушницкий В. В.* Племена Баргуджин-токума и проблема происхождения народа Саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2 (3). С. 5–10.
- Широбокова 2001 — *Широбокова Н. Н.* Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 150 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Якуты 2012 — *Якуты* / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с.
- Böhtlingk 1851 — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. Teil 2 Jakutisch–Deutsches Wörterbuch. 190 S.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
- Csáki 2006 — *Csáki É.* Middle Mongolian Loan Words in Volga Kipchak Language. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 258 p (Turkologica. 67).
- Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI).
- Jankowski 2006 — *Jankowski H.* A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006. X, 1291 p.
- Kałużński 1961 — *Kałużński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 S. (Prace Orientalistyczne. X).
- Mongolian-English Dictionary 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / comp. by M. Haltod, J.G. Hangin, and S. Kassatkin, with F.G. Lessing as general editor. Berkeley: University of California Press, 1960. xvii, 1217 pp.
- Németh 1991 — *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx, 560 S.
- Rásonyi, Baski 2006 — *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum = Turcic personal names / as collected by László Rásonyi. Vol. I. Bloomington: Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. CXXXVI, 344 p.
- Rybatzki 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv, 841 S. (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8).
- Sinor 1977 — *Sinor D.* An Altaic Word for ‘Snowstorm’ // *Studia Orientalia*. 1977. Vol. 47. P. 219–232.
- Sümer 1972 — *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972. XXV, 532 s. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 170).

References

- Anikin A. E. An Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages. Moscow. Novosibirsk: Nauka, 2000. 772 p. (In Russ.)
- Anikin A. E. Russian Etymological Dictionary. Moscow: Project, 2011. Vol. 5. 344 p. (In Russ.)
- Ataniyazov S. A Dictionary of Turkmen Ethnonyms. Ashgabat: Ylym, 1988. 179 p. (In Russ.)
- Barkhudarov S.G. et al. (eds.) A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Moscow: Nauka, 1975. Vol. 1 (A–B). 371 p. (In Russ.)

- Basharin G. P. A History of Agrarian Relations in Yakutia (60^s of the 18th century – mid-19th century). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 428 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. A History of Agrarian Relations in Yakutia (15th–18th – mid-19th centuries). Moscow: Art-Flex, 2003. Vol. 1: Agrarian Relations from Ancient Times to the 1770^s. 444, [3] p. (In Russ.)
- Bolo S. The Past of the Yakuts before the Russians Came to the River: Lena: According to the Legends of the Yakuts of the Large Yakutsk Region. Yakutsk, 1994. 319 [34] p. (In Yakut).
- Borgoyakov M.I. Sources and History of Studying the Khakass Language. Abakan: Khakass Book Publishing House, 1981. 144 p. (In Russ.)
- Borisov A. A. Yakut Uluses in the Era of Tygyn. Yakutsk: National Book Publishing House “Bichik” of Rep. Sakha (Yakutia), 1997. 155 [1] p. (In Russ.)
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. Vol. 2 Jakutisch–Deutsches Wörterbuch. 190 p. (In Germ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects (an experience of diachronic research). Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p. (In Eng.)
- Csáki É. Middle Mongolian Loan Words in Volga Kipchak Language. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 258 p. (In Eng.)
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen unter Besonderer Berücksichtigung älterer Neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 p. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). (In Germ.)
- Dolgikh B. O. Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 662 p. (In Russ.)
- Ergis G. U. A Historical Legends and Stories of the Yakuts: in two parts. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. 322 [1] p. (In Yakut and Russ.)
- Georgi I.G. A Description of all the Peoples Living in the Russian State, as well as their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes and other Monuments. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. Pt. 2. About the Peoples of the Tatar Tribe and other Northern Siberian Peoples of still Unresolved Origin. [5], 178 p. (In Russ.)
- Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006. X, 1291 p. (In Eng.)
- Ivanov N. M. Mongolisms in the Toponymy of Yakutia. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2001. 204 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. The Central Group of Dialects of the Yakut Language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 348 p. (In Russ.)
- Kałużynski S. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 p. (Prace Orientalistyczne. X). (In Germ.)
- Ksenofontov G. V. Uraankhai-sakhalar: Essays on the Ancient History of the Yakuts. Vol. 1. Pt. 1. Yakutsk: National Publishing House of the Republic of Sakha (Yakutia), 1992. 416 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Uraankhai-Sakhalar: Essays on the Ancient History of the Yakuts. Vol. 1. Pt. 2. Yakutsk: National Publishing House of the Republic of Sakha (Yakutia), 1992. 317 p. (In Russ.)
- Lessing F. G. (ed.) Mongolian-English Dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1217 p. (In Russ. In Mong.)
- Lezina I. N., Superanskaya A. V. Onomastics: Dictionary and Compendium of Turkic Tribal Names: in 2 Vols. Vol. 1–2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after. N. N. Miklukho-Maklay of the RAS, 1994. 466 p. (In Russ.)
- Lindenau Ya. I. Description of the Peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Materials about the Peoples of Siberia and the North-East. Transl. by Z. Titova (transl.). Magadan: Magadan Book Publishing House, 1983. 176 p. (In Russ.)
- Németh G. A Honfoglaló Magyarorság Kialakulása. Közzéteszi Á. Berta. Második, Bővített és Atdolgozott Kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 p. (In Hung.)

- Nikolaev M. P. (ed.) A Manual of the Yakut Region for 1911. Yakutsk: Typography of Region Government, 1911. 118p., 13p., 68p., 10 p. (In Russ.)
- Parnikova A. S. Settlement of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1971. 152 p. (In Russ.)
- Patkanov S. K. Statistical Data Showing the Tribal Composition of the Population of Siberia, the Language and Tribes of Foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material). Vol. 3: Irkutsk Province, Transbaikal, Amur, Yakut, Primorsky Regions and Sakhalin. *Bulletin of Imperial Russian Geographical society for the department of statistics*. Vol. 3. St. Petersburg, 1912. Pp. 434–999. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1. No. 1–4. 3, XVIII, (1), 1–1280, (2) p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Vol. 2. No. 5–9. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 1281–2508, VIII p. (In Russ.)
- Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Germ.)
- Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum. Turkic Personal Names. L. Rásonyi (comp.). Vol. 1. Bloomington: Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. 344 p. (In Eng.)
- Rassadin V. I. Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongol and Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. The Formation of the Dialect of the Lower Uda Buryats. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1999. 160 p. (In Russ.)
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine Lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. In: Publications of the Institute for Asian and African Studies. 841 p. (In Germ.)
- Safronov F. G. Yakuts. Secular Administration in the 17th century – early 20th century. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1987. 128 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. A Linguistic Introduction to the Study of the History of Writing of the Mongolic Peoples. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1977. 161 p. (In Russ.)
- Shvetsova T. M. (ed.) Materials on the History of Yakutia in the 17th century: (documents of collection of the yasak). Moscow: Nauka, 1970. Vol. 1–3. LIII, 1269 [24] p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. An Etymological Dictionary of Tuvan Language. Novosibirsk: Nauka, 2000. Vol. 1. 340 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) A Comparative-historical Grammar of Turkic Languages. A Lexicon. 2nd ed., add. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tokarev S.A. Social System of the Yakuts in the 17th–18th centuries. Yakutsk: Yakut. State Publishing House, 1945. 414 p. (In Russ.)
- Ubryatova E. I. An Experience of a Comparative Study of the Phonetic Features of the Language of the Population of Some Regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 151 p. (In Russ.)
- Ubryatova E. I. The Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to the Mongolian and Tungus-Manchu languages. Congress Proceedings. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1962. Vol. 3. Meetings of Sections X, XI, XIII. Pp. 258–264. (In Russ.)
- Ubryatova E. I. A Grammar of the Modern Yakut Literary Language. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 1. Phonetics and Morphology. 496 p. (In Russ.)
- Ushnitsky V. V. Tribes of Bargudzhin-Tokum and the problem of the origin of the Sakha people. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2011. No. 2 (3). Pp. 5–10. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. (comps.). Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 vol. Vol. 1. A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. 224 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. An Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with the Letter “B”. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ.)
- Shirobokova N. N. A Historical Development of Yakut Consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001. 150 p. (In Russ.)

- Sinor D. An Altaic Word for ‘Snowstorm’. *Studia Orientalia*. 1977. Vol. 47. Pp. 219–232. (In Eng.)
- Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972. XXV, 532 p. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 170). (In Tur.)
- Yakuts. N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova (eds.). Moscow: Nauka, 2012. 599 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 312–326, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-312-326

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 1(031)+221

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-312-326

Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность

Номинь Дондоковна Цыренова¹, Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник, аспирант
 0000-0001-9578-5493. E-mail: [nomin_n\[at\]mail.ru](mailto:nomin_n[at]mail.ru)

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-1088-0625. E-mail: [chts17\[at\]mail.ru](mailto:chts17[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц., 2024

Аннотация. *Введение.* Память о великом монгольском завоевателе и его империи до сих пор остается в центре внимания ученых, писателей и государственных деятелей и оказывает влияние на современные культурно-политические процессы. *Цель* данной статьи заключается в представлении результатов краткого анализа истории создания и современном состоянии Ордосского мавзолея в честь Чингис-хана по материалам китайских официальных источников и интернет-публикаций. Считается, что в данном мемориале сохранились личные вещи и символы власти великого монгольского завоевателя. *Материалы и методы.* В ходе исследования использовался комплекс различных источников, а именно: интернет-публикаций, журнальных статей и статистических данных, связанных с Ордосским мавзолеем Чингис-хана. Авторы также использовали метод ретроспективного анализа, сравнительно-исторический, историко-типологический методы и системный анализ. Благодаря сочетанию принципов историзма и объективности с методами ретроспективного и проблемно-хронологического анализа, авторы рассмотрели исторические события объективно и в контексте их системных взаимосвязей. *Результаты.* На основе актуальных переводных данных китайских публикаций представлено аналитическое описание изучаемого объекта и его туристического потенциала. Выявлено, что создание туристического комплекса при Мавзолее Чингис-хана было инициировано частной девелоперской корпорацией Дунлянь в 2001 г. *Выводы.* Ордосский Мавзолей Чингис-хана и одноименный туристический комплекс можно рассматривать как одну из современных форм культа почитания Чингис-хана, а также как яркий пример прагматичной реализации политики памяти со стороны официальных китайских властей в отношении великого завоевателя

и монгольской империи в целом. Благодаря творческому подходу к практической реализации курса реформ и открытости в сфере культуры малых народов, центральные и региональные китайские власти смогли создать вполне гармоничный синтез китайской и монгольской культурной традиции, коммерциализировать и синтезировать культурный и эстетико-символический потенциал памяти о монгольской империи и современной китайской государственности в лице Чингис-хана и мемориального комплекса в его честь в г. Ордос, опираясь на региональное государственно-частное партнерство. Не в последнюю очередь, свои плоды принесло конструктивное сотрудничество между региональным историческим сообществом, частным бизнесом и партийно-государственной администрацией городского округа Ордос.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Монгольская империя, Чингис-хан, Ордос, хошун Эзэн-хоро, политика памяти, практика коммемораций

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке грантового проекта РНФ в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139 <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>).

Для цитирования: Цыренова Н. Д., Цыренов Ч. Ц. Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 312–326. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-312-326

Ordos Mausoleum of Genghis Khan: History and Modernity

Nomin D. Tsyrenova¹, Chingis Ts. Tsyrenov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate, Postgraduate Student
 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Ts., 2024

Abstract. Introduction. The memory of the great Mongol conqueror and his empire still remains the focus of attention of scientists, writers and statesmen and influences modern cultural and political processes. The *purpose* of this article is that the article provides brief information about the history of creation and the current state of the Ordos mausoleum in honor of Genghis Khan. It is believed that this memorial contains personal belongings and symbols of the power of the great Mongol conqueror. *Materials and methods.* When conducting the study, a complex of heterogeneous sources was used, represented by Internet publications, journal articles and statistical data related to the Ordos Mausoleum of Genghis Khan. Analytical tools, determined by a systematic approach to the object of study, include the method of retrospective analysis, comparative historical and historical typological methods and systems analysis. The combination of retrospective and problem-chronological methods with the principles of historicism and objectivity made it possible to consider events objectively and in the context of their relationships. *Results.* Based on current translated data from Chinese publications, an analytical description of the studied object and its tourism potential is presented. It was revealed that the creation of a tourist complex at the Mausoleum of Genghis Khan was initiated by the private development corporation Donglian in 2001. *Conclusion.* The

Ordos Mausoleum of Genghis Khan and the tourist complex of the same name can be considered as one of the modern forms of the cult of veneration of Genghis Khan, as well as a striking example of the pragmatic implementation of the policy of memory on the part of the official Chinese authorities in relation to the great conqueror and the Mongol Empire as a whole. Thanks to a creative approach to the practical implementation of the course of reforms and openness in the field of culture of small peoples, the central and regional Chinese authorities were able to create a completely harmonious synthesis of Chinese and Mongolian cultural traditions, commercialize and synthesize the cultural and aesthetic-symbolic potential of the memory of the Mongol Empire and modern Chinese statehood represented by Genghis Khan and the memorial complex in his honor in Ordos, relying on regional public-private partnerships. Last but not the least, constructive cooperation between the regional historical community, private business and the party-state administration of the Ordos urban district has borne fruit.

Keywords: Inner Mongolia, Mongol Empire, Genghis Khan, Ordos, Khoshun Ezenhoro, politics of memory, practice of commemoration

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 23-78-10139 “The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia”.

For citation: Tsyrenova N. D., Tsyrenov Ch. Ts. “Ordos Mausoleum of Genghis Khan: History and Modernity. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 312–326. (In Russ.).

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-312-326

1. Введение

На протяжении восьми столетий личность монгольского Чингис-хана, покрывшего почти всю Евразию, привлекает к себе внимание историков, писателей, а также общественных и государственных деятелей разных стран мира. Великому хану, его сыновьям и внуку Хубилаю понадобилось чуть больше полувека, чтобы покорить весь Северный и Южный Китай с его многомиллионным населением, многочисленной армией и богатейшей древней письменной культурой. В общей сложности, согласно официальной китайской хронологии, монгольское владычество в Китае в лице династии Юань, основанной Хубилаем-ханом в городе Ханбалык (досл. Город хана, кит. Даду, совр. Пекин), продлилось 107 лет (1279–1386 гг.). Одной из главных причин быстрого крушения монгольской династии стал принцип наследственной передачи высших титулов от отца ко всем сыновьям, что привело к перепроизводству знати и непомерным налогам для удовлетворения растущих аппетитов монгольской элиты. Юаньский период завершился крупномасштабным крестьянским восстанием с последующим учреждением национальной династии Мин, которая продержалась 276 лет и пала под ударами маньчжурского вождя Нурхацы и его сыновей. Тем не менее монголы оставили неизгладимый след в многовековой китайской истории и культуре. Одним из таких важных следов монгольской династии является ордосский мемориал в честь Чингис-хана, возведенный в юаньский период.

Как известно, культурно-символический ресурс и туристический потенциал современного Китая чрезвычайно высок, и по состоянию на 2018 г. он занимает 2-е место в мире по количеству объектов под охраной ЮНЕСКО во всем мире. Каждый год количество новых объектов Всемирного наследия в КНР растет [Заклязьминская 2019: 110]. Кроме того, следует сказать о том, что с 1999 г. в стране действует национальная система рейтинга туристических объектов по шкале 5А (или ААААА), в которую входят уже более 7 000 туристических объектов. Для присвоения категории 5А тот или иной объект должен набрать от 950 до

1 000 баллов. Если же он в последующие годы набирает меньше 950 баллов, то правительство направляет администрации данного объекта документ, предупреждающий о снижении туристического рейтинга [Шесть туристических 2015].

Мемориальный комплекс в честь Чингис-хана расположен в хошуне Эзэн-хо-ро (кит. yijinhualuo 伊金霍洛), который находится к юго-востоку от г. Ордос Автономного района Внутренняя Монголия в доме АРВМ. Данный топоним переводится как «храм хозяина» [БРС 2008: 450]. Здесь стоит сказать, что административный термин хошун в КНР является локальным монгольским функционально-иерархическим аналогом уезда (xian 县) как территориальной единицы в китайской традиционной системе управления. После того, как китайская компартия провозгласила курс на реформы и открытость, региональные власти АРВМ восстановили ранее разрушенный Мавзолей Чингис-хана с тем, чтобы развить этнокультурный туризм и тем самым ускорить экономический рост Внутренней Монголии. В результате, благодаря всем предпринятым действиям, 17 января 2011 г., данный объект вошел в высшую категорию внутрикитайского рейтинга туристических объектов [Мавзолей Чингис-хана].

В древнемонгольской традиции считается, что в Ордосе находится дух-онгон великого монгольского хана. Поэтому традиционное монгольское название данного мемориального комплекса так и называется — *Чингис хааны онгон*, что отсылает к древнему культу онгонов. Термин «онгон», как известно, тесно связан с монгольским шаманизмом и обозначает духов предков, а также их изображения, в древних пластах монгольских языков это слово имело более отвлеченное и сокровенное значение «первичный, первоначальный, нетронутый, священный, первооснова» [Жуковская 1977: 195].

2. История вопроса

Несмотря на то, что методология «политики памяти» все еще находится на стадии оформления и эволюции, она позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблематику исторических исследований сквозь призму различных современных интерпретаций известных личностей и исторических событий.

Первые исследования, посвященные проблемам исторической памяти, связаны с работами известного французского историка начала XX столетия — Морис Хальбвакс (1877–1945). Он сформулировал одно из самых точных и емких интерпретаций феномена памяти? «как социально обусловленного элемента общественного сознания и коллективной идентичности» [Хальбвакс 2005: 15]. Продолжателем идей французского историка стал историк Ян Ассман [Ассман 2004]. Другой западный историк по имени Патрик Хаттон [Хаттон 2003] также исследовал этот феномен. Попробуем провести краткий анализ современной официальной китайской репрезентации образа Чингис-хана на примере ордосского Мавзолея в его честь, опираясь на основные тезисы вышеупомянутых ученых.

Как известно, память служит связующей силой и важным звеном между прошлым и настоящим временем. Именно память играет основную роль в процессах воспроизводства собственной культурно-политической идентичности и сочетании ее с новой идентичностью в условиях трансформации общества. В этой связи особый интерес представляют формы становления исторической памяти. Историки рассматривают коммеморацию как целенаправленную актуализацию определенных исторических событий, т. е. расстановку политических

акцентов и увековечивание памяти о тех или иных значимых событиях. Прежде всего, это относится к сооружению памятников, музеев, созданию документальных и художественных фильмов, интерактивных игр, мультфильмов и т. д. И в этом смысле коммеморация вне всяких сомнений служит важным механизмом формирования и конструирования исторической памяти, но при этом следует учесть, что большое влияние на характер коммеморации оказывают политические мотивы.

Таким образом, «вокруг одних и тех же исторических событий конструируются различные концепции осмысления и интерпретации прошлого. Все эти факторы превращают область публичной истории в поле бесконечных символических конфликтов» [Малинова 2017: 10].

Кроме того, в ходе изучения истории развития и эволюции ордосского мемориального комплекса монгольского хана применялся историко-генетический метод, который И. Д. Ковальченко определил как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта» [Ковальченко 1987: 170].

В ходе исследования ордосского эпизода монгольских завоеваний авторы изучили текст монгольских летописей на предмет упоминания и описания ордосского и тангутского эпизода завоеваний великого хана, — летописи Лубсан Данзана «Алтан тобчи» («Золотое сказание») [Лубсан 1973], «Шара туджи» («Желтая история») [Шара туджи 1957], «Сокровенное сказание» [Козин 1941] и «Эрдэни эрихэ» («Драгоценные четки») [Саган Сэцэн 2006].

3. Описание памятника

В результате перевода и анализа справочной литературы на китайском языке было выявлено, что в случае с Мавзолеем Чингис-хана необходимо разграничить два различных объекта, которые даже сами туристы часто ошибочно рассматривают как один и тот же объект. Первый объект — это собственно официальный культурно-исторический объект «Мавзолей Чингис-хан», построенный в 50-х г. XX в. В нем были реконструированы реликвии самого Чингис-хана, частично уничтоженные в период китайской Культурной революции. Второй объект — это полноценный туристический комплекс, который был построен в 2001 г. рядом с самим мемориалом и получил название «Туристический комплекс Мавзолей Чингис-хан» (англ. Genghis khan mausoleum tourist area). Примечательно то, что инициатором строительства данного проекта и его застройщиком стала частная многопрофильная туристическая и строительная корпорация «Дунлянь», основанная в 1998 г. Общая стоимость всех активов данной компании составляет 1,5 млрд юаней. Туристический объект находится в 330 км от г. Хух-хото и в 20 км от небольшого пригородного района городского округа Ордос под названием Канбаши¹. Следует сказать, что логистика данного туристического комплекса весьма обстоятельно продумана и организована. Комплекс связан с городами Пекин, Сиань, Нинся посредством скоростных магистралей, что является важным и значимым конкурентным преимуществом и способствует более динамичному развитию внутреннего и международного туризма КНР [Хасбагэн 2013: 45].

¹ Канбаши стал широко известен в мире как «город-призрак», построенный во время строительного бума, вызванного открытием крупных угольных месторождений в ордосском регионе и растущими ценами на уголь.

В настоящее время архитектурный ансамбль Мемориального комплекса в честь Чингисхана занимает огромную территорию размером 15×30 км, общая площадь данного комплекса составляет около 225 км^2 . Он состоит из алтаря со знаменем золотого рода Борджигин, в котором, согласно монгольским повериям, содержится дух великого хана (монг. *сульдэ*), смотровой площадки, заповедного района, района для массовых культурных мероприятий, священной тропы Чингис-хана, живописной тропы в степном районе Байинь-хушо, Зоны туристических мероприятий, Центра просвещения туристов, Центра этнографических объектов и жертвоприношений, монгольской этно-деревни, района эко-туризма Шэньцюань и Центра конного спорта «Наадам».

Весь ордосский комплекс состоит из шести залов, а именно: Главный зал, Императорский погребальный дворец, Восточный зал, Западный зал, а также Западная и Восточная галерея.

Главный зал (высота 24,18 м) построен в форме восьмиугольника, его площадь составляет около 2000 м^2 . На высоких колоннах внутри главного зала вывешен огромный красный бархатный вымпел с золотистой верикальной надписью нас старописьменном монгольском языке, которая гласит: «Пусть слава Чингис-хана длится тысячи лет, потомство Бортэ-ужин продолжается тысячи лет!». Чуть ниже и более мелким шрифтом расположена подпись: «Преподаватели и работники Монгольского национального института г. Хух-хото». То, что в культ почитания Чингис-хана входит также и коммеморация его августейшей супруги Бортэ, несомненно, представляет особый интерес для этнографов-китаеведов. Примечательно и то, что здравница в честь Чингис-хана и Бортэ-ужин адресована от лица коллектива педагогического состава и работников института.

Кроме того, в главном зале у статуи Чингис-хана поставлен большой железный ящик для пожертвований, который по-китайски называется *gongdexiang* 功德箱. Такие же ящики имеются также и в буддийских, и в даосских храмах всего Китая.

В 1985 г. Уланьфу (1906–1988), занимавший пост Председателя Народного правительства Внутренней Монголии, установил в ордосском комплексе мемориальную доску с личной надписью «Мавзолей Чингисхана». На этом месте находится статуя Чингис-хана высотой 5 м и две фрески с эпизодами из его жизни, в том числе настенная карта с изображением всех земель Великой Монгольской империи.

Императорский погребальный дворец также известен как Задний дворец (высота 20 м), его площадь составляет около 5,5 га. В настоящее время в этом дворце расположены три юрты (монг. *гэр*) с желтыми куполами из шелковой ткани. В центральной юрте размещены кенотафы-усыпальницы самого Чингис-хана и одной из его четырех супруг-ханш, а в левой и правой юрта — кенотафы его братьев. Вокруг него расположено оружие, которое предположительно использовал сам Чингисхан. Кроме того, в Заднем дворце расположены два кенотафа двух других супруг Чингис-хана. Главный алтарь этого дворца расположен перед юртой. Планировка юаньского кенотафа монгольского хана не была характерна для китайских традиционных принципов геомантии (кит. *fēngshuǐ* 风水), согласно которым при размещении усыпальниц важно было учитывать расположение близлежащих гор, рек и леса.

В Восточном дворце (высота 20 м) помещен кенотаф, посвященный Толую (четвертому сыну Чингисхана и отцу Хубилая) и его знаменитой супруге по

имени Сорхатани-беки из кереитского рода, которая сыграла важную роль в возвышении Хубилай-хана.

В Западном дворце, высота которого составляет 23 м, помещены девять знамен-бунчуков со священными стрелами, которые, согласно традиции, вмещают в себя дух самого Чингис-хана. Они также символизируют девять полководцев монгольского хана. В этом же дворце помещены седло и поводья Чингис-хана, некоторые виды оружия и предметы домашнего обихода.

Восточная и западная галереи (высота 20 м) соединяются. Галереи украшены фресками площадью 150 м², на которых изображены сцены жизни Чингис-хана и его потомков [Хасбагэн 2013: 46].

Советский китаист-монголовед Г. Д. Дылыков, посетивший во время поездки в КНР хошун Эджен-хоро весной 1956 г. сообщает, что гробница-кенотаф Чингис-хана представляет собой деревянный сундук размером около двух кубических метров, обшитый листовым серебром с художественной резьбой. Установлен он на высоком деревянном постаменте в старинной монгольской юрте. Внутри сундука вставлен еще один небольшой деревянный ящик, в котором, по словам дарханов, находился прах Чингис-хана. На верху ящика лежат куски различных материй, на ней — три рукописные книги и свитки шелка, на котором выткан цветными нитками семейный портрет Чингис-хана, изображающий, по-видимому, его с одной из жен, братьями и сыновьями с женами. По утверждению дархатов, со времен Чингисхана этот прекрасно сохранившийся портрет не выносили юрты [Дылыков 1958: 229].

4. Ритуальные церемонии

Из статьи Г. Д. Дылыкова известно, что изначально, по старой монгольской традиции, ежегодный обряд жертвоприношений (*их тайлга*) духу Чингис-хана проводился 21-го числа третьего месяца по лунному календарю (середина апреля по григорианскому календарю). Следует отметить, что эта дата не совпадает ни с днем рождения великого хана, ни с днем его кончины. Церемониал длился несколько дней при огромном стечении народа из всех уголков Внутренней Монголии. Но поскольку торжества происходили в сравнительно холодное время года и араты испытывали большие трудности, связанные с переправой через Хуанхэ на лодках и размещением их в самом Эджен-хоро, народное правительство АРВМ КНР в соответствии с пожеланиями населения различных аймаков Внутренней Монголии приняло в 1956 г. решение перенести дату жертвоприношений духу Чингис-хана на 15-е число пятого месяца по лунному календарю (на середину июня), на день, символизирующий обилие молочных продуктов. «Предание гласит, что именно с этого дня при Чингис-хане начинали доить кобылиц для получения кумыса. В это время в Ордосе обычно стоит теплая погода, а для аратов-земледельцев и скотоводов страдная пора весеннего сена и приема приплода скота оказывается уже позади» [Дылыков 1958: 231]. Араты-скотоводы проживают в северных землях Внутренней Монголии и во Внешней Монголии.

К аратам-земледельцам относятся тумэт-монголы, проживающие в южных районах Внутренней Монголии. Переход части южных монголов к земледелию связан с могущественным и выдающимся государственным деятелем Алтан-ханом (1507–1582), который основал город Хух-Хото на границе с Минской импе-

рией и сделал его своей ставкой, здесь он начал активно развивать земледелие, а также различные виды ремесел за счет привлечения китайских мастеровых людей и простых крестьян. Пограничное положение этого города делало его удобным для торговых и дипломатических отношений Тумэтского ханства с китайским двором. Иными словами, Алтан-хан взял курс на постепенную седентаризацию тумэтских монголов. Примечательно, что первым руководителем Автономного района Внутренняя Монголия стал тумэтский монгол по имени Уланфу (кит. wulanfu 乌兰夫, монг. Уланхуу).

В настоящее время установлены четыре ежегодные даты по лунному земледельческому календарю для проведения торжественных ритуальных церемоний в честь Чингис-хана, а именно, 21-й день 3-го лунного месяца, 15-й день 5-го лунного месяца, 12-й день 8-го лунного месяца и 3-й день 10-го лунного месяца. Кроме того, каждый месяц проводятся менее значимые ритуальные мероприятия. В течение года в Ордосе проходит около 30 ритуальных мероприятий, которые привлекают многих туристов. В эти дни в Ордос съезжается множество монгольских, китайских и иностранных туристов для того, чтобы лично принять участие в торжественных ритуальных мероприятиях [Хасбагэн 2013: 46].

Примечательно то, что в 2006 г. мероприятие под «Ритуал поклонения Чингис-хану» одним из первых было официально включено в список объектов нематериального культурного наследия, охраняемых государством [Мавзолей...].

5. Термины

Официальное китайское название данного объекта на китайском языке звучит следующим образом — chengjisihanling 成吉思汗陵. Термин ling 陵 переводится как усыпальница, курган, могильный холм. Струкутра этого древнего иероглифа в общем виде состоит из левой и правой части. Слева находится графема холм, а в правой части расположен иероглиф lin, который также переводится как «холм», однако у него есть дополнительное значение «курган», которое и указывает на специфику рассматриваемого иероглифа, связанную с захоронением выдающегося человека.

Что касается официального английского варианта названия данного объекта Mausoleum of Genghis Khan, то он переводится как «Мавзолей Чингис-хана». В Большой российской энциклопедии термин «мавзолей» определяется следующим образом: «Мавзолей (от греч. Μαυσώλειον), один из видов мемориальных сооружений, монументальная надземная погребальная постройка. Название происходит от имени правителя Карии Мавсола, соорудившего Галикарнасский мавзолей» [Мавзолей 2011: 301].

Строго говоря, расположенный в Ордосе мемориальный объект эпохи Юань в виде восьми белых юрт с личными вещами Чингис-хана, представляет собой кенотаф, т. е. исторически значимое памятное место, строение, тесно связанное с тем или иным политическим деятелем. В традиционной китайской исторической науке кенотаф обозначался словом yīguānzhǒng 衣冠冢, т. е. «могила с погребенной одеждой усопшего» [БКРС 1984: 874].

Однако в современных китайских и международных публикациях, посвященных ордосскому мемориальному комплексу, закрепился термин «мавзолей», что явно является расширительным толкованием данного термина.

6. История места

Если знаменитый император Цинь Шихуан построил себе величественный погребальный комплекс с терракотовой армией, то Чингис-хан не оставил для потомков подобного архитектурного памятника и завещал скрыть место своего захоронения. В силу этого необычного обстоятельства особую роль приобрели памятные места, тесно связанные с жизнью и свершениями Чингис-хана. Одним из таких мест оказался регион Ордосского плато, где основатель монгольской империи побывал вместе с войсками во время тангутского похода и сделал привал для походных лошадей, потому что был очарован местными пейзажами и особым микроклиматом, который идеально подходил для кочевников-скотоводов [Хасбагэн 2013: 44].

Считается, что первоначально ордосский Мавзолей Чингис-хана представлял собой восемь белых войлочных юрт, где хранились реликвии основателя монгольской империи. Наибольшую ценность среди реликвий представляет кнут (монг. *ташуур*)¹ Чингис-хана. Согласно «Сокровенному сказанию монголов», осенью 1226 г. Чингис-хан выступил в свой последний поход, направленный против тангутского царства Западное Ся (кит. *xī xià* 西夏) [Козин 1941: 189–190]. Государство Си Ся (Великое государство Высокой Белизны) располагалось на территории современного Нинся-Хуэйского автономного района КНР. Термин «Нинся» переводится как «Усмиренное Ся». Наиболее многочисленной этнической группой государства Си Ся были тангуты (самоназвание — миняги). Основой экономики тангутского царства было скотоводство, земледелие и торговля. Си Ся было известно своими тканями, солью, железом и золотом. Тангутская соль была широко востребована в сунском Китае и приносила тангутам большие богатства, а железные месторождения давали сырье для инструментов и оружия. Последним правителем тангутского царства был некий Ли Сянь [Кычанов 2008: 383].

Столицей тангутского государства был город Синчжоу (кит. *xinzhōu* 兴州). В настоящее время этот город называется Иньчуань (кит. *yinchuan* 银川, досл. ‘Серебряная река’).

Эпизод с походом Чингис-ханом в Ордосе кратко отражен и в древней монгольской летописи «Шара туджи» (монг. *Шар тууж*, «Желтая история»), где сказано о том, что в 1226 г. Чингис-хан во время тангутского похода упал с коня во время облавной охоты и получил сильные ушибы. Продвигаясь глубже в тангутские земли, великий хан увидел тучные и живописные пастбища Ордоса. Тогда он выронил из рук свой кнут-ташуур, приказал сделать привал и сказал своим приближенным, что эта местность идеально подходит кочевникам как пастбище. Позже, уже после кончины Чингис-хана и завершения тангутского похода, приближенные сопровождали экипаж с телом хана в родные кочевья, он внезапно увяз в той самой местности в Ордосе, где был сделан привал в начале похода, кони никак не могли сдвинуть повозку с места. Тогда один приближенных великого хана, вспомнив его слова, сказанные в Ордосе, про-

¹ Если у монголов функцию ускорения движения лошади выполнял кнут, то на Западе для той же цели использовались шпоры (от нем. *sporn* ‘стимул, толчок’), служившие символом высокого общественного положения, а в Средневековье они были важным символом рыцарства [Радюш 2017: 96–97]. В монгольской культурной традиции кнут является сакральным символом власти, удачи и защиты от злых духов. Известно, что кнут-ташуур служил как орудие для телесных наказаний.

вел обряд жертвоприношения и в поэтической форме обратился к душе хана с напоминанием о необходимости вернуться в родной край, несмотря на красоты ордосских кочевий [Шара туджи 1957: 13; Железняков, Цендина 2005: 14–15]. После завершения обряда жертвоприношения и поэтического обращения к хану, кони смогли сдвинуть повозку с места и продолжить свой дальний путь до родных кочевий Чингис-хана.

Что касается летописи «Эрдэнийн тобчи» («Драгоценная пуговица»), составленной монгольским аристократом Саган Сэцэном (1604–1641), то в ней данный эпизод не упомянут [Саган Сэцэн 2006], однако в ней приведен любопытный мифологический сюжет о схватке Чингис-хана с тангутским правителем по имени Ли Сянь 李峯. Фамилия Ли в данном случае переводится как «слива». В китайской культуре она считается довольно распространенной- [Крюков 1989: 165]. Если рассматривать иероглиф li 李 в структурном плане, то можно сказать, что он состоит из двух частей. В верхней части расположена графема mu 木, которая обозначает дерево как таковое, а в нижней части иероглифа расположена графема zi 子, которая может обозначать такие понятия, как «сын», «дитя» и т. д. Что касается имени тангутского правителя, то оно обозначено очень редким для китайской письменности иероглифом xian 峯, который используется только в сочетаниях с другими иероглифами, а его смысл можно передать как «острый взгляд».

К сожалению, следует сказать, что история не сохранила точных сведений о годах жизни Ли Сяня. Нам известно только то, что он был казнен монголами в 1227 г. после крушения тангутского царства. В монгольской мифологии считается, что Чингис-хан дал тангутскому правителю имя Шидургу-хан, которое можно перевести как «правдивый хан». В мифологии он был представлен как чародей и знаток глубоких тайн природы, а также как антагонист самого Чингис-хана. У Ли Сяня была особая собака, которая обладала способностью предсказывать будущее, а также предупреждать воем о наступлении войск противника. У тангутского монарха была еще старуха, которая сторожила тангутские пределы и насылала проклятия на воинов и коней противника. Когда младший брат Чингис-хана, полководец Хасар, столкнулся с ней во время похода против Си Ся, он смог ранить ее стрелой в колено, отчего она умерла. Самого Ли Сяня, согласно мифам монголов, практически невозможно было победить, ни стрела, ни сабля его не брала, была только одна вещь, способная его уничтожить — пестрая веревка, которая был спрятан в подошве сапога Ли Сяня, причем только сам тангутский хан знал об этом средстве. Кроме того, Ли Сянь мог превращаться в опасную змею, свирепого тигра или юношу со светлыми волосами. Когда он обращался в юношу, появлялась возможность его одолеть. Чингис-хан и Ли Сянь, будучи сильными шаманами, сошлись в ожесточенной схватке. Бой закончился тем, что тангут, будучи пойманным, попытался откупиться своими знаниями о природных тайнах, однако он все равно не получил пощады [Лубсан 1973: 237–238].

Вскоре после смерти Чингис-хана для охраны и совершения ежегодных ритуальных обрядов почитания духа Чингис-хана, административным образом была сформирована особая привилегированная субэтническая группа — дархаты. Здесь следует пояснить, что дархатство было привилегией за особые заслуги перед родо-племенным коллективом или ханом, что выражалось в пожизненном освобождении от уплаты подати и каких-либо отработок [Кудияров 1986: 46].

Большой вклад в сохранение и изучение этнографического наследия монгольских народов внес Ц. Ж. Жамцарано, который написал статью под названием «Культ Чингиса в Ордосе» [Жамцарано 1961: 194–234]. В данной работе бурятский ученый отметил сходство шаманских обрядов, проводимых в Эджен-Хоро в честь Чингис-хана, с ритуалами «шаманствующих бурят». Ц. Ж. Жамцарано считал, что это сходство было обусловлено «основными моментами шаманства — культом предков, огня и почитанием тэнгриев» [Жамцарано 1961: 229].

7. История юрт

В последующие эпохи в силу тех или иных чрезвычайных военно-политических факторов китайской истории данные юрты переносились в другие районы. Как сообщает Цыбен Жамцарано, во время дунганского восстания 1870-х гг.¹, которое коснулось и Ордосского мемориала, повстанцы вывезли из восьми белых юрт золото и серебро, а остальное было сожжено. Из реликвий в Эджен-хоро осталась лишь подушечка с прахом Чингис-хана и его старшей жены. Рукописи в томах, лежавшие в сундуке, под прахом, также были сожжены. Из боязни монголы не трогали и не читали эти рукописи, они воспринимали рукописи как законы и жизнеописание Чингис-хана [Жамцарано 1961: 48]. В XX в. во время антияпонской войны «гробница Чингис-хана была вывезена в монастырь Гумбум в Цинхае, откуда в 1954 г. она была взята специальной делегацией из Внутренней Монголии и возвращена в Эджен-хоро [Дылыков 1958: 228].

Период с 1966 г. по 1976 г. ознаменовался тем, что китайский лидер Мао Цзэдун провел крупномасштабную идейно-политическую кампанию под названием Великая пролетарская культурная революция, в ходе которой среди прочего была уничтожена большая часть личных вещей Чингис-хана, хранившихся в ордосском мемориале. После 1976 г., благодаря реализации политики реформ и открытости, ордосский мемориал был полностью отреставрирован. В 1979 г. дархаты восстановили уничтоженные экспонаты по памяти, а также на основе старых фотографий, что позволило вновь открыть мемориал.

Что касается данных статистики по данному объекту, то по официальным данным правительства городского округа Ордос в 2020 г. посещаемость туристического комплекса «Мемориал Чингис-хана» составила 220,2 тыс. человек-раз, а доход от туристов составил 220 млн юаней [Статистический анализ 2021]. В 2023 г., после эпидемии КОВИД-19, нанесшей значительный ущерб макроэкономическим показателям развития и благосостоянию граждан КНР в целом, посещаемость туристического комплекса «Мемориал Чингис-хана» значительно увеличилась и составила 644,272 тыс. человеко-раз, однако доход от туристической отрасли понизился и составил всего 44 млн юаней [Статистический анализ 2023].

¹ Здесь необходимо сказать, что дунганское восстание вспыхнуло в 1864 г., сразу охватив две крупные провинции — Ганьсу и Шэньси, а затем коснулось даже Западной части Халха-Монголии, и было подавлено войсками сановника-олигарха Ли Хунчжана только в 1877 г. Дунгане, будучи мусульманами по вероисповеданию, восстали из-за ряда цинских антимусульманских законов, принятых в 1762 г. во время подавления Тайпинского восстания (1851–1864) [Дмитриев 2016: 266]. Более подробная информация о дунганском восстании приведена в книге Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» [Пржевальский 1875: 155, 158, 170–171, 185–187, 196–197], который в течение трех лет лично исследовал Монголию, а также Северный и Северо-западный Китай эпохи династии Цин во главе экспедиционного российского отряда.

О высоком официальном статусе Ордосского мемориала говорит то, что его посещали многие представители высшего руководства Китайской Народной Республики. Так, например, 6 августа 1987 г. мемориал в честь Чингис-хана посетил заместитель председателя КНР и этнический монгол Уланьфу, 26 сентября 1990 г. — Председатель КНР и генеральный секретарь КПК Цзян, 2 мая 1994 г. — премьер-министр Госсовета Ли Пэн [Ван Даоэрцзи 1998: 6].

8. Заключение

Ордосский Мавзолей Чингис-хана можно рассматривать как одну из важнейших форм культа почитания Чингис-хана и официальной китайской политики памяти в отношении великого завоевателя и монгольской империи в целом. Особый интерес для этнографов-китаеведов в практиках коммеморации Чингис-хана вызывает то, что Бортэ также упоминается в современных коммеморативных текстах ордосского мемориала. На многочисленных постаментах парапета вдоль аллеи мемориального комплекса выгравированы изречения-билики Чингис-хана на китайском и старомонгольском языках, что позволяет приобщиться к мудрости великого полководца и основателя монгольской империи.

Благодаря творческому подходу к практической реализации курса реформ и открытости, центральные и региональные китайские власти смогли создать вполне гармоничный синтез китайской и монгольской культурной традиции, коммерциализировать и синтезировать культурный и эстетико-символический потенциал коллективной памяти о монгольской империи и современной китайской государственности в лице Чингис-хана и мемориального комплекса в его честь в г. Ордос, опираясь на региональное государственно-частное партнерство. Плоды принесло конструктивное сотрудничество между региональным историческим сообществом, частным бизнесом и партийно-государственной администрацией городского округа Ордос.

Несмотря на то, что Чингис-хан был завоевателем китайской империи Сун, региональные власти КНР всемерно стремятся интегрировать яркий и величественный образ Чингис-хана в большой общекайтаиский нарратив истории, которая, по их словам, насчитывает пять тысяч лет, и превратить его в одного из величайших кайтаиских монархов всемирной истории.

Источники

- Лубсан 1973 — Алтан Тобчи (=Золотое сказание) / пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
- Козин 1941 — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niguča tobčiyān*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборонок. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; пред. Н. Н. Поппе. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV.)
- Саган Сэцэн 2006 — Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч, Улаанбаатор: МУИС, 2006. 371 с.
- Шара туджи 1957 — «Шара туджи» — монгольская летопись XVII в. / сводный текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. М: АН СССР, 1957. 199 с.

Sources

- Sagan Setsen. Erdeniin Tovch, Ulaanbaatar: MUIS, 2006. 371 p. (In Mong.)
- Secret History. Mongolian Chronicle 1240 under the Name *Mongol-un niguča tobčiyān*. Yuan chao bi shi. In: *Mongolian Ordinary Hutch*. Vol. 1. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, Glossaries A. Barannikov (ed.). N. Poppe (pref.). Moscow;

lengrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)
 “Shara Tuji”. The Mongolian Chronicle of the 17th Century. N. Shastina (summ. text, trans., intro., note). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. (In Russ.)

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Барфилд 2009 — *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова, науч. ред. и предис. Д. В. Рухлядева. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с., илл. (Серия «Nomadica»).
- Бира 1978 — *Бира Ш.* Монгольская историография XIII–XVII вв. М.: Наука, 1978. С. 75–100.
- БКРС 1984 — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. В 4 т. / под ред. проф. И. М. Ошанина (= 華俄大辭典). М.: Наука, 1984. 1105 с. [электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%A1%A3%E5%86%A0%E5%86%A2> (дата обращения: 29.12.2023).
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь. В 2 т. / под ред. Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.
- Ван Даоэрцзи 1998 — Ван Даоэрцзи (=王道尔吉). Альбом Мавзолеев в честь Чингис-хана (=成吉思汗陵). Ордос: Ордосское народное издательство, 1998. 64 с.
- Дмитриев 2016 — *Дмитриев С. В.* Уйгуро-Дунганское восстание 1864–1877 // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М: БРЭ, 2016. С. 726.
- Дылыков 1958 — *Дылыков С. Д.* Эджэн-Хоро // Филология и история монгольских народов. (Памяти акад. Б. Я. Владимирцова). М.: Вост. лит., 1958. 348 с.
- Жамцарано 1913 — *Жамцарано Ц.* Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. Отчет Ц. Жамцарано // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия II. № 2, апрель 1913 г. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1913. С. 44–53.
- Жамцарано 1961 — *Жамцарано Ц.* Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. 1961. Vol. VI. № 3. Рр. 194–234.
- Железняков, Цендина 2005 — *Железняков А. С., Цендина А. Д.* История в трудах ученых лам. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 275 с.
- Жуковская 1977 — *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Заклязьминская 2019 — *Заклязьминская Е. О.* О классификации туристских объектов в Китае: проблемы и перспективы // Восточная Азия в меняющемся мире : Доклады, представленные на VI Междунар. конф. молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 г.) М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. С. 110–118.
- Ковальченко 1987 — *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
- Крюков, Решетов 1989 — *Крюков М. В., Решетов А. М.* Китайцы // Системы личных имён у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 164–170.
- Кудияров 1986 — *Кудияров А. В.* Стил «Тайной истории»: имплицитность, вариация, репрезентативность, подхват // Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931 / ред. колл. А. Н. Кононов, Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, А. Г. Сазыкин, В. М. Солнцев. М.: Вост. лит., 1986. С. 36–50.
- Кычанов 2008 — Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств. СПбГУ, 2008. 767 с.
- Мавзалеи Чингис-хана — Мавзолей Чингис-хана вошел в высшую категорию всекитайского рейтинга туристических объектов // Сайт народного правительства г. Ордос. [электронный ресурс] // URL: https://baike.baidu.com/reference/3356036/533aYdO6cr3_z3kATPaNmPjyZyzGZdurvL2GBrtzzqIP0XOpX5nyFIcg5NgssPBoAkXIvtdxcelE_xL_zCUtavbRNMfJpC-9igg (дата обращения: 29.12.2023).

- Мавзолей 2011 — Мавзолей // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М.: БРЭ, 2011. С. 301.
- Малинова 2017 — Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Пржевальский 1875 — Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов : трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии / под ред. и со вступ. ст. Э. М. Мурзаева. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1946. 333 с. + 33 л. ил., портр., 1 отд. л. карт. 412 с.
- Радюш 2017 — Радюш О. А. // Большая российская энциклопедия. Т. 35. М.: БРЭ, 2017. С. 96–97.
- Статистический анализ 2021 — Статистический анализ данных по культурному туризму в Эзэн-хоро (= 伊金霍洛旗2020年文化旅游 统计分析) // Сайт народного правительства хошуна Эзэн-хоро 2021 [электронный ресурс] // URL: http://www.ordos.gov.cn/ordosml/xxgk_new/fdzdgknr/sjfb/202102/t20210222_2850255.html (дата обращения: 29.12.2023).
- Статистический анализ 2023 — Статистический анализ данных по туризму в хошуне Эджен-хоро в период с января по ноябрь 2023 г. (= 1-11月份伊金霍洛旗旅游数据分析) // Сайт Народного правительства городского округа Ордос (15 декабря 2023 г.). URL: http://www.ordos.gov.cn/xw_127672/qqdt/202312/t20231225_3546855.html (дата обращения: 28.08.2024).
- Хазанов 2008 — Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е издание, дополненное. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с. (Серия «Nomadica»).
- Хальбвакс 2005 — Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- Хасбагэн 2013 — Хасбагэн. 10 главных событий туристического комплекса Мавзолей Чингис-хана // Феномен Чингис-хана. 2013. № 1. С. 45–49.
- Хаттон 2003 — Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
- Шесть туристических объектов 2015 — Шесть туристических объектов класса 5А получили предупреждение // Цянь-цзян ваньбао от 12 октября 2015 г. [электронный ресурс] // URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20151012/t20151012_520116151.shtml 6家5A景区被“当头棒喝” 西溪湿地被“黄牌”警告 (2015-10-12 09:44:00 来源: 钱江晚报) (дата обращения: 29.12.2023).

References

- Assman Ya. Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. Ed. by L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Vol. 2. О–Я. Ulan-Ude: Republican Publishing House, 2008. 708 p. (In Bur., In Russ.)
- Big Chinese-Russian Dictionary of the Russian Graphic System in 4 volumes / ed. prof. I. Osanin (ed.). Moscow: Nauka, 1984. 1105 p. Available at: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%A1%A3%E5%86%A0%E5%86%A2> (Accessed: 29 December 2023). (In Russ.)
- Bira Sh. Mongolian Historiography of the 13th–17th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 75–100. (In Russ.)
- Dmitriev S. V. The Uygur-Dungan Uprising of 1864–1877. The Great Russian Encyclopedia. Vol. 32. M.: The Great Russian Encyclopedia 2016. P. 726. (In Russ.)
- Dylykov S. D. Ejen-Horo. Philology and History of the Mongolian Peoples. (In memory of academician B. Ya. Vladimirtsov). Moscow: Publishing House of Oriental Literature 1958. 348 p. (In Russ.)
- Halbwachs M. Collective and Historical Memory. *Emergency Ration*. 2005. No. 2–3 (40–41). Pp. 8–27. (In Russ.)
- Hasbagan. 10 Main events of the tourist complex Mausoleum of Genghis Khan. *The Phenomenon of Genghis Khan*. 2013. No. 1. Pp. 45–49. (In Chin.)
- Hazanov A. M. Nomads and the Outside World. 4th edition, updated. St. Petersburg: Philological Faculty SPbSU. 512 p. (In Russ.)
- Hatton P. History as the Art of Memory. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2003. 424 p. (In Russ.)
- Kovalchenko I. D. Methods of Historical Research. Moscow: Nauka, 1987. 440 p. (In Russ.)

- Kryukov M. V., Reshetov A. M. The Chinese Systems of Personal Names among the Peoples of the World. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 164–170. (In Russ.)
- Kudiyarov A. V. Style of “The Secret History”: Implicitness, Variation, Representativeness, Pickup. In memory of Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884–1931. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 36–50. (In Russ.)
- Kychanov E. I. The History of the Tangut State. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, 2008. 767 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Commemoration of Historical Events as a Tool of Symbolic Politics: Possibilities for Comparative Analysis. *Polity*. 2017. No. 4(87). Pp. 6–22. (In Russ.)
- Radyush O. A. Big Russian Encyclopedia. Vol. 35. M.: Big Russian Encyclopedia, 2017. Pp. 96–97. (In Russ.)
- Statistical Analysis of Data on Cultural Tourism in Ezen-horo. Available at: http://www.ordos.gov.cn/ordosml/xxgk_new/fdzdgknr/sjfb/202102/t20210222_2850255.html. Accessed: 29 December 2023. (In Chin.)
- Six 5A Class Tourist Objects Received Warning. Newspaper “Qianjiang wanbao” 12.10.2015. Available at: http://news.cnr.cn/native/gd/20151012/t20151012_520116151.shtml (Accessed: 29 December 2023). (In Chin.)
- Mausoleum. Big Russian Encyclopedia. Vol. 18. M.: “Big Russian Encyclopedia” 2011. 301 p. (In Russ.)
- The Mausoleum of Genghis Khan entered the highest category of the domestic Chinese rating of tourist sites. Website of the people's government of Ordos. Available at: https://baike.baidu.com/reference/3356036/533aYdO6cr3_z3kATPaNmPjyZyZyGZdurvL2GBrtz-zqIP0XOpX5nyFIcg5NgssPBoAkXIVtdxcelExL_zCUtavbRNMfJpC-9igg (Accessed: 29 December 2023). (In Chin.)
- Zaklyaz'minskaya E. O. On the classification of tourist sites in China: Problems and Prospects. East Asia in a changing World: proceedings of the VI International Conference of Young Orientalists at the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, November 29–30, 2018. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the RAS. 2019. Pp. 110–118. (In Russ.)
- Zhamcarano C. Cult of Genghis in Ordos. From a trip to Southern Mongolia in 1910. *Central Asiatic Journal*. Vol. 6. No. 3. 1961. Pp. 194–234. (In Russ.)
- Zheleznyakov A.S., Tsendina A.D. History in the Works of Eminent Lamas. M.: Partnership of Scientific Publications KMK, 2005. 275 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N.L. Darhats. Peoples and Religions of the World / V. Tishkov(ch.ed.). M.: Great Russian Encyclopedia, 1999. 156 p. (In Russ.)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-327-342

«Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков» Ивана Черкасова: проблема авторства, отражение основных этапов калмыцкой истории и особенностей государственного управления

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Гунаев Е. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается «Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков» Ивана Черкасова. Исследуются проблема авторства произведения и содержание очерка, в котором нашли отражение основные этапы калмыцкой истории и особенности государственного управления по правилам управления калмыцким народом 1825, 1834 и 1847 гг. *Результаты.* Проблема авторства «Краткого очерка административного устройства астраханских калмыков» заключается в том, что в каталогах государственных библиотек Российской Федерации автором указывается барон И. А. Черкасов, который жил в XVIII в. Однако анализ текста очерка и ссылок на источники, литературу, указанную в нем, позволяет утверждать, что автор был современником XIX в. В этой связи в статье выдвигается предположение о том, что автором является астраханский историк XIX в. И. Г. Черкасов. Описание основных этапов калмыцкой истории в очерке отражает линию официально-охранительного направления, когда действия российской администрации поддерживались, а вина за негативные моменты в русско-калмыцких отношениях возлагалась на калмыков. Вместе с тем данный источник не пытается сгладить острые углы русско-калмыцких отношений, а показывает сложный путь обретения калмыками подданства России. *Выводы.* Поскольку материалы очерка были изданы первоначально в виде статей в местных «Астраханских губернских ведомостях», то следует предположить, что они прошли цензуру и в целом отражают официальную трактовку исторических событий. Вместе с тем отдельные события и версии событий, указываемых в Кратком очерке, являются не точными или же дискуссионными с точки зрения последующего развития историографии. Несмотря на некоторые неточности, в отдельных аспектах описания калмыцкой истории в очерке имеются важные, по нашему мнению, выводы, нуждающиеся в дальнейшем исследовании со стороны отечественной историографии. Заслуживают исследовательского внимания отдельные утверждения автора очерка в изучении административного управления

астраханскими калмыками на основе правил 1825, 1834 и 1847 гг. В целом данный очерк действительно, как и указано в его заглавии, видится извлечением, частью более обширного труда — рукописной истории Астраханского края.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, Иван Черкасов, история калмыцкого народа, государственное управление

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. «Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков» Ивана Черкасова: проблема авторства, отражение основных этапов калмыцкой истории и особенностей государственного управления // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 327–342. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-327-342

A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks by Ivan Cherkasov: Problem of Authorship, Reflection of the Main Stages of Kalmyk History and Features of Public Administration

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation) Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gunaev E. A., 2024

Abstract: *Introduction.* The article discusses the “Brief outline of the administrative structure of the Astrakhan Kalmyks” by Ivan Cherkasov. The author examines the problem of authorship of the work and the content of the essay, which reflects the main stages of Kalmyk history and the peculiarities of public administration according to the rules of administration of the Kalmyk people in 1825, 1834 and 1847. *Results.* The problem of authorship lies in the fact that in the catalogues of the state libraries of the Russian Federation, the author indicates Baron I. A. Cherkasov, who lived in the 18th century. However, an analysis of the text of the essay and references to sources and literature indicated in it suggest that the author was a contemporary of the 19th century. In this regard, the author, as it seems, is the Astrakhan historian of the 19th century — I. G. Cherkasov. The description of the main stages of Kalmyk history in the essay reflects the line of the official protective direction, when the actions of the Russian administration were supported, and the blame for the negative moments in Russian-Kalmyk relations was laid on the Kalmyks. At the same time, this source does not try to smooth out the sharp corners of Russian-Kalmyk relations, but shows the difficult way for Kalmyks to acquire Russian citizenship. *Conclusions.* Since the materials of the essay were originally published in the form of articles in the local Astrakhan Provincial Newspaper, it is assumed that they were censored and generally reflect the official interpretation of historical events. At the same time, individual events and versions of events indicated in the Short Essay are not accurate or controversial from the point of view of the subsequent development of historiography. Despite some inaccuracies, in some aspects of the description of Kalmyk history in the essay there are important, in our opinion, conclusions that need further research from the national historiography. Separate statements of the author of the essay in the study of the administrative management of the Astrakhan Kalmyks based on the rules of 1825, 1834 and 1847 also deserve analysis. In general, this essay really, as indicated in its title, seems to be an extract, part of a more extensive work — the handwritten history of the Astrakhan region.

Keywords: Astrakhan province, Kalmyk steppe, Ivan Cherkasov, history of the Kalmyk people, public administration

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. A Brief essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks by Ivan Cherkasov: Problem of Authorship, Reflection of the Main Stages of Kalmyk History and Features of Public Administration. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(2): 327–342. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-327-342

1. Введение

Основной ареал расселения калмыцкого народа в России XIX – начала XX в. находился в Астраханской губернии. Не случайно исследователи того времени именно на примере калмыков Астраханской губернии изучали историю калмыцкого народа и его текущее состояние. «Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков» (1860 г.) Ивана Черкасова (далее — Краткий очерк) — один из трудов, в котором, хотя и в сжатом виде, освещены основные исторические этапы истории калмыцкого народа с прихода в Россию ойратов и до первой половины XIX в. и дана характеристика административного устройства калмыков на тот период.

Цель статьи — раскрыть основное содержание Краткого очерка как исторического источника по административному устройству калмыков Астраханской губернии, проанализировать отдельные исторические факты, описываемые в нем, которые можно охарактеризовать как неточности, выявить стилистику авторской подачи материала, дать оценку авторским выводам, содержащимся в работе. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) исследовать «Краткий очерк» как исторический источник, а именно: хронологию издания, структуру и проблему авторства;
- 2) исследовать содержание данного труда, подразделив его на две смысловые части, и дать их характеристику с точки зрения содержания приводимых фактов и выводов (отражение основных этапов истории калмыков и особенностей государственного управления к первой половине XIX в.);
- 3) охарактеризовать общую ценность названного труда, проблем, поднимаемых в нем и отношение автора Краткого очерка к описываемым проблемам.

2. Проблема авторства, структура источника

Основным элементом в изучении Краткого очерка является проблема его авторства. В издании 1860 г. указано лишь имя и фамилия автора труда — Иван Черкасов, без упоминания отчества и иных сведений. Это может вводить в заблуждение. Так, например, в фондах российских библиотек авторство нередко приписывается государственному деятелю, родоначальнику баронского рода Черкасовых — Черкасову Ивану Антоновичу (1692–1758 или 1760 гг.). Однако, исследователи Д. И. Корнющенко и Е. Д. Макеев в своей книге «Род Черкасовых в истории России XVII–XX столетий» отмечают, что «в очерке приводятся даты событий, случившихся не только после его отъезда из Астрахани, но и после его смерти» [Черкасов]. Они предполагают, что возможно, «описание устройства калмыков в конце XVII – начале 30-х гг. XVIII вв., весьма короткое, было сделано Черкасовым во время ссылки...» [Черкасов]. Далее, развивая эту

версию, Д. И. Корнющенко и Е. Д. Макеев предполагают, что записки и наброски барона И. А. Черкасова могли остаться в губернском архиве Астрахани и через сто и более лет уже были использованы местным краеведом. Таким образом, утверждается, что барон И. А. Черкасов не является автором Краткого очерка, «ему могут принадлежать лишь первые страницы, но и это вызывает сомнение» [Черкасов].

Высказывается предположение, что, скорее всего, автором Краткого очерка является другой исследователь истории Астраханского края — Черкасов Иван Гаврилович, который жил в XIX в. и интересовался указанной темой. Но, как отмечается, биографических сведений об И. Г. Черкасове очень мало. В Астраханской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской авторство Краткого очерка приписывается именно И. Г. Черкасову [Черкасов].

Если исходить из круга источников, упомянутых в Кратком очерке, то в нем имеются ссылки, например, на труд Бантыш-Каменского «История Малой России», первое издание которого было опубликовано в 1822 г., а третье — в 1842 г. [Бантыш-Каменский 1842], И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» 1837 г. издания [Голиков 1837], «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией» 1842 г. [Акты исторические 1842]. Это свидетельствует о том, что автор Краткого очерка И. Черкасов был современником XIX, а не XVIII столетия.

Теперь обратимся к структуре источника. Краткий очерк не является цельным произведением, в начале текста идет пояснение — «Извлечение из рукописной истории Астраханского края» [Черкасов 1860]. Очерк состоит из следующих параграфов: «1) Историческое начало калмыков; 2) Искательство калмыками покровительства России; 3) Подданство калмыков; 4) Начало занятия калмыками степей в нагорной стороне Волги; 5) Назначение ханов русским двором; 6) Уход калмыков из России; 7) Уничтожение ханов и наместников; 8) Раздел дербетовских калмыков; 9) Обращение калмыков в казенное ведомство; 10) Назначение калмыкам земель; 11) Начало правительственного надзора; 12) Учреждение полицейского надзора; 13) Определение поземельного права; 14) Разделение полицейского управления и издание новых правил; 15) Особенности новых правил; 16) Преобразование управления; 17) Особенности действующих правил» [Черкасов 1860: 1–21].

Исходя из названий и содержания параграфов следует, что автор Краткого очерка осветил все основные этапы истории калмыцкого народа, начиная с прихода ойратов в Россию, формирования и развития Калмыцкого ханства, ухода большей части калмыков в 1771 г., ликвидации ханства и создания института попечительства и надзора над оставшейся частью калмыцкого народа. В этой связи рассмотрим основные положения Краткого очерка по указанным параграфам, разделив логически содержание на освещение этапов истории ойратов, калмыков до ликвидации Калмыцкого ханства (1–10) и особенностей государственного управления калмыками с начала и до 50-х гг. XIX в. (11–17).

3. Отражение в Кратком очерке основных этапов калмыцкой истории до первой половины XIX в.

В параграфе 1 «Историческое начало калмыков» указывается, что при рас-

паде в Центральной Азии царства Тимуридов, основанного Тамерланом¹. На берегах реки Иртыша часть монголов основала независимый союз, известный под названием Дербен-Ойратов или четырехсоюзия. Этот союз вследствие внутреннего неурядиства и распрей не смог стать крепким политическим объединением, а также не имел силы, чтобы быть независимым. От данного этно-политического объединения вскоре отделилась часть монголов, ранее известная под названием элютов, которая между тюркскими народами стала известной под названием калмыков (отставших или отделившихся). Оно постепенно было принято частью ойратов, оставшихся в России, и стало самоназванием нового этноса [Черкасов 1860: 1].

В параграфе 2 «Искательство калмыков покровительства России» сообщается, что в начале XVII в. разные рода калмыков появились на берегах рек Ори и Эмбы, заводя дружеские связи с уральскими казаками. Утверждается, что отсюда калмыки отправили своих послов к российскому царю Михаилу Федоровичу о принятии под свое покровительство, и в то же время часть калмыков во главе с Хо-Урлюком в 1630 г. обосновалась на землях в междуречье Волги и Урала без согласия российского правительства. На этом пути Хо-Урлюк подчинил своей власти часть туркмен, джембулуковских и едисанских ногайцев, хотай-кипчаков (ногайцев. — Е. Г.) и других [Черкасов 1860: 1–2].

Здесь далее приводится исторический факт о неудачном походе Хо-Урлюка на Астрахань. В качестве причины похода автором Краткого очерка указывается возможное стремление Хо-Урлюка основать независимое ханство [Черкасов 1860: 2].

В Кратком очерке утверждается, что исторические акты свидетельствуют, что набеги калмыков не ограничились одним нападением на Астрахань, но приходились также на города Сибири, Уфу, Саратов, Едисанские и Ногайские улусы [Черкасов 1860: 2–3].

Осада Астрахани Хо-Урлюком была поводом к возведению в Астрахани каменного укрепления, известного и существующего под названием Кремля, взамен деревянных палисадов и земляных валов, которыми прежде укреплен был город. Поступок Хо-Урлюка остановил поиски калмыками покровительства у московского царя, а неудачная осада Астрахани, хотя и остановила дальнейшие притязания Хо-Урлюка на этот город, но не оставила мысли о сохранении независимости «в привычном для монголов порядке Ойрадского Союзного народовластия» [Черкасов 1860: 3]. Для этой цели Хо-Урлюк был на «общем съезде монгольских родоправителей» и участвовал в составлении общемонгольского свода законов, известного у калмыков под названием «Цааджин Бичик» («Великое Уложение») — устав взысканий. В Кратком очерке отмечается, что основные положения данного памятника права рассмотрены в сочинении П. С. Палласа [Черкасов 1860: 3; Паллас 1778: 298–308, 387–393].

В параграфе 3 «Подданство калмыков» отмечается, что после смерти Хо-Урлюка калмыки возобновили посольство к московскому двору о приеме их под свое покровительство. Калмыцкие послы 4 февраля 1655 г. дали шертную запись, по которой за все улусы клялись в верности, а в последующем калмыцкие тайши 8 июня 1657 г. дали шертную запись о выступлении «в поход в Крымские улусы» с российскими войсками. Сын Хо-Урлюка Шукур-Дайчин принял подданство

¹ В описании содержания Краткого очерка приводятся имена собственные в соответствии с их написанием в данном сочинении.

России со всеми своими улусами, обещаясь быть «под Царского Величества рукою в вечном послушании и ходить на Государевых ослушников, куда Государь укажет» [Черкасов 1860]. После смерти Шукур-Дайчина сын его Пунцук в 1661 г. повторил присягу на верность в присутствии астраханского воеводы Григория Черкасского, в урочище Берекет. И. Черкасов пишет, что во время управления улусами Пунцука из Джунгарии вышел нойон Кенделинг Убуши (Кундулен Убаши. — Е. Г.) и присоединился к Пунцуку с тремя тысячами кибиток, а затем численность калмыков быстро возросла присоединением джунгарских выходцев. После смерти Пунцука сын его Аюка вступил в права своего отца. Он присягнул на верность в присутствии астраханского воеводы и боярина князя Одоевского. Аюка обязался не иметь никаких сношений с Персией, Крымским ханством и другими пограничными землями, ходить войною на неприятелей России. 17 июля 1697 г. были заключены договорные статьи между князем Б. М. Голицыным и Аюкой о содействии последнему в получении огнестрельного оружия в случае похода против бухарцев, каракалпаков и киргизов и о помощи Аюке в случае нападения на него крымцев [Черкасов 1860: 3–4].

В Кратком очерке содержатся сведения о миграции из Джунгарии ойратских групп. Так, к приволжским степям прикочевала Доржи-Араптан с 3 тыс. семейств; в 1674 г. и 1675 г. — тайша Солом-Церен с 4 тыс. кибиток, о котором И. Черкасов сообщает, что этот тайша, не подчиняясь Аюке-хану, образовал в пределах Астраханской губернии «род» независимого Ойратского союза, включавшего четыре дербетовских «рода»: «Зюны, Токтоны, Бурулы и Шебенеры». В Кратком очерке отмечается, что «в таком составе эта часть калмыков известна и ныне, сохраняя показанное разделение в Малодербетовском улусе» [Черкасов 1860: 5].

В общем составе калмыки заняли все поволжские степи в луговой стороне Волги, по Ахтубе и Узеням — «те пространства, которые составляли некогда центральные пункты державы Батыевой» [Черкасов 1860: 5]. Таким образом, пишет автор Краткого очерка, на завожских степях появились две однородные, независимые одна от другой, массы калмыков — «Ханство Аюки и Дербетовские рода». Но это разделение калмыков, как указывается в Кратком очерке, существовало недолго. Аюка под покровительством России скоро подчинил дербетов своей власти. Война с Карлом XII побудила Петра I «более сблизить с Россией Аюку» [Черкасов 1860: 5].

В 1708 г. хан Аюка кочевал по Ахтубе со своим улусом, в этой связи казанскому и астраханскому губернатору П. М. Апраксину было поручено заключить договор с Аюкой. 30 сентября П. М. Апраксиным были заключены с Аюкой договорные статьи о вассалитете и взаимопомощи [Черкасов 1860: 5–6].

В то время как П. М. Апраксин заключал условия с Аюкой, Петр I был уже в войне с Карлом XII. «К войне этой был призван и Аюка, но Аюка с 40 тыс. калмыков прибыл тогда уже, когда Петр торжествовал свою победу» [Черкасов 1860: 6]. Разбитый Карл XII склонил Турцию к войне с Россией под предлогом, что были выстроены крепости на границах Крыма. Петр I, опасаясь вторжения Турции, чтобы обезопасить поволжский край со стороны крымцев и кубанцев и тем самым отвлечь их внимание, поручил Аюке Хану занять земли в нагорной стороне Волги [Черкасов 1860: 7].

Параграф 4 «Начало занятия калмыками степей на нагорной стороне

Волги» Краткого очерка содержит следующую информацию: Аюка с сильным отрядом двинулся к Манычу. Здесь встретили его ногойцы в больших силах, но Аюка успел оттеснить ногойцев, а бой, произошедший на реке Калаус, решил успех Аюки-хана. В Кратком очерке приводятся сведения, что в память этих битв на могилах убитых посыпаны два кургана: ногойцами — Тоиб-гуль (курган пиршества) на Маныче между Чолун-Хамуром и Калаусом, а калмыками — Баирин-толго (курган торжества) на реке Калаус. За такие «услуги Аюки Хана с Тайшами» произведены были награды: тайшам и нойонам — по усмотрению казанского и астраханского губернатора, а простым калмыкам — по два рубля [Черкасов 1860: 7].

Далее в Кратком очерке приводятся факты участия калмыков на стороне России в войне с Персией. Российские войска были выдвинуты по Волге и сухим путем; сам Петр I водным путем отправился в Астрахань, чтобы лично распорядиться военными действиями. В Саратове к Петру I явился хан Аюка с супругой, двумя сыновьями, дочерью и многочисленной свитой. И. Черкасов сообщает: «Царь принял Аюку до того ласково и милостиво что семидесяти-летний старик плакал от умиления и радости. Прощаясь Аюка в слезах сказал: „Теперь, я охотно умру, удостоившись у Великаго Императора толь любезнаго его разговора“» [Черкасов 1860: 7–8].

В параграфе 5 «Назначение Ханов Русским Двором» Краткого очерка сообщается, что после смерти хана Аюки его вдовствующая жена Дармабала вышла замуж за своего внука Дондок-Омбо¹, с целью утверждения его ханом, считая его более способным к управлению ханством, нежели собственного сына Церен-Дондока. Но в Петербурге царский двор решил иначе и право назначения хана предоставил своему усмотрению, утвердив в этом качестве сына Аюки-хана Церен-Дондока. Однако Церен-Дондок не оправдал доверия, вел жизнь нетрезвую, что способствовало появлению в ханстве всякого рода волнений и беспорядков. Церен-Дондок был вызван в столицу, а вместо него в качестве наместника был назначен второй муж Дармабалы Дондок-Омбо, который скоро восстановил порядок в народе, поэтому в 1735 г. был возведен — «в достоинство Хана» [Черкасов 1860: 8–9].

В Кратком очерке отмечается, что Дондук-Омбо во главе Калмыцкого ханства «с пользою действовал против Крыма, а вслед за тем калмыки, вместе с донскими казаками, поразили кубанцев и проникли до берегов реки Кубани» [Черкасов 1860: 9].

Как сообщает И. Черкасов, после смерти Дондук-Омбо «Наместником Ханства был объявлен Дондок-Даши, внук Аюки Хана» [Черкасов 1860: 9]. В Кратком очерке указывается, что Дондук-Даши хотел перейти за Урал, а оттуда проложить путь в Джунгарию, но Петербургский двор, не признавая этот переход возможным, в 1757 г. утвердил Дондук-Даши в достоинстве хана, а тринадцатилетнего сына его Убаши наместником при нем [Черкасов 1860: 9].

В параграфе 6 «Уход калмыков из России» Краткого очерка утверждается, что российское правительство, «успокаивая своими милостями» Дондок-Дашу, не могло сохранять к нему того доверия, каким пользовался Аюка-Хан» [Черкасов 1860: 9]. Не полагаясь на защиту внутренней и внешней безопасности

¹ В отечественной историографии принято написание Дондук-Омбо, Дондук-Даши. В очерке И. Черкасова первая часть имени написана в форме Дондок.

южных земель калмыками, в 1731, 1732 и 1733 гг. правительство призвало с Дона 1 657 семейств и поселило по берегам реки Волги между Царицыным и Камышином. Эти новые поселенцы стали известны под названием [Черкасов 1860: 9] «*Волжского казачьего войска*» (выделено курсивом в источнике. — Е. Г.). Войску пожалована была печать с изображением двух сабель и рога, бунчука, насеки и знамени [Черкасов 1860: 9–10].

В Кратком очерке отмечается, что заведение этой военной линии навело страх на калмыков. В народе воскресли идеи о независимости на берегах рек Иртыша и Или. Желание, высказанное ранее Дондок-Даши, перейти Урал и воссоединиться с джунгарами, вновь пробудилось во всей силе. Мысль об этом особенно питало духовенство. Чтобы осуществить эту мысль, бывший главный Лама Луузунг-Арант-Шимба представил собою лицо Хубилтака (так в тексте. — Е. Г.) («духа в плоть облекшегося»). Он, пользуясь слепым доверием народа, вешал, что российское правительство намерено отнять земли, принудить калмыков к христианству, земледелию и поставке рекрутов. Этим увещеваниям особенно содействовали: вышедшие из Джунгарии Хойтский Нойон Шеренг и Торгоутовский Цебек-Доржи. Семнадцатилетний Хан Убуша, пораженный страхом, в январе месяце 1771 г. с берегов Волги двинулся к Уралу, перешел Урал напротив Эмбы и углубился в Киргизские степи [Черкасов 1860: 10].

Далее в *параграфе 7 «Уничтожение Ханов и Наместников»* содержится информация о ликвидации института ханов и наместников, указывается, что побег Убаши хана был тому справедливой причиной. Оставшиеся калмыки губернатором Н. А. Бекетовым были разделены между оставшимися нойонами. Из всех калмыков, находившихся в пределах Астраханской губернии, полный состав сохранили только дербетовские калмыки, до того времени подчинявшиеся власти хана, «уступая только обстоятельствам, но всегда питавшие мысль о независимости от Хана» [Черкасов 1860: 11]. В новом устройстве главное управление калмыков сосредоточивалось в губернской канцелярии. Законодательные акты, помещенные в Полном собрании законов, не раскрывали подробностей порядка нового управления. Из них видно, что с образованием в 1780 г. Саратовского наместничества начался ряд общих преобразований в «Низовом крае». В числе этих преобразований последовал в 1785 г. перевод дербетовских калмыков с луговой стороны Волги в «Крымскую степь», под таким названием имелись в виду степи в нагорной стороне Волги, а на луговую сторону, в то время называвшуюся Уральской, были переселены ногайцы, завоеванные калмыками. Эти ногайцы стали известны под названием кундровских татар; сами они себя называют карагашами [Черкасов 1860: 11].

Параграф 8 «Раздел Дербетовских калмыков» Краткого очерка сообщает, что вскоре после перехода дербетов на нагорную сторону Волги последовал между ними разлад. Большая часть калмыков-дербетов, не желая быть под ведомством астраханского управления, удалилась на земли донских казаков, а оставшиеся в пределах Астраханской губернии разделились на две части, «из которых большая избрала себе Нойоном Хапчука, а меньшая Нойона Тайшу-Чучея». В Кратком очерке подчеркивается, что этот раздел дербетовских калмыков служит началом разделения дербетов на Большой и Малый улусы [Черкасов 1860: 12].

И. Черкасов в *параграфе 9 «Обращение калмыков в казенное ведомство»* сообщает, что при раздробленном состоянии калмыков российское правительство предполагало всех их обратить в казенное ведомство. Так, в 1786 г. улусы

Эркетеневский и Багацахуровский были переданы в казну князем Алексеем Дундуковым, принявшим православие. Указом 30 апреля 1786 г. «повелено было Дербетовские улусы причислить в казенное ведомство» [Черкасов 1860: 12]. В это же время начальство Войска Донского начало подчинять казачьим обязанностям и калмыков, удалившихся на войсковые земли. Чтобы избежать этого, они в 1799 г. начали возвращаться обратно в пределы Астраханский губернии и присоединяться к Малодербетовскому улусу. Только незначительная часть калмыков осталась в пределах Войска Донского, где они и обращены были в казаки, а нойонам их была предоставлена свобода. Весть обо всех этих переменах, сопровождаемых народным волнением и беспорядками, достигла императорского двора. Виновниками волнений и беспорядков были объявлены малодербетовский нойон Чучей и лама Сойбинг. Оба эти лица были вызваны в Санкт-Петербург, а в следующем, 1800 г., существовавшее в Астрахани управление калмыков упразднено. Тайша Чучей Тундутов был назначен наместником, ему были пожалованы знамя, сабля, панцырь и шапка; а Сойбинг-ламе — шапка и шуба собольи [Черкасов 1860: 12].

В параграфе 10 «Назначение калмыкам земель» И. Черкасов помещает информацию о том, что с возведением Чучея Тундутова в наместники было разрешено свободное богослужение по правилам веры и определено поземельное пространство для кочевки калмыков. Для них были назначены земли: «с востока, от истока Кумы до Астрахани; далее вверх по Волге, по обеим ее сторонам до степей Киргиз-Кайсацкой орды; с юга реки: Кума, Маныч, Сал и Калаус, с запада — земли донских казаков, а с севера Царицын, Сарпа и нагорная сторона Волги» (так в тексте. — Е. Г.) [Черкасов 1860: 13].

4. Особенности государственного управления

В параграфе 11 «Начало правительственного надзора» Краткого очерка утверждается, что с наместничеством Чучея Тундутова начинается новая эпоха астраханских калмыков. До ухода Убаши-хана «народ этот сохранял самостоятельно свой самобытный характер, как в образе жизни, так и в управлении, следуя неким обычаям, вынесенным из Алтая» [Черкасов 1860: 14]. Само отношение российского правительства к калмыкам определялось договорными статьями, а участие в общих государственных повинностях ограничивалось их призывом на службу во время военных действий. Правительственного надзора за калмыками практически не было. При императрице Анне Иоанновне было только предписано астраханскому губернатору А. П. Волынскому иметь особых людей при сыне Аюки Чагдорджабе и при других владельцах, которые бы сообщали об их замыслах, а при самом Аюке, как бы для почета, расположить драгунский эскадрон. Этим ограничивались все меры правительственного надзора. Власть и правление наместника Чучея были ограничены учреждением народного Зарго. Суд этот был общим по всем делам и по всем родам преступлений. Кроме того, из власти наместника были изъяты завоеванные некогда калмыками: кабардинцы, ногайцы и другие кавказские инородцы [Черкасов 1860: 14].

В параграфе 12 «Учреждение полицейского надзора» его начало как за калмыками, так и за кавказскими инородцами связывается с учреждением должности Главного пристава. Главное управление калмыков и слитое с ним управление кавказских инородцев было «изъято от внешних начальств» и под-

чинялось непосредственно Коллегии иностранных дел. Под начальством Главного пристава состояли приставы частные. «Круг действий главного и частных приставов ограничивался: покровительством, общим надзором по управлению полицейскому и посредничеством между калмыками и сторонними лицами в тех делах, где обнаруживались распри, явные беспорядки и неустройства. Хозяйственное же или внутреннее управление между калмыками оставалось в прежнем их исконном порядке» [Черкасов 1860: 14–15].

Непосредственная зависимость Главного пристава от Коллегии иностранных дел продолжалось недолго. В 1802 г. Главный пристав стал подчиняться астраханскому военному губернатору, которому в 1803 г. подчинен и суд — Зарго; а в 1816 г. Главный пристав и суд Зарго поставлены в зависимость и астраханского гражданского губернатора. 19 Мая 1806 г. издано положение о поземельном праве [Черкасов 1860: 15].

Автор Краткого очерка посвящает этому положению *параграф 13 «Определение поземельного права»*. По положению 19 мая 1806 г. земли, занятые калмыками, предоставлены им были для кочевки на правах общего пользования; а указом 22 июня 1822 г. повелевалось «сочинить» планы и карты на калмыцкие земли, которыми калмыки в то время и владели. Относительно государственных повинностей И. Черкасов сообщал, что участие калмыков состояло в формировании в 1811 г. двух полков, из которых над одним начальствовал малодербетовский нойон Эрдени-тайши, а другим — нойон хошеутовский Сербеджаб Тюменев [Черкасов 1860: 15–16].

Параграф 14 Краткого очерка «Разделение полицейского управления и издание новых правил» содержит сведения, согласно которым в 1825 г., с преобразованием бывшей Кавказской области и с назначением Ставрополя областным городом, кавказские инородцы, состоявшие под управлением Главного пристава, были переведены в особое ведомство под управлением Главного пристава магометанских народов, а для калмыков 10 Марта 1825 г. были изданы особые правила, которые, «не нарушая своеобразного порядка калмыков, ограничили однако же пределы, в которых этот порядок существовать может» [Черкасов 1860: 16]. Правила разграничили виды преступлений, по которым калмыки подлежали судебному уголовному преследованию: в общих судебных местах, суде Зарго или в судах улусных правлений. Управление над калмыками разделялось на главное, с передачей от Коллегии иностранных дел к Министерству внутренних дел; областное на уровне Комиссии калмыцких дел под председательством губернатора, в которую входили также вице-губернатор, главный пристав, губернский прокурор и два депутата от народа, и улусное, состоявшее из частных приставов по делам полицейским и распорядительным и улусных правлений на правах словесных судов, а внутренний или хозяйственный народный порядок оставался в зависимости нойонов, которые по исконным обычаям заведовали сбором албана, составлявшего земскую подать [Черкасов 1860: 17].

И. Черкасов излагает в параграфе 15 «Особенности новых правил» — от 10 марта 1825 г.:

- 1) нойоны именуются владельцами без специального обозначения их прав относительно других сословий и простолюдинов;
- 2) как государственная повинность на калмыков возлагалось участие в содержании кордонных линий с астраханским казачеством;

3) для ограничения произвола нойонов сбор албана, составлявшего земскую или общественную подать, был установлен по 25 руб. ассигнациями с кибитки, но уже в пользу владельца.

После введения новых правил взимания албана в личную собственность владельцев сборы на общественные издержки не прекращались, и положение калмыков ухудшилось, на что было обращено внимание императорского двора. В 1827 г. в Астраханскую губернию был отправлен сенатор Ф. И. Энгель «для изыскания надежных мер к водворению между калмыцким народом тишины, правосудия и устроенного хозяйства» [Черкасов 1860: 17–18].

Согласно донесению Ф. И. Энгеля, главнейшими причинами ухудшения состояния калмыков служили помимо неограниченности власти калмыцких владельцев, сильного влияния духовенства, невежества и бедности народа, также образ управления, введенный положением 1825 г., «начала которого, ниспровергая во многом вековые обычаи и порядок, не соответствовали ни положению народа, ни привычкам, временем укоренившимся» [Черкасов 1860: 18].

В *Параграфе 16 «Преобразование управления»* рассмотрены дальнейшие изменения в административном управлении. Для устранения обстоятельств, ставших причинами ухудшения положения калмыков, было признано нужным изменить существовавший порядок местного Калмыцкого управления. 24 ноября 1834 г. было утверждено, а в 1836 г. приведено в исполнение положение об управлении калмыцким народом. Правилами этого положения в первый раз были определены права нойонов и зайсангов. Первым присвоены права потомственного дворянства, а вторым права почетных граждан. Права нойонов на простолюдинов были ограничены майоратством. Главное управление калмыцким народом по-прежнему находилось в ведении Министерства внутренних дел. Губернский уровень управления возглавлял Совет Калмыцкого управления под председательством Главного попечителя. Улусное управление составляли нойоны, в казенных улусах — правители, а полицейский надзор и ведение благоустроенного хозяйства было отнесено к обязанностям улусных попечителей. Коренное преобразование произошло в судебном устройстве: суд Зарго упразднился как народный, а вместо этого стал функционировать на правах судебной инстанции второй степени. Вместо улусных правлений были открыты улусные суды с обязанностями судебных мест первой инстанции. В Кратком очерке отмечается, что таким образом калмыки стали подчиняться общему источнику правосудия — Своду законов, т. е. постепенно переходили на общероссийскую систему правосудия [Черкасов 1860: 18–19].

При приведении в исполнение положения Главному попечителю поручено было представить свои замечания о том, в какой степени новое положение эффективно в практическом применении, в каких частях будет требовать изменений и каких именно? По этому поручению Главный попечитель А. М. Фадеев не признал возможным частные исправления недоработок, встречаемых в новом положении; а полагал, по практическим наблюдениям, все недостатки подвергнуть одновременно общему пересмотру. Служебные дела не позволили А. М. Фадееву осуществить задуманное, а между тем с образованием Министерства государственных имуществ, в ведомство которого, в числе других инородцев, поступили калмыки, положение, утвержденное 24 ноября 1834 г., подверглось изменению и исправлению сообразно с порядком и правилами но-

вого министерства, а затем пересмотренные правила были вновь утверждены. Как отмечается в очерке, «эти правила служат в настоящее время руководством по управлению калмыцким народом» [Черкасов 1860: 19–20]. Здесь имеются в виду правила от 23 февраля 1847 г.

В параграфе 17 «Особенности действующих правил» рассматриваются характеристики Положения об управлении калмыцким народом 1847 г., которым были упразднены существовавшие по Положению от 24 ноября 1834 г. Совет Калмыцкого управления и суд Зарго. Первое из этих учреждений было преобразовано в отделение Палаты государственных имуществ, а второе закрыто совсем. Дела из улусных судов вносились на ревизию Палаты уголовного и гражданского суда, общего судебного учреждения для всей губернии. Согласно Положению 1847 г. об управлении калмыцким народом, термин «владелец» был заменен термином «нойон», означавшим одну из степеней национальной администрации калмыков, «между которыми владельческого или поместного права никогда не существовало» [Черкасов 1860: 20].

Далее в Кратком очерке содержится мысль, что номинальная замена термина «владелец» на «нойон» принесет последующие перемены во взаимоотношениях привилегированного и зависимого сословий калмыцкого общества, что должно было улучшить состояние народа [Черкасов 1860: 20–21].

5. Обсуждение

Рассмотрев параграфы Краткого очерка И. Черкасова с точки зрения логического деления по содержанию на историческую часть и современную на тот период (первая половина XIX в.), можно различить следующие особенности:

– историческая часть освещает все основные события калмыцкой истории с начала перекочевки части ойратов в Россию, историю Калмыцкого ханства и до начала XIX в. Для этой части характерно акцентирование на личностном факторе в истории, она прослеживается через поступки и деятельность высших властных лиц ойратов и калмыков — глав родов, нойонов, ханов, наместников и т. д. Приводятся события как кризисного характера в русско-калмыцких отношениях (поход Хо-Урлюка на Астрахань, уход большей части народа во главе с Убуши-ханом), так и союзнического аспекта (участие калмыков на стороне России в войнах XVIII и начала XIX в.);

– современная на тот период часть Очерка содержит описание основных моментов правил 1825, 1834 и 1847 гг. по управлению калмыцким народом и имеет скорее тезисный характер относительно административного, судебного устройства калмыков.

Краткий очерк Ивана Черкасова был сначала опубликован в Астраханских губернских ведомостях за 1860 г., это означает, что он прошел правительственную цензуру и отражает трактовку событий русско-калмыцких взаимоотношений, принятую в российской историографии того периода. Это особенно важно, поскольку дореволюционная историография в отличие от советской не пыталась сгладить острые углы русско-калмыцких отношений в период от начала кочевки групп ойратов на территории Северного Прикаспия и подданства калмыков в составе России. Однако следует также иметь в виду, что в дореволюционной историографии «преобладала близкая к официально-охранительному направлению концепция нашествия калмыков» [Цюрюмов 2007: 10]. Истоки этой

концепции содержатся в трудах Н. Я. Бичурина. Согласно этой концепции, «в начале XVII в. правитель торгоутов Хо-Урлюк „оружием проложил себе путь в Россию“» [Цюримов 2007: 10], последующие правители Калмыцкого ханства, по мнению Н. Я. Бичурина, также придерживались политики неподчинения и нарушения принятых на себя обязательств. Поэтому «негативные стороны русско-калмыцких отношений авторами неизменно ставились в вину калмыкам, тогда как политика самодержавия оправдывалась и бралась под защиту» [Цюримов 2007: 14].

В этой связи в Кратком очерке И. Черкасова показательно приведен пример попытки взятия Хо-Урлюком Астрахани, которая была отбита русскими. Об этом же упоминает в своей книге К. И. Костенков, который ссылается на «Историю калмыцких ханов» в переводе Г. С. Лыткина, опубликованную в № 19 газеты «Астраханские губернские ведомости» за 1861 г. [Костенков 1870: 4].

В Кратком очерке приводятся факты об исторических событиях, которые требуют уточнения. Так, в очерке говорится о 40-тысячной войске Аюки, которое пришло с опозданием, уже после завершения Полтавской битвы. Неточность заключается прежде всего в численности войска, которое на самом деле составляло 3 300 всадников, данные о 40 тыс., скорее всего, являлись слухами. [Кротов 2014: 261; Ходарковский 2022: 196; История Калмыкии 2009: 382]. При этом «как до Полтавской битвы, так и после нее по указам и грамотам Петра I Аюка организовывал посылку на театр военных действий калмыцких отрядов, численность которых иногда доходила до 2–3 тысяч воинов» [История Калмыкии 2009: 383].

В Кратком очерке приводится год смерти Аюки-хана — 1725. Однако хан Аюка умер в 1724 г. [Тепкеев 2018: 5]. В данном произведении также описывается встреча Аюки-хана с Петром I в Саратове. Однако в современной историографии выдвигается версия, «что приезд к императорской галере, хана, ханши, ханских двух сыновей и дочери относятся не к июньской встрече в Саратове, а к событию под Черным Яром, состоявшемуся в ноябре 1722 г.» [Тепкеев 2022: 14].

Еще одним обстоятельством, требующим уточнения, является информация о том, что ханша Дарма-Бала вышла замуж за своего внука Дондук-Омбо. В других источниках дореволюционной историографии не подтверждается данный факт. Однако у Дондук-Омбо действительно «было намерение быстрее связать себя узами Гименея с Дарма-Балой, и, пользуясь ее поддержкой, стать фактическим главой ханства, поставив правительство (России. — Е. Г.) перед свершившимся фактом» [Батмаев 2022: 303].

Это только отдельные примеры неточных сведений или же дискуссионных версий событий, присутствующих в Кратком очерке. В качестве весьма любопытной представляется версия начала занятия калмыками земель на нагорной стороне Волги. Из Краткого очерка следует, что Петр I поручил Аюке-хану занять эти земли, «...чтобы обезопасить поволжский край со стороны крымцев и кубанцев...» [Черкасов 1860: 7].

Это, на первый взгляд, противоречит одному из пунктов договорных статей, согласно которым «...было принято решение, по которому Аюка под угрозой разорения и выдачи царским властям запретил тайшам и их улусным людям самостоятельно переходить на правый берег Волги и появляться в русских уездах. Присутствующие тайши подтвердили, „что они по тому во всем испол-

нять будут“» [Тепкеев 2018: 221]. Вместе с тем поручение Петра I было позже, уже в условиях надвигавшейся войны с Турцией, и «...по договоренности с П. М. Апраксиным Аюка зимой 1711 г. отправил на Дон несколько отрядов под командой Дондук-Омбо, Чимета и Четера. Именно они и не допустили соединения кубанцев с главными силами крымского хана на Украине, таким образом сорвав общее наступление крымских сил на Воронеж» [Тепкеев 2018: 224].

Далее в Кратком очерке упоминается сражение между кубанцами и калмыками на р. Калаус. «По данным М. Г. Новолетова, на Ставрополье якобы сохранились два больших кургана: ногоайский Тойб-гуль и калмыцкий Байрин-толга, под которыми погребены тела воинов, павших в вышеупомянутом сражении 1712 г.» [Тепкеев 2018: 233–234].

В Кратком очерке приводится версия, согласно которой учреждение Волжского казачьего войска и создание Царицынской военной линии стало одним из факторов, способствовавшим уходу значительной части калмыков из России обратно в Центральную Азию в 1771 г. В современной историографии представлены различные мнения о роли Царицынской линии в истории калмыцкого народа. Так, считается, что эта линия способствовала разделению ранее единой территории кочевий калмыков» [Клейтман 2021: 906–907]. С другой стороны, утверждается, что кочевья калмыков «внутри» линии были вызваны «необходимостью военной защиты отдельных групп калмыцких владельцев и в первую очередь — самого правителя Калмыцкого ханства» [Астафьев 2022: 74].

И, наконец, еще одним интересным аспектом в освещении истории Калмыцкого ханства представляется сведение в Кратком очерке о наличии драгунского эскадрона со стороны России для охраны хана Аюки и последующих ханов и наместников. В российской историографии имеются сведения на этот счет, однако довольно краткие [Пальмов 1929: 33; см. также: Тепкеев 2018: 260–261]. Представляется, что данный факт нуждается, по нашему мнению, в дополнительном углубленном изучении современными исследователями в контексте управленческих практик Российской империи XVIII в. в отношении своих национальных автономных образований.

В Кратком очерке рассматриваются правила 1825 г., положения 1834 г. и 1847 г. об управлении калмыцким народом. Здесь интересным видится мнение, что введение института приставства в Калмыцкой степи приравняется к учреждению полицейского надзора. В самом конце очерка обнаруживается авторское отношение к существовавшей действительности, а именно наличия крайне бедственного положения астраханских калмыков и выражается мнение, что действовавшие правила 1847 г. приведут к переменам инородческого быта, т. е. экономического состояния народа.

Предпосылкой этих перемен автор Краткого очерка видит, в том числе замене термина «владелец» на нойон, обозначающим одну из ступеней национальной администрации монголоязычных народов, среди которых никогда не существовало владельческого или поместного права. Полагаем, что таким образом автор Краткого очерка предвосхищает своего рода перспективу отмены обязательных отношений в калмыцком обществе, т. е. по сути крепостничества. И в этом видит предпосылку к перемене инородческого быта, повышению благосостояния народа.

6. Выводы

«Краткий очерк об административном устройстве астраханских калмыков» Ивана Черкасова как исторический источник содержит тезисное изложение основных этапов калмыцкой истории с начала прихода ойратов в Россию, обретения калмыками ее подданства до ликвидации ханства и актуального административного положения калмыцкого народа на период первой половины XIX в. Существует проблема точного определения автора данного произведения. Предполагается, что поскольку в очерке использованы в основном ссылки на издания с начала и до первой половины XIX в., то автор являлся современником указанного века. Так как материалы очерка были изданы первоначально в виде статей в местных «Астраханских губернских ведомостях», то можно также предположить, что они прошли цензуру и в целом отражают официальную трактовку исторических событий. Вместе с тем отдельные события и версии событий, указываемых в Кратком очерке, являются не точными или же дискуссионными с точки зрения последующего развития историографии. В целом данный очерк действительно, как и указано в его заглавии, видится извлечением, частью более обширного труда — рукописной истории Астраханского края.

Литература

- Акты исторические 1842 — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. В 5 тт. Т. 4: 1645–1676. СПб.: тип. 2-го Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. 592 с.
- Астафьев 2022 — *Астафьев Е. В.* Роль Царицынской линии в истории калмыцкого народа // *Русская старина*. 2022. № 13(2). С. 57–77.
- Бантыш-Каменский 1842 — *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Изд. 3-е [печ. с изд. 1830 г.]. В 3-х ч. Ч. 3: От избрания Мазепы до уничтожения гетманства. Ч. 3. М.: [изд. В. Логинова], 1842. (в тип. Н. Степанова). 239 с.
- Батмаев 2022 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: События, люди, быт / 2-е изд., испр. и доп. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.
- Голиков 1837 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. Т. 1–15. Т. 3: [1705–1708]. М.: тип. Н. Степанова, 1837. 435 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Клейтман 2021 — *Клейтман А. Л.* Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 900–909. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-900-909
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С карт. Калмыц. степи / сост. гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Кротов 2014 — *Кротов П. А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас»: Лики России, 2014. 566 с.
- Паллас 1778 — *Паллас П. С.* Собрание исторических известий о монгольских народах // Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. Апрель. С. 298–308; Май. С. 387–393.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1929. Ч. 3–4. 391 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 359 с.
- Тепкеев 2022 — *Тепкеев В. Т.* Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–19. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19
- Ходарковский 2022 — *Ходарковский М.* И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771) / пер. Т. Н. Богрдановой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 374 с.

- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Черкасов — Черкасов Иван Антонович // Авторы трудов об Астраханском крае. Электронный справочник [электронный ресурс] // URL: http://astrakhanica-personalia.ru/Черкасов,_Иван_Антонович (дата обращения: 01.03.2024).
- Черкасов 1860 — *Черкасов И. А.* Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков: (Извлеч. из рукопис. Истории Астрах. края). [Астрахань]: Губ. тип., [1860]. 21 с.

References

- Astaf'ev E. V. The Role of the Tsaritsyn Line in the History of the Kalmyks. *Russkaya Starina*. 2022. No. 13(2). Pp. 57–77. (In Russ.)
- Bantysh-Kamensky D. N. The History of Little Russia. In 3 vols. Vol. 3: From the Election of Mazepa to the Destruction of the Hetmanate. Moscow: Nikolai Stepanov's Printing House, 1842. 239 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyks in the 17th–18th centuries: Events, People, Life. 2nd ed. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 440 p. (In Russ.)
- Cherkasov Ivan Antonovich. Available at: http://astrakhanica-personalia.ru/Черкасов,_иван_antonovich (Accessed: 03 March 2024) (In Russ.)
- Cherkasov I. A. A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks: an Excerpt from the Manuscript Titled "History of Astrakhan Region". Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1860. 21 p. (In Russ.)
- Golikov I. I. The Deeds of Peter the Great, the Wise Transfigurator of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. 2nd ed. Vol. 1–15. Vol. 3: [1705–1708]. Moscow: Nikolai Stepanov's Printing House, 1837. 435 p. (In Russ.)
- Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: Printing House Expeditions of Procurement of State Papers, 1841–1872. Vol. 4: 1645–1676. Printing House of the 2nd Department of the own Chancellery. 1842. 592 p. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. I. Where the two Worlds Met: the Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. T. Bogrdanova (trans.) Elista: Kalmyk Scientific Center RAS, 2022. 374 p. (In Russ.)
- Kleitman A. L. Tsaritsyn Defense Line and Military-Political Changes in Russia's South-Eastern Frontier, 1720s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): Pp. 900–909. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-900-909 (In Russ.).
- Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts (Supplemented with Maps of Kalmyk Steppe). St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. 171 p. (In Russ.)
- Krotov P. A. The Battle of Poltava. The Beginning of Great Russia. St. Petersburg: Foundation for the Promotion of Restoration of Historical and Cultural Monuments "Spas": Faces of Russia, 2014. 566 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: from Earliest Times to Present. Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Collection of historical news about the Mongolian peoples. In: *St. Petersburg Bulletin*. 1778. Pt. 1. April. Pp. 298–308; May. Pp. 387–393. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 Vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. Vol. 3–4. 391 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. The 1722 Meeting of emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: myths and reality. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): Pp. 8–19. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Is. 1, pp. 343–362, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-343-362	

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-343-362

Стихотворная биография Г.-Ж. Тугулдунова (1817–1872) — V-го настоятеля Агинского дацана

Баир Луданович Тушинов¹, Соелма Ринчиновна Батомункуева²,
Владимир Владиславович Хартаев³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi[at]mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат философских наук, научный сотрудник
 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0001-5596-2416. E-mail: buda2004[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Тушинов Б. Л., Батомункуева С. Р., Хартаев В. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию стихотворного намтара — биографии V-го настоятеля Агинского дацана Дечен Лхундуплинг Галсан-Жимбы Тугулдунова. *Цель* исследования — источниковедческий анализ, введение в научный оборот данной биографии. *Материалом* для анализа послужила ранее не исследованная рукопись намтара на тибетском языке из фондов Агинского дацана «Семена биографии настоятеля монастыря Дэчен Лхундуплинг чодже Келсанг Джинпа Пелсангпо» (тиб. bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i rnam thar gyi sa bon bzhugs) неизвестного автора, копия которой была предоставлена хранителем Д. В. Вакуниным. Хронологические рамки источника охватывают период с 1817 г. по 1872 г. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью введения данного источника в научный оборот в связи с тем, что, несмотря на значимость личности Г.-Ж. Тугулдунова в истории бурятского буддизма, многие сведения о нем и его работах еще не освещены в полном объеме. В *результате* исследования выявлены новые факты, связанные с жизнью и деятельностью Г.-Ж. Тугулдунова, установлены имена его монгольских учителей, дана характеристика его вклада в развитие буддийского учения в Аге — Агинском и

Цугольском монастырях, описаны обстоятельства ухода Г.-Ж. Тугулдунова из жизни. В ходе исследования был обнаружен и идентифицирован ранее не включенный в список работ Г.-Ж. Тугулдунова «Подстрочный санскритско-тибетский словарь с разъяснениями, составленный чодже три-ринпоче (драгоценным настоятелем)» (тиб. chos rje khri rin po ches mdzad pa'i rgya bod kyi skad gnyis shan sbyar gyi brda yig rtsom 'phro can bzhugs so).

Ключевые слова: бурятский буддизм, тибетоязычные источники, намтар, Г.-Ж. Тугулдунов, Агинский дацан, Цугольский дацан, Калпа Бхадра Дана Шри Бхадра
Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания по проекту: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9).

Для цитирования: Тушинов Б.Л., Батомункуева С.Р., Хартаев В.В. Стихотворная биография Г.-Ж. Тугулдунова (1817–1872) — V-го настоятеля Агинского дацана // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 343–362. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-343-362

Poetic Biography of G.-Zh. Tuguldurov (1817-1872), the Vth Abbot of Aginsky Datsan Dechen Lhundupling

Bair L. Tushinov¹, Soelma R. Batomunkueva², Vladimir V. Hartaev³

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-6029-160X. E-mail: nurushi[at]mail.ru

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philosophy), Research Associate

 0000-0002-5060-0296. E-mail: soelmul[at]mail.ru

³Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-5596-2416. E-mail: buda2004[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Tushinov B.L., Batomunkueva S. R., Hartaev V.V., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the poetic namthar — the biography of the Vth abbot of the Aginsky datsan Dechen Lhundupling Galsan-Zhimba Tuguldurov. The *purpose* of the study is analysis and introduction of this biography into scientific circulation. A previously unexplored manuscript of a Tibetan-language namthar from the collections of the Aginsky datsan was the *object* of the research. A copy of this manuscript “Seeds of the biography of the abbot of the monastery Dechen Lhundupling Choje Kelsang Jinpa Pelsangpo” (Tib. bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i mnam thar gyi sa bon bzhugs) by unknown author was kindly given to us by the fund custodian D.V. Vakunin. The chronological scope of the source covers the period from 1817 to 1872. The relevance of this work is caused by the need of introducing this source into scientific circulation due to the fact that despite the significance of the personality of G.-Zh. Tuguldurov in the history of Buryat Buddhism, information about him and his works have not yet been fully researched. As a *result* of the study, new historical facts of the biography of G.-Zh. Tuguldurov were revealed; the names of his Mongolian teachers were established; a description of his contribution

to the development of Buddhism in the Aginsky and Tsugolsky monasteries was given; the circumstances of G.-Zh Tuguldurov's passing from life were described; founded was an unidentified earlier as his work a Sanskrit-Tibetan dictionary "Sanskrit-Tibetan dictionary with explanations compiled by Choje Tri-Rinpoche".

Keywords: Buryat Buddhism, Tibetan-language sources, namtar, G.-Zh. Tuguldurov, Aginsky datsan, Tsugolsky datsan, Kalpa Bhadra Dana Shri Bhadra

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project № 121031000302-9 "Peoples of Russia and Inner Asia: Written Monuments in Oriental Languages and 18th–21st Century Archival Documents in the Context of Cross-Civilizational Interaction".

For citation: Tushinov B. L., Batomunkueva S. R., Hartaev V. V. Poetic Biography of G.-Zh. Tuguldurov (1817–1872), the Vth Abbot of Aginsky Datsan Dechen Lhundupling. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 343–362. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-343-362

1. Введение

Жизнеописания или намтары (тиб. *nam thar*) представляют собой отдельный жанр в тибето-монгольской буддийской литературе и занимают важное место как источники исторического и религиоведческого исследования. В наиболее общем смысле намтары — это произведения, повествующие о жизненном пути того или иного человека, содержащие сведения об обстоятельствах и месте рождения, его образовании, духовных достижениях и деяниях, которые, как правило, связаны с буддийским учением. Формированию намтаров в первую очередь способствовало распространение буддизма, и, как отмечает В. С. Дылыкова, «появлению произведений житийной литературы, созданных тибетскими авторами, предшествовали переводы „житий“ с санскрита. Среди них — переводы „Лалитавистары-сутры“, повествующей о деяниях Будды Гаутамы, и „Житий восьмидесяти четырех сиддхов“, которые включены в тибетский канон. Эти и подобные им переводные произведения, несомненно, сыграли определенную роль в становлении и развитии жанра намтаров в Тибете» [Дылыкова 1985: 128].

По объему намтары бывают трех видов: пространными, средними и краткими. В содержательном плане намтары подразделяются на внешние (тиб. *phyi'i nam thar*), внутренние (тиб. *nang gi nam thar*) и тайные (тиб. *gsang ba'i nam thar*). Тибетский исследователь Сонам Церинг отмечает, что внешние намтары описывают наиболее заметные и важные стороны жизни человека. Внутренние намтары часто являются автобиографиями, но также к ним можно отнести и биографии, написанные учениками или помощниками от третьего лица. Тайные намтары идентифицируются на основе одной или нескольких особенностей: рассказы о прошлых и будущих жизнях, подтверждение божественной личности человека, контакт с божествами в видениях, снах и некоторые другие особенности [Sonam 2020: 58].

Отечественный востоковед А. И. Востриков обобщенно подразделяет намтары на так называемые общие (тиб. *thun mong ra*) или обычные, в которых авторы описывают свою собственную жизнь или жизнь другого лица со всех сторон, и биографии необычные (тиб. *thun mong ma yin ra*), в которых авторы рассказывают об отдельных мистических событиях жизни [Востриков 1962: 111–112].

Распространение буддизма среди бурят не только привнесло изменения в их религиозные традиции, но также оказало влияние на бурятскую культуру в целом. Расцвет бурятского буддизма, который пришелся на вторую половину

XIX в., во многом произошел благодаря активной деятельности агинских лам, среди которых, как одна из наиболее значимых фигур, выделяется Г.-Ж. Тугулдуров¹. Несмотря на весомость личности Г.-Ж. Тугулдунова, сведения о нем очень скудны и разрозненны, а большинство исследователей ограничиваются лишь краткими упоминаниями о том, что он являлся V-м настоятелем Агинского дацана и составителем первого тибетско-монгольского словаря.

В связи с известными событиями XX в. многие письменные источники были безвозвратно утрачены, в том числе и биографии видных бурятских буддийских деятелей. Поэтому большой удачей можно считать обнаружение в архивах Агинского дацана биографии Г.-Ж. Тугулдунова [bde chen], которая была любезно предоставлена библиотекарем Д. В. Вакуниным, за что выражаем ему благодарность. Необходимо сказать, что в отечественном востоковедении полноценная биография Г.-Ж. Тугулдунова прежде фактически не упоминалась, что делает данное исследование актуальным. Кроме сведений о самом Г.-Ж. Тугулдунове, биографию можно рассматривать как ценный исторический документ, который позволит лучше узнать о некоторых сторонах развития буддизма в Аге того периода.

2. Структурно-содержательное описание источника

Источник представляет собой рукописный текст, написанный на 7 страницах [bde chen]. На первых шести страницах текст написан в 7 строк, последняя содержит 4 строки. Пагинация на тибетском языке располагается слева, колофон отсутствует, автор неизвестен. На титульном листе представлено название «bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i rnam thar gyi sa bon bzhugs (bde chen)». Монгольский исследователь Т. Отгонбаяр в личной беседе предположил, что существует обширный вариант биографии Г.-Ж. Тугулдунова. Слово sa bon 'семена' в названии, звучащее на монгольском языке как *хөрөнгө* стпм. (körungge), отражает значение слова «хураангуй» (стпм. quriyanggui) 'краткий, сжатый'. Есть биографии монгольских лам в большом и кратком вариантах, где в кратких вариантах фигурирует слово sa bon.

Намтар сочинен в тибетском поэтическом стиле snyan ngag, отличительной чертой которого является обильное использование красочных метафор и аллегорий. Намтар содержит элементы, присущие тайным намтарам. Его также возможно рассматривать как молитвенное обращение *солдеб* (тиб. gsol 'debs) и восхваление (тиб. bstod pa).

Источник состоит из 49 шлок. Первые 2 шлоки относятся к мотивации создания биографии. 1-я шлока — хвала Г.-Ж. Тугулдунова и 2-я в скромной форме выражает причину создания — развитие веры своей и других. 3-я шло-

¹ Судя по архивным документам, мирское имя Г.-Ж. Тугулдунова было Санжигимыд [Базаров и др. 2017: 41]. Из некоторых документов на старомонгольской письменности по делопроизводству Агинского дацана, зафиксированных в делах Агинской Степной думы видно, что Г.-Ж. Тугулдуров подписывался как «Тугулдурын Жигмид», «ширетуй Тугулдурын», где Жигмид представляет собой усеченную форму его двойного имени [ГА РБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 788. Л. 9, 9об., 24об., 26].

Духовное имя Г.-Ж. Тугулдунова — Галсан Жимба Балсанпо представляет собой бурятизированную форму от тибетского Келсанг Джинпа Пелсангпо. Свои сочинения Г.-Ж. Тугулдуров подписывал санскритской калкой этих имен — Калпа Бхадра Дана Шри Бхадра, а также использовал их краткие формы — Калпа Бхадра, Калпа Бхадра Дана, Дана.

ка описывает рождение Г.-Ж. Тугулдулова в знатной семье агинского тайши Тугулдура Тобоева (1793–1878) с точной датировкой рождения. Автор намтара подчеркивает, что Г.-Ж. Тугулдулов является одним из *тулку*, которые осознанно принимают рождения в сансаре для принесения блага живым существам. 4-я шлока говорит о том, что уже в самом малом возрасте он обладал характеристиками бодхисаттв. В 5-й говорится об обучении чтению и письму у отца в 7 лет и принятии обетов у некоего Лосанга Табке. 6-я говорит о легком овладении знаниями Г.-Ж. Тугулдуловым. 7-я — об обучении у Лубсан Лхундуб Дандарова (1781–1859) — первого настоятеля Цугольского дацана. 8-я шлока повествует об изучении медицины под его руководством, и он сравнивается с известным тибетским врачом Ютокой-младшим.

В 9-й говорится об изучении Г.-Ж. Тугулдуловым астрологии у Лосанг Дордже. Здесь же говорится о том, что его познания в астрологии станут настолько глубоки, что даже три Гьяцо, засомневавшись, задумаются, не уйти ли им в другую страну, поскольку Г.-Ж. Тугулдулов превзошел бы их в достоинствах. Речь идет о трех известных тибетских астрологах XV в., чьи имена содержат имя Гьяцо (тиб. *rgya mtsho*): Пхугпа Лхундуп Гьяцо (тиб. *phug pa lhun grub rgya mtsho*), Кхедруб Норсанг Гьяцо (тиб. *mkhas grub nor bzang rgya mtsho*), Ценгчхун Чодаг Гьяцо (тиб. *gtsang chung chos grags rgya mtsho*) [[Berzin 1987: 23](#)].

В 10-й шлоке говорится, что Г.-Ж. Тугулдулов принял участие в основании монастыря и начертил на земле линии нагов для его постройки. В 11-й — говорится, что он хорошо ответил на вопросы некоего русского сановника по санскриту.

Следующий блок посвящен обучению Г.-Ж. Тугулдулова у ведущих монгольских лам того времени. В 12-й — о посещении в 18 лет ставки V-го Богдо-гэгэна в Халхе и получении от него учений. В 13-й — о встрече с известным монгольским философом Мраванг Шегья (тиб. *smra dbang shes brgya*) из монастыря *Их хурээ*. По сообщению монгольского исследователя С. Гомбожава, он также известен как Шижэ Агвандондув, а его сочинения, включающие комментарии к праджняпарамите и лориг, составляют один том и напечатаны в *Их хурээ* [[Гомбожав 2005: 22](#)].

В 14-й шлоке говорится о принятии должности *чодже* в Цугольском монастыре. В 15-й — о получении посвящений от знаменитого ламы тантриста Келсанг Сопы, более известного в Бурятии под именем Хорчид-гэгэн. В 16-й — о получении учений от Серког Ганжурвы (тиб. *gser khog bka 'gyur ba*). Известен монастырь *gser khog dga' ldan dam chos gling*, построенный кхенпо Дондуп Гьяцо. Не совсем понятно, о каком Ганжурве идет речь. Возможно, что это 4-й Ганжурва гэгэн из Долон-нура, в 1877 г. ставший настоятелем Цугольского дацана [[Чимитдоржин 2008: 275](#)].

В 17-й шлоке говорится об изучении философии и тантры у Джняна Дхваджды. В 18-й — о великолепном знании санскрита и поэтики. В 19-й — о возрастающей известности Г.-Ж. Тугулдулова. В 20-й — об отсутствии у него высокомерия при обретении достоинств. В 21-й восхваляется благой ум Г.-Ж. Тугулдулова, свободный от мирских дхарм. В 22-й говорится об опоре на многих учителей, в частности на Лосанг Тендзина Рабгье и Лосанг Озера. Предположительно, Лосанг Тендзин Рабгье — это известный монгольский лама, гобийский хутухта, поэт Лувсан Данзан Равджа (1803–1857). Однако это остается под вопросом, поскольку мы не нашли подтверждающих сведений.

В 23-й шлоке говорится о том, что в практике почитания учителей Г.-Ж. Тугулдуrow сравним с великим бодхисаттвой прошлого Манибхадрой. В 24-й — о тантрической практике приближения к божеству на основе 3-х обетов и 3-х обучений. В 25-й — о продолжительном ретрите Г.-Ж. Тугулдуrowа в Цугольском дацане и выполнении подготовительных (тиб. нгон-дро) и тантрических практик.

26-я шлока — о принятии груза заботы о других. Эта шлока предваряет часть намтара о принесении блага Учению и живым существам. В 27-й говорится о создании Г.-Ж. Тугулдуrowым философского факультета в Цугольском монастыре, становлении там учителем и привнесении в обучение многих полезных практических методов. В 28-й — о доставке Ганжура и Данжура, которые сравниваются с драгоценным камнем, исполняющим желания и светильником. В 29-й — о постройке красивейшего храма для молитвенных служб, установлении 1 000 золотых статуэток будд и учреждении медицинского факультета. Об этих событиях упоминается у Г.-Д. Нацова: «В 1864 году настоятель Агинского дацана Галсан-Жимба Тугулдуrow (цоржи ламахай), чтобы приобрести тибетский Ганжур-Данжур Нартангского издания, находившийся в монгольском монастыре Арья-пандиты в южном хошуне, решил просить нескольких состоятельных богачей внести пожертвования» и т. д. [Нацов 1998: 73–74]. В 30-й — о приглашении Г.-Ж. Тугулдуrowа неким правителем (тиб. mi yi dbang po) Цырендаши, вероятно тайшой, на южную сторону Байкала. В 31-й — о становлении настоятелем Агинского дацана и борьбе с нарушителями дисциплины.

В 32-й — об открытии факультета исследования и обсуждения пяти коренных наук. Об этом упоминается в «Истории Агинского дацана», составленной в 1958 г. Жамбал-Доржо Гомбоевым по просьбе Р. Е. Пубаева: «В 1958 году пятый ширетуй Галсан-Жимба Тугулдуrow воссел на трон. Ширетуй Тугулдуrow основал чойра-дацан Легшадсан-дэ-лин, изучающий пять святых наук. В 1867 году ширетуй Тугулдуrow, ставший ученым в пяти науках, сочинил книгу Джирухай-ийн-джайши и заложил основу изучения астрономии». Кроме того, в «Истории Агинского дацана» говорится о том, что он составил тибетско-монгольский словарь, перевел с тибетского на монгольский язык множество книг [Пубаев 1965: 230]. В 33-й шлоке говорится о приглашении Гьябги-тулку Тендзин Рабгье.

В 34-й шлоке вновь говорится о доставке Ганжура и Данжура, установлении 1 000 золотых статуэток будд и вдобавок об установлении традиции чтения текстов, связанных с божеством Кунриг и стхавирами (тиб. gnas brtan). Данные сведения так же содержатся в вышеупомянутой «Истории Агинского дацана» [Пубаев 1965: 230]. В 35-й шлоке упоминается доброта Г.-Ж. Тугулдуrowа, заключающаяся в особой опеке над монастырем. В 36-й — о том, что Г.-Ж. Тугулдуrow привел многих бурят-шаманистов к буддизму. В 37-й — о повторной поездке в Халху к Богдо-гэгэну Джебдзун Дамба хутухте.

38-я шлока представляет исторический интерес как пример взаимоотношений центральной власти и буддийского духовенства того времени. В аллегорической форме говорится, что некие лица стали приносить серьезный вред (подняли свирепый ветер, бурю — тиб. rlung dmar) буддизму (тиб. thub bstan sgron me la ‘светильнику Учения Муни’). И Г.-Ж. Тугулдуrow отправляет для разрешения проблемы специальных делегатов в землю царя (тиб. rgyal po’i sar), которые со многими испытаниями (тиб. dka’ spyod du mas) добираются туда.

Очевидно, эти события были связаны с притеснениями буддистов, начавшимися после посещения Забайкалья восточносибирским генерал-губернатором Н. П. Синельниковым в 1871 г. Приказом № 198 от 9 марта 1872 г. было предписано упразднить обо, бумханы, малые молитвенные храмы и совершать другие бесчинства по отношению к буддизму. При стечении обеспокоенных верующих состоялось всенародное собрание, на котором было решено делегировать доверенного Ш.-Н. Хобитуева к Александру II с прошением о дозволении свободно исповедовать буддизм [Бурятские летописи 1995: 52–54]. Следует отметить, что нет прямых свидетельств-упоминаний о том, что инициатором этого был именно Г.-Ж. Тугулдууров, но, согласно намтару, он принял участие в этом.

В 39-й шлоке говорится о том, что Г.-Ж. Тугулдууров давал многие продолжительные учения бесчисленным ученикам. В 40-й — о том, что учения в виде письменного наследия образовали один том (бхоти). Отметим, что, согласно идентификации Д. В. Вакунина, к сочинениям Г.-Ж. Тугулдуурова относятся следующие 5 работ: *brda' yig ming don gsal ba'i sgron me* («Лампада, освещающая значение слов»); *bod kyi brda yig gsar rnying dang mngon brjod 'gar zhih sgrigs pa* («Разъяснение некоторых синонимов в соответствии со старыми и новыми тибетскими лексиконами»); *chos rje khri pa rin po che skal bzang sbyin pa'i zhal snga nas kyis mdzad pa'i rtsis gzhi rtsom 'phro can* («Разъяснение основ астрологии, составленное драгоценным учителем-настоятелем Галсан-Жимбой»); *sman gzhung nas bshad pa'i sman mams kyi mngon brjod nam bkrol ba zhes bya ba* («Разъяснение синонимов названий лекарственных средств, упоминаемых в медицинских трактатах»); *mngon brjod kyi ming mams ka 'phreng du bsgrigs pa blo gsar kunda bzhad pa'i zla zer* («Лучи луны, под которыми распускаются лотосы-кумуда — умы учеников») [Вакунин 2018: 81].

41-я шлока завершает главу принесения блага Учению и живым существам. Г.-Ж. Тугулдууров уподобляется древу исполнения всех желаний.

Шлоки с 42-й по 49-ю посвящены уходу из жизни Г.-Ж. Тугулдуурова. Это часть намтара, подробно описывающая обстоятельства его ухода из жизни. В 42-й говорится о том, что, когда Г.-Ж. Тугулдууров начал медитацию на *тукдам* (тиб. *gzims bltas*), ученикам приснились плохие сны и случилась снежная буря (тиб. *bu yug*) как выражение печали божеств белой стороны. Тибетское слово *gzims* в большом тибетско-монгольском словаре Р. Номтоева имеет два значения: «испытывать счастье» (монг. *ᠵᠢᠷᠠᠭᠠᠴᠠᠭ*); «спать» (монг. *ᠨᠣᠶᠢᠷᠠᠰᠠᠭᠠᠴᠠᠭ*). Но, помимо этого, Р. Номтоев переводит *gzims* также как *тукдам* — *gzims khang* (*tugdam-un ordon*; дворец *тукдама*) [Sumatiratna 1959: 764].

Поскольку далее в шлоке 43 имеется фраза: «не нарушая *тукдам*»... *thugs dam 'chag med mdzad cing*), мы считаем, что под *gzims* понимается *тукдам* или медитация на ясный свет ума. В 43-й шлоке говорится, что Г.-Ж. Тугулдууров был тяжело болен, но даже при этом не нарушал ваджрную позу со скрещенными ногами. Поскольку *ma grol ba* также означает скрепляющую повязку для удержания позиций в йоге, то, возможно, что Г.-Ж. Тугулдууров использовал эту повязку во время медитации для удержания ваджрной позы. В это время Г.-Ж. Тугулдууров, не нарушая *тукдам*, говорит ученикам о своем видении Манджушри-Цонкапы над собой.

В 44-й шлоке говорится о способности Г.-Ж. Тугулдуурова к ясновидению. Предвидя будущее, он дает последние важные тайные наставления. В 45-й шлоке

упоминается дата смерти Г.-Ж. Тугулдуrow 18 ноября 1872 г. 46-я шлока повествует о том, что Г.-Ж. Тугулдуrow пребывал в медитации на ясный свет в течение 5 дней. Продолжительная посмертная медитация на ясный свет ума считается признаком высокой тантрической реализации. Как признак его внутреннего пробуждения появились подтверждающие это внешние природные признаки. 47-я шлока повествует об окончании медитации тукдам и появлении вокруг аромата и других удивительных знаков.

В 48-й шлоке автор выражает уверенность в том, что Г.-Ж. Тугулдуrowа встретили и пригласили в райские земли даки и дакини. 49-я шлока говорит о том, что реликвии тела после очищения (тиб. *sku gdung sbyangs mthar*) были помещены внутрь золотой ступы. Это стало главным объектом почитания в монастыре Дечен Лхундуплинг, особым специфическим полем накопления заслуг. Под очищением мы предполагаем здесь обряд кремации тела Г.-Ж. Тугулдуrowа.

Таким образом, биография состоит из 4-х крупных блоков: 1. Обучение. 2. Реализация. 3. Принесение блага Дхарме и живым существам. 4. Описание ухода Г.-Ж. Тугулдуrowа из жизни. После обучения Г.-Ж. Тугулдуrow занимается медитацией в Цугольском дацане, далее описываются деяния принесения блага и посмертная медитация тукдам. Упоминаются некоторые события мистического характера. Например, Г.-Ж. Тугулдуrow говорит о своем видении Цонкапы над собой во время медитации на тукдам, описываются необычные сны учеников и удивительные природные явления.

Преподавание Г.-Ж. Тугулдуrowым санскрита и использование в намтаре санскритских слов (гандола, пундарика) подтверждают популярность санскрита у бурятского духовенства того времени. Кроме того, как выяснилось в ходе исследования, Г.-Ж. Тугулдуrow составил небольшой «Подстрочный санскритско-тибетский словарь с разъяснениями, составленный чодже три-ринпоче (драгоценным настоятелем)» (тиб. «*chos rje khri rin po che mdzad pa'i rgya bod kyü skad gnyis shan sbyar gyi brda yig rtsom 'phro can bzhugs so*»)¹ [*chos rje: 7r*], который был издан ксилографическим способом. В его колофоне говорится: «Эти разъяснения чодже три-ринпоче Келсанг Джинпа Пелсангпо напечатаны в Дечен Лхундуплинге»² [*chos rje: 7r*]. Следует добавить, что и в главном труде Г.-Ж. Тугулдуrowа — тибето-монгольском словаре «Светильник, освещающий значение слов» содержится много санскритских слов.

3. Транслитерация и перевод биографии Г.-Ж. Тугулдуrowа

[1r] bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i nam thar gyi sa bon bzhugs/

‘Семена биографии настоятеля монастыря Дэчен Лхундуплинг чодже Келсанг Джинпа Пелсангпо’

[1v] (1) skal ldan legs spyad dri bzhon gyis drangs shing/ mkhas btsun bzang po'i yon tan 'od kyi gzis/ gdul bya'i 'dzin mar dge legs dpal sbyin pa/ rje btsun bla ma nyin byed dbang po rgyal/

— ‘Движением ветра³ благоденствий, одаренных удачей,

² Тибетский текст из колофона словаря: *chos rje khri rin po che skal bzang sbyin pa dpal bzang po'i gsung rtsom 'phro 'di ni chos sde chen po bde chen po bde chen lhun grub ling nas dpar du bsgrubs so* [*chos rje: 7r*].

³ Тиб. *dri bzhon* — ветер, букв. перевозчик запаха.

Духовных лиц¹ достоинств сияющим светом,

Дарующий великолепии добродетелей и блага на земле учеников²,

Досточтимый³ гуру, могущественный царь солнца’.

(2) mgon khyod mdzad bzang sngo bsangs dpal mo’i mtha’/ bdag ‘dra’i byis blo’i bye’us gzhal ‘dod pa/ don med yin kyang rang gzhan dad pa’i gsos/ snying la ‘jog nas cha tsam mtshon ‘di’o/

‘Покровитель, границы великолепного неба⁴ Ваших прекрасных деяний,

Птенцу с детским умом подобному мне, желающему их измерить,

Пусть и бессмысленно, но для вскармливания веры своей и других,

Представлю здесь частично хранимое в сердце’.

(3) dge mtshan bcu ldan A go’i dbyig ‘dzin ldor/ rigs rus cho ‘brang phun tshogs yab yum gyi/ sras su glang lo’i sa ga’i tshes bdun par/ bsam bzhin srid pa gzhon nu’i zlos gar bstan/

‘С десятью благоприятными знаками на золотой земле⁵ Аги

Сознательно показал в сансаре юную эманацию, родившись,

Сыном у родителей со знатной родословной

Седьмого числа месяца сака в год быка⁶’.

(4) sku yi na tshod sgong rgya ma grol dus/ ngo tsha khrel yod dran dang shes bzhin sogs/ dam pa’i rang rtags ngo mtshar dbyangs snyan can/ rgyal sras ka la ping+ka skye dgu’i dpyid/

‘Будучи в возрасте «неосвободившегося из яичной скорлупы», обладал

Бдительностью, памятованием, чувством стыда, совести и другими

Беспримечательными характеристиками высших, словно мелодичный

Бодхисаттва Калапинка, восхищающий всех живых существ’.

(5) dung lo bdun par nyid kyī yab bsten nas/ bod sog yi ge dkar nag bris klog sbyangs/ ‘dul ‘dzin chen po blo bzang thabs mkhas las/ dge bsnyen rab ‘byung dge tshul sdom pa bzhes/

‘Опираясь на отца с семи лет

Освоил тибетское и монгольское чтение и письмо.

От держателя виной монаха Лосанга Табке

¹ Духовное лицо — mkhas btsun bzang po; букв. мудрый, чистый и благой. shes bya rig pa’i gnas la ma rmongs pa dang sgo gsum gyi nyes spyod sdom pa’i tshul khirms gtsang ba dang, gzhan phan gyi lhag bsam rnam par dag pa ste gsum. Мудрый — не заблуждающийся в отношении познаваемого; чистый — дисциплина воздержания от неправильного поведения телом, речью и умом; благой — совершенно чистое сверхнамерение о благе других.

² Тиб. gdul bya — букв. те, кого нужно усмирить.

³ Досточтимый (тиб. rje btsun) — букв. чистый (тиб. btsun) владыка (тиб. rje) — эпитет лам, достигших высоких духовных реализаций.

⁴ Тиб. sngo bsangs dpal mo — небо, букв. великолепно чисто-синее.

⁵ Тиб. dbyig ‘dzin; монг. алтан дэлхий — золотая земля [Бүрнээ, Энхтөр 2001: 334].

⁶ Согласно восточному календарю, год коровы соответствует 1817 г., а сака — четвертый месяц — выпадает на май, поэтому дату рождения Г.-Ж. Тугулдукова можно обозначить 7 мая 1817 г.

Обеты упасаки¹, правраджьи² и шраманеры³ получил⁴.

(6) *gzhan yang gzhon nu'i dus nas mdo dang rgyud/ thun mongs rig gnas rnam*
la 'bad rtsol gyi/ ngal ba mi dgos gzigs pa tsam nyid nas/ thugs su chud pa'i rmad
'byung mdzad bzang gngang/

Помимо того, с юных лет проявил

Прекрасное удивительное понимание сутр, тантр и

Прочих общих наук лишь с момента их рассмотрения

При этом без нужды уставать от усилий изучения'.

(7) *bstan pa'i rtsa lag khri chen lhun grub pa'i/ zhabs la grtugs nas chos spyod*
'don cha'i rigs/ thugs 'dzin mdzad cing lam rim blo sbyongs sogs/ brgya phrag gnas
la blo gros snang ba rgyas/

Опираясь на стопы Друга Учения — настоятеля Лхундупа⁵,

Освоил науки практик Дхармы и чтения текстов,

Опытное понимание ламрима, лоджонга и прочих,

Областей многочисленных развил в уме'.

(8) *khyad par rje 'di'i drung na gso rig gi/ gzhung brgyar mkhas tshul gngang tshe*
g.yu thog pa/

gzhon nu'i brdzu la brten nam ci zhis zhes/ mi yul lta ci lha yul gleng bar nges/

Особенно, когда возле этого Владыки (Лхундупа)

Обучался сотням коренным текстам медицины

«Он подобен воплощению молодого Ютокпы» говоря,

Одобряли его не только в мире людей, но и в мире богов'.

(9) *gtsug lag smra mkhas blo bzang rdo rje yi/ drin gyis rtsis kyi skor la spyangs*
pa'i skabs/ chung dus 'di dra ma 'ong nges rgyal zhes/ rgya mtsho rnam gsum zhing
gzhan bros kyi dogs/

Когда он получал учения по астрологии в силу доброты

Красноречивого в изложении Дхармы Лосанга Дордже

«Когда-нибудь подобный малый станет триумфатором», — говоря,

Колебаться бы начали даже три Гьяцо, не бежать ли им в другие края'.

(10) *de ltar gtsug lag gzhung bgyar mkhas pa'i stabs/ dgung lo bcu gnyis chos*
gling dgon btab tshe/ lto 'phye'i thig btab la [2r] sogs de skor kyi/ las khur bzhes sogs
zla grogs gzhan mi mnyam/

Обучаясь таким образом в сотнях монастырских учений,

Он принял участие в основании монастыря в двенадцать лет,

Очертив на земле линии нага⁶ и возложив на себя другие

Обязанности того круга, был несравним с остальными товарищами'.

(11) *rig gnas sbyangs pa'i rgya ser blon po che/ legs sbyar skad las brtsams pa'i*
dris pa 'ga'/ gzhan las dris tshe rje 'dis de yi lan/ thogs med gngang pas bsngags brjod
me tog 'thor(d)/

¹ Тиб. dge bsnyen, санскр. упасака.

² Тиб. rab 'byung, санскр. правраджья.

³ Тиб. dge tshul, санскр. шраманера.

⁴ В послужном списке самого Г.-Ж. Тугулдунова говорится о том, что он стал хува-
раком 15 ноября 1826 г., принял обеты гецула 27 марта 1831 г., обеты гелонга — 17 ок-
тября 1843 г. [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 191. Л. 40].

⁵ Настоятель Лхундуп — Лубсан Лхундуб Дандаров (1781–1859), первый настоя-
тель Цугольского дацана.

⁶ Тиб. sa bdag lto 'phye'i thig.

‘Однажды большой русский сановник, изучавший науку,
Отдельные вопросы по санскриту задал.
Ответил на них Владыка свободно и лучше других,
Отчего был осыпан цветами похвал’.

(12) dgung lo bco brgyad dus su hal ha ru/ rje btsun dam pa'i gdan sa chen mor
mjal/ sangs rgyas dngos gnas sku phreng lnga pa sogs/ bshes ngyen nams las chos
bka' mang du gsan/

‘В восемнадцать лет посетив в Халхе
Великую монастырскую резиденцию Джебдзун Дамбы,
Выслушал от настоящего будды Пятого Богдо-гэгэна¹ и других
Высших наставников множество духовных наставлений’.

(13) der ni dka' bcu smra dbang shes brgya zhes/ grags snyan 'brug stong ldir
ba'i mkhas chen dang/ chos kyi gsung gleng mdzad tshe gang de'i thugs/ dbang med
'phrog pa'i don yod zhags par gyur/

‘В том месте был капчу по имени Мраванг Шегья²,
Великий мудрец, слава о ком грохотала как тысяча громов.
Во время обсуждений Дхармы ум того (Шегья),
Вопреки воле был схвачен неизменным арканом’.

(14) dgung lo bcu dgur mkhan chen mchog gi bkas/ bshad sgrub 'byung gnas bkra
shis chos 'phel gyi/ chos rjer bska bzhag gnang pas chos sde 'di'i/ chos srid gang cir
phan tshul mtha' yas mdzad/

‘В девятнадцать лет³ по настоянию великого кхенпо
В монастыре «Шедруб джуннэ чойпел⁴»
В должности чодже⁵ был утвержден и принес ему
Всесторонне неисчислимую духовную и светскую пользу’.

(15) grub pa'i dbang phyug skal bzang bzod pa'i drung/ bde bsang 'jigs gsum
rdo rje phreng ba'i dbang/ snar thang brgya rtsa'i rjes gnang la sogs pa'i/ zab gsang
chos kyi gan mdzod bdag gir bzhes/

‘Пребывая близ владыки сиддхов Келсанг Сопы⁶,
Приняв посвящения Чакрасамвары, Гухьясамаджи, Ямантаки и Ваджрамалы,
Помимо этого, дженанги Нартанг гьяца⁷ и других учений,
Получил сокровищницу глубоких и тайных учений’.

(16) 'phags pa'i gnas brtan gser khog bka' 'gyur pa'i/ zhabs pad drung nas spong

¹ Тиб. sangs rgyas dngos gnas sku phreng lnga pa — Богдо-гэгэн V Лосанг Цульгим Джигме Тенпей Гьялцен (1815–1841).

² Монгольский габжа-лама XIX в. Шижээ Агваандондов из Их хурээ.

³ Согласно возрасту Г.-Ж. Тугулдунова, это 1836 год. Хамбо-ламой тогда был V-й Пандидо Хамбо-лама Данзан-Гаван Ешижамсуев (1770–1839).

⁴ Тиб. bshad sgrub 'byung gnas bkra shis chos 'phel ling — «Источник теории и практики, умножающий счастливое Учение», название Цугольского дацана.

⁵ Чодже (тиб. chos rje; в бур. прочт. Соржо) — почетный тибетский титул, означающий «Владыка Дхармы».

⁶ Галсан Содбо (Келсанг Сопы), более известный как Хорчид гэгээн из хошуна Ара Хорчин Южной Монголии [Нацов 1998: 69]

⁷ Тиб. snar thang brgya rtsa «Сто садхан традиции Нартанга» — цикл садхан линии Атиши.

ba bdun ldan gyi/ bslab gzhi mnos nas mna' dus 'phag yul gyi/ gnas brtan¹ nye bar
'khor de slar byon bzhin/

‘Пред лотосами стоп благородного стхавиры Серког Ганжурвы
«Преисполненного семью отвержениями» — основу обучения
Получил и во время принятия клятвы это стало подобным новому
Приходу стхавир и близкого круга в Благородной стране².’

(17) rdo rje 'chang dngos dznyA na dhwa dza'i zhabs/ bsam sbyor gnyis kyis bsten
nas zab rgyas chos/ spyi dang khyad par rdo rje theg pa dang/ mtshan nyid gzhung
brgyar mkhas tshul rmad 'byung mdzad/

‘Ваджрадхары действительного Джняна Дхваджы стопы,
В мыслях и деяниях почитая, проявил удивительный путь обучения,
В общей глубокой и обширной Дхарме,
В особой ваджраяне и в сотнях коренных текстах философии’.

(18) [2v] don la mi rmongs ster ba'i sgra (m)tshams sbyor/ tshig brgyan snyan
pa'i dngags kyī rig byed dang/ rtsom pa sdebs la gal che'i sdebs sbyor sogs/ smra la
lha yi bla ma'ng skyengs byed mkhan/

‘В грамматике санскрита и поэтике, что украшает речь,
Важных для стихосложения и прочем,
В их смысле не заблуждаясь при изложении,
Вызывал стыд даже у учителей богов’.

(19) mdor na mdo rgyud rig gnas lha lam du/ mkhyen pa'i dkyil 'khor thogs med
rgyu ba yis/ mkhas pa'i nya gang zla bar grub pa'i gtam/ phyogs kyī bu mo'i rna ba'i
rgyan du gyur/

‘В силу беспрепятственного движения мандалы познания
В небесах³ наук сутр и тантр
В полную луну мудрецов, обратившаяся слава
Всех небесных дев украсила слух’.

(20) rmad 'byung yon tan gter du grub pa'i zil/ ma bzod che dgu dag gi gtsug
gnas pa'i/ mdzes sdug gcod pan gcig char lhung byed kyang/ snyems pa'i dri ma rdul
snyed tsam mi mnga'/

‘Ослепительная сокровищница удивительных достоинств, —
Ошеломляющих великих цариц⁴ венчающая корона,
Опустилась мгновенно хотя [на его голову],
Он был свободен даже от пылинки загрязнения гордыней’.

(21) gang gi phul byung mchog tu dge ba'i thugs/ bstod pas mi g.yo rdo rje lhun
po'i spun/ smad pas mi 'khrugs 'o ma'i rgya mtsho'i zla/ sus kyang pags dka' kun
khyab nam mkha'i grogs/

‘В высшей степени превосходный его добродетельный ум —
Ваджрной горы неподвижной от восхвалений брат,
В покое неколебимом от порицаний молочного океана луна,
Всеохватного неба, кем-либо трудноизмеримого друг’.

— (22) rje btsun blo bzang bstan 'dzin rab rgyas zhab/ mdo sngags smra mkhas blo

¹ Стхавира (санскр. sthavira) — старейшие монахи сангхи, считавшиеся достигшими статуса архата, тибетским аналогом которого является слово gnas brtan или rgan rgon.

² Тиб. 'phag yul — Индия.

³ Тиб. lha lam — небо, пространство; букв. путь богов.

⁴ Тиб. che dgu, монг. хатан ихэс — великие царицы [Бүрнээ, Энхтөр 2001: 155].

bzang 'od zer sogs/ mtshan ldan bshes gnyen du ma'i zhabs bsten nas/ mdo rgyud chos kyi bdud rtsi'i dpal la rol/

‘Стопы досточтимого Лосанг Тендзин Рабгье¹,
Сутры и тантры мастерски излагающего Лосанг Озера,
Стопы многих других Благих друзей, обладающих характеристиками, почитая,

Сутр и тантр великолепным нектаром Дхармы наслаждался’.

(23) mtshan ldan bshes gnyen de rnams legs tshogs kyi/ rtsa bar mthong nas tshul bzhin bsten pa la/ ‘gran zla bral bas rgyal sras nor bzang dang/ dus kyi rim pas so sor smos pa tsam/

‘Опираясь должным образом на благое собрание тех Благих друзей,
Обладающих характеристиками, рассматривая их корнем (пути),
От непревзойденного² Сына Победоносных Манибхадры³
Отделен лишь временным периодом, можно сказать’.

(24) sdom gsum rnam dag dga' tshal do ra ru/ bslab gsum nyams len rol rtsed rtse dga' yis/ sku gsum dpyid kyi smin legs sgeg pa mo/ sa gsum grags pa'i bsnyen thabs lhur len mkhan/

‘В саду чистых трех обетов⁴ на лужайке,
Веселится в танце практики трех обучений⁵,
Весенняя игривая красавица⁶ трех тел⁷, так
В трех землях известному методу приближения⁸ он себя посвятил’.

(25) bkra shis chos 'phel gling du bcad rgya'i khong/ [3r] yun ring bzhugs nas ngon 'gro'i khrid bzhi dang/ lhag pa'i lha mchog du ma'i bsnyen sgrub dang/ rim gnyis rnal 'byor sogs la nyams bzhes mdzad/

‘Пребывая в длительном строгом затворничестве в Таши Чойпеллинге,
Практиковал четыре подготовительные практики⁹,
Приближение и достижение многих высших,
Превосходных божеств, йогу двух стадий и другие практики’.

(26) bstan 'dzin mchog nyid bstan 'gro'i gsos dgongs tshe/ gzhan kyis lcigs dka'i gzhan don khur chen po/ ci 'dra zhig la'ng ci mi snyam pa'i blos/ btegs la mgrin pa btegs nas bsngags par 'os/

‘Высший Держатель Учения, думая о помощи Учению и живым существам,
Великую ношу блага других, которую трудно понять другим,
Взвалил без раздумий на плечи, стремясь помочь любому,

¹ Возможно, имеется в виду гобийский хутухта Лувсан Данзан Равжаа (1803–1857).

² Тиб. ‘gran zla bral ba — непревзойденный, букв. свободный от соперников.

³ Манибхадра (тиб. nor bzang) — великий бодхисаттва прошлого, известный почитанием своих учителей.

⁴ Три обета — обеты индивидуального освобождения, бодхисаттвы и тантры.

⁵ Три обучения — тренировка в нравственной дисциплине, сосредоточении и мудрости.

⁶ Красавица — тиб. smin legs; букв. прекраснобровая.

⁷ Три тела — дхармакая, самбхогакая и рупакая.

⁸ Метод приближения — тиб. bsnyen thabs.

⁹ Четыре подготовительные практики: 1. Прибежище (начитывание 100 000 раз мантры Прибежища). 2. Очистительная практика Ваджрасаттвы (начитывание 100 000 раз мантры Ваджрасаттвы). 3. Подношение мандалы 100 000 раз. 4. Гуру-йога (в гелук начитывание 100 000 раз мантры ламы Цонкапы).

Выражения похвалы это достойно’.

(27) chos sde chen po bkra shis chos ‘phel du/ mtshan nyid grwa tshang gsar du tshugs pa’i tshe/ bla ma mdzad nas chos grwa’i ‘chad nyan la/ phan pa’i thabs tshul rnam pa du mas mdzad/

‘Во время возведения нового цаннид-дацана¹,

В великом монастыре Таши Чойпел став учителем,

Внес много практических методов

В преподавание и слушание в монастырской школе’.

(28) srid zhi’i rgud mun bsel pa’i sgron me mchog/ ‘gro kun phan bde’i ‘dod ‘jo yid bzhin nor/ rgyal ba’i bka’ dang dgongs ‘grel ‘gyur ro cog /gdan ‘dren skor la rje ‘dis thugs khur bzhes/

‘Высший светильник, рассеивающий темноту бед сансары и нирваны,

Всю желанную пользу и счастье всех скитальцев дающий чинтамани, —

Все Слово Победителя и комментарии², все, что было переведено,

Владыка взял на себя ответственность насчет их приглашения³’.

(29) gzhan yang dgon sder brgya byin khang bzang yang/ pham byed snyam ‘dra’i mdzes ldan gan+dho la/ rnam ‘dren stong gi gser sku bzhangs bcug dang/ sman grwa tshugs sogs sku drin bsam las ‘das/

‘Прекрасную гандолу⁴ в монастырском комплексе, красотой

Побеждающую даже дворец Индры, основал.

Принял участие в поднятии⁵ тысячи тел золотых будд,

Построил манба-дацан⁶ и т. д. — (его) доброта за пределами осмысления’.

(30) mi yi dbang po tshe ring bkra shis yis/ pa’i gal rgya mtsho’i lho brgyud gdan drangs ste/ bstan ‘gro’i don rnam rlabs chen mdzad pa las/ phyogs de’i skal ldan phan bde’i dpal la bkod/

‘Правитель Цырендаши однажды

Пригласил Владыку на южную сторону Байкала.

Плодотворно реализовав цели Учения и живых существ,

Привел счастливиц той стороны к великолепию блага и счастья’.

(31) bde chen lhun grub gling du chos kyi khrir/ phebs nas las khur bzhes skabs bca’ khrims kyis/ khrims ‘chal mang po’i rtsing spyod dri ma yis/ mog par byas gang physis dor rmad ‘byung mdzad/

‘Позже, воссев на дхармовый трон Дечен Лхундуплинга и

Приняв должностные обязанности, по законам (того) времени

Проявил удивительное деяние вычищения всех пятен от грязи

Плохого поведения многих нарушителей дисциплины’.

(32) gsung rab gnad don bde blag [3v] rtog pa’i thabs/ gzhung bod rnam lnga smra pa’i rig pa’i grwa/ gsar du tshugs pas ‘chad nyan nor bu’i ‘od/ thub bstan de nyid gsal ba’i dpyid du ‘bar/

¹ Цаннид-дацан — философский факультет.

² Имеются в виду собрания Ганжур и Данжур.

³ Здесь под «приглашением» имеется в виду доставка Ганжура, Данжура в уважительной форме.

⁴ От санскр. gaṇḍola — буддийский храм.

⁵ Тиб. bzhangs — букв. поднял. Почтительное слово, в данном контексте подразумевающее создание, строительство, установление и т. д.

⁶ Манба-дацан — медицинский факультет.

Коренные пять наук изучающий дацан ¹,

Как метод легкого постижения сущностного смысла превосходной речи²,

Когда вновь основал, то драгоценный свет преподавания и слушания

Классической Дхармы в действительности ясно и великолепно воссиял’.

(33) rgyab gi mchog sprul bstan ‘dzin rab rgyas sogs/ dam pa’i skyes mchog lan
mang gdan drangs nas/ bstan ‘gro’i don dmigs bka’ chos mang zhus dang/ sku rim
zhabs brtan dpag yas sgrub ‘jug mdzad/

‘Превосходного Гьябги-тулку Тендзин Рабгье и других,

Превосходных святых много раз приглашая,

Попросив для блага Учения и скитальцев множество учений,

Провел множество коллективных ритуалов для продления жизни³’.

(34) bka’ brtan⁴ ‘gyur ro cog kun gdan ‘dren dang/ sangs rgyas stong gi gser sku
bzhengs ‘jug dang/ khams tshan so sor gnas brtan kun rig sogs/ ‘don cha’i srol nams
tshugs sogs phyag rjes mang/

‘В «приглашении» Ганжура и Данжура — всего, что было переведено,

В поднятии⁵ золотых статуэток тысячи будд участвовал и

В каждом секторе монастыря установил традицию чтения

Вайрочаны-Кунрига, Найдана и совершил много других славных деяний⁶’.

(35) mdor na chos sde ‘di chos dang srid/ gang gi sgos kyang mig ‘bras ltar
skyongs pas/ bka’ drin khur du grub na nor ‘dzin yang/ mi theg sngon med ‘dus sde
rgya mtsho’i mgon/

‘Подводя итог, все духовные и светские дела этого монастыря,

Подобно своим глазам с какой-бы ни было стороны, охранял.

Превратить если в груз его доброту, то даже земля⁷ не выдержит,

Покровитель неподобный океана общин’.

(36) nag po’i chos la yid rton bsod nams dman/ ‘tshun ‘dre yi dwags skyabs su
bsten pa nams/ thabs mkhas ‘phrul gyis gyal pa’i bstan pa la/ ‘dzud nas sa mtha’i
mun gling dkar por bsgyur/

‘Вверившие себя черным учениям с низкими духовными заслугами,

В духах и претах принявшие прибежище,

В Учение Будды искусными методами чудесных сил

Введя их, темное место крайней земли в белое обратил’.

(37) dbang phyogs hal ha’i me tog phog pa’i lha/ rje btsun dam pa’i gdan sar
yang phebs nas/ kun bzang bsod nams zhing brgyar bkur mchod sogs/ bstan ‘gro’i
don dmigs nam dkar dpag yas bsgrub/

‘Вновь прибыв в резиденцию Джебдзун Дамбы —

Восточной⁸ Халхи божества, дарующего цветы,

Воздав уважение сотням всеблагим полям заслуг,

Во благо Учения и скитальцев свершил неизмеримые белые дела’.

¹ Факультет исследования пяти наук.

² Тиб. gsung rab — превосходная речь, эпитет Слова Будды.

³ Тиб. zhabs brtan — продление жизни, букв. укрепление стоп.

⁴ По всей видимости, brtan это описка. тиб. bka’ bstan ‘gyur (Ганжур и Данжур).

⁵ Тиб. bzhengs — в данном контексте означает «создание».

⁶ Тиб. phyag rjes — славные деяния, букв. отпечатки рук.

⁷ Тиб. nor ‘dzin — земля, букв. держащая богатства.

⁸ Тиб. dbang phyogs — поэт. восточная, букв. могущественная сторона.

(38) yid bsrub 'ga' yis thub bstan sgron me la/ gnod 'tshe'i rlung dmar skyel tshe rgyal po'i sar/ dka' spyod du mas mi sna ched mngags pas/ da drung 'chad nyan yar rgyas khyod kyī drin/

‘Случилось, что, когда некоторые смутьяны стали вредить
Свирепым ветром светильнику Учения Муни, в землю царя
Со многими испытаниями были отправлены посланники, от чего
Снова развилось преподавание и слушание — это ваша доброта’.

(39) rmad 'byung thugs skyed sprin [4r] rum las byung ba'i/

zab rgyas chos gsung bdud rtsi'i char rgyun kyis/

bskyangs pa'i thugs sras pun+da ri ka'i tshogs/

thub bstan mtsho rdzings brgyan gyur grangs las 'das/

‘Продолжительный дождь проповеди глубокой и обширной Дхармы

Пролился из гущи облаков удивительной заботы на

Прекрасные украшения корабля Учения Муни, бессчетных

Пундарик скопление¹ — лелеемых духовных сынов’.

(40) mgrin pa longs spyod 'khor lo'i bang mdzod las/ mdo sngags rig gnas gnam
gyi mi 'zad nor/ gdul byar bgo bsha' 'gyed pa grangs med na'ng/ yi ge'i gzugs su
'phos nmams po ti gcig

‘Все неистощимые драгоценности — слова сутр и тантр,

Возникшие из сокровищницы чакры наслаждения в горле,

Всем ученикам розданные, хотя и были бесчисленны,

В форме букв оформились в одном ботхи’.

(41) mdor na bstan 'gro yongs la phan thog pa'i/ mdzad bzang yal ga'i khyon
yangs rtse me² nas/ 'phral dang yun gyi dge legs 'dod dgu'i dpyid/ ci dgar stsol ba'i
mnyam med dpag bsam ljon/

‘Вкратце, с вершин протяженных ветвей прекрасных деяний,

Всецело держащих пользу и благо Учения и скитальцев,

Временных и длительных счастья и благополучия благодать,

Все, что желанно, дарующее несравненное древо исполнения желаний’.

(42) thub bstan snang byed khyod kyis chos dbyings su/

gzims bltas 'khrul med yul gyi grwa slob 'ga'/

nyi zla nub rmis dkar phyogs skyongs pa'i lhas/

mya ngan 'dzin ltas bu yug 'tshub sogs byung/

‘Проясняющий Учение Муни, когда вы в дхармадхату

Постигли ясный свет, некоторым безукоризненным ученикам

Приснилось, как солнце и луна опустились, а божества белой стороны,

Печаль испытав, вызвали снежную бурю и другое’.

(43) sku yi bsnyung gzhi je cher song na yang/ zhabs gnyis rdo rje dkyil krun
ma grol bar/ thugs dam 'chag med mdzad cing gshegs kha'i skabs/ 'jam mgon btsong
kha nga'i steng bzhugs yod gsung/

Но даже при развивающейся болезни тела,

Не высвобождая³ ноги из ваджрного скрещения,

¹ Пундарика (санскр. puṇḍarīka) — цветок лотоса.

² Здесь, по всей видимости, тиб. *me* — описка, должно быть — тиб. *rtse mo*.

³ Поскольку *ma grol ba* также означает скрепляющую повязку для удержания позиций в йоге, то, возможно, что Г.-Ж. Туулдуров использовал эту повязку во время медитации для удержания ваджрной позы.

Не нарушая тукдам¹ на границе жизни и смерти, сказал:
«Надо мной Мягкий покровитель² Цонкапа пребывает».

(44) *gzhan yang de dus bstan dang 'gro ba la/ snying ltar gces spras mdzad pa'i*
gsung gnang nas/ spyan chab bsil zhing 'byung gyur mngon sum du/ gzigs pa'i gsung
gsang don ldan 'ga' zhig gsungs/

‘Помимо того, в то время для Учения и скитальцев,
Подобных сердцу с большой заботой даруя наставления,
Пролив слезы, непосредственно видя будущее,
Проповедал некоторые наполненные значением тайные наставления’.

(45) *de ltar rang cag 'gro pa'i (ba'i) skyabs mgon rje/*
rje btsun thugs rje'i spyan ldan chos kyi dbyings/
dbyings rig dbyer med nang du sprel lo'i ston/
ston mtha'i bco brgyad gzugs sku'i bkod pa bsdus/
‘Подобным образом наш Владыка, покровитель и защитник скитальцев,
Преисполненный оком сострадания внутри недвойственного
Пространства и осознания дхармадхату растворил,
Проявление рупакаи в конце осени³ восемнадцатого числа в год обезьяны’.

(46) *de tshe gnyis [4v] snang spros med 'od gsal du/*
zhag lnga bzhugs ring nam mkha'i ngos dag cing/
rlung gi rgyu ba phra mo'ang med sogs ni/
nang gi mngon byang mtshon byed phyi yi rtags/
‘Во время пребывания в ясном свете, лишенном видимостей и концепций,
В течение пяти дней лик небосклона оставался чистым.
Ветерка даже тончайшего движения не было, были и другие
Внешние знаки, указующие на внутреннее явное пробуждение’.

(47) *de rjes thugs dam grol dus rang nyid kyis/*
dbu dang phyag gnyis yar la btegs pa dang/
phyi nang nye 'khor dri zhim thul ba⁴ sogs/
ya mtshan rang rtags 'gog rgyu med par ston/
‘Позже во время завершения тукдама самопроизвольно
Поднялись вверх его голова и две руки,
Повсюду вокруг — внутри и снаружи — распространился аромат, и другие
Природные необычные знаки неотрицаемо⁵ показал’.

(48) *'di tshe gnas gsum dpa' bo mkha' 'gro'i tshogs/*
dga' ldan mkha' spyod dag pa'i zhing khams su/
gdan drangs ched du lha yi mchod rdzas dang/
rol mo'i sgra bcas bsu la 'brel bar nges/
‘В это время собрания даков и дакинй трех миров,
В чистые земли Тушиты и Кхечары его пригласили,
Встречая с божественными субстанциями подношений,

¹ Тиб. *thugs dam* — здесь посмертная медитация на ясный свет — наитончайшее сознание ума, естественно проявляющееся во время умирания.

² Джамгон — эпитет божества Манджуши.

³ Скорее всего, 18 ноября 1872 г.

⁴ Тиб. *thul ba* — вероятно описка, должно быть *'thul ba*, означающее «проникать, распространяться».

⁵ Тиб. *'gog rgyu* — то, что должно быть опровергнуто; то, что следует отрицать.

Вместе со звучанием музыки, определенно’.

(49) dgongs rdzogs ched bskrun nam dkar mtha’ klas zhing/ sku gdung sbyangs
mthar gser gyi mchod rten nang/ bzhugs su gsol ba bde chen lhun grub kyil/
rten gtsor gzhas pa skyes dgu’i bsod nams zhing/

‘Проводя похоронный обряд, безгранично особо увеличивающее’¹

Поле добродетелей — его реликвии после очищения внутрь золотой ступы,
Пребывать моля, Дечен Лхундупа главной святыней —

Полям заслуг девяти видов живых существ, установили’.

4. Заключение

Проанализированный письменный памятник является ценным источником по биографии Г.-Ж. Тугулдунова и особенностям развития буддизма среди бурят. Кроме того, он представляет собой прекрасный образец письменного тибетского поэтического творчества бурят XIX в. Биография Г.-Ж. Тугулдунова передает некоторые важные даты с его жизни: рождения (7 мая 1817 г.), начала обучения письму и принятия первых буддийских обетов (1824 г.), поездки в Монголию (1835 г.), принятие должности чодже в Цугольском дацане (1836 г.), и дату смерти (18 ноября 1872 г.). Также благодаря биографии установлено, что известная делегация бурят к императору Александру II 1872 г. была инициирована при участии Г.-Ж. Тугулдунова, о чем не упоминается в других источниках. К сожалению, некоторых учителей Г.-Ж. Тугулдунова не удалось идентифицировать.

Упомянутое в биографии письменное наследие Г.-Ж. Тугулдунова в виде одного тома, по всей видимости, утрачено. Как было отмечено ранее, на сегодняшний день к идентифицированным трудам Г.-Ж. Тугулдунова относятся 5 работ. Однако в ходе этого исследования нами была обнаружена еще одна неизвестная работа Г.-Ж. Тугулдунова: «Подстрочный санскритско-тибетский словарь с разъяснениями, составленный чодже *три-ринпоче* (драгоценным настоятелем)».

Полученные в результате исследования сведения подтверждают важность введения в научный оборот неизвестных биографий бурятских лам. Помимо сведений о жизни и деятельности самих лам, биографии также содержат ценные исторические сведения, позволяющие реконструировать события определенного периода.

Сокращения

монг. — монгольский

стпм. — старописьменный монгольский

тиб. — тибетский

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

bde chen — bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po’i nam thar gyi sa bon bzhugs (= Семена биографии настоятеля монастыря Дечен Лхундуплинг соржо Келсанг Джинпа Пелсангпо). 1г-4в. Тибетский фонд Агинского дацана.

chos rje — chos rje khri rin po ches mdzad pa’i rgya bod kyil skad gnyis shan sbyar gyi brda yig rtsom ‘phro can bzhugs so (= Подстрочный санскритско-тибетский словарь с разъяснениями, составленный чодже три-ринпоче (драгоценным настоятелем). 1г-7г. Монгольская национальная библиотека. Тибетский фонд (= Монгол улсын үндэсний номын сан, Төвд номын фонд). М-0059016-004.

¹ Тиб. ched bskrun.

Sources

- Bde chen lhun grub gling gi khri pa chos rje skal bzang spyin pa dpal bzang po'i nram thar gyi sa bon bzhugs In: Extracts of the biography of the monastery monk Dechen Lhundupling sorzho Kelsang Dzhipa Pelsangpo. 1r-4v. Tibetan Foundation of the Aginsky Datsan (In Tibetan)
- Chos rje khri rin po ches mdzad pa'i rgya bod kyi skad gnyis shan sbyar gyi brda yig rtsom 'phro can bzhugs so (Subscript Sanskrit-Tibetan Dictionary with explanations compiled by Chodzhe Tri-Rinpoche (the sacred abbot). 1r-7r. The Mongolian National Library. The Tibetan Foundation. M-0059016-004 (In Tibetan).
- State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Базаров и др. 2017 — Базаров Б. В., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. 1. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы. Иркутск: оттиск, 2017. 675 с.
- Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи. Улан-Удэ; Курумкан: Курумканская тип., 1995. 199 с.
- Бүрнээ, Энхтөр 2001 — Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Төвд Монгол толь (= Тибетско-монгольский словарь). Улаанбаатар: Цээл эрдэнэ, 2001. 534 х.
- Вакунин 2018 — Вакунин Д. В. Книгоиздательская деятельность Агинского дацана во второй половине XIX – начале XX в. Данные новых исследований библиографических списков // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Седьмые Доржиевские чтения. Буддизм и современный мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 77–84.
- Востриков 1962 — Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 427 с.
- Гомбожав 2005 — Гомбожав С. Монголчуудын түвд хэлээр зохиосон зохиолын зүйл. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2005. 60 х.
- Дылыкова 1985 — Дылыкова В. С. Тибетская литература. Краткий очерк. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985. 240 с.
- Нацов 1998 — Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму в Бурятии. Ч. 2. Предисловие, перевод, примечания и глоссарий Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 187 с.
- Пубаев 1965 — Пубаев Р. Е. Тибетско-монгольский словарь агинского бурята Хуацайского рода Галсан-Жимба Тугулдунова // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1965. С. 228–233.
- Чимитдоржин 2008 — Чимитдоржин Д. Г. О бурятских гэгэнах Хуухэн-хутукте и Ганчжурва-гэгэне // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье / сост. Ц. П. Ванчикова. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 600 с. С. 274–277.
- Berzin 1987 — Berzin A. An Introduction to Tibetan Astronomy and Astrology // The Tibet Journal. 1987. Vol. 12. No. 1. Pp.17–28.
- Sonam 2020 — Sonam Ts. The Role of Texts in the Formation of the Geluk School in Tibet during the Mid-Fourteenth and Fifteenth Centuries: Submitted in partial 216 fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy under the Executive Committee of the Graduate School of Arts and Sciences / Tsering Sonam. Columbia University, 2020. 364 p.
- Sumatiratna 1959 — Sumatiratna. Bod hor kyi brda yig ming tshig don gsum gsal bar byed pa mun sel sgron me (Töbed mongyol-un dokiyan-u bičig ner-e üge udqa yurban-i todurayulun qarangyui-yi arilayuci jula = Тибетско-монгольский словарь, разъясняющий выражения, слова и значения, факел, осветивший тьму). Ulaanbaatar, 1959. 2632 p.

References

- Bazarov B. V., Zhalsanova B. C., Kuras L. V. The History of Aginsk Steppe Duma in Documents of Republic of Buryatia's State Archive (1839–1904). Pt. 1: Formal and Service Lists of Officials of the Aginsk Steppe Duma. Irkutsk: Ottisk, 2017. 675 p. (In Russ.)
- Berzin A. An Introduction to Tibetan Astronomy and Astrology. *The Tibet Journal*. 1987. Vol. 12. No. 1. Pp. 17–28. (In Eng.)

- Burnee D., Enhtor D. Tibetan-Mongolian Dictionary. Ulaanbaatar: Tsel erdene, 2001. 534 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts., Chimitdorzhiev Sh. (comp.). Buryat Chronicles. Ulan-Ude; Kurumkan: Kurumkan Printing House, 1995. 199 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhin D. G. About the Buryat Gegens Khuukhen-khutukt and Ganchzhurva-gegen. Land of Vajrapani. *Buddhism in Transbaikalia*. Ts. Vanchikova (comp.). M.: IPC “Design. Information. Cartography”, 2008. 600 p. Pp. 274–277. (In Russ.)
- Dylykova V. S. Tibetan Literature. Brief Essay. M.: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1985. 240 p. (In Russ.)
- Gombozhav S. Mongolian in Tibetan Works. Ulaanbaatar: Soembo printing, 2005. 60 p. (In Mong.)
- Natsov G.-D. Materials on Lamaism in Buryatia. Pt. 2. G. Galdanova (pref., trans., notes and glossary). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. 187 p. (In Russ.)
- Pubaev R. E., Pubaev R. E. Tibetan-Mongolian Dictionary of the Agin Buryat of the Huatsai Clan Galsan-Zhimba Tuguldurova. Materials on the History and Philology of Central Asia. Ulan-Ude: BNTs Publishing House, 1998. 187 p. (In Russ.)
- Sonam Tsering. The Role of Texts in the Formation of the Geluk School in Tibet during the mid-14th and 15th Centuries: Submitted in Partial 216 Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy under the Executive Committee of the Graduate School of Arts and Sciences / Tsering Sonam. Columbia University, 2020. 364 p. (In Eng.)
- Sumatiratna. “The Lamp that Dispels Darkness”: Tibetan-Mongolian Dictionary. Ulaanbaatar: National Publishing House, 1959. 2632 p. (In Tib. and Mong.)
- Vakunin D. V. Book Printing Business of Aginsky Datsan in the second half of 19th century – beginning of 20th century. In: Kulganek I. V. (ed.). *Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art. 7th Dorzhiev’s Readings. Buddhism and Contemporary World*. St. Petersburg. In: Proceedings of the Conference, Ulan-Ude, 2016. Pp. 77–84. (In Russ.)
- Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. M.: Vostochnaya Literatura, 1962. 427 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Iss. 2, pp. 363–373, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 930(929)
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373

Сочинение Галсан-Жимбы Дылгырова «Товѳилан ѳокиауһан ѳаһин-и ѳируаи орусйа» («Кратко составленная хронология доктрины»)

Марина Васильевна Аюшеева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Аюшеева М. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Исследователи отмечали преемственность жанров религиозной литературы в тибетской и монгольской литературе. Среди тибетской исторической литературы ученые выделяют произведения жанра религиозной хронологии (тиб. *bstan rtsis*). Они представляют собой как краткие, так и обширные сочинения по истории религии. Содержащиеся в них даты, имена деятелей, названия монастырей и сочинений являются ценным источником по истории буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии. Среди монгольских авторов следует назвать Сумба-хамбо Ишбалжира (1704–1788), ордосского пандиту Лувсанлхундэба (XVIII в.), чахарского Лувсанцулжима (1740–1810), Ламын-гэгээн Лувсанданзанжанцана (1639–1704), Галсан-Жимба Дылгырова (1816–1872) и др. *Материалы и методы.* В статье рассмотрен ксилографический текст «Кратко составленная хронология учения» Галсан-Жимбы Дылгырова, отпечатанный в 1866 г. в Цугольском дацане, для сравнения привлечены рукописные списки с печатного варианта, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Результаты.* Дана источниковедческая характеристика проанализированных сочинений, рассмотрены значимые, по мнению бурятского ламы, даты в истории буддизма Индии, Тибета и Монголии. Выделены три системы датировки событий, в то же время отмечено применение летосчисления от Рождества Христова. *Выводы.* Рассмотренные списки характеризуют рукописные традиции бурятской книжности и позволяют сделать вывод о широком распространении и востребованности подобного рода сочинений. В плане анализа содержания следует отметить выборочность приводимых дат и событий, что подчеркивает важность данных событий для мировоззрения автора и его восприятия истории.

Ключевые слова: буддизм, история буддизма, хронология, старомонгольская письменность, ксилограф, источник

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания по проекту «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Аюшеева М. В. Сочинение Галсан-Жимбы Дылгырова «Tobčilan jōkiyaŷsan šasin-u jīruqai orusiba» // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 363–373. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373

The Essay «Tobčilan jōkiyaŷsan šasin-u jīruqai orusiba» («A Brief Chronology of the Doctrine») of G.-Zh. Dylgyrov

Marina V. Ayusheeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ayusheeva M. V., 2024

Abstract. Introduction. The genre and thematic classification of religious writings in the Old Mongolian language largely repeats those in Tibetan literature. Among the Tibetan historical literature, researchers distinguish the genre of religious chronology (*tib.* bstan rtsis). They are both short and extensive works on the history of religion. The dates, names of figures, names of monasteries and writings contained in them are a valuable source on the history of Buddhism in India, Tibet and Mongolia. Among the Mongolian authors, one should name Sumba-hambo Ishbalzhir (1704–1788), the Ordos pandit Luvsanlhundeb (18th century), the Chahar Luvsantsultim (1740–1810), Lamyn-gegeen Luvsandananzhantsan (1639–1704), Galsan-Zhinba Dylgyrov (1816–1872) etc. **Materials and methods.** The article examines the printed text of G.-Zh. Dylgyrov named as “Briefly compiled chronology of the doctrine” and its handwritten copies stored at the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS. This xylograph was printed in 1866 in the printing house of the Tsugolsky Datsan. **Results.** The biography and written heritage of Buryat lama is briefly overviewed. A source-based description of text is given, significant dates in the history of Buddhism in India, Tibet and Mongolia are considered. Three systems of dating events are identified. **Conclusions.** The considered lists allow to conclude that G.-Zh. Dylgyrov’s work “Briefly compiled chronology of the doctrine” was widely distributed and in demand, and once again handwritten copies of it emphasize the traditions of Buryat written culture. Writings of this type were important for dating events and describing Buddhist history. The selectivity of the dates and events cited should be noted, which emphasizes the importance of these events for the author’s worldview and his perception of history.

Keywords: Buddhism, history of Buddhism, chronology, Old Mongolian script, xylographs, sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 121031000263-3 “The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia”.

For citation: Ayusheeva M. V. The Essay «Tobčilan jōkiyaŷsan šasin-u jīruqai orusiba» («A Brief Chronology of the Doctrine») of G.-Zh. Dylgyrov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (2): 363–373. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-363-373

1. Введение

Жанровая и тематическая классификация сочинений религиозного характера на старописьменном монгольском языке во многом повторяет таковые в тибетской литературе. А. И. Востриков в своей фундаментальной работе, посвященной тибетской исторической литературе, называет основные разновидности тибетских исторических произведений: чойнчжуны — сочинения «сводного характера, посвященные изложению истории религии, философии и отчасти схоластической науки», летописи (лорчжуй), генеалогические сочинения, биографическая и мемуарная литература (намтары, тоб-иги, тэм-иги и т. п.), историко-библиографические и историко-географические описания (гарчаги, найшады и т. п.) и различные исторические повествования (лорчжуй) и предания (дамчжуды) об отдельных событиях и лицах, хронологические трактаты (данцзий, т. е. «хронологии доктрины») [Востриков 1962: 51]. В свою очередь Ш. Бира, отмечая сильное влияние тибетской историографии на монгольскую историографию, в особенности на историческую тибетоязычную литературу, указывал в ней такие заимствованные жанры, как чойн-жун (история буддизма), лор-жус (хроника, история), там-жуд (устная традиция), намтар (житие), тан-цэ (хронология) и т. д. [Бира 1960: 5].

Жанр религиозной хронологии (тиб. *bstan rtsis*) был хорошо развит в тибетской исторической литературе. Произведения этого жанра представляют собой как краткие, так и обширные сочинения по истории религии. Согласно Д. Мартину, ранние тексты служили для определения даты пребывания Будды и его последователей в Индии, более поздние сочинения этого жанра акцентируют внимание на датах по истории Тибета [Martin 2020: 26–27]. Содержащиеся в них даты, имена деятелей, названия монастырей и сочинений делают их ценным источником по истории буддизма в Индии, Тибете и Монголии. При этом хронологические таблицы могут быть как самостоятельным произведением, так и составной частью крупного произведения жанра чойчжун, например хронологическая таблица в сочинении Сумба-хамбо Ишбалжир «Пагсам чжонсан». Составление подобных сочинений занимает должное место в творчестве не только тибетских (см. библиографию Д. Мартина [Martin 2020]), но и монгольских авторов. Известен ряд монгольских авторов — Сумба-хамбо Ишбалжир (1704–1788), ордосский пандита Лувсанлхундэб (XVIII в.), Лувсанцултим (1740–1810), Ламын-гэгээн Лувсанданзанжанцан (1639–1704), Галсан-Жимба Дылгыров (1816–1872), Зава-Дамдин (1867–1937) и др., составивших сочинения по религиозной хронологии, в которых отражены важные вехи в истории монгольского буддизма [Шугэр 1991: 168–169; Бира 1960: 69–74; Мунх-Очир 2015: 24]. В статье будет рассмотрен небольшой текст под названием «Кратко составленная хронология доктрины» (*tobčilan jokiyaṅsan šasin-u jiruqai orusiba*), которая подготовлена бурятским ламой Г.-Ж. Дылгыровым и отпечатана в 1866 г. в Цугольском дацане, для сравнения привлечены рукописные списки с печатного варианта, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН).

2. Биография Галсан-Жимба Дылгырова

Галсан-Жимба Дылгыров (1816–1872) — известный бурятский просве-

титель, ученый лама, второй настоятель Цугольского дацана, автор тибето- и монголоязычных сочинений на разные религиозные темы¹. Широко известна его автобиография на тибетском языке, переведенная на монгольский язык Л. Тэрбишем [Тэрбиш 1998] и на бурятский язык Д. Д. Дарижаповой [Дарижапова 2001]. В ней содержатся подробные сведения о принятых им учениях и учителях, составленных сочинениях, приведены сведения по истории бурятских дацанов, о ламах и пр. [Ванчикова 2000: 85–100].

Галсан-Жимба Дылгыров родился в улусе Судунтуй Агинского ведомства Забайкальской области в семье зайсана Дэлгэра из рода батар харгана и Нанзандулмы [Батонимаева 2021: 332–332]. Он был младшим из трех братьев: старший Залаа, средний Намсарай и младший Эрдэни — имя, данное ему при рождении. Отец Дэлгэр был весьма религиозным человеком и ежедневно читал отпечатанный в Китае монгольский текст «Цагаан шухэртэ», но, когда мальчику исполнилось 2 года, отец заболел и умер [Дарижапова 2001: 8–9]. Первоначальную монгольскую грамоту Эрдэни освоил от старшего брата Залаа. В семь лет мальчик поступил хуваракон в дацанскую школу [Баяртуев 2001: 29–30]. В 1822 г. он принял обеты гэнэна и стал следовать за учителем Агван-Лубсан-Данзан-Одсэр-Балсамбу (Л. Дандаровым), который дал ему духовное имя — Лубсан-Жимба. Согласно «Автобиографии», в 17 лет получил тайное имя Мижид-Доржи, в 1840 г. принял обеты гелонга [Дарижапова 2001: 17, 21]. В летописи Р. Санжаева о нем сообщается: «После смерти ширетуя Л. Дандарова вторым ширетуюем был утвержден вышестоящим начальством в 1850 г. Галсан-Жимба Дылгыров из харганатского рода. Он был, как говорили прежде, большим ученым, который перевел с тибетского на монгольский язык много биографий и шаштр и издал их ксилографическим способом. Он на протяжении 4 сезонов в году соблюдал сам нинбу — медитативное созерцание, и трудно подсчитать количество прочитанных им книг. После его смерти в 60-летнем возрасте на должность третьего настоятеля Цугольского дацана был избран лама из этого же дацана Данзин Сумьяев из рода харгана» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-1-1². Л. 17г].

Жанровое многообразие сочинений Г.-Ж. Дылгырова представлено следующими жанрами: намтары, комментарии по Ламриму и другим сочинениям Цзонхавы, произведения дидактического характера («Mergen teneg-i sinjilekü sayin nomlal čayan lingqu-a-un baylay-a kemegdekü šastir orusiba» («Шаштра хорошего поучения различающая мудрых и глупых, называемая „Букет белых лотосов“»), грамматические работы («Mongγul-un jaγun qorin γurban üsüg orusiba» («123 монгольские буквы»), «Enedkeg-ün arban jirγuyan egesig kiged γučin dörben geyigülügčü üsüg-ün gesigün-lüge selte orusiba» («Индийских 16 гласных и 34 согласных вместе со слогами»), устав Цугольского монастыря, молитвы и др. Среди его сочинений исторического характера следует назвать «Tngri-eče jaγaγatai boyda činggis qaγan-u domuγ orusiba» («Предание о predetermined

¹ О каталогах сочинений Г.-Ж. Дылгырова см.: [Отгонбаатар 1998: 28–32; Сыртыпова и др. 2006: 56–65].

² «Orus-un güren-ü jegün sibir-e doruna aγši buriyad kemekü yasutan-u jon terigüten γaruγsan ba tegün dotur-a qori-γin arban nigen ečige-γin buriyad jon-u tegiüke bičig» (= История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав бурятской народности, проживающих в Восточной Сибири Российской империи) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М-1-1. 162 л.].

небом святом Чингис-хагане»).

3. Характеристика и краткий анализ содержания «*tobčilan jökiyaŷsan šasin-u jiruqai orusiba*»

В каталоге Цугольского дацана «*yal baras jil-eče ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un garšay*» («Гарчак монгольских книг, вырезанных на ксилографических досках, начиная с года огня-тигра») [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд (МФ). МП-261. 2 л.] сочинение «Кратко составленная хронология учения» перечислено девятым по списку. Как отмечала Х. Ж. Гармаева, в данный каталог включено 30 сочинений, в которых наблюдается несколько псевдонимов Г.-Ж. Дылгырова¹: самый распространенный — *Vagindr-a Sumati Kalpa Bhadr-a Da-a na* — встречается в двадцати двух сочинениях, именем *Öglige* подписаны 4 текста (№№ 4, 8, 11, 30), и псевдоним *Da-a na*, санскритский эквивалент монгольского слова *Öglige*, присутствует в колофонах трех работ (№ 14, 15, 16) [Сырых и др. 2006: 57]. Рассматриваемое сочинение подписано: *vagindr-a sumadi galpa bhadra da-a na*. Оно было вырезано на ксилографических досках в средний весенний месяц 1866 г. (*yal baras jil-ün temür taulai sar-a-dur* «в месяц железо-зайца года огонь-тигра»). Указание на дату составления в тексте приведено дважды, — помимо колофона на л. 6v, дата имеется на л. 5v: «Написал данное сочинение со времени ухода учителя Будды в год железо-обезьяны в 2827 г., по-русски в 1866 году огонь-тигра» [ЦВРК ИМБТ. Монгольский фонд. МП-280: 5v].

Согласно колофону, данное сочинение было составлено Галсан-Жимбой в 1866 г. на основе трактата Пугба-Лхундуб-Чжамцо («*phug pa lhun grub rgya mtsho*») «Устное наставление „Белый лотос“» («*šayan lingqu-a-yin aman-u esi*»). В работе Д. Мартина сообщается, что к 1447 г. относится создание *Bstan-rtsis*, хронологии истории буддизма, автором которой назван Пугба-Лхундуб-Чжамцо, основоположник астрологических расчетов традиции пуг, которая была стандартизирована к концу XVII в. [Martin 2020: 187]. Как сообщает Р. Е. Пубаев, сочинение «*legs par bshad pa padma dkar po'i zhal gyi lung*», известное под кратким названием «Бадгар-шаллун», было составлено Кхайдуб-Норсан-Чжамцо (1423–1513) и Пугба-Лхундуб-Чжамцо, оно пользовалось большим влиянием и известностью в тибетской историографии [Пубаев 1991: 7]. Подобные сочинения служили отправными точками для расчетов тех или иных событий. Следует отметить, что существует несколько точек зрения на дату рождения Будды. Определение хронологии тех или иных событий ведется как с даты рождения Будды, так и с даты его ухода в нирвану. Так, согласно сочинению «Бадгар-шаллун» рождение Будды относится к 961 г. до н. э. (год железа-обезьяны), а его нирвана — к 881 г. до н. э. (год железа-дракона).

В сочинении Галсан-Жимбы Дылгырова хронология начинается с указания года рождения Будды Шакьямуни «в год железа-обезьяны». Затем к определению даты по стихии и животному циклу добавляется указание на год рождения Будды. После 962 г. от рождения Будды даты соотнесены с «христианским» летосчислением: «В 962 г. [от рождения будды Шакьямуни] железо-курицы в

¹ Полное монашеское имя Галсан-Жимбы Дылгырова — Агван-Лубсан-Галсан-Жимба (тиб. *Ngag dbang blo bzang bskal bzang sbyin pa*; санскр. *Vagindra Sumati Kalpa Bhadra Dana*). Он часто подписывает свои работы санскритским вариантом имени — Вагиндра-сумати-галба-бхадра-дана, сокращенным вариантом тибетского имени — Галсан-Жимба или вариантами слова «даяние» — монг. *Öglige*, тиб. Жимба, санскр. Дана.

стране Россия воплотился Иисус Христос. Согласно российским законам, этот год железо-курицы стал считаться первым годом» [ЦВРК ИМБТ СО РАН Монгольский фонд. МП-280¹: 2v–3r]. В тексте «страна Россия» (rus-us orun-a) названа местом рождения Иисуса Христа, а словом «российский» (rus-un) обозначено соотнесение дат по хронологии от рождения Будды с европейским / христианским календарем, что отражает мировоззрение автора.

Таким образом, в сочинении приведены несколько систем календаря: первая — от рождения Будды, вторая — тибето-монгольская, первый рабджун которого начинается в 1062 г., третья — европейская, принятая в России. После 962 г., большинство дат указаны в соответствии с этими системами, например, «В 1988 г. [от рождения Будды], по-росийски 1027 г., огня-зайца, из Индии в Тибете распространилась Калачакра. В тот год 12-й ригдан воссел на престол Шамбалы. С этого года огонь-зайца начинается первый рабджун» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. МП-280: 4r]. Приведены также датировки событий, касающихся летосчисления по калачакре, и дано указание на начало распространения летосчисления по хиджре: «В 1585 г., по-росийски в 624 году дерево-обезьяны, в городе северной стороны Маха² распространилось учение внешних еретиков» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. МП-280: 3r].

«Кратко составленная хронология учения» содержит сведения по истории Индии, Тибета, Монголии, о восшествии на трон куликов-императоров Шамбалы, строительстве монастырей, преемственности правителей и их деятельности на поддержку религии, рождении религиозных деятелей и пр.

В тексте отмечены даты появления учения Будды в Тибете и Монголии. Так, по мнению автора, в Тибете распространение буддизма началось с 1394 г. от рождения Будды, или «по-росийски в 433 году вода-курицы» во времена Лхатотори Ньенцена, а в Монголии — в 2168 г. от рождения Будды, первом году огня-зайца четвертого рабджуна, что соответствует 1207 г. К этому году ряд исследователей относят первые контакты монголов и тибетцев [Кычанов, Мельниченко 2005: 48].

В части дат, непосредственно связанных с монгольской историей, отмечены следующие события: рождение предопределенного Небом Чингис-хана в 2123 г. от рождения Будды, или в 1162 г. — году воды-лошади; приглашение Годан-нойоном, сыном Угэдэй-хагана, Сакья-пандиты и установления взаимоотношений «лама — милостынедатель» в 2195 г. — году дерева-лошади (1234 г.); приглашение Хубилай Сэцэн-ханом Пагба-ламы и установление законов Учения в 2226 г. — году дерева-коровы (1265 г.); строительство Абатай-сайн-ханом монастыря Эрдэни-дзу в 2539 г. — году земли-тигра (1578 г.); рождение в семье Тушету-хана перерожденца Даранаты Джебдзундамбы в 2596 г., в год дерева-свиньи (1635 г.); приглашение императором Энхэ-Амгаланом Джебдзундамбы в Пекин в 2652 г. (в год железа-овцы, 1691 г.); рождение VII-го Джебдзундамба Агванчойжин-ванчугпрэнлайжамцо в 2811 г. железо-собаки (1850 г.). Среди перечисленных основных событий в истории монгольского буддизма привлекает внимание описание событий 1691 г. — как времени прибытия Джебдзундамбы-хутукты в

¹ Tobčilan jokiyaŷsan šasin-u jiruqai orusiba (= Кратко составленная хронология учения) // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Монгольский фонд. Инв. № М–II–280. 6 л.

² Возможно, имеется в виду Мекка. См. примечание 12 к «Хронологическим таблицам 1027–1746 гг.» Сумба-хамбо [Пубаев 1991: 183].

Пекин. Общеизвестно, что в это время состоялся Долоннорский съезд, на котором халхаские князья вместе с Ундур-гэгэном приняли маньчжурское господство.

Лист 5v завершается сообщением о написании сочинения в 1866 г., и далее лист 6r-6v содержит сведения, касающихся будущих рождений шамбалинских царей. Поздние даты, приводимые в тексте, относятся к 2423 г. — годы воды-овцы, когда состоится война между войском Шамбалы и еретиками, самая поздняя дата относится к 3384 г., согласно предсказанию, до этого времени будет распространяться религия Будды [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. МП-280: 6v]. В колофоне даны указания на источник, автора и дату составления.

4. Списки «Шашны зурхай» в фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН

В монгольском фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН представлены 7 ксилографических изданий и 5 рукописей сочинения «*tobčilan jokiyaŷsan šašin-u jiruqai orusiba*». Ксилографические экземпляры идентичные, размер печатной доски-бара — 5,8 x 37,3 см. На титульном листе название приведено в двойной рамке в центральном прямоугольнике, по краям имеются пустые прямоугольники меньшего размера. Перед названием стоит знак «бирга», после — «дөрвөлжин цэг». Текст отпечатан в двойной рамке, с левого края лицевого листа имеется «окошко» для маргинального названия «*šašin-u jiruqai*» и номера листа монгольскими цифрами прописью (*niġen, qoŷar* ...). Перед началом текста на лицевой стороне каждого листа имеется знак «бирга». В тексте диакритическими знаками отмечены буквы *k, q*, буква же *γ* — наоборот, следует без диакритики.

Рукописные списки выполнены с ксилографического издания, в большинстве случаев следуют его оформлению, в особенности, титульного листа. Но не всегда выдерживают последовательное употребление диакритических знаков.

Приведет краткие характеристики списков «Шашны зурхай» из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН.

1. КМ-857, на 4 л. Перед названием «*tobčilan jokiyaŷsan šašin-u jiruqai orsiba*» нарисован знак «бирга». На титульном листе имеется печать Республиканского краеведческого музея Бурят-Монгольской АССР, номер НВФ № 403, а также карандашные заметки «Д-950(1175)» и «4 л.». Размер листа — 9,2 x 44,8 см, на л. 1 имеется водяной знак «Фабрика наследников Сумкина». Текст написан черными чернилами, бумага разлинована карандашом, расстояние между линиями неодинаковое. Маргинальное название и пагинация указаны по левому краю. По тексту наблюдается различное написание твердорядных букв *γ / q*, одно слово может иметь двоякое написание: *moŷai – moqai*. Как правило, отсутствует знак препинания точка — «цэг», но присутствует «дөрвөлжин цэг». Текст переписан полностью, в конце имеется добавление от переписчика: «*šašan delgerŷsen*» («религия распространится»).

2. МП-812, на 4 л. Название «*tobčilan jokiyaŷsan šašin-u jiruqai kemegdekü ori šiba ::*» на титульном листе и весь текст написаны в двойной рамке фиолетовыми чернилами. Бумага в линию, размеры — 11 x 35,8 см, маргинальное название присутствует на всех листах, кроме последнего, пагинация монгольская буквенная. Последний лист отмечен «*dörben, segül*». Почерк аккуратный, буквы округлые, имеются межстрочные подписи тибетскими буквами для уточнения тибетских и санскритских слов. Даты записаны монгольскими цифрами. В рукописи соблюдается написание диакритики у твердорядной *γ*. В конце сочинения

следует добавление переписчика «*buyan-u mör nemekü boltuᠠi:: burqan-u sasin delgerekü boltuᠠi*» ('Пусть прибавляются пути добродетели. Пусть распространяется религия Будды'). На обороте последнего листа имеются 4 группы записей на старописьменном монгольском языке: 1) «Пройдет 551 год с 1872 г., когда, полностью подавив внешних еретиков, буддийская религия распространится подобно полностью совершенной»; 2) «26 числа первого весеннего месяца тигра 1868 года дракона записал»; 3) «Также написанное завершил 19–29-го монгольского месяца 18 числа»; 4) «Эта тетрадь принадлежит Дамдин Доржиеву».

3. МП-1347, на 7 л. Размер листа — 11 x 35,3 см., на л. 6–7 имеется знак «Фабрика наследников Сумкина». Данная рукопись повторяет ксилографическое издание в написании твердорядных букв без диакритики, встречаются описки, как пропуск «эбэр» в написании буквы *л*, пагинация монгольская буквенная, маргинальное название отсутствует. Текст записан черными чернилами, помещен в рамку, как и название.

4. МП-1650, на 5 л. Название сочинения «*tobčilan jokiaysan sasin-u jiruqai ogu si ba*», помещено в двойную рамку. Размер листа — 9 x 45 см. Имеется владельческая печать в виде литеры «sa» тибетского алфавита в двойной рамке на титульном листе справа от названия и по центру листа 5v. Текст записан черными чернилами, пагинация монгольская буквенная. Написание диакритических знаков у букв *k / q* следует за ксилографическим изданием, однако отображение твердорядного *q* непоследовательно. Исправления и ошибки по тексту отмечены двояким способом: знаком «плюс» отмечено неверно записанное слово и рядом правильный вариант, либо многоточием подведены пропущенные слова. Мягкорядная буква *й* пишется во втором слоге, как в первом. Текст «*Sasin-u jiruqai*» закатывается на л. 5г, а после небольшого пропуска следуют краткие записи, разъясняющие разные меры измерения: «По монгольскому исчислению 24 дюйма равно 1 локтю, 4 локтя — 1 маховой сажени ...», «По русскому счислению 16 вершков равно 1 аршин, 3 аршина — 1 сажени ... 30 суток равны 1 месяцу, 12 месяцев — 1 году». На обороте 5-го листа, помимо владельческой печати, с левого края вверху листа имеются карандашные записи: 5 вертикальных черт и ниже имя «Соднам». Можно предположить, что владельцем книги является некий Соднам, а 5 вертикальных черт означают, сколько раз данное сочинение было прочитано. Однако идентичная печать в виде литеры «sa» зафиксирована на сочинении из коллекции монгольских книг Этнографического музея народов Забайкалья, где она присутствует на экземпляре с инв. № 2031(29) также в начале и конце текста, но на обороте имеется надпись «Сия книга принадлежит Цебану Бадма...». В то же время в коллекции Этнографического музея встречаются экземпляры без данной печати, но с именем Соднам и отметками о прочтении книги: черточками или «Нэгэ уншсан, хоер уншсан» (один раз прочитано, два раза прочитано) [Миягашева и др. 2024: 99, 182].

5. МП-1756, на 8 л. Название на титульном листе «*tobčilan jokiaysan sasin-u jiruqai ogusiba*» помещено в двойную рамку, начерченную двойными линиями красного цвета. Размер листа — 10 x 29 см. Маргинальное название отсутствует, пагинация буквенная слева красными чернилами, как и рамка текста. Текст написан черными чернилами, почерк крупный. Наблюдается эпизодическое отсутствие диакритики у буквы *у*, буква *q* не отмечается. На лицевой стороне

каждого листа имеется знак бирга.

Начало колофона выделено красными чернилами. По тексту есть незначительные изменения, например: вместо «bičiged keb-tür seyilgebei» ('написав, на досках вырезал') написано «bičiged degürgebei» ('написав, закончил').

6. МП-2191, на 11 л. Название на титульном листе «tobčilan jökiyuusan sisin-u jiruqi orusibai», как и весь текст, записано фиолетовыми чернилами. Под названием имеется запись карандашом на бурятском языке кириллицей «тобшосон зохооһон» ('кратко сочиненное'). Размер бумаги в клетку — 11 x 22,2 см. Рукопись представляет собой тетрадку (листы сложены пополам), скрепленную посередине. Текст занимает листы 1r–9v, остальные листы чистые. Маргинальное название только на первом листе, пагинация монгольская буквенная. В начале сочинения даты прописаны как в ксилографе — буквами и имеют рядом уточнение арабскими цифрами, с 4-го листа даты написаны только арабскими цифрами. После окончания колофона следует фраза «om sayin amuyulang boltuyai. Egüdesi ügei qoyisi mandaqu boltuyai :: . :: om ma ni bad me küm» ('Пусть будет спокойствие! Пусть распространится далее! Ом мани пад мэ хум'). На обороте листа 9 карандашом записаны отрывки из данного сочинения.

7. МП-2290, на 6 л. Название «tobčilan jokiaysan sasin-u jiruqai orusiba» как и весь текст, помещено в двойную рамку, нарисованную красным и желтым карандашами. Титульный лист повторяет, как и в ксилографическом варианте, пустые квадраты по краям названия. Также наблюдается смешанное написание букв *y* и *q*: иногда с диакритикой, иногда без. Размер листа — 11 x 31 см, бумага плотная, от руки разлинована карандашом. Текст написан шариковой ручкой синего цвета. По тексту имеются исправления, зачеркивания, пропуски букв, как вместо «qan törü» написано «qan töü».

Таким образом, рассмотренные рукописи и ксилографы сочинения Г.-Ж. Дылгырова свидетельствуют об интересе к данному тексту и его широком распространении. Наличие разных водяных знаков на бумаге ксилографических экземпляров свидетельствует, на наш взгляд, на одновременность печати. Все рукописные варианты выполнены с печатного издания, что не только свидетельствует о востребованности, но и подчеркивает особенности книжной и письменной культуры бурятского народа. В переписывании и начитывании текстов также выражалось накопление благих заслуг.

5. Заключение

Хронология религии в сочинении Г.-Ж. Дылгырова «Кратко составленная хронология учения» включает историю буддизма в Индии, Тибете и Монголии, историю царей Шамбалы. Освещены самые значительные даты по истории учения: восшествие на престол ханов — покровителей религии, приглашение учителей, установление взаимоотношений религиозной и светской власти, рождение выдающихся священнослужителей, описание их деятельности. Большинство дат посвящены истории тибетского буддизма — рождению и восшествию на престол тех или иных легендарных царей, рождению иерархов тибетского буддизма.

При изложении начальной хронологии Г.-Ж. Дылгыров следует за сочинением «Бадгар-шаллун» Пугба-Лхундруб-Чжамцо, однако при написании истории Монголии опирался на другие сочинения монгольских историков, как труд Сумба-хамбо и, вероятно, устную традицию, в частности, на это может

указывать дата рождения VII-го Джебдзун Дамба хутукты в 1850 г., за 16 лет до публикации «Кратко составленной хронологии учения». Следует отметить, что даты многих исторических событий соответствуют общепринятой хронологии. Сочинение Г.-Ж. Дылгырова является ценным источником по истории буддийской монголоязычной литературы, написанным в жанре буддийской хронологии *bstan rtsis* (монг. *šasin-u jiruqai*), который имел важное значение для вычисления исторических дат, составления астрологических расчетов.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental manuscripts and xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Батонимаева 2021 — *Батонимаева Е. Г.* Родословная бурят хоринского рода харгана: на материале тибетоязычной автобиографии Галсан-Жимбы Дылгырова (1816–1872?) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 328–340. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-328-340
- Баяртуев 2001 — *Баяртуев Б. Д.* Галсан-Жимба Дылгыров (1816–?) // Выдающиеся бурятские деятели (XVII – нач. XX в.). Ч. I. Вып. II. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2001. С. 29–34.
- Бира 1960 — *Бира III.* Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1960. 84 с.
- Ванчикова 2000 — *Ванчикова Ц. П.* Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 4. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 85–100.
- Востриков 1962 — *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. М.: Вост. лит., 1962. 428 с.
- Дарижапова 2001 — *Дарижапова Д. Д.* Сүүгэлэй Дашичойнпэллинг дасанай хоёрдугаар шэрээтэ Галсан-Жимба Дэлгэрэй намтар (= Биография второго настоятеля Цугольского Дашичойнпэллинг дацана Галсан-Жимбы Дылгырова) / Тэрбиш-гуайн монгол оршуулгааа Дулма Дарижапова бураадшалба. Улаан-Удэ: [б. и.], 2001. 65 х.
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Миягашева и др. 2024 — *Миягашева С. Б., Маладаев А. А., Чойбсонова В. Р., Намжилова Ч. Д.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов из фондов Этнографического музея народов Забайкалья Республики Бурятия. Иркутск: Оттиск, 2024. 268 с.
- Мунх-Очир 2015 — *Монх-Очир Д.* Шашны зурхай (= Хронология доктрины) // Mongolian Buddhism. Past, Present and Future. International workshop dedicated to the 380th anniversary of the birth of Öndör Gegeen Zanabazar (16–17 April, 2015, Budapest). Abstracts. P. 24 [электронный ресурс] // URL: <http://innerasia.hu/event/mongolian-buddhism-conference-2015/> (Дата обращения: 16.01.2024).
- Отгонбаатар 1998 — *Отгонбаатар Р.* Монгол модон барын номын эх гарчиг (= Каталог монгольской ксилографической печати). Токио: Токиогийн гадаад судлалын их сургууль, 1998. 143 т.
- Пубаев 1991 — *Пубаев Р. Е.* Пагсам-чжонсан. История и хронология Тибета. Новосибирск: Наука, 1991. 264 с.
- Сыртыпова и др. 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – нач. XX в. Улан-Батор: Адмон, 2006. 222 с.
- Тэрбиш 1998 — *Тэрбиш Л.* Бичгийн их хун дуун хөрвүүлэгч Д. Галсанжимбын намтар (= Биография литератора, переводчика Д. Галсан-Жимбы). Улаанбаатар: Эрдэм

пүүс, 1998. 95 х.

Шугэр 1991 — Шугэр Ц. Монгол модон барын ном (= Монгольские ксилографы). Улаанбаатар: Соёмбо, 1991. 264 х.

Martin 2020 — *Martin D.* Tibetan Histories: A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. In collaboration with Yael Bentor. London: Serindia Publications, 2020. 706 p.

References

- Batonimaeva E. G. The Genealogy of Khargana clan of Khori-Buryats in the light of Tibetan autobiography of Galsan-Zhinba Dylgirov. *Mongolian Studies*. 2021; 13(2). Pp. 328–340. (In Russ.)
- Bayartuev B. D. Galsan-Zhinba Dylgirov (1816–?). In: Outstanding Buryat figures (17th – early 20th centuries). Part I. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2001. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Bira Sh. Mongolian Tibetan-language Historical Literature (17th–19th). Ulaanbaatar: State Publishing House, 1960. 84 p. (In Russ.)
- Darizhapova D. D. The Biography of Galsan-Zhimba Dylgirov, the second Abbot of Tsugol Dashichoinpelling Datsan. The Buryat Translation from Mongolian text of Terbish. Ulan-Ude, 2001. 65 p. (In Buryat)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. The History of Tibet from Ancient Times to the Present day. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Martin D. Tibetan Histories: A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. In collaboration with Yael Bentor. London: Serindia Publications, 2020. 706 p. (In Eng.)
- Miyagasheva S. B., Maladaev A. A., Choibsonova V. R., Namzhilova Ch. D. Catalog of Mongolian Manuscripts and Xylographs from the Collections of the Ethnographic Museum of the Peoples of Transbaikalia of the Republic of Buryatia. Irkutsk: Ottisk, 2024. 268 p. (In Russ.)
- Munkh-Ochir D. The Chronology of Doctrine. In: Mongolian Buddhism. Past, Present and Future. International Workshop Dedicated to the 380th Anniversary of the Birth of Öndör Gegeen Zanabazar. 16–17 April, 2015, Budapest. Abstracts. P. 24. Available at: <http://innerasia.hu/event/mongolian-buddhism-conference-2015>. (Accessed: 16 January 2024). (In Mong.)
- Otgonbaatar R. The Catalogue of Mongolian Xylographs. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 1998. 143 p. (In Mong.)
- Pubaev R. E. Pagsam-Zhongsan. History and Chronology of Tibet. Novosibirsk: Nauka, 1991. 264 p. (In Russ.)
- Shuger Ts. The Mongolian Xylographs. Ulaanbaator: Soyombo, 1991. 264 p. (In Mong.)
- Syrtyanova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Bazarov A. A. Buddhist Printing of Buryatia 19th – early 20th Century. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Terbish L. Biography of D. Galsan-Zhimba, the Writer, Translator. Ulaanbaatar: Erdem Pus, 1998. 95 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts. P. Tibetan and Mongolian Sources Mentioning Activities by the two Founding Abbots of Tsugol Datsan. In: Culture of Central Asia: Written Sources. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2000. Vol. 4. Pp. 85–101. (In Russ.)
- Vostrikov A. I. Tibetan Historical Literature. Yu. Roerich (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 427 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 374–384, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-374-384

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-374-384

Выражение событийных стимулов в бурятских конструкциях каузации эмоций

Елена Константиновна Скрибник¹, Надежда Баировна Даржаева²

¹ Институт финноугроведения Университета им. Людвиг-Максимилиана (д. 31/ III, Людвигштрассе, 80539 Мюнхен, Германия)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-9673-2163. E-mail: skribnik[at]lmu.de

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047, Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б., 2024

Аннотация. Цель исследования — выявление и систематизация способов представления событийных стимулов в бурятских эмотивных каузативных конструкциях. **Результаты.** Серию таких конструкций мы описываем как систему, позволяющую говорящему поставить в фокус внимания разные компоненты события-Стимула в зависимости от их информационной значимости для говорящего. Информационно наиболее значимый компонент оформляется как подлежащее; это может быть само событие-Стимул в целом (представленное придаточным или именем действия) либо его главное действующее лицо (Агенс, понимаемый как Каузатор); при Каузаторе в конструкции может быть дополнительно выражен центральный предметный участник Стимула как Инструмент либо само действие как Прием (оформление орудным падежом). Выведение в фокус внимания дальнейших участников события-Стимула не засвидетельствовано. Как показало исследование, для анализа конкретных примеров имеет значение, какой могла бы быть потенциальная структура полной клаузы, называющей Стимул, и каковы характеристики ее компонентов: имя-подлежащее одушевленное или неодушевленное, сказуемое глагольное или именное (т. е. событие или положение вещей), глагол переходный или нет (т. е. активное действие или процесс/состояние). **Материалом** исследования послужили современные словари, тексты бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка. При сборе материала использовались методы первичного лингвистического наблюдения и корпусной лингвистики. При анализе языкового материала применялись сопоставительный и трансформационный методы, интроспекция и интервьюирование.

Ключевые слова: бурятский синтаксис, каузативные эмотивные глаголы, конструкции каузации эмоций, фокус внимания, подлежащее, стимул, каузатор

Благодарность. Авторы выражают глубокую благодарность всем знатокам языка, которые нас консультировали: Б. Д. Цыренову., Л. Б. Бадмаевой., Л. Б. Будожাপовой., Д. Б. Дондуковой. Статья подготовлена в рамках госзадания — проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» (номер госрегистрации: 121031000258-9).

Для цитирования: Скрибник Е.К., Даржаева Н.Б. Выражение событийных стимулов в бурятских конструкциях каузации эмоций // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 374–384. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-374-384

Expression of Stimuli in Buryat Emotion Causation Constructions

Elena K. Skribnik¹, Nadezhda B. Darzhaeva²

¹ Institute for Finno-Ugric/Uralic Studies, Ludwig Maximilian University (31/ III, Ludwigstr, 80539 München, Germany)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-9673-2163. E-mail: skribnik[at]lmu.de

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670042, Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Skribnik E. K., Darzhaeva N. B., 2024

Abstract. Goals. This paper discusses strategies of expressing Stimuli in Buryat emotive causative constructions. **Results.** We argue that a series of such constructions can be seen as a system that allows the speaker to put different components of the Stimulus event into the focus of attention, depending on their informational relevance to the speaker. The component in focus of attention is represented as a main clause subject; it can be the Stimulus event as a whole (expressed by a subject clause or an action noun) or its first argument (an Agent, understood as a Causer); with a Causer as a subject, the central inanimate argument can be additionally expressed as an Instrument or the action itself as a Means (in both cases the instrumental case is used). The focus of attention on further arguments is not registered. As the study has shown, relevant for the analysis is the structure of a potential full clause describing the Stimulus and characteristics of its components: an animate or inanimate noun as a subject, a verbal or nominal predicate, a transitive or intransitive verb. **Materials.** The research is based on the language data from dictionaries and Buryat literary texts, including those published in the Buryat National Corpus, as well as on elicitation data. In the analysis we used descriptive, comparative and transformational *methods*, introspection and elicitation.

Keywords: Buryat syntax, emotive verbs, causative constructions, focus of attention and subject, Causer and Stimulus

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to all the language experts who advised us: B. D. Tsyrenov, L. B. Badmaeva, L. B. Budozhapova, D. B. Dondukova. The reported study was funded by government subsidy — project name “Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth” (state registration number: 121031000258-9).

For citation: Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Expression of Stimuli in Buryat Emotion Causation Constructions. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 374–384. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-374-384

1. Введение

В данной статье мы рассмотрим способы представления события-Стимула в бурятских эмотивных каузативных конструкциях (далее — ЭКК) — конструкциях типа «меня радует / пугает, что...». Мы разделяем точку зрения, что эмоции в принципе вызываются не лицами или объектами, а событиями или ситуациями, независимо от формы их представления, ср. «Существует концепция, что каузирует всегда ситуация, а не каузатор» ([Кузьменков 1984: 42] со ссылкой на [Недялков, Сильницкий 1969: 5–19]). Однако в реальных примерах представлены не только вербализации событий (клауза или событийное имя), но также названия лиц и предметов. Тем не менее анализ примеров приводит к мнению, что клауза — это развернутая форма представления Стимула, событийные имена можно понимать как сокращенные ее варианты, а антропонимы и предметная лексика в этой роли представляют собой «эквивалент пропозиции», по выражению Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976: 146]. Имеется в виду, что событие-Стимул можно задать и через его участников, например через его Агенса (который тем самым переосмысливается как Каузатор в роли подлежащего уже при глаголе каузации эмоций).

Как известно, стимулом эмоции может быть и само событие, и информация о нем (ср. [Падучева 2004: 274]) — *Это посещение / это сообщение всех удивило*; реально за этим стоит непосредственный либо опосредованный доступ к информации о событии (непосредственное восприятие, уже усвоенные знания о мире и т. п. — либо информация со стороны). Хотя примеры со Стимулом-информацией очень частотны, что показывает значимость обмена информацией в языковом сообществе, мы рассмотрим сейчас только ЭКК со Стимулами неинформационного характера.

Как показал анализ, для дифференциации вариантов ЭКК имеет значение, какой могла бы быть потенциальная структура полной клаузы, называющей Стимул, и каковы характеристики ее компонентов: имя-подлежащее одушевленное или неодушевленное, сказуемое глагольное или именное (т. е. событие или положение вещей), глагол переходный или нет (т. е. действие или процесс / состояние). Соответственно, в разделе 3 будут рассмотрены потенциальные исходные клаузы с именным сказуемым, а в разделе 4 — исходные клаузы с глагольным сказуемым (4.1. — с непереходными глаголами, 4.2. — с переходными глаголами).

Цель исследования — раскрыть и показать способы представления события-Стимула в бурятских эмотивных каузативных конструкциях.

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили современные словари, тексты бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка. При сборе материала использовались традиционные методы первичного лингвистического наблюдения, описания, сопоставления. При анализе языкового материала применялись трансформационный, экспериментальный методы, а также интроспекции и компонентного анализа.

3. Исходная клауза с именным сказуемым

Стимул эмоции, который может быть выражен исходной клаузой с имен-

ным сказуемым, представляет собой некоторое «положение вещей»: например, такие клаузы могут выражать постоянные характеристики референта подлежащего, его принадлежность некоторому классу, его оценку со стороны говорящего и др. Как правило, в таких клаузах, помимо именного сказуемого, имеется единственный участник, названный подлежащим (семантическая роль Тема); ср. *Ребенок умный. Пальто грязное*. Из этих двух компонентов информационно более значимый для говорящего, т. е. находящийся в фокусе внимания, выбирается на роль подлежащего ЭКК, ср. *Ум ребенка меня порадовал / Ребенок порадовал меня своим умом*. Как представляется, для неодушевленных имен предпочтительно используется вариант с подлежащим, соответствующим именному сказуемому потенциальной клаузы-Стимула, ср. *Грязь на пальто / Грязное пальто меня расстроило*, но не **Пальто расстроило меня грязью*; ?*Лежанка удивила меня мягкостью*. Интересно, что такие «нетипичные» употребления могут встречаться в качестве стилистического приема, ср. *сапожки на вызывающем, устрашающем почтенных дам своей высотой каблуке* (пример из Интернета).

Бурятские корпусные примеры с неодушевленными именами в роли подлежащего ЭКК имеются, хотя они чрезвычайно редки (1); во всех случаях такие имена сопровождаются определениями, которые соответствуют сказуемому в исходной клаузе ('грязное пальто'); возможно также местоименное определение, отсылающее к предыдущему контексту ('такое пальто'). Проверка с информантами показала, что без определений такие примеры становятся неграмматичными.

- (1) Эдэ хооһон газар-нууд намайе ай-лга-на
 эти пустые земля-pl меня пугать-caus-prs[3sg/pl]
 'Эти опустевшие (букв. пустые) земли меня пугают' (БК).

В этом примере говорящего пугают не сами земли, а тот факт, что они опустели.

Таким образом, если Стимулом является положение вещей, касающееся неодушевленного объекта и описываемое клаузой с именным сказуемым, потенциально возможны (хотя приемлемы не для всех информантов) только два варианта ЭКК: полный, с придаточным подлежащим (2а), и свернутый, с узким информационным фокусом на неодушевленном предмете (2б). В последнем случае название предмета выступает в роли подлежащего ЭКК, а сопровождающее определение, соответствующее исходному именному сказуемому, обязательно:

- (2) а. ?Дэгэл-эй-нь муухай боло-һон-иинь Дулм-ые
 пальто-gen-poss3 грязный становится-ps.pst-poss3 Д.-acc
 ехээр сухалд-уул-ба (инф.)
 много сердиться-caus-pst[3sg/pl]
 'Дулму очень рассердилось, что его пальто испачкалось (букв. стало грязным)'
- б. ?Муухай дэгэл-ынь Дулм-ые ехээр сухалд-уул-ба (инф.)
 грязный пальто-poss3 Д.-acc много сердиться-caus-pst[3sg/pl]
 'Грязное пальто-его сильно разозлило Дулму'

Как уже говорилось, в корпусе примеров обоих типов мало, однако они есть; одни информанты такие примеры дают, другие оценивают их как искусственные. Можно заключить, что такие конструкции в языке потенциально наличествуют, однако находятся на периферии системы и реализуются не всеми носителями языка.

Если же Стимул — положение вещей, касающееся человека или живого существа, и в исходной клаузе подлежащее выражено именем одушевленным, бурятский язык позволяет три варианта, один центральный и два периферийных:

- (3) а. *ᠶᠤᠬᠢᠪᠦᠭᠦᠨ-эй ухаатай бай-һан-уинь намайе*
 ребенок-gen мудрый быть-рс.pst-poss3 меня
баярл-уул-ба (инф.)
 радоваться-caus-pst[3sg/pl]
 ‘Меня порадовало, что ребенок так умен’ (возможно, но малоупотребительно).
- б. *ᠶᠤᠬᠢᠪᠦᠭᠦᠨ сэсэн ухаа-гаар-аа намайе баярл-уул-ба* (инф.)
 ребенок мудрый ум-ins-refl меня радоваться-caus-pst[3sg/pl]
 ‘Ребенок порадовал меня своим умом’ (самый естественный).
- в. *ᠶᠤᠬᠢᠪᠦᠭᠦᠨ-эй сэсэн ухаан-уинь намайе баярл-уул-ба* (инф.)
 ребенок мудрый ум-poss3 меня радоваться-caus-pst[3sg/pl]
 ‘Ум ребенка меня порадовал’ (возможно, но малоупотребительно).

Как видим, и здесь оба компонента исходной клаузы-Стимула (ср. 3а) сохранены; в (3б) ее именное сказуемое представлено как Инструмент, а в (3в) исходное подлежащее представлено как именное определение в родительном падеже. Таким образом, можно сказать, что в случаях клауз-Стимулов с именным сказуемым, описывающих положение вещей, оба их компонента должны быть представлены в ЭКК, пусть и в разных грамматических функциях / семантических ролях.

Итак, одушевленность здесь является важным фактором: если в случае неодушевленности исходного подлежащего клаузы-Стимула возможен выбор из двух вариантов ЭКК (пример 2), то в случае одушевленности — из трех (3). Возможное объяснение этому мы видим в области психологии коммуникации и эмоции: эмоцию как правило вызывают поступки и свойства людей, а не вещи, темой разговора также чаще являются люди, так что в зоне одушевленности естественно ожидать большего разнообразия средств выражения.

4. Исходная клауза с глагольным сказуемым

В ЭКК, для которых Стимул может быть представлен исходной клаузой с глагольным сказуемым, подлежащее называет то, что находится в фокусе внимания: все событие-Стимул в целом (> придаточное подлежащее или имя действия) или какой-то его компонент. Понятно, что модели управления глаголов могут включать разное количество участников. Рассмотрим, какие именно компоненты могут выводиться в фокус внимания в ситуациях, описываемых непереходными глаголами и разными типами переходных глаголов.

4.1. Если событие-Стимул описывается клаузой со сказуемым — непереход-

ным глаголом, в фокусе может оказываться либо само событие, либо его первый участник; в клаузе это подлежащее, как правило одушевленное имя (например, Экспериенцер, Агенс — в частности с глаголами движения и др.), хотя возможно и неодушевленное имя-Тема. Опрос информантов показал, что примеры с фокусом на событии представляются менее естественными, чем с фокусом на Агенсе, хотя и такие примеры встречаются (4, см. также 5в):

(4)	<i>Аймаг-ай</i>	<i>газет-ын</i>	<i>сурбалжалагш-ын</i>	<i>ерэлгэн</i>	<i>залуу</i>
	район-gen	газета-gen	корреспон- дент-gen	приезд	молодой
	<i>хаалишан-иye</i>	<i>бүришье</i>	<i>ехээр</i>	<i>гайх-уул-аа</i>	<i>бэлэй</i>
	доярка-асс	сильно	много	удивлять- ся-caus-pc.prs	pci

‘Приезд корреспондента аймачной¹ газеты чрезвычайно удивил молодую доярку’ (БК).

Наиболее часто как подлежащее в ЭКК оформляется Агенс события-Стимула (5г), понимаемый как Каузатор эмоции, а именование события сохраняется в качестве Приема («действие, с помощью которого Агенс достигает своей цели» [Падучева 2004: 284]); стандартная форма Приема в бурятском — «соединительное» деепричастие на -жа (5г). Вариант с отглагольным именем в орудном падеже (**ябалг-аар* ср. рус. *отъездом*) для выражения Приема в бурятском полностью исключен, вариант с формой причастия в орудном падеже (*яба-х-аар-аа* ‘тем, что уедет’) чрезвычайно редок. Сравним полученную у информантов серию примеров с глаголом *яба-* ‘идти’:

- (5) а. *Тэрэ талаар яба-ба* (инф.)
он прочь² идти-pst[3sg/pl]
‘Он уехал (по делам)’
- б. *Тэрэн-эй талаар яба-хан-иинь намайе гомдох-оо-бо* (инф.)
он-gen прочь идти-pc.pst- меня обижать-
poss3 ся-caus-pst[3sg/pl]
‘То, что он уехал, меня обидело’ (возможно, но малоупотребительно)
- в. *Тэрэн-эй ябалга намайе гомдох-оо-бо* (инф.)
он-gen отъезд меня обижаться-caus-pst[3sg/pl]
‘Его отъезд меня огорчил’ (возможно, но малоупотребительно)
- г. *Тэрэ талаар яба-жа, намайе гомдох-оо-бо* (инф.)
он прочь идти-cvb меня обижаться-caus-pst[3sg/pl]
‘Он огорчил меня своим отъездом’ (самый естественный).

Пример с причастной формой в орудном падеже:

¹ Аймак — ранее административная единица в Бурятии.

² Форма орудного падежа от существительного *тала* ‘степь’, букв. ‘степью’, лексикализована как наречие со значениями ‘прочь’ и ‘по делам’.

- (6) *Убгэ-д, хугшэ-д үхэ-х-өөр-өө үхибүү-д- ай-лга-даг...*
ые
 старик-pl старушка-pl умирать-рс. ребе- бояться-caus-рс.
 fut-ins-refl нок-pl-асс hab[3sg/pl]
 ‘Старики и старушки (обычно) пугают детей тем, что (скоро) умрут’ (БК).

Далее неодушевленные имена в роли подлежащего ЭКК крайне редки, но возможны:

- (7) *Бай-хан газар-та- дүтэ уна-хан бомбо-нууд*
мнай
 быть-рс.pst место-dat- близко падать-рс.pst бомбы-pl
 poss1pl
бидэ-ниие нилээд сош-оо-но, ай-лга-на
 мы-асс сильно пугать-caus- страшить-caus-
 prs[3sg/pl] prs[3sg/pl]
 ‘Бомбы, упавшие недалеко от места (букв. близко к месту), где мы находились, нас сильно испугали’ (БК).

Интересно, что возможность выведения в фокус внимания референта предметного имени связана с внеязыковыми характеристиками этого референта и характером события-стимула с его участием. Назовем их условно «обыденность» / «неожиданность» и «потенциальная угроза (сила последствий)». Имена типа ‘бомба’ или ‘гроза’ в роли подлежащего ЭКК воспринимаются естественно; в случае же чего-то повседневного выведение в фокус внимания однозначно связано с нарушением системы ожиданий. Стимулом является некоторое неожиданное происшествие; оно обязательно должно быть выражено во фразе как Прием; как уже говорилось, самый естественный способ его оформления в бурятском — конструкция с деепричастием на -жа:

- (8) *Гар-та-мни шэл стакан эмдэр-жэ, намайе*
 рука-dat-poss1sg стеклянный с. ломаться-cvb меня
сош-оо-бо (инф.)
 пугать-caus-pst[3sg/pl]
 ‘В моей руке (неожиданно) треснул стакан, что меня напугало (букв. стакан, треснув, меня напугал)’.

Противоположный тип примеров, связанных с системой ожиданий, иллюстрирует (9): такое обычное явление, как появление солнца, может быть фокусировано в контексте его ожидания, например, после продолжительного ненастья:

- (9) *Наран гара-жа, маанадые баяс-уул-ба* (инф.)
 Солнце выходить-cvb нас радоваться-caus-pst[3sg/pl]
 ‘Солнце (наконец-то) появилось, что очень нас обрадовало’.

Обратим внимание, что в русском для передачи подобных значений используется специфическая конструкция: Стимул, неожиданное происшествие с неодушевленным участником, оформляется как независимое простое предложение,

а в качестве подлежащего при последующем эмотивном глаголе используется местоимение *что*, референтом которого является содержание предыдущего предложения-Стимула.

4.2. Сильноуправляющие глаголы (например, переходные с прямым дополнением или дитранзитивные с прямым и косвенным дополнением) кодируют события-Стимулы с двумя и более участниками. Тем самым в фокусе потенциально могут оказываться подлежащее либо дополнения описывающей его клаузы. Само событие, как уже говорилось, может быть представлено придаточным либо отглагольным именем в роли подлежащего. Что касается участников ситуации, корпусный материал и опрос информантов показал, что выведение в фокус и роль подлежащего ЭКК возможны в первую очередь для исходного одушевленного подлежащего (как правило, Агенса, который в ЭКК становится Каузатором). С неодушевленным участником в фокусе (в роли подлежащего ЭКК), у нас имеется единственный корпусный пример:

(10)	<i>Мүнөө</i>	<i>намайе</i>	<i>хайрхуу</i>	<i>Буржаан</i>	<i>хонирх-уул-аа-гүй,</i>
	сейчас	меня	хвастливый	Б.	интересовать-
ся-caus-рс.prs-neg
	<i>харин</i>	<i>тэрэ-ниие</i>	<i>ай-лга-хан</i>	<i>хубарюу</i>	<i>шэнэнхэ-д,</i>
	однако	он-асс	боять-
ся-caus-рс.pst	строй	лиственница-pl
	<i>мүн</i>	<i>Орголи</i>	<i>хада</i>	<i>гайх-уул-ба</i>	
	pcl	О.	гора	удивляться-caus-pst[3sg/pl]	

‘Сейчас меня не интересовал хвастливый Буржаан, однако удивило, что он испугался чащи лиственниц и горы Орголи (букв. удивили стоящие в ряд лиственницы и гора Орголи, напугавшие его)’ (БК).

По контексту Буржаан предупреждает рассказчика, что рядом с горой Орголи (священное место) нельзя ставить трактор, это грех; рассказчик же не понимает, почему гора может вызвать страх (нарушение системы ожиданий). Исходное событие-Стимул здесь представлено клаузой — определением к подлежащему ЭКК, ‘Лиственницы и гора, напугавшие Буржаана’; но эта клауза сама по себе также является ЭКК, т. е. преобразованием исходной пропозиции ‘Буржаан боится лиственниц и горы’. Этот пример показывает, что на построение ЭКК оказывает влияние именно синтаксическая структура потенциальной клаузы, описывающей Стимул: при стандартном, не-каузативном оформлении исходной пропозиции горы оказались бы сильноуправляемым косвенным дополнением в исходном падеже (ср. *бояться чего*), но в клаузе, представленной в определении, горы в фокусе, следовательно, представлены как подлежащее.

Второй участник события-Стимула, потенциальное прямое дополнение, в ЭКК в функции подлежащего (т. е. в фокусе внимания) не встречен, он получает роль Инструмента (оформление орудным падежом). Например, реакция на угрозу вызвать караул:

- (11) *Хасаг харуул-аар бү айлга-гты!*
 казачий караул-ins neg пугать-imp2
 ‘Казачьим караулом не пугайте!’ (БК).

Что касается потенциальных косвенных дополнений, примеров их непосредственного вывода в позицию подлежащего у нас также нет (ср., впрочем, пример 10). Для проверки мы провели опрос информантов по ситуации с тремя участниками: «Бадма купил сыну ружье, и это меня удивило» — удивило, что состоялась такая покупка, или что именно Бадма это сделал, или что куплено именно ружье, или что именно маленькому сыну, а не более взрослому племяннику. Информанты использовали только конструкцию с Агенсом-Каузатором и Стимулом-Приемом в форме деепричастия на -жА, реже — конструкцию со Стимулом — придаточным подлежащим.

Предложенные же нами сконструированные примеры с остальными участниками в роли подлежащего ЭКК (12) информантами были приняты как допустимые, но в совершенно другом значении. Как мы показали выше, событие-Стимул с одним участником может быть оформлено как определение к подлежащему — названию этого участника (ср. 1, 10). Однако если попытаться так представить событие-Стимул с большим числом участников, в нашем случае, ситуацию ‘кто купил что кому’, определение к любому из них в роли подлежащего ЭКК воспринимается не как Стимул, а как некоторая дополнительная информация; эмоцию же, по мнению информантов, вызывают какие-то другие, неназванные характеристики самого этого участника — например, сын, которому купили ружье, удивил своими дальнейшими поступками (12а), либо же купленное ружье какое-то необычное (12б, пример для информантов несколько искусственный), но в любом случае факт покупки, заданный как определение, не будет понят как имеющий отношение к каузации эмоций.

- (12а) *Бадм-ын буу аба-жа үг-үүл-хэн хүбүүн-шинь*
 Б.-gen ружье брать-cvb aux-caus-pc.pst сын-poss3sg
намайе гайх-уул-ба (инф.)
 меня удивляться-caus-pst[3sg/pl]

‘Сын Бадмы, которому тот купил ружье, меня удивил’ (например, сразу же стал носить из леса добычу).

- (12б) *Бадм-ын хүбүүн-д-ээ аба-жа үгэ-хэн буу-ниинь*
 Б.-gen сын-dat-refl брать-cvb aux-pc.pst ружье-poss3sg
намайе гайх-уул-ба (инф.)
 меня удивляться-caus-pst[3sg/pl]

‘Ружье, которое Бадма купил сыну, меня удивило’ (ружье было, например, старинное).

Итак, анализ ЭКК с событием-Стимулом, которое можно представить клаузой с глагольным сказуемым, показал, что независимо от модели управления в позиции подлежащего ЭКК, т. е. в фокусе внимания, может быть представлено либо событие целиком, либо его первый участник — подлежащее исходной клаузы. Это, как правило, антропоним с ролью Агенса события-Стимула, который естественно становится Каузатором в ЭКК. Появление в этой роли имен неодушевленных требует дополнительных условий, — в первую очередь, оно связано с системой ожиданий и ее нарушениями. При этом событие-Стимул может быть представлено либо как Прием, деепричастной конструкцией, либо определением к подлежащему.

5. Заключение

Конкретная форма представления события-Стимула эмоции выбирается говорящим из системного ряда возможных конструкций в зависимости от его коммуникативных установок и информационного членения высказывания, а именно: в зависимости от того, какой из компонентов этого события имеет с точки зрения говорящего наибольшую информационную значимость и выводится в фокус внимания. Это может быть не только само событие-Стимул в целом, но и отдельные его компоненты, в первую очередь первый участник — потенциальное подлежащее полной клаузы, называющей событие-Стимул. Обычно это Агенс; как уже говорилось, он естественно становится подлежащим и в ЭКК, а его семантическая роль переосмысливается как Каузатор. Вторая возможность — выведение в фокус одного только сказуемого, если говорящего интересует лишь сама ситуация, часто без упоминания ее участников (именное подлежащее-Стимул в ЭКК, возможно с именем первого участника в генитиве). Выведение в фокус внимания второго и третьего участников, т. е. прямых или косвенных дополнений потенциальной клаузы-Стимула, не засвидетельствовано (второй участник может быть представлен в ЭКК только как Инструмент, косвенным дополнением в орудном падеже). Тем самым серию разных ЭКК можно представить как систему вариантов, предназначенных для акцентирования разных компонентов события-Стимула; при этом позиция подлежащего в ЭКК предназначена для того компонента, который находится в фокусе внимания.

Глоссы

PST — прошедшее время
AUX — вспомогательный глагол
FUT — будущее время
GEN — родительный падеж
ACC — винительный падеж
DAT — дательно-местный падеж
ABL — исходный падеж
INS — орудный падеж
PC — причастие
IMP — императив
NEG — отрицание

PRS — настоящее время
CAUS — каузатив
PCL — частица
PSTP — послелог
REFL — притяжание
POSS — личн. притяжание
CVB — деепричастие
SG — ед. число
PL — мн. число
HAB — многократное причастие

Источники

БК — Бурятский электронный корпус http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.05.2024).

Sources

Buryat Corpora. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru.

Литература

- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
Кузьменков 1984 — *Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 140 с.
Недялков, Сильницкий 1969 — *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.
Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

References

- Arutyunova N. D. The Sentence and its Meaning. Moscow: Nauka, 1976. 383 p. (In Russ.)
Kuzmenkov E. A. Verb in the Mongolian Language. Leningrad: Leningrad University Press, 1984. 140 p. (In Russ.)
Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. Typology of Causative Constructions. Morphological Causative. Leningrad: Nauka, 1969. 311 p. (In Russ.)
Paducheva E. V. Dynamic Models in Lexical Semantics. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 608 p. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.1

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти

Александр Викторович Исаков¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Исаков А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности представлений о Чингис-хане, воплотившихся в фольклорных преданиях монгольских народов. Примечательно, что сюжеты устных преданий о Чингис-хане не имеют почти ничего общего со сведениями письменных источников о жизни основателя Монгольской империи, таких как «Сокровенное сказание монголов» и другие известные нам монгольские, тюркские, китайские и персидские хроники. Из этого следует, что фольклорные тексты о жизни и деяниях Чингис-хана основываются на неких устойчивых фольклорно-мифологических структурах, которые в устной традиции заместили память о его реальной биографии. *Цели и задачи исследования.* В работе предпринята попытка выделить и классифицировать фольклорно-мифологические структуры, лежащие в основе фольклорных преданий монгольских народов о Чингис-хане. *Материалы и методы.* Материалом исследования служат тексты монгольского, бурятского и калмыцкого фольклора, записанные в XIX – начале XXI в. В качестве основных методов исследования используются сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы фольклористики. *Результаты.* Выделено четыре основных группы сюжетов о Чингис-хане, каждой из которых соответствует определенная мотивная структура и комплекс мифологических представлений: предания о чудесной биографии Чингис-хана, о Чингис-хане как культурном герое, топонимические и генеалогические предания с участием Чингис-хана. *Выводы.* Память о Чингис-хане в фольклорной традиции монгольских народов сформировалась на основе традиционных представлений о первопредках-демиургах — культурных героях, к числу которых был отнесен и легендарный правитель. Живя в некоторое «изначальное время» и обладая чудесной, необычной — как и подобает мифологическому герою — биографией, он осваивает, преобразует и означает окружающий мир, создает важные предметы культуры, совершает действия, которые в дальнейшем превратятся в обычаи и обряды, дает начало современным этническим группам и династиям, в целом — закладывает

основы существующего миропорядка. Большинство реальных подробностей жизни Чингис-хана оказались за рамками этих мифологических представлений, а его фольклорный образ и биография составлены в основном из набора черт и мотивов, традиционно приписываемых героям данного типа.

Ключевые слова: Чингис-хан, монгольский фольклор, бурятский фольклор, калмыцкий фольклор, несказочная проза, предание, историческая память, культурная память, мифологизация истории, культурный герой

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139, <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>).

Для цитирования: Исаков А. В. Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 385–399. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory

Aleksand V. Isakov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© KalmSC RAS, 2024

© Isakov A. V., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the features of ideas about Genghis Khan, embodied in the folklore legends of the Mongolian peoples. It is noteworthy that the plots of oral traditions about Genghis Khan have almost nothing in common with information from written sources about the life of the founder of the Mongol Empire, such as “The Secret History of the Mongols” and other Mongolian, Turkic, Chinese and Persian chronicles known to us. It follows from this that folklore texts about the life and deeds of Genghis Khan are based on certain stable folklore-mythological structures, which in the oral tradition replaced the memory of his real biography. *Goals and purposes of the study.* The study makes an attempt to identify and classify the folklore and mythological structures underlying the folklore legends of the Mongolian peoples about Genghis Khan. *Materials and methods.* The research material is based on the texts of Mongolian, Buryat and Kalmyk folklore, recorded in the period from the 19th to the beginning of the 21st century. Comparative-typological and structural-semiotic methods of folkloristics are used as the main research methods. *Results.* Four main groups of legends about Genghis Khan have been identified, each of which corresponds to a specific plot-motivic structure and a set of mythological ideas: legends about the wonderful biography of Genghis Khan, about Genghis Khan as a cultural hero, toponymic and genealogical legends with the participation of Genghis Khan. *Conclusions.* It can be concluded that the memory of Genghis Khan in the folklore tradition of the Mongolian peoples was formed on the basis of traditional ideas about the first ancestors-demiurges — cultural heroes, which included the legendary ruler. Living in some “primordial time” and possessing a wonderful, atypical — as befits a mythological hero — biography, he masters, transforms and signifies the world around him, creates important cultural objects, performs actions that will later turn into customs and rituals, gives rise to modern ethnic groups and dynasties, in general — lays the foundations of the existing world order. Most of the real details of Genghis Khan's life were beyond the scope of these mythological ideas, and

his folklore image and biography were composed mainly of a set of traits and motives traditionally attributed to heroes of this type.

Keywords: Genghis Khan, Mongolian folklore, Buryat folklore, Kalmyk folklore, non-fairy tale prose, legend, historical memory, cultural memory, mythologization of history, cultural hero

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 23-78-10139 “The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia”. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

For citation: Isakov A. V. Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 385–399. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

1. Введение

Чингис-хан — центральная фигура в исторической памяти всех монгольских народов. Ему посвящено большое количество литературных и фольклорных повествований, созданных и бытующих с XIII в. до наших дней. В этой статье мы сосредоточимся на изучении фольклорных нарративов о Чингис-хане.

Примечательно, что сюжеты устных преданий о Чингис-хане не имеют почти ничего общего со сведениями письменных источников о жизни основателя Монгольской империи, таких как «Сокровенное сказание монголов» и другие известные нам монгольские, тюркские, китайские и персидские хроники. Разные исследователи констатируют, что в монгольских, бурятских и калмыцких преданиях фигурируют не столько факты из биографии Чингис-хана, сколько мифологические представления людей об этом герое [Бичеев 2021; Дампилова, Дамбийхорлоо 2018; Жуковская 1988; Цендина 2004; Цыбикова 2022; Birtalan 2005].

Такое положение вещей объясняется особенностями исторической памяти в устной культуре, где представления о событиях и личностях прошлого конструируются на основе устойчивых формул, структурных схем, стереотипов, клише и т. п. [Vansina 1985]. Как замечает С. Ю. Неклюдов, репертуар фольклорных сюжетов, связанных с определенной исторической личностью, предопределяется не индивидуальной биографией героя, а его принадлежностью к определенному выделяемому в традиции классу персонажей: «в соответствии с принадлежностью персонажа к подобному классу, традиция приписывает ему определенные признаки и поступки» [Неклюдов 2007: 84]. Исходя из этого можно предположить, что круг сюжетов преданий о Чингис-хане сформировался на основе традиционных представлений о том, каковы должны были быть биография и поступки великого хана. По аналогии с формулировкой М. Хальбвакса, в своей работе впервые выдвинувшего тезис о социокультурной обусловленности памяти [Хальбвакс 2007], эти предзаданные параметры памяти о Чингис-хане в фольклоре монгольских народов мы могли бы назвать мифологическими рамками памяти.

В данном исследовании мы попытаемся выделить и классифицировать фольклорно-мифологические структуры, лежащие в основе фольклорных преданий монгольских народов о Чингис-хане.

2. Материалы и методы

Материалом исследования служат опубликованные тексты монгольского, бурятского и калмыцкого фольклора, а также неопубликованные записи бурятского

фольклора, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Хронологические рамки исследуемого материала охватывают период с XIX по начало XXI в.

В качестве основных методов исследования используются сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы фольклористики.

3. Результаты

3.1. Чудесная биография Чингис-хана

Первая группа сюжетов, которую можно выделить в преданиях о Чингис-хане, связана с описанием его необычной биографии.

Рождение Чингис-хана в фольклоре часто преподносится как сверхъестественное событие. В одних преданиях утверждается, что его родила ханская дочь, которую все время держали взаперти, а забеременела она от солнечных лучей [Семь звезд 2007: 182–183; Хангалов 2004: 64]. Заметим, что мотив зачатия от солнечного света присутствует и в «Сокровенном сказании» и других монгольских хрониках, но там он относится не к Чингис-хану, а к его предку Бодончару [Козин 1941: 81; Цендина 2007: 38]. В других преданиях Чингис-хана называют посланником Неба: либо самим бурханом [Потанин 1883: 228], либо перерожденцем божества [Семь звезд 2007: 86], либо сыном Хурмасты [Потанин 1883: 230], либо посланником Будды, который должен в трудные времена установить на земле порядок, став правителем-чакравartiном [Чингис хааны тухай домгууд]. Этот мотив перекликается с сюжетом монгольского эпоса о Гэсэре, в частности с его книжной версией. Как и Гэсэра, Чингис-хана называют сыном Хурмасты, кроме того, в некоторых версиях предания говорится, что Будда задумал отправить на землю Чингиса перед своим уходом в нирвану — с этого же начинается книжная версия эпоса о Гэсэре [Гесериада 1935: 35]. Конечно, нельзя здесь не отметить и то, что мотив небесного происхождения монгольских ханов (не только Чингис-хана, но и его дальних предков), часто фигурирует в хрониках, начиная с «Сокровенного сказания» [Козин 1941: 79; Цендина 2007: 38]. Мотив буддийского сверхъестественного происхождения Чингис-хана, очевидно, проникает в фольклор в период активного распространения буддизма среди монгольских народов — в это время буддийские элементы появляются и в фантастических генеалогиях монгольских ханов в письменных хрониках, которых порою называют перерожденцами буддийских божеств [Цендина 2007: 122–123]. В еще одном из преданий рассказывается, что маленький Чингис, сойдя с неба на землю, лежал под двумя деревьями, которые вскормили его своим соком [Потанин 1883: 228–229]: здесь тоже подчеркивается чудесное, нечеловеческое происхождение Чингис-хана.

К составляющим чудесной биографии Чингис-хана в фольклоре можно отнести и мотив его имянаречения. Происхождение имени «Чингис» объясняется тем, что рядом с мальчиком однажды оказалась птица, прошебетавшая: «Чин-чин» (или «Чингис-чингис») [Потанин 1883: 232; Хангалов 2004: 64–65; Цыбикова 2022: 150]. Этот мотив встречается и в литературных повествованиях о Чингис-хане (например: [Лубсан Данзан 1973: 66]).

Восхождение Чингис-хана на престол в фольклорных преданиях также обставлено необычными подробностями. В одном предании маленького Чингиса, сошедшего с неба, зовут на ханский престол, потому что после смерти старого

хана у него не осталось наследников, и тогда сановники решают призвать правителя со стороны [Потанин 1883: 229]. Довольно распространены повествования о том, как мать будущего хана отказалась от него и отправила одного вплавь по реке [Потанин 1883: 231–232; Хангалов 2004: 64]. В другой версии беременную мать Чингис-хана прогоняют из дома, посадив на баржу и отправив плыть к чужим землям, где она и рождает сына [Семь звезд 2007: 183]. К этому мотиву может примыкать история нахождения Чингиса среди чужого народа (у китайцев), которые сначала находят и воспитывают, а затем прогоняют его, и уже после этого он приходит к монголам, которые признают в нем ниспосланного Небом правителя [Цыбикова 2022: 150]. Мотивы изгнания и скитаний, а также прихода правителя из чужих земель, весьма распространенные в мировом фольклоре и литературе, часто встречаются и в монгольских хрониках, где таким образом повествуется о легендарных предках Чингис-хана — Худзун-Сандалиту, Буртэ-Чино, Бодончаре [Цендина 2007: 44, 47].

Мифологизируется в фольклорной памяти и смерть Чингис-хана. Нередко его убийство приписывается некой коварной женщине. Распространены предания, в которых смерть Чингис-хана связывается с его попыткой взять в жены дочь враждебно настроенного хана [Потанин 1883: 229; Смолев 1902; Цыбикова 2022: 150–151]. После того как Чингис завоевывает жену силой, она убивает его своими ножницами или ножом (при этом может фигурировать важная подробность, что жена отрезала Чингису половой орган, т. е. лишила его не только жизни, но и «мужской силы»). В другой версии предания после того, как Чингис-хан завоевал владения другого правителя и силой взял в жены его дочь, на него наслала проклятие женщина-колдунья [Цыбикова 2022: 151].

Примечательно, что фольклорная биография Чингис-хана не завершается его смертью. Предания сообщают, что теперь Чингис-хан стал бурханом и живет на небе [Потанин 1883: 229, 232]. В фольклоре также встречаются сообщения о грядущем новом пришествии Чингис-хана на землю [Потанин 1883: 231]. Есть версия, что Чингис-хан придет вместе с буддой грядущего Майтреей (Майдари), чтобы бороться с темными силами [Цыбикова 2022: 154].

Как мы видим, в фольклоре повествования о жизни Чингис-хана строятся на основе мифологических мотивов, подчеркивающих необычность его биографии, полной чудесных происшествий и знамений, и сверхъестественную природу самого великого хана. Примечательно, что в устной традиции образ Чингис-хана «притягивает» к себе в том числе и те мотивы, которые в литературных текстах относятся к его предкам или вообще к героям из другого ряда, — например, Гэсэру.

3.2. Чингис-хан как культурный герой

Следующая группа фольклорных сюжетов о Чингис-хане объединена мотивом созидания каких-либо предметов или явлений культуры монгольских народов. Иными словами, Чингис-хан здесь действует как культурный герой. Стоит отметить, что порою Чингис-хана называют создателем всего мира [Потанин 1883: 231], но этот мотив не столь распространен. Все же чаще речь идет об изобретении им отдельных предметов и обычаев, которые стали неотъемлемой частью традиционной культуры монголов.

Самый популярный сюжет из этой группы — об изобретении Чингис-ханом архи (традиционного алкогольного напитка из молока). Количество записей и

перечень мест, где они были сделаны, позволяют судить о том, что этот сюжет был широко распространен в фольклоре монголов [Потанин 1883: 211–212, 230], бурят [Небесная дева лебедь 1992: 272–274; Хангалов 2004: 65–67; Цыбикова 2022: 151–152] и калмыков [Мифы, легенды и предания 2017: 155; Семь звезд 2007: 85–86]. Общая сюжетная канва большинства этих преданий такова. Желая создать алкогольный напиток на радость людям, Чингис-хан соединяет девять (иногда три) ингредиентов, имеющих подчеркнуто символический характер, например: слюна бешеной собаки; лезвие острого ножа; голова гнилой овцы; щека красивого человека, копыта быстрого коня; прозрачность текущей воды; пламя горящего огня; сок растущей зеленой травы; в три раза скрученные путы [Цыбикова 2022: 151]. Иногда изначально он берет 12 ингредиентов, но напиток получается чересчур сильнодействующим, и тогда Чингис-хан убирает из состава три лишних ингредиента. Далее может следовать демонстрация действия напитка, в которой участвуют слепой, безрукий и безногий. Действие архи оказывается столь чудесным, что слепой начинает видеть, а безрукий и безногий обретают отсутствующие конечности. Можно сказать, что в подобных преданиях Чингис-хан проявляет себя как герой-трикстер, который своим изобретением нарушает обычный порядок вещей. Иногда предания об изобретении им архи дополняются и другими эпизодами, в которых еще сильнее проявляется плутовское поведение Чингис-хана: например, в одном тексте он с помощью водки опьяняет льва и тем самым избегает его мести за нарушенное обещание [Хангалов 2004: 66–67].

Интересно отметить, что существуют подобные предания, где изобретение архи приписывается другим персонажам — дочери Чингис-хана [Семь звезд 2007: 88–89], Гэсэру, Будде Шакьямуни [Потанин 1883: 212], тюркам [Небесная дева лебедь 1992: 274]. Есть также версии сюжета об изобретении архи, где этот напиток оценивается исключительно негативно, а его создателем объявляется отрицательный персонаж мифологии, например демон Арааха [Потанин 1883: 212]. Девять ингредиентов здесь показательно называются девятью ядами. В литературе монголов и бурят также распространялось сочинение о том, что архи из девяти ядов создал предводитель демонов, дабы отвратить людей от учения Будды [Владимирцов 1910: 173–174; Ёндон, Сазыкин 1986].

Наряду с преданиями об изобретении архи в фольклоре бытуют сюжеты о том, как Чингис-хан запрещал употребление алкоголя, но в итоге решил отменить свой запрет, осознав пользу этого напитка [Басангова 2012: 618; Мифы, легенды и предания 2017: 155; Семь звезд 2007: 86–88; Birtalan 2005: 307]. В качестве важного аргумента в пользу архи, который смог убедить Чингис-хана, нередко приводится ее использование во время обрядов поклонения духам. Поэтому Чингис-хан рассматривается как основоположник традиции подношения архи божествам, духам местности и предкам.

Среди других предметов, к изобретению которых причастен Чингис-хан, называются кумыс и табак [Жуковская 1988: 629; Birtalan 2005: 306].

Большая группа преданий посвящена тому, как Чингис-хан положил начало различным обычаям и обрядам монгольских народов. Их происхождение объясняется определенными случаями из его жизни. Например, обычай считать второй месяц по лунному календарю пятым месяцем связывается с хитростью Чингис-хана: он договорился воевать с Китаем в пятом месяце, а потом принял

решение объявить пятым месяцем второй [Легенды о Чингисхане 2009: 439]. Обычай ждать отставшего всадника, если его конь начал мочиться, предание объясняет случаем, когда воины Чингис-хана не стали ждать своего товарища, и с ним случилось несчастье. После этого Чингис-хан издал соответствующее повеление [Легенды о Чингисхане 2009: 440; Birtalan 2005: 306]. Ордосская традиция делать на праздник Белого месяца пряники в виде плотов, по версии фольклора, введена в память о случае, когда войско Чингис-хана смогло уйти от врагов, переправившись через реку на плотках [Легенды о Чингисхане 2009: 442]. Также Чингис-хану приписывают учреждение некоторых элементов свадебного обряда [Жуковская 1988: 629; Цыбикова 2022: 152–153; Birtalan 2005: 306], обряда бескровного жертвоприношения «сэтэр», обрядов в честь первого кобыльего молока и первого кумыса [Birtalan 2005: 306]. Приведенный здесь список традиций, возводимых к Чингис-хану, не полон. Думается, что он потенциально бесконечен, поскольку самые разные явления культуры можно связать с Чингис-ханом тем образом, которым это делается в народных преданиях.

Рассмотренные выше тексты демонстрируют, что в фольклоре монгольских народов существует явная тенденция связывать возникновение значимых предметов и явлений культуры с фигурой Чингис-хана. Это делается либо путем включения Чингис-хана в широко распространенную сюжетную схему, где он оказывается взаимозаменяем с рядом других персонажей, как в преданиях об изобретении архи, либо путем сочинения сюжетов, увязывающих возникновение того или иного явления культуры с конкретными обстоятельствами жизни Чингис-хана. Неизменной остается мифологическая роль Чингис-хана как творца и зачинателя привычных всем монголам вещей и традиций.

3.3. Чингис-хан в топонимических преданиях

Большое количество фольклорных повествований о Чингис-хане можно отнести к жанру так называемых топонимических преданий, то есть преданий, объясняющих происхождение названий различных местностей и географических объектов. Такие предания широко распространены среди монгольских народов Внутренней Азии, при этом они имеют ярко выраженный локальный характер: в каждой местности рассказывают о своих географических объектах, так или иначе связанных с Чингис-ханом. В то же время порождающие модели топонимических преданий о Чингис-хане универсальны — похожие сюжеты могут бытовать в разных местностях, различаясь лишь местом действия и фигурирующими в них географическими названиями. В редких случаях речь идет о названиях, напрямую отсылающих к Чингис-хану — как, например, горы под названием «Три башни Чингиса» [Памятники фольклора 2015: 466], или Чингисов вал [Легенды о Чингисхане 2009: 431; Небесная дева лебедь 1992: 297–298; Сказания бурят 1890: 132]. Чаще в этих преданиях фигурируют названия, на первые взгляд никак не связанные с Чингис-ханом, а основное содержание сюжета состоит как раз в том, чтобы тем или иным образом установить эту связь.

А. Бирталан делит все топонимические предания о Чингис-хане на две группы в зависимости от того, как именно в них объясняется связь конкретного географического объекта с Чингис-ханом [Birtalan 2005: 302–305]. Думается, что проведенная этим исследователем типология достаточно полно отражает основной репертуар сюжетных моделей данных преданий.

Предания первой группы отталкиваются от необычных форм ландшафта, в которых можно заподозрить рукотворное происхождение. Так, необычная форма гор объясняется попаданием в них стрел Чингис-хана — отсюда, согласно преданию, и название «Три башни Чингиса» (*Чингисийн гурван цонж*). Неизвестно кем проложенная дорога под названием «Путь Чингиса» (*Чингисийн зам*) или небольшие впадины, именуемые «Следами коня Чингиса» (*Чингисийн морины мөр*), тоже рассматриваются как следы деятельности великого хана. Некоторые объекты могут напоминать орудия человеческой деятельности и иметь соответствующие названия. Фольклорная традиция нередко также связывает их с Чингис-ханом. Например, о горе с усеченной вершиной под названием «Гора-наковальня» (*Дөш уул*): рассказывают, что это была наковальня Чингис-хана [Birtalan 2005: 302–304].

Сюжеты второй группы преданий объясняют происхождение топонимов тем, что в этих местах некогда побывал Чингис-хан, и их названия даны в память о произошедших с ним здесь событиях. В отличие от сюжетов первой группы, они сосредоточены не на форме объекта, а на его названии, и пытаются прояснить его этимологию. Например, согласно преданию, озеро Болдог называется так, потому что в нем омывали младенца-Чингиса (от монг. *угааж болгох* ‘омывать’) [Легенды о Чингисхане 2009: 429; Birtalan 2005: 305]. А название реки Иркут (бур. *Эрхүү*) в одном бурятском предании объясняется тем, что когда-то Чингис-хан со своей женой проезжал здесь вдоль берега и жена в это время сильно раскапризничалась (*эрхүү* по-бурятски значит «капризный») [Небесная дева лебедь 1992: 166].

Отдельно стоит сказать об одном сюжете, который порою выступает в качестве топонимического предания, объясняя происхождение сразу целого ряда топонимов. Это сюжет о погоне Чингис-хана за лисицей-оборотнем. В одной из его версий действие разворачивается на территории современного Забайкальского края, где живут агинские буряты. Утверждается, что во время этой погони Чингис-хан бежал, разворачивая землю, и так образовался Чингисов вал. Реку, на берегу которой он целился в лису из лука, стали называть Онон (от *оноон* ‘зарубка на стреле для тетивы’). А место, где он застрелил лису, сначала назвали Ала (от *алаа* ‘убил’), а теперь называют Ага [Небесная дева лебедь 1992: 297–298; Цыбикова 2022: 154]. В другой версии действие предания происходит на юге Бурятии, и утверждается, что во время погони за лисицей Чингис-хан дал названия местностям в районе реки Джиды. Местность, где он останавливался, теперь называется Ичетуй (в данном случае связывается с бур. *Унжөөтэй* от *унжэхэ* ‘дневать’), местность, где на его пути лежал снег, получила название Цагатуй (*Цагаатай* — здесь: «покрытый снегом») и т. д. [Санджэ-Сурун 2017: 61–62]. В альтернативном варианте в погоне участвует брат Чингис-хана, желающий отомстить женщине-оборотню за убийство правителя [Смолев 1902].

Предания «топонимического цикла» показывают Чингис-хана организатором пространства: следы его деятельности обнаруживаются повсюду в формах ландшафта и — еще чаще — в названиях географических объектов. Освоение, означивание, преобразование природного пространства также можно рассматривать как функции Чингис-хана — культурного героя наряду с теми, о которых говорилось в предыдущей части статьи. Кроме того, в этих преданиях проявляется символическая значимость Чингис-хана для представителей монгольских

народов: они стремятся связать историю своих местностей с его деяниями, тем самым утвердив свою причастность к этой значимой фигуре.

3.4. Чингис-хан в фольклорных генеалогиях

Еще одна группа преданий, мифологизирующих фигуру Чингис-хана, относится к категории генеалогических, т. е. повествующих о происхождении родоначальников этнических групп и династий. Чингис-хан в этих преданиях обычно предстает всеобщим предком, к которому возводятся родословные самых разных родов, племен, народов и правящих династий разных стран.

Интересно, что чаще всего в таких преданиях не утверждается непосредственное происхождение от самого Чингис-хана. Распространены сюжеты, в которых герой-родоначальник рождается у жены Чингис-хана от другого мужчины, либо он является ребенком брата или сына Чингис-хана. Тем не менее имя Чингис-хана обязательно фигурирует в этих повествованиях и, думается, не случайно: в картине мира монгольских народов связь с великим ханом и его семейством в любом случае считается значимой.

Как и топонимические предания о Чингис-хане, генеалогические предания чаще имеют локальный характер: в разных местностях были зафиксированы тексты, утверждающие родственную связь местных этнических групп с Чингис-ханом. Например, в Бурятии записано предание, согласно которому во время поездки Чингис-хана по Прибайкалью его жена устала и отказалась ехать с ним дальше. Тогда он оставил ее в этих краях с одним своим баторм. В дальнейшем жена Чингис-хана забеременела от этого батора и родила двоих детей, один из которых остался жить на западном берегу Байкала, а второй поселился на восточном [Небесная дева лебедь 1992: 166].

Известны случаи, когда мотив родственной связи с Чингис-ханом проникает в сюжеты, преимущественно бытующие в отрыве от цикла преданий о монгольском правителе. Один из таких примеров — версия предания о происхождении бурятских племен Эхирит и Булагат, в которой появляется мотив связи их родоначальников с семейством Чингис-хана. В наиболее известной версии данного предания говорится о происхождении Эхирита и Булагата от зооморфных предков — налива и быка [Шаракшинова 1980: 114–130]. Однако есть предание, где говорится, что жена Чингис-хана в его отсутствие родила двух сыновей и, желая скрыть это от мужа, решила перед его возвращением одного младенца положить в береговую щель, а второго — в яму, вырытую быком (традиционно считается, что именно в этих местах были найдены маленькие Эхирит и Булагат). Когда Чингис-хан вернулся, ему рассказали о найденных детях, и он решил их усыновить [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий архивный фонд. Д. 1805д]. Интересно, что в этом предании рационализируется мотив чудесного рождения Эхирита и Булагата: он объясняется хитростью жены Чингис-хана, которая выдала своих внебрачных детей за сыновей налива и быка. В другом варианте этого предания матерью Эхирита и Булагата называется жена Хабато Хасара, брата Чингис-хана, которая тем же образом прячет детей, рожденных во время долгого отсутствия мужа [Жамцарано 2011: 45].

Примечательны генеалогические предания хори-бурят, в которых Чингис-хану отводится нетипичная для него роль: если обычно великий хан выступает всеобщим родоначальником, то хори-буряты считают его одним из потомков

своего праотца Хоридоя (или Хори). В преданиях говорится, что легендарная праматерь рода Борджигин Алан-Гоа была дочерью Хоридоя, а следовательно — и Чингис-хан принадлежит к числу его потомков [Небесная дева лебедь 1992: 165]. Бурятский Хоридой здесь, очевидно, отождествляется с Хорилартай-мэргэном из монгольских хроник. Есть примеры фольклорных текстов, в которых прямо говорится о принадлежности Чингис-хана к племени хори. Так, в одной народной песне о нем поется:

Буряадхан гарбалай Шэнгэс хаамнай

Баруунхан хуасайн зээ юмэ.

‘Имеющий бурятское происхождение Чингис-хан наш

Приходится внуком [роду] баруун хуасай’ [Дампилова 2022: 215].

Наряду с преданиями о родственной связи различных этнических групп монголов с Чингис-ханом существуют тексты, возводящие к нему генеалогию некоторых других народов, например казахов или киргизов [Потанин 1881: 164–165; Потанин 1883: 230; Чингис хааны тухай домгууд]. В этих преданиях говорится, что однажды сын Чингис-хана тайком пробрался к его жене и, будучи неузнанным, вступил с ней в половую связь. Позднее его выдает метина, оставленная на его теле женой Чингис-хана, и хан прогоняет своего сына (иногда — приказывает казнить, но слуги хана исполняют приказ не до конца, ограничившись изгнанием преступника). После этого отвергнутый сын становится родоначальником нового народа.

Отдельную категорию преданий составляют тексты о происхождении от Чингис-хана правящих династий великих государств. Например, есть предание, что четверо сыновей Чингис-хана стали правителями четырех разных стран: тибетским Далай-ламой, китайским императором, тюркским каганом и русским царем [Потанин 1883: 232].

Особенно явно прослеживается некогда распространенная среди восточных бурят традиция считать российских правителей из рода Романовых потомками Чингисидов. Есть разные версии предания о том, что основатель российской правящей династии был сыном Чингис-хана [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд 36 (С. П. Балдаев). Д. 131. Л. 11; Небесная дева лебедь 1992: 167–168; Цыбикова 2022: 153]. В одной версии говорится, что во время похода Чингис-хана на Русь он взял в жены русскую императрицу, и последующие российские правители — прямые потомки Чингис-хана; в другой — жена Чингис-хана во время похода осталась в России и родила там сына, который стал русским царем; в третьей — Чингис-хан встречает прекрасную девушку, изначально явившуюся ему в облике лисицы, у них рождается сын, и он по велению отца становится правителем России, известным под именем Петр I (заметим, что этот правитель занимает особенное место в исторической памяти бурят в связи с поездкой хоринцев в Москву в 1702–1703 гг., и в фольклоре встречается утверждение, что именно Петр I принял бурят в российское подданство [Памятники фольклора 2015: 277]). Вероятно, рассказы о происхождении русских царей от Чингис-хана могли выполнять в бурятской культуре функцию «обосновывающей памяти» (см. [Ассман 2004: 83]), легитимируя переход бурят из-под власти монгольских ханов в подданство «Белого царя», который в свете таких преданий также обретал право на власть в монгольском мире. Связь представлений о родстве русского царя с Чингис-ханом и памяти о принятии российского

подданства в бурятском фольклоре подтверждают сами тексты преданий: в одном из них за рассказом о воцарении сына Чингис-хана в России следует эпизод, в котором буряты приходят проситься к нему в подданство, в другой версии утверждается, что Петр I покровительствовал бурятам, поскольку имел монгольское происхождение. Есть основания полагать, что в распространении этих представлений была заинтересована бурятская элита, инкорпорированная в российскую систему власти: например, по некоторым сведениям легенду о русском царе — потомке Чингис-хана сочинил в XIX в. Аюши Саагиев, один из авторов исторических хроник хори-бурят [Цыдендамбаев 1972: 61]. Впрочем, идея о том, что российские правители — это наследники Чингисидов, была распространена и в культуре других народов России и соседних стран, которые таким образом объясняли переход власти на обширной территории Евразии от одной империи к другой [Трепавлов 2007: 94–100].

Как и в преданиях предыдущих двух групп, в генеалогических преданиях с участием Чингис-хана в первую очередь проявляется его созидаящая, порождающая функция, которая здесь реализуется через генеалогические построения, возводящие происхождение современных этнических общностей и отдельных привилегированных родов к Чингис-хану. Вместе с тем помещение Чингис-хана в различные генеалогии также, по всей видимости, мотивируется желанием повысить символический статус своей группы, обосновав ее причастность к великому правителю. В некоторых случаях — как это показывает пример бурятских преданий о русском царе — потомке Чингис-хана — возведение генеалогии правящей династии к Чингис-хану могло легитимировать определенный политический порядок.

4. Заключение

Представления о Чингис-хане в фольклоре монгольских народов основаны на устойчивых фольклорно-мифологических структурах, которые, несомненно, «бытовали в Центральной Азии задолго до появления реального Чингисхана» [Жуковская 1988: 629]. К этим представлениям относятся мотивы, формирующие фольклорную биографию Чингис-хана, наделяющие его функциями культурного героя, лежащие в основе топонимических и генеалогических преданий с участием Чингис-хана.

В свете современных знаний о мифологии и исторической поэтике фольклора мы можем утверждать, что фольклорная «память» о Чингис-хане производится путем проекции на его фигуру комплекса представлений, традиционно связанных с образом первопредка-демиурга — культурного героя. Согласно концепции Е. М. Мелетинского, изначально «представления об этих трех категориях переплетены между собой, вернее — синкретически нерасчленены» [Мелетинский 2000: 178]. Соединены они и в фольклорном образе Чингис-хана, который, живя в некоторое «изначальное время» и обладая чудесной, необычной, как и подобает мифологическому герою, биографией, осваивает, преобразует и означает окружающий мир, создает важные предметы культуры, совершает действия, которые в дальнейшем превратятся в обычаи и обряды, дает начало современным этническим группам и династиям, в целом — закладывает основы существующего миропорядка.

Не удивительно, что многие сюжеты, в которых фигурирует Чингис-хан, не являются специфичными только для этого персонажа. Вместо него в них может

фигурировать Будда, Гэсэр, другие легендарные представители монгольского правящего рода — в общем, любые персонажи, также рассматриваемые в традиции в качестве первопредков, демиургов, культурных героев, ведь закономерности фольклорной памяти «допускают свободную циркуляцию атрибутов и предикатов внутри одного класса персонажей» [Неклюдов 2007: 85].

Можно заключить, что память о Чингис-хане в фольклорной традиции монгольских народов сформировалась на основе традиционных представлений о первопредках-демиургах — культурных героях, к числу которых был отнесен и легендарный правитель. Большинство реальных подробностей жизни Чингис-хана оказались за рамками этих мифологических представлений, а его фольклорный образ и биография составлены в основном из набора черт и мотивов, традиционно приписываемых героям данного типа.

Сокращения

бур. — бурятский язык

монг. — монгольский язык

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Басангова 2012 — *Басангова Т. Г.* Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 616–619.
- Бичеев 2021 — *Бичеев Б. А.* Образ Чингисхана в художественной традиции кочевых культур // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 2(50). С. 57–66.
- Владимирцов 1910 — *Владимирцов Б. Я.* Этнографические мелочи из жизни монголов: I. Водка. II. Табак // Живая старина. 1910. Т. 19. Вып. 1–2. С. 172–175.
- Гесериада 1935 — *Гесериада:* Сказание о милостивом Гесер-Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света / пер., вступ. ст. и коммент. С. А. Козина. М.; Л.: АН СССР, 1935. 245 с.
- Дампилова 2022 — *Дампилова Л. С.* Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане // Монголоведение. 2022. № 1. С. 212–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222
- Дампилова, Дамбийхорлоо 2018 — *Дампилова Л. С., Н. Дамбийхорлоо.* Мифологические мотивы в преданиях и легендах о Чингисхане // Республике Бурятия — 95 лет: Сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 279–281.
- Ёндон, Сазыкин 1986 — *Ёндон Д., Сазыкин А. Г.* Одно из тибето-монгольских дидактических сочинений о происхождении водки и вреде пьянства // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, 1986. С. 232–251.
- Жамцарано 2011 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники. 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 264 с.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Чингисхан // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х тт. 2-е изд. Т. 2: К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 629.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niyüša tobčiyān*. Юань чао би ши: Монг. обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

- Легенды о Чингисхане 2009 — Легенды о Чингисхане в устной традиции / пер. А. Д. Цендиной // Чингисиана: свод свидетельств современников / пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. С. 429–442.
- Лубсан Данзан 1973 — *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
- Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Вост. лит., 2000. 407 с.
- Мифы, легенды и предания 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков (= Хальмгудын домгуд, домг үлгүрмүд болн туужс.) М.: Наука – Вост. лит., 2017. 367 с.
- Небесная дева лебедь 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; перевод и предисл. А. И. Тугутова; комм. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой (Б-ка «Сибирская живая старина»). Иркутск: Вост.-Сибирск. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov46.htm> (дата обращения: 02.02.2024).
- Памятники фольклора 2015 — Памятники фольклора монгольских народов: в 10 тт. Т. IV. Легенды и предания / гл. редактор Н. Ц. Биткеев; отв. ред.: А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев; сост.: Д. Э. Басаев, Т. Баясгалан, Л. Ц. Малзунова, С. Д.-Н. Малзунова, Д. Д.-Н. Малзунова, Л. Ц. Санжеева. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 651 с.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1881. 181 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1883. 1026 с.
- Санджэ-Сурун 2017 — *Санджэ-Сурун (Раднаева Г. Ж.)*. Вечный круговорот времен (Из жизни народа) = Үе сагуудай мүнхэ эрьесэ (Арад зоной ажабайдалхаа). Т. 6. Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. 672 с.
- Семь звезд 2007 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 414 с.
- Сказания бурят 1890 — Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск: Тип. К. И. Ватковской, 1890. 160 с.
- Смолев 1902 — *Смолев Я. С.* Бурятская легенда о Чингис-Хане в связи с названием некоторых местностей Забайкалья и сопредельной Монголии // Труды Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1900 г. Т. 3. Вып. 1. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение», 1902. С. 78–93.
- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 253 с.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. III. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 312 с.
- Цендина 2004 — *Цендина А. Д.* Чингис-хан в устном и письменном наследии монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 406–424.
- Цендина 2007 — *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: Росс. гос. гуманит. ун-т, 2007. 272 с.
- Цыбикова 2022 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Образ Чингисхана в фольклоре бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 3 (37). С. 149–159.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1972. 663 с.
- Чингис хааны тухай домгууд — Чингис хааны тухай домгууд [электронный ресурс] // URL: <https://www.e-nom.mn/book?bid=OTUwenomOTUw> (дата обращения: 02.02.2024).

- Шаракшинова 1980 — *Шаракшинова Н. О.* Мифы бурят. Иркутск: Вост.-Сибирск. кн. изд-во, 1980. 168 с.
- Birtalan 2005 — *Birtalan A.* The Mongolian Great Khans in Mongolian Mythology and Folklore // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2005. Vol. 58 (3). Pp. 299–311.
- Vansina 1985 — *Vansina J.* Oral Tradition as History. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 256 p.

References

- Assman J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Trans. by M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Cultural hero in the mythology of the Kalmyks. World of Central Asia – 3. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 616–619. (In Russ.)
- Bicheev B. A. The image of Genghis Khan in the Artistic tradition of nomadic cultures. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 2 (50). Pp. 57–66. (In Russ.)
- Birtalan A. The Mongolian great khans in Mongolian mythology and folklore. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2005. Vol. 58 (3). Pp. 299–311. (In Russ.)
- Chenghis Khaany tukhay domguud. Available at: <https://www.e-nom.mn/book?bid=OTU-wenomOTUw> (Accessed: 2 February 2024). (In Mong.)
- Dampilova L. S. Markers of ethnicity in Buryat songs about Genghis Khan. *Mongolian Studies* (Elista). 2022. No. 1. Pp. 212–222 (In Russ.)
- Dampilova L. S., N. Dambiykhорloo. Mythological motives in traditions and legends about Genghis Khan. The Republic of Buryatia — 95 years. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 279–281. (In Russ.)
- Geseriad: The Legend of the Merciful Geser-Mergen Khan, the Eradicator of ten Evils in ten Countries of the World. Trans., Introduction and Commentary by S. A. Kozin. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1935. 245 p. (In Russ.)
- Halbwachs M. Social Framework of Memory. S. Zenkin (trans.). Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
- Heavenly Maiden Swan: Buryat Tales, Traditions and Legends. A. Tugutov (comp.); A. Tugutov (trans); I. Tugutov, A. Tugutov, L. Nurkaev (comp.) (“*Siberian Living Antiquity*”). Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1992. 368 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works: in 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2004. 312 p. (In Russ.)
- Kozin S.A. A Secret History: Mongolian Chronicle of 1240 called Mongol-un niyuča tobčiyān. Yuan chao bi shi: Mongolian ordinary pick. Vol. 1. Introduction to the study of the monument. Translation, texts, glossaries. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Legends of Genghis Khan in the oral tradition. A. Tsendina (trans.). Genghisian: a body of evidence from contemporaries. Trans., comp. and comment. A. Melekhin. Moscow: Eksmo, 2009. Pp. 429–442. (In Russ.)
- Lubsan Danzan. Altan Tobchi (“The Golden Legend”). N. Shastina (trans.,comm., adj.). Moscow: Nauka, 1973. 440 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Poetics of Myth. 3rd ed., reprint. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 407 p. (In Russ.)
- Monuments of Folklore of the Mongolian Peoples: in 10 volumes. Vol. 4. Legends and Traditions. ch. ed: N. Bitkeev (ed.), A. Bitkeeva, P. Bitkeev (eds.); D. Basaev, T. Bayasgalan, L. Malzurova, S. Malzurova, D. Malzurova, L. Sanzheeva (comps.). Moscow: IWL RAS, 2015. 651 p. (In Kalm. Buryat and Mong.)
- Myths, Legends and Traditions of the Kalmyks. Khalmgudyn domgud, domg ülgürmüd boln tuujс. Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Notes on “Historical Memory” in Folklore. AB-60. Collection for the 60th Anniversary of A.K. Baiburin (Studia Ethnologica. Proceedings of the Faculty of Ethnology. Issue 4). St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2007. Pp. 77–86. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/necklyudov46.htm> (Accessed: 02 February 2024). (In Russ.)

- Potantin G. N. Sketches of Northwestern Mongolia. Vol. 2. Ethnographic Materials. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum, 1881. 181 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Sketches of northwestern Mongolia. Vol. 4. Ethnographic Materials. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Sanje-Surun (Radnaeva G. Zh.). The Eternal Cycle of Times (From the Life of the People) = Üie saguudai münkhe er'iese (Arad zonoï azhabaidalhaa). Vol. 6. Ulan-Ude: NovaPrint, 2017. 672 p. (In Buryat and In Russ.)
- Seven Stars: Kalmyk Legends and Traditions. D. Basaev (comp.). Elista: Kalmyk Publishing House, 2007. 414 p. (In Russ.)
- Sharakshinova N. O. Myths of the Buryats. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1980. 168 p. (In Russ.)
- Smolev Ya. S. Buryat legend about Genghis Khan in connection with the Name of some areas of Transbaikalia and adjacent Mongolia. Proceedings of the Troitskosavsk-Kyakhta's Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. 1900. Vol. 3. No. 1. Irkutsk: Eastern Review, 1902. Pp. 78–93. (In Russ.)
- Tales of the Buryats Recorded by Various Collectors. Irkutsk: Typography of K. I. Vatkovskaya, 1890. 160 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. "The White Tsar": the Image of the Monarch and Ideas about Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th–18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 253 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Genghis Khan in the oral and Written heritage of the Mongols. Mongol empire and the nomadic world. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2004. Pp. 406–424. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Mongolian Chronicles of the 17th–19th centuries: Narrative Traditions. Moscow: Russian State University of Humanities, 2007. 272 p. (In Russ.)
- Tsybikova B.-Kh. B. The Image of Genghis Khan in Buryat folklore. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2022. No. 3 (37). Pp. 149–159. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1972. 663 p. (In Russ.)
- Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 256 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Ethnographic trifles from the life of the Mongols: I. Vodka. II. Tobacco. Living antiquity. 1910. Vol. 19. No. 1–2. Pp. 172–175. (In Russ.)
- Yondon D., Sazykin A.G. One of the Tibeto-Mongolian didactic works on the origin of vodka and the dangers of drunkenness. *Mongolica*. In memory of academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov (1884–1931). Moscow: Nauka, 1986. Pp. 232–251. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries. 1903–1907. Ulan-Ude: Republic's Printing House, 2011. 264 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Genghis Khan. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols, 2nd ed. Vol. 2: K–Y. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988. 629 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 2, pp. 400–412, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-412

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 811.512.3:398:613

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-412

Здоровье как главная ценность жизни в благопожеланиях монгольских народов

Евдокия Эрендженевна Хабунова¹, Людмила Санжибоевна Дампилова^{2, 3},
 Бальзира Вячеславовна Эльбикова⁴

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, приглашенный исследователь

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

⁴ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, специалист научного центра
 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В., 2024

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются традиционные благопожелания монгольских народов (бур. *юрөөл, үрээл*; монг. *ерөөл*; синьц.-ойр. *йөрэл*; калм. *йөрэл*) как папутьствие о важности крепкого здоровья для обеспечения долгой, полноценной, продуктивной и счастливой жизни человека. Эта тема относится к слабоизученным проблемам, несмотря на то, что мотивом здоровья пронизаны все жанры фольклора монгольских народов. Важность исследуемой проблемы очевидна в контексте актуализации здорового образа жизни в современных условиях. *Цель* исследования — определить характер реализации мотива «здоровье» в благопожеланиях бурят, калмыков, монголов и синьцзянских ойратов, рассмотреть основу общих формул — пожеланий, направленных на обеспечение крепкого здоровья человеку с момента его рождения, на скорейшую и безболезненную социализацию, на его трудоспособность и полезность для семьи, рода, государства. *Материалы и*

методы. Исследование основано на материалах, выявленных из устных источников во время экспедиционной работы и из изданий, содержащих тексты традиционных благопожеланий. При анализе национальных текстов благопожеланий используется комбинация элементов различных методов (сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, элементы прагматического анализа и др.), важных для изучения характера репрезентации пожеланий здоровья в фольклорной традиции родственных народов (бурят, калмыков, монголов и сиңыцзянских ойратов), разделенных во времени и пространстве. *Результаты.* В процессе сравнительного изучения национальных текстов благопожеланий установлено, что пожелание здоровья является наиболее распространенной и устойчивой формой напутствия, которой сопровождается жизнь человека с самого момента его рождения. Представление номадов о здоровом человеке приравнивается понятиям: «крепкий», «полноценный», «полноправный член общества», «нормальный человек», «счастливый человек», «благополучный человек» «долгожитель», «полезный человек», «стойкий», «надежный». Манифестация этих критериев здоровья отличается константностью во многих благопожеланиях, подтверждением чему служат текстовые совпадения поэтических формул.

Ключевые слова: здоровье, жизненные ценности, монгольские народы, традиция, благопожелания, тексты, формулы, полевые исследования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Фольклор монголоязычных народов — источник эмпирических знаний о здоровье человека и традиционно-медицинской практике» (№ 23-28-00336, <https://rscf.ru/project/23-28-00336/>).

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В. Здоровье как главная ценность жизни в благопожеланиях монгольских народов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 400–412. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-412

Health as the Main Value of Life in the Well-Wishes of the Mongolian peoples

Evdokia E. Khabunova¹, Ludmila S. Dampilova^{2,3}, Balzira V. Elbikova⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Visiting Researcher

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with traditional good wishes of Mongolian peoples (Buryat: yurol, ureel; Kalm.: yeral; Mong.: yerol; Xinjiang-Oirat.: yeral) as an admonition about the importance of good health to ensure a long, full, productive and happy human life. This theme belongs to the poorly studied problems, despite the fact that the motif of health permeates all genres of folklore of Mongolian peoples. The importance

of the studied problem is obvious in the context of actualization of healthy lifestyle in modern conditions. *The aim of the study* is to determine the nature of the implementation of the motif “health” in well-wishes of Buryats, Kalmyks, Mongols and Xinjiang Oirats, to consider the basis of general formulas — wishes aimed at ensuring strong health to a person from the moment of his birth, at his speedy and painless socialization, at his ability to work and usefulness for the family, clan and state. *Materials and Methods.* The study is based on the materials identified from oral sources during the expedition work and from publications containing the texts of traditional good wishes. When analyzing the national texts of well-wishes, a combination of elements of different methods (comparative-historical, comparative-typological, elements of pragmatic analysis, etc.) is used, which are important for studying the nature of representation of health wishes in the folklore tradition of related peoples (Buryats, Kalmyks, Mongols and Xinjiang Oirats) separated in time and space. *Results.* In the process of comparative study of the national texts of well-wishes it was established that the wish for health is the most widespread and stable form of greeting, which accompanies human life from the very moment of birth. The nomads’ idea of a healthy person is equated with the notions of: “strong”, “full-fledged”, “full member of society”, “normal person”, “happy person”, “prosperous person”, “long-lived person”, “useful person”, “steadfast”, “reliable”. Manifestation of these health criteria are characterized by constancy in many well-wishes, which is confirmed by textual coincidences of poetic formulas.

Keywords: health, life values, Mongolian peoples, tradition, well-wishes, texts, formulas, field research

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00336 “The Folklore of the Mongolian Peoples is a Source of Empirical Knowledge about Human Health and Traditional Medical Practice”.

For citation: Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V. Health as the Main Value of Life in the Well-Wishes of the Mongolian Peoples. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (2): 400–412. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-400-412

1. Введение

Народные знания, основанные на многовековом жизненном опыте и сохранные в памяти людей, передавались из поколения в поколения в устной форме, облекаясь в яркие художественные формы, наполняясь высоким идейным содержанием.

К числу таких ценных источников следует отнести благопожелания монгольских народов (бур. *юрөөл*, *үрээл*; монг. *ерөөл*; синьц.-ойр. *йөрэл*; калм. *йөрэл*) — древний жанр, основанный на вере людей в магическую силу слова и ритуала. Все важные дела, сопутствующие человеку на протяжении всей его жизни, его отношение к окружающей действительности, событиям, явлениям, вещам сопровождаются традиционными благопожеланиями. Эта особенность традиционной культуры монгольских народов отмечалась многими исследователями [Бардаханова 1982: 148–200; Борджанова 2007: 168–215; Дампилова 2012: 22–64; Кульганек 2010: 117–123; Тодвийн Жамцо 1990: 63–75; Хабунова 2005: 72–74; Ханинова 2022: 397–413; Хабунова 2022: 405–416; и др.], занимавшимися изучением различных аспектов обрядового фольклора монгольских народов.

В традиционной обрядности монгольских народов, как правило, подчеркивается значимость магической силы слова и ритуала, как, например, в монгольском благопожелании *ерөөл*, произносимом по случаю стрижки первородных волос младенца:

*Төв сайхан нутгийнхаа дунд
Төгрөг цагаан өргөөндөө
Тавтай жарган суухын
Баттай ерөөлийг дэвшүүлэе!*
[МАЗТДБ 2011: 12].

Посреди прекрасного мирного нутука [кочевья],
В круглой белой юрте
Пусть живет счастливо и спокойно.
Надежный ерёл [за это] произношу
(перевод Е. Э. Хабуновой).

*Алтан хайчны амыг нээж
Амь насы нь даатгаж
Мөнгөн хайчны амыг нээж
Мөнх насы нь даатгаж*
[МАЗТДБ 2011: 118; МУАЗ 2011: 663].

Раскрыв золотые ножницы,
Вверяем им его жизнь.
Раскрыв серебряные ножницы,
Вверяем им его вечную жизнь (перевод
Е. Э. Хабуновой).

До сих пор калмыки, буряты и другие представители монгольского сообщества причину постигшей их неудачи или случившегося несчастья находят в несоблюдении ими народной традиции — начинать любое дело с ритуала благопожелания, содержание которого было строго привязано к конкретному случаю: отправление в дорогу, прием и проводы гостей, строительство дома, рождение человека, сватовство, получение приплода скота, приобретение новой вещи и т. д. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» несостоявшаяся женитьба, дорожные происшествия и лишения богатыря Хонгора также объясняются нарушением этого древнего обычая:

*Та залу баһь дүүвер цагтан
Замбъл Зандън Гэрэл күүкенде
Сишлэд мордъсан мэденте?
Гэрэ саамдан йөрэл уга болад,
Наааран һарад,
Эце хорвън сара хонъгте усън унд
уга болад, бээсен ...*
[Джангар 1978: 57]

Вы помните, как в своем юном возрасте
Отправились сватать девушку Замбал Зандан
Гэрэл?
Тогда не было произнесено благопожелание,
Поэтому вы оказались здесь
И три месяца находились без питья и пищи...
(перевод Е. Э. Хабуновой).

Благопожелания отражают особенности этнической культуры, быта и образа жизни монгольских народов, их представление об окружающем мире. Б. Н. Путилов «среди общих закономерностей, регулирующих отношения фольклора как искусства с миром действительности», отмечал необходимость учитывать связь фольклора с традиционным бытом, с народным опытом и народными представлениями, которые имеют «формульно-кодовый» характер [Путилов 1976: 203]. В этом смысле исследуемый фольклорный жанр как в функциональном, так и образно-содержательном плане представляет собой комплекс закодированных напутствий, полезных для любой жизненной ситуации. Традиционные благопожелания состоят из набора клишированных напутствий-пожеланий, воспроизводимых в стихотворной форме.

Как правило, они произносятся признанными *ероолчинами* в контексте ритуала, обрядовой церемонии с соблюдением правил традиционного этикета и знанием обрядовой специфики данного фольклорного жанра.

Тематика традиционных благопожеланий безгранична, так как она охватывает все аспекты жизнедеятельности человека от рождения до кончины. Искусный *ероолчин* всегда находит возможность выбрать нужную поэтическую формулу из комплекса клишированных традиционных пожеланий, обогатить его содержание

новыми важными аспектами, приукрасить свое пожелание выразительными поэтико-стилевыми приемами, актуализируя основные моменты совершаемого действия, события.

По набору клишированных формул можно легко определить тематику благопожелания и его назначение: по случаю рождения ребенка — пожелание скорейшей социализации (калм.: *киишнь акч, келнь шоратж* ‘пусть его пуповина затянется, а его ноги запыхаются’); в адрес молодой невесты — быть послушной и уважительной (калм.: «*ор*»! — *гихлэ, орж, «һар*»! — *гихлэ, һарч* ‘войди, если разрешат зайти; выйди, если прикажут выйти’); перед отправлением в дорогу — пожелание счастливого возвращения (калм.: *алтн жолалан зөв эргүлж амулң мөнд ирх болтн* ‘повернув золотые поводья, возвращайтесь в здравии и благополучии’) и т. д.

Благопожелания могут произноситься по случаю приобретения новой одежды, вещи, подарка, они многократно повторяются во время семейных и календарных обрядов, в процессе религиозно-культурной практики, смены места жительства и при многих других обстоятельствах. Каких-либо ограничений для их произнесения не существует, регламентируется лишь ритуальная часть церемонии благопожелания (адресность, последовательность его воспроизведения в соответствии с родовой или возрастной иерархией, предпочтение мужской половине, наличие ритуальной атрибутики и пр.).

Цель исследования — определить характер реализации мотива «здоровье» в благопожеланиях бурят, калмыков, монголов и синьцзянских ойратов, рассмотреть основу общих формул — пожеланий, направленных на обеспечение крепкого здоровья человеку с момента его рождения, на скорейшую и безболезненную социализацию, на его трудоспособность и полезность для семьи, рода, государства, показать связь благопожеланий с традиционной обрядностью монгольских народов.

2. Методы исследования

Исследование основано на материалах, выявленных из устных источников во время экспедиционной работы и из изданий, содержащих тексты традиционных благопожеланий. При анализе национальных текстов благопожеланий используется комбинация элементов различных методов (сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, элементы прагматического анализа и др.), важных для изучения характера репрезентации пожеланий здоровья в фольклорной традиции родственных народов (бурят, калмыков, монголов и синьцзянских ойратов), разделенных во времени и пространстве. В процессе записи и анализа полевого материала авторы исследования обращались к описательному методу.

3. Здоровье – главная ценность

Одной из особенностей благопожеланий, независимо от его основной темы, является обязательное пожелание здоровья и долгой продуктивной жизни для конкретного лица, для всего социума и всех живых существ. Несомненно, здоровье является наивысшей ценностью для всех народов, включая монгольские народы, кочевой образ жизни которых сформировал особые правила и комплекс важных наставлений, направленных на обеспечение мобильной и плодотворной жизни, которые нашли вербальное воплощение в фольклоре монгольских народов.

Жизненный опыт многих поколений и ценные знания, важные для здорового и продуктивного существования человека и социума, также нашли отражение в традиционных благопожеланиях, уникальных в своем многообразии и содержательности. В образцах благопожеланий российских калмыков, бурят и их зарубежных сородичей содержатся мудрые назидания, предостережения, указания и различные сведения о здоровье и жизни, об отношении к природе, а также советы, относящиеся к повседневной жизни людей, которые не потеряли своей актуальности.

Понятие здоровья у монгольских народов неотделимо от их представлений о счастье, о тесной связи человека с окружающим миром, о важности сохранения гармонии с природой. Благопожелания, наполненные таким смыслом, произносятся уже с первых дней жизни человека и многократно повторяются на протяжении всей его жизни (здесь и далее национальные тексты благопожеланий обозначены так: бурят (а), калмыков (b), монголов (с), синьцзянских ойратов (d).

а.

Арба хүрэжэ
Арюун нара хаража,
Хори хүрэжэ
Хонгёо дуугаа дуулажа,
Гуша хүрэжэ
Гургалдайн дууе шагнажа
Дүшэ хүрэжэ
Дүүрэн жаргал эдлэжэ ябагты < >
[УТБ 1990: 27–30].

До десяти лет дожив,
На чистое солнце смотря,
До двадцати лет дожив,
Звонко песни распевая,
До тридцати лет дожив,
Соловьиные песни слушая,
До сорока лет дожив,
Полное счастье испытайте...
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.

Өсч-босч, олна хормад багтж,
Шар нарн дор, көрстө назр деер
Шавшж урһж
[ПМА 2024: Инф. 1].

Пусть растёт и поднимается,
Распускается (подобно растению)
Под желтым солнцем,
На твердой земле
Пусть станет частью общества (перевод
Е. Э. Хабуновой).

Мысль о важности крепкого здоровья и полноценной жизни каждого человека до конца жизни присутствует практически во всех благопожеланиях. В этом аспекте не менее распространенными являются бурятские благопожелания юмористического характера, имеющие мудрый подтекст: *Зуу хүрэжэ, зумариин нүхэндэ торожо үхээрэй* ‘Желаю умереть, дожив до ста лет, споткнувшись об норку суслика’ (перевод Л. С. Дампиловой). Для кочевника является благодатью легкая смерть на ходу в родной местности, после достижения преклонного возраста, без болезней. Не надо путать их с формулой калмыцкого харала, имеющего противоположную семантику: *зу күрч, зуухд бүдрх бол* ‘желаю тебе дожить до ста лет и споткнуться об глинобитный очаг [делается на улице в летнее время], что равносильно пожеланию человеку одинокой старости [т. е. вынужден сам готовить себе еду]’.

4. Формула здоровья в благопожеланиях монгольских народов

Формула здоровья является обязательным компонентом благопожеланий, произносимых в адрес человека в первые дни и годы жизни, самые сложные для адаптации младенца к земной жизни и его социализации, как считали наши

предки. Не случайно, что в благопожеланиях данной тематики всегда упоминаются объекты культа. Эта особенность благопожеланий основана на вере людей в высшие силы, влияющие на судьбу человека, свидетельством чему являются поэтические формулы, присутствующие во многих образцах благопожеланий.

a.

Үндэр ехэ тэнгэри дор,
Үргэн ехэ дэлхэй дээрэ,
Үндэр ехэ бээтэй боложо,
Үргэн ехэ сээжтэй боложо, < >
Ябахатнай болтогой!
[ҮТБ 1990: 27–30].

Под высоким великим небом,
На широкой великой земле
Высокое большое тело обретая,
Широкую большую грудь обретая, < >
Прожить вам желаем!
(перевод Л. С. Дампиловой).

b.

Хан Теңһр хээрлж
Хамг бурхд евэж,
Шин һарсн мана му ач
Олна хормад багтж,
Ут нас наслж,
Бат кишг эдлж,
Һарнь һанзһд күрч,
Көлнь дөрэд күрч
[ПМА 2024: Инф. 1].

Пусть Небо-Владыка будет благосклонно.
Пусть все божества будут милостивы.
Только что родившийся наш «плохонький» внук
Пусть станет частью общества,
Пусть его жизнь будет долгой,
Пусть его счастье будет прочным.
Пусть руки до тороков дотянутся.
Пусть ноги до стремян дотянутся (перевод
Е. Э. Хабуновой).

d.

Нарн шинг герлгэ
Сар шинг мелһр болтха!
[ЦД 1997: 54].

Пусть будет лучезарным, как солнце,
Совершенным, как полная луна
(перевод Е. Э. Хабуновой).

В культуре монгольских народов пожелание здоровья равносильно желанию видеть в человеке полноценного члена общества (семьи, рода, страны), адаптированного к суровым условиям кочевой жизни, способного преодолевать трудности, трудоспособного и мобильного. Восприятие новорожденного как «неполноценного», «слабого», «чуждого», которому необходимо укрепнуть физически, прежде чем стать равноправным членом семьи и рода, отразилось в благопожеланиях, в них младенец определяется как нечто несовершенное (калм.: му ‘плохонький’, *некэн идэн* ‘плод в овчинке’, *жульжуха* ‘птенец’). Уменьшительно-ласкательные, немного принижающие ребенка эпитеты и прозвища у монгольских народов намеренно использовались для защиты детей от дурного глаза, злых духов [ПМА 2024: Инф. 1]. Считалось, что долгая и продуктивная жизнь, все материальные блага возможны только при наличии здоровья, основы которого закладываются с первых мгновений жизни человека, включая внутриутробный период, когда ответственность за здоровье ребенка, за его общепольность в будущем накладывалась на родителей и других членов рода.

a.

Ерэхэ бүримнай ехэ боложо,
Орохо бүримнай олон боложо,
Дүүнэрые дахуулжа,
Олониин оройлжа,

С каждым нашим приходом вырастая,
С каждым нашим приездом умножаясь,
Младших братьев и сестер приведи,
Многих людей собирая,

Түмэниие түрүүлжэ,
Абынгаа нэрэ нэрлуулжэ,
Арад зондоо алдартай хүбүүн
ябаарайш!
[ПМА 2024: Инф. 2].

Тысячами людей владея,
Восславляя имя отца,
Славу среди народа обретая, живи!
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.
Нэ, харсн му көвүнтн,
Кииснь акч, көльн шоратж,
Хэнэдн тома уга, менд өсж,
Ардан олин дүүнр дахулж,
Эк-эцкдэн, орн-нутгтан туста үрн
болж,
Өсж, эк-эцкиннь нер дуудулж ...
[ХҮХҮ 2018: 216].

У родившегося вашего «плохонького» сына
Пусть пуповина [быстро] затянется,
Ноги запылятся [быстро встанет на ноги].
Следом за ним пусть появятся младшие братья.
Пусть простуды и болезни минуют его.
Пусть принесет пользу своим родителям, своей
стране.
Пусть вырастет и прославит имя своих
родителей
(перевод Е. Э. Хабуновой).

В текстах благопожеланий константностью отличаются формулы, указывающие на общность представлений монгольских народов о хорошем здоровье. Безусловно, отсутствие болезней является основным критерием определения хорошего физического состояния человека как полноценной биологической особи. Веселье и радость в благопожеланиях представлены как признаки хорошего здоровья всех членов семьи.

а.
Энэ гэрсоотнай
Энеэдэн зугаа бү таһараг,
Үргэн богоһыетнай алхаж,
Үбшэ зоболон бү орог
[ҮТБ 1990: 21].

Пусть в доме вашем
Песни и смех не прерываются,
Широкий порог ваш перешагнув,
Пусть болезни и страдания не войдут!
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.
Гер бүлэрн амулнг менд,
Гем шалтг уга,
Хальдврта гем уга,
Ханядн тому уга,
Байрта-бахта, наадта-инядта,
Өнр-өсклң бээхитн
Олн бурхд хээрлх болтха!
[ПМА 2024: Инф. 1].

Всей семьей будьте здоровы и благостны,
Не зная болезней и недугов,
Не зная инфекционных болезней,
Живите без кашля и простуды,
Живите с наслаждением, радостно и весело,
Будьте многочисленны и живите в достатке.
Пусть все бурханы будут милостивы к вам!
(перевод Е. Э. Хабуновой).

В рассмотренных нами благопожеланиях внимание акцентируется на аспектах, передающих представление номадов о крепком здоровье, т. е. на тех качествах, которые воспитывают в нем воина и добытчика с первых лет жизни: «крепкий», «стойкий», «надежный», «нормальный человек», «счастливый человек», «благополучный человек» «долгожитель», «полезный человек», «полноправный член общества». Манифестация этих критериев отличается константностью во многих благопожеланиях, подтверждением чему служат текстовые совпадения поэтических формул:

а.
Хүн боложо,
Хүлөө шоройдожо,
Гараа ганзагада хүргэжэ,
Хүнэй хэмдэ хүрэжэ,
Хүлэгэй жолоо дүнгэжэ < >
Удаан жаргалтай ябаг
[ҮТБ 1990: 28].

Человеком став,
Ногами земли достигнув,
Руками до тороков дотянувшись, < >
Став полноценным человеком,
Крепко держа поводья коня, < >
Пусть имеет долгое счастье!
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.
Көлнь дөрэд күрэд,
Нарнь нанзһд күрэд,
Кииснь акад,
Көлнь һазрт күрэд,
Өсэд, өргэд,
Менд-амулңг йовад ...
[ХҮХҮ 2018: 216].

Ноги пусть дорастут до стремени,
Руки пусть дотянутся до тороков,
Пусть пуповина [быстро] затянется,
Пусть ногами земли достигнет,
Пусть жизнь его будет долгой,
Пусть растет и крепнет быстро
Пусть будет здоровым...
(перевод Е. Э. Хабуновой).

д.
Кииснь ажж
Көлнь шоратж,
Ут наста,
Удан жирһлтэ болж,
Амулңг эдлтхэ! [ЦД 1997: 58].

Пусть пуповина его затянется,
Пусть ноги его запылятся,
Пусть жизнь его будет долгой,
Пусть счастье будет продолжительным,
Пусть будет [он] благополучным!
(перевод Е. Э. Хабуновой).

Понимание здоровья как важного звена, объединяющего комплекс условий (наличие скота, многодетность, калорийная пища, добротная одежда, хорошие пастбища, результативная деятельность и т. д.), обеспечивающих благополучие человека в монгольском сообществе, демонстрируется во всех тематических группах традиционных благопожеланий монгольских народов:

а.
Хүрэгээрээ дүүрэн малтай,
Хотоороо дүүрэн хони ямаатай,
Ажалдаа амжалтатай,
Хүдэлһэн газартаа ямбатай
Үнэр баян жаргаг лэ!
[ҮТБ 1990: 109].

С двором, полным скота,
С загоном, полным овец и коз,
С успехом на работе,
С почетом на месте работы,
Пусть будет счастлив потомством!
(перевод Л. С. Дампиловой).

а.
Хоймороор дүүрэн хүүгэдтэй боложо,
Хоройгоор дүүрэн хонитой боложо...
Ябахань болтогой!
[Цыбикова 2016: 232].

С хоймором, полным детьми,
С загоном, полным овец...
Пусть пребудет!
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.
Бэрсн гернь бээшң болж
Бээсн бийснь өнр-өргн болж
[КНБ 2010: 73].

Пусть дом, построенный вами, будет дворцом,
Пусть семья, в нем живущая, будет
многодетной
(перевод Е. Э. Хабуновой).

в.
Өндр һазрт гертн дүнгэж
Өвстэ һазрт малтн идшлж
[КНБ 2010: 45].

Пусть на высоком месте дом возвышается,
В травянистом месте пасутся стада
(перевод Е. Э. Хабуновой).

b.

«Ях» гих өвчн уга
«Том» гих ханядн уга [КНБ 2010: 72].

Не было болезней, чтобы страдать,
Не было простуды и кашля
(перевод Е. Э. Хабуновой).

b.

«Йов» гих зарһ уга
«Ях» гих өвчн уга [КНБ 2010: 92].

Чтобы не было судебных тяжб.
Не было болезней, чтобы страдать
(перевод Е. Э. Хабуновой).

c.

Энэ зургаан зүйлийн мал нь
Зогсолтгүй өсөж зуун түм
Мятралгүй өсөж мянга түм болж
Эзэн нь эмгэггүй эрхэм сүрэг нь
гарзгүй
Төр улс нь бат, түмэн олон нь
амгалан байхын
Өлзийтэй ерөөлийг өргөн
дэвшүүлэе [МУАЗ 2011: 658].

Пусть скот шести видов
Без остановки растет и достигнет ста
туменов,
Без ущерба растет и достигнет тысячи
туменов,
Пусть хозяин будет без недугов, а его стада
— без падежа,
Пусть власть и держава будут крепкими,
Народ пусть пребывает в спокойствии,
Счастливый *ероол* произношу [для этого]
(перевод Е. Э. Хабуновой).

d.

У цаһан гертэ болж,
Олн цаһан малта болж,
Амулң эдлх болтха!
Көнжл дүүрң көвүдтэ болж,
Көңнэ дүүрң хурһ ишктэ болж,
Амулң эдлх болтха!
Уудгнь – өрмтэ, тоста цэ болж,
Ундгнь – усн жора мөрн болж,
Амулң эдлх болтха!
[ЦД 1997: 25–26].

Имея белое просторное жилище,
Многочисленный скот,
Пусть все пребывают в спокойствии!
Пусть детей будет много под одеялом,
Пусть ягнятами и козлятами будет полон
двор,
Напитком пусть будет чай с маслом и
сливками,
Средством передвижения пусть будет
иноходец!
(перевод Е. Э. Хабуновой).

В числе напутственных пожеланий, произносимых человеку перед дальней дорогой, выделяется мотив здоровья. Для кочевников было важно, чтобы человек был настолько крепок и здоров, чтобы преодолеть далекий путь без происшествий, без столкновений и преград, чтобы достичь желаемой цели и благополучно вернуться домой.

a.

Зориһон газартаа
Золтой ябагты,
Һанаһан газартаа
Һайхан хүрэгты [УТБ 1990: 140].

До места своей цели
Счастливо отправляйтесь,
До земли, о которой мечтаете,
Хорошо доезжайте.
(перевод Л. С. Дампиловой).

b.

Зууран гем шалтг уга,
Зовх зовлң уга,
Бүдрл-түршл уга,
Сансн санан бүтж,
Сәксн үүл күцж <,>
Алтн жолаһан зөв эргүлж,
Мөрнәнн чикнд нар урһаж,
Амулң-менд ирх болтн
[ПМА 2024: Инф. 1].

В пути пусть не будет болезни и страданий,
Пусть не будет препятствий,
Пусть задуманные планы осуществятся,
Пусть начатое дело свершится,
Возвращайтесь, повернув золотые поводья
[коня],
Возвращайтесь здоровым и безмятежным
[букв.: чтобы солнце сияло над ушами коня]
(перевод Е. Э. Хабуновой).

Следует добавить, что большое значение в деле сохранения здоровья придавалось религиозно-культовой практике. Обращение к богам, духам с мольбой о хорошем здоровье является обязательным компонентом благопожеланий. Подобными магическими заклинаниями часто завершается текст, «адресованный богам или духам (молитвы, призывания) и передаваемый в ходе отправления соответствующего ритуала» обычным человеком [Неклюдов 2019: 444].

Формулы мольбы и призывания, обращенные к духам местности, духам предков, Вечному синему Небу, божествам, небесным светилам, в благопожеланиях наделяются сакральным смыслом и верой в магию ритуального текста. Подобные формульные выражения зачастую требуют расшифровки, например, в бурятском благопожелании сакральные числа семь (луна) кодирует отцовское единокровное родство, восемь (солнце) обозначает материнское начало.

а.

Долоон тээгээ дүлэтэй,
Найман тээгээ нарагай
Байхатнай болтогой!
[ПМА 2016: Инф. 4].

С семи сторон с очагом,
С восьми сторон с солнцем
Пусть пребудете!
(перевод Л. С. Дампиловой).

б.

Зун нас наслж, зун хавр үзж, зун
намр үзж,
Үрглждэн эрүл-менд <◇
Амрад-жирхэд йовхичн
Би олн шар бурхдасн эрж суржанау!
Олн шар бурхд ора деерчн залрж,
Өмнк хаалхдчнь герл-гегэн болж,
Нөгцль болж, хөв кишг заяж йовхиг
би дурджанау! [ПМА 2024: Инф.3].

Я обращаюсь ко всем своим божествам желтой
религии с мольбой!
Чтобы вы прожили сто лет, увидели сто
весен, сто осеней!
Чтобы всегда были здоровы,
Чтобы были счастливы и жили спокойно!
Пусть все божества желтой религии
воссияют на вашей макушке,
Освещая вам дорогу и охраняя [вас]!
Призываю [богов], чтобы [они] Поддержали
[вас] и даровали [вам] счастье!
(перевод Е. Э. Хабуновой).

Олн деедс!
Олн Тенгрин бурхд!
Мана сэкүсн!
Цаһан Аавин сэкүсн!
Долан Бурхд, дэрк, туслх болтха,
хээрхн!
[ХҮХҮ 2018: 241].

Все небожители!
Бурханы всех Тенгри!
Наш дух-защитник!
Дух Белого старца!
Семь божеств, [богиня] Тара!
Пусть покровительствуют и будут
милостивы!
(перевод Е. Э. Хабуновой).

5. Заключение

Рассмотренные благопожелания позволяют отметить, что здоровье занимает доминирующую позицию в системе жизненных ценностей монгольских народов, состоянием здоровья человека отмеривается уровень его благосостояния и степень его социальной активности.

Мотив здоровья составляет основу многих благопожеланий бурят, калмыков, монголов и синыйцзянских ойратов, его текстовая реализация в виде поэтических формул демонстрирует значимость благопожеланий как ритуальных текстов, наделенных магической силой.

Рассмотренные благопожелания показывают, что представление монгольских

народов о здоровом человеке приравнивается понятиям: «крепкий», «полноценный», «полноправный член общества», «нормальный человек», «счастливый человек», «благополучный человек» «долгожитель», «полезный человек», «стойкий», «надежный». Они также указывают на общие корни традиционной обрядности бурят, калмыков, монголов и синыхзьянских ойратов, в которой жизнь и здоровье человека виделись как неотъемлемая часть окружающего мира.

Полевые материалы авторов

- ПМА 2024: Инф. 1 — Э. Т. Э., 1952 г. р. Баг дёрвюд. Записано Е. Э. Хабуновой, г. Элиста, 2024 г.
 ПМА 2024: Инф. 2 — Б. Л. Б., 1951 г. р. Хори-бурят. Записано Л. С. Дампиловой, г. Улан-Удэ, 2024 г.
 ПМА 2024: Инф. 3 — Д. Т. В., 1934 г. р. Баг дёрвюд. Записано Т. А. Макаровой, с. Троицкое Республики Калмыкия, 2024 г.
 ПМА 2016: Инф. 4 — Б. С. Ц., 1924 г. р. Род шубтэхэй шоно. Записано Л. С. Дампиловой, 2016 г., с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия.

Authors' Field data

- Informant 1: E. T. E., b. 1959. Ethnic Dorbet (Baga Dorbet). E. Khabunova (rec.) in Elista, 2024. (In Kalm.).
 Informant 2: B. L. B., b. 1966. Ethnic Khori-Buryat. L. Dampilova (rec.) in Ulan-Ude, 2024. (In Buryat.).
 Informant 3: D. T. V., b. 1934. Ethnic Dorbet (Baga Dorbet). T. Makarova (rec.), in. Troitskoe, Republic of Kalmykia, 2024. (In Kalm.).
 Informant 4: B. S. Ts., b. 1924. Ethnic Shubtehey Shono. L. Dampilova (rec.) in v. Bayangol, Republic of Buryatia, 2016. (In Burayt.).

Литература

- Бардаханова 1982 — Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1982. 208 с.
 Борджанова 2007 — Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 587 с.
 Дампилова 2012 — Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
 Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос: в 2 тт. Т. 2 / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, 1978. 416 с.
 КНБ 2010 — Калмыцкие народные благопожелания / сост. М. Э.-Г. Эрдни-Горяев. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с.
 Кульганек 2010 — Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 240 с.
 МАЗТДБ 2011 — Монгол аман зохиолын тайлбарт дээж бичиг. Эмхэтгэсэн Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: ШУА-йн Хэл зохиолын хүрээлэн. «Тод бичиг» хэвлэлийн газар, 2011. 744 х.
 МУАЗ 2011 — Монгол урианхайн аман зохиол. Эмхэтгэсэн Б. Катуу / ред. Д. Цэрэнсодном. Монгол аман зохиолын чуулган цуврал-XXXVII. Улаанбаатар: Арвин судар, 2011. 712 х.
 Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
 Путилов 1976 — Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 242 с.
 Тодвийн Жамцо 1990 — Тодвийн Жамцо. Өөрдин йөрэлин туск шинжлт. Өөрдин судлал. Үрмч, 1990. С. 63–75.
 УТБ 1990 — Үрээл тогтохо болтогой! С. Бабуев суглуулан согсолбо. Улаан-Удэ: Буряад номой хэблэл, 1990. 160 х.
 Хабунова 2005 — Хабунова Е. Э. Нулмт. Хальмгудын эмдрлин эргцин заң-үүл болн амн

- үүдэвр (= Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). На калм.яз. Элиста: Джангар, 2005. 208 с.
- Хабунова 2022 — *Хабунова Е. Э.* Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–416. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-416
- Ханинова 2022 — *Ханинова Р. М.* Жанр йорял в калмыцкой поэзии XX в. (по материалам газетной периодики 1930–1940-х гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 397–413. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413.
- ХҮХУ 2018 — Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураңгу материал (= Истина старины глубокой. Коллекция экспедиционных материалов) / сост., автор вступит. статьи на калм. яз. Е. Э. Хабунова. Элст: НПП «Джангар», 2018. 316 с.
- ЦД 1997 — Цацлын дееж. Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хурмин йосн: сборник (=Заздравное слово): сост. Н. Содмон. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 176 х.
- Цыбикова 2016 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

References

- Babuev S. (comp.). May the Benevolence Come True! Ulan-Ude: Buryat Nomo Publishing House, 1990. 160 p. (In Buryat)
- Bardakhanova S. S. Small Genres of Buryat Folklore. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1982. 208 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 587 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Shamanic Chants of Buryats: Symbols and Poetics. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. 263 p. (In Russ.)
- Dzhangar. Kalmyk Heroic Epic: in 2 vols. Vol. 2. A. Kichikov (comp.); ed. G. Mikhailov (ed.). Moscow: Nauka, 1978. 416 p. (In Kalm.)
- Erdni-Goryaev M. (comp.). Kalmyk People's Wishes. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2010. 160 p. (In Kalm.)
- Katuu B. (comp.), D. Tserensodnom (ed.). Folklore of the Mongolian Uriankhai People. Ulaanbaatar: Arvin Sudar, 2011. 712 p. (In Mong.)
- Khabunova E. E. The Hearth. Rituals and Ritual Folklore of the Kalmyks' Life Cycle. Elista: Dzhangar, 2005. 208 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. (comp.). The Truth of Profound Antiquity. Collection of Expedition. Elista: Dzhangar, 2018. 316 p. (In Kalm.)
- Khaninova R. M. The Genre of Yöräl in the 20th Century Kalmyk Poetry: analyzing newspaper materials of the 1930s–1940s. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 397–413. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413. (In Russ.)
- Kulganek I. V. Mongolian Poetic Folklore: problems of study, collections, poetics. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2010. 240 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Methodology of Comparative Historical Study of Folklore. Leningrad: Nauka, 1976. 242 p. (In Russ.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 176 p. (In Kalm.)
- Todviin Zhamtso. A Study of Oirat benevolence. *Öördin sudll* (Oirat studies). Urmch, 1990. Pp. 63–75. (In Mong.)
- Tserensodnom D. (comp.). Samples of Records of Mongolian Folklore. Ulaanbaatar: Tod Bichig, 2011. 744 p. (In Mong.)
- Tsybikova B.-Kh. B. Folklore of the Shenekhen Buryats. Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2016. 312 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2024. Т. 16. № 2

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 07.11.2024. Формат 70х108^{1/16}.
Усл. печ. л. 20,91. Тираж 100 экз. Заказ 10-24.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8